

II-10.
Р-155.

ОП

РЕПЕРТУАРЪ И ПАНТЕОНЪ ТЕАТРОВЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ И. Песоцкимъ, подъ редакціею Ф. А. Кони.

7964.
7963. 7014.

—
1847.

—
—

ТОМЪ ТРЕТИЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Штава Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи,
ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.

Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. Луначарского
ТЕАТР ДРАМЫ

СНАУЧНЫЙ
ДИЛОВЫЙ
ЖУРНАЛ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ
установленное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 20 января 1847 года.

Цензоръ А. Никитенко.

РЕPERTУАРЪ
И
ПАНТЕОНЪ
ТЕАТРОВЪ.

1847.

III.

Редакторъ: Ф. А. Кони.

Издатель: П. Песоцкий.

САНКТИТЕРБУРГЪ.

СОДЕРЖАНИЕ.

отъ РЕДАКЦИИ.

№ 3.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

<i>Майко.</i> Драма въ трехъ дѣйствіяхъ Соч. <i>Н. Беклемищева</i>	1 44
--	------

ПАНТЕОНЪ ТЕАТРОВЪ.

I. МАРКИЗЪ де-СЕНСЕРЪ. Исторический романъ	1
II. СТИХОТВОРЕНИЯ.	
1. Весна на Югѣ. <i>A. Фета</i>	132
2. «Свѣжъ и душистъ твой вѣнокъ!» <i>Его же</i>	133
3. Ночь. <i>П. Гончарова</i>	133
4. Миѣ грустно. <i>Н. Грекова</i>	135
5. Изъ Мура. <i>Его же</i>	136
III БИОГРАФІИ.	
Донъ Педро Кальдеронъ де-ла Барка; испанскій драматургъ.— Статья <i>Дама-Гинара</i>	137
IV. МУЗЫКАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.	
Петербургскіе концерты. Введеніе: музыкальность Петербурга.	
Музыкальная критика. Значеніе концертной музыки	1
Концерты: <i>Гектора Берліоза</i>	18
— <i>Блаза и г-жи Мерти</i>	39
— <i>Г-жи Кристіані</i>	44
— <i>Эриста</i>	47
— <i>Остальныхъ артистовъ</i>	49
Статья <i>Ф. А. Коши</i> .	
V. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.	
Франція.— «Королева Марго»— Александра <i>Дюма</i> ;	
«Крестникъ всего свѣта»— Эмиля <i>Сувестра</i> ;	
«Старецъ горы»— Сент-Ібара;— «Ландскнехтъ»	
Леона <i>Лайя</i> ; «Ирина или магнетизмъ»— <i>Скриба</i> .	61
VI КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.	
1. <i>Берлинъ</i> .— «Струэнзе», трагедія <i>Михаила-Бера</i> , съ музыкою <i>Майера-Бера</i>	63
2. <i>Копенгагенъ</i> .— «Амлетъ», трагедія <i>Адама-Элленшлагера</i>	72
3. <i>Константинополь</i> .— Итальянская опера; Турецкая сцена; пожаръ театра; величія учрежденія сул- тана Абдулъ-Меджида.— <i>P. И-и-к...</i>	77
VII. СМѢСЬ.	
Анекдотъ, разсказанный Берліозомъ.— Великій пѣвецъ въ за- родыши.— Англійскій планъ воспитанія.— Печальная участіе ве- ликаго артиста.— Пожары театровъ.	
Новости літературныя.	
Разныя разности.	
Закулисныя тайны.	

РЕШЕРТУАРЬ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

М А Й К О.

Драма въ трехъ дѣйствіяхъ.

Н. БЕКЛЕМИШЕВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

ВАХТАНГЪ, князь грузинскій.

ЛЕВАНЪ, другъ его.

ЭЛИКО.

ІОЗЕПЪ.

ПАСВАНЪ.

КЕЛИМЪ.

ГРИГОРІЙ.

ГЕКІМЪ.

ГИГО, грузинскій купецъ, женихъ Майко.

КЕКЕЛА.

МАЙКО, дочь ея.

МАРѢЛ, старуха.

ОКРУЖНОЙ.

СЕКРЕТАРЬ.

ЧИНОВНИКЪ.

АДВОКАТЪ.

МАЛЬЧИКЪ.

БИЧО.

СУДЬИ, гости Левана, народъ.

Молодые грузинцы.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Я В Л Е Н И Е I.

Майко (одна въжетъ кошелекъ).⁴

Что такъ долго не идетъ Гиго? Скоро матушка воротится изъ церкви, а Гиго все нетъ, какъ нетъ... Я люблю моего Гиго, я только и счастлива, когда онъ со мною, когда гляжу ему въ очи, любуюсь его длинными кудрями... Но онъ такъ рѣдко бываетъ дома; цѣлый день все въ лавкѣ. Ну, если и послѣ свадьбы онъ будетъ такъ же оставлять меня одну! Боже мой! при одной этой мысли я готова заплакать! А!... я слышу моего Гиго; спрячу поскорѣе работу, чтобъ онъ не увидалъ: на-дняхъ его рожденіе—и я подарю его этимъ кошелькомъ.

Я В Л Е Н И Е II.

Гиго, Майко.

гиго (входя). Здравствуй, Майко!

майко. Это ты, Гиго? насили я дождалась тебя,— я проглядѣла всѣ окошки; бывало, утромъ навѣдаешься раза три, а теперь ждешь, ждешь,— и только обѣдъ зазоветъ тебя домой.

гиго. Радъ ли я самъ моимъ заботамъ? весь этотъ хламъ, шелкъ, золото, я охотно отдалъ бы за одинъ взглядъ твой, за одну улыбку.—А гдѣ Кекела?

майко. Матушка не приходила еще изъ церкви. Гиго, прости меня за несправедливый упрекъ, но я тебя такъ люблю....

гиго, (взял ее за руку). А я, Майко, разве я тебя не люблю? и могу ли я тебя не любить, Майко? Ты дочь торгаша, того почтеннаго старика, который принял меня спроту къ себѣ въ домъ, заботился обо мнѣ, какъ о родномъ сынѣ, и, умирая, завѣщалъ твоей матери: когда наступитъ твоя шестнадцатая весна выдать тебя замужъ за меня. Послѣднія слова умирающаго отца твоего были благословеніе на будущій нашъ бракъ, послѣднее движение его было знаменіе креста, которымъ осенилъ онъ насть.

майко (бросается въ объятия Гиго). О, вѣрю, Гиго, вѣрю!... Я такъ счастлива твою любовью, что—знаешь ли—мнѣ иногда бываетъ страшно... если ты...—о! мнѣ страшно выговорить — меня разлюбиши?.. Я не снесу твоей холодасти, — я сойду съ ума?

гиго. Ради Бога, не говори мнѣ этого, Майко... мнѣ разлюбить тебя, мою радость, мою жизнь, вѣтъ, Майко, скажи лучше, скоро ли наша свадьба?..

майко. Еще десять разъ взойти этому мѣсяцу на небо, пока я назову тебя моимъ.

гиго. О, какъ еще долго.

майко. Гиго, ты нетерпѣливъ, счастіе наше такъ близко...

гиго. Знаю, но я желалъ бы ускорить его... и какъ не жалѣть?.. теперь я ишу случая, чтобы украдкой поцѣловать тебя (цѣлуясь ей.) Начнемъ ли говорить—присутствіе твоей матери останавливаетъ слова мои; мнѣ хочется, чтобы никто не слышалъ ихъ, кромѣ тебя... А когда ты будешь мою, тогда я могу говорить все, что шептываетъ мнѣ моя любовь, могу цѣловать тебя, лѣбѣть, потому что я тогда безраздѣльно твой, а ты безраздѣльно моя.

майко. Да, да! твоя; я горжусь тобою, Гиго; ты такъ хороши, что всѣ подруги мнѣ завидуютъ; изъ нихъ любая отдала бы свой лучшій кушакъ за одинъ твой взоръ и, при встрѣчѣ съ тобою, забывъ законы приличія, отбросила бы чадру съ лица.

тиго. Что мнѣ до нихъ! одну тебя я люблю, Майко.

Я В Л Е Н И Е III.

Прежние и Кекела.

ГИГО. А вотъ и матушка!
КЕКЕЛА. А, вы опять вмѣстѣ и нашептываете другъ другу
сладкія рѣчи!

МАЙКО. Онъ только сейчасъ вошелъ.

КЕКЕЛА. Сейчасъ вошелъ! а тебѣ хотѣлось бы, чтобы Гиго
бросилъ свои занятія и сидѣлъ цѣлый день возлѣ тебѣ?

МАЙКО. На Гиго грѣхъ жаловаться, матушка: цѣлый день
онъ въ хлопотахъ и все это для насть; сдва обѣдъ да ужинъ
вызываютъ его домой, да и то на короткое время.

КЕКЕЛА. Я и не думаю пѣнить на Гиго: Гиго вполнѣ оправ-
далъ довѣренность моего старика; онъ такъ почтителенъ ко
мнѣ.

МАЙКО. И такъ любитъ меня.

КЕКЕЛА. Дай Богъ вамъ счастія да любви! мнѣ, старухѣ,
остается не долго жить на бѣломъ свѣтѣ, — годъ, другой, а
тамъ на вѣчное житѣе—въ могилку.

ГИГО. Полно-те, матушка; вы еще поживете, полюбуетесь на
наше житѣе, мы съ Майко будемъ покончить вашу старость.

КЕКЕЛА. Не мало пожила я на свѣтѣ — и мнѣ не жаль раз-
статься съ жизнью, потому-что, умирая, возму въ гробъ съ
собою увѣренность, что ты, Гиго, составиши счастіе моей Майко.

МАЙКО. Перестаньте говорить объ этомъ.

КЕКЕЛА. Да и точно; за чѣмъ передъ радостью пророчить горе?
поговоримте о чѣмъ-нибудь другомъ. Ну, Гиго, скажи мнѣ что
новаго?

ГИГО. Что новаго? наѣхали купцы, навезли всякихъ това-
ровъ, на полѣ разбиваются шатры и палатки и разкладываютъ
товары и завтрашней ярмаркѣ.

КЕКЕЛА. Да, да! я и позабыла, что завтра ярмарка, а
подруги твои, Майко, просили меня отпустить тебѣ съ ними, и
я за тебѣ дала слово. Поѣзжай, повеселись; тамъ будетъ тебѣ
весело, а то ты и такъ все сидишь дома; поѣзжай, Майко.

МАЙКО. А ты, Гиго, поѣдешь со мною?

ГИГО. Съ тобою? да развѣ я могу оставить дѣло? Хоть и
сладко было бы мнѣ полюбоваться на удовольствіе моей Майко,

да что же скажутъ про меня всѣ знакомые, что скажетъ и матушка, когда я въ леѧнъ ярмарки пренебрегу выгодами, которыя могу доставить и ей и тебѣ?

майко. Если такъ, Гиго, то и я не поѣду. — Что за веселье безъ тебѣ? мнѣ будетъ скучно, а лучше останусь дома.

гиго. Нѣтъ, Майко, нѣтъ! я самъ прошу тебя—поѣзжай; я буду доволенъ мыслю, что моей Майко теперь весело.

майко. О, какъ ты добръ, Гиго! а вы, матушка, вѣдь также поѣдете съ нами?

кекела. Я? нѣтъ, Майко! мнѣ что-то нездоровится, да и куда старухъ тащиться? Ты поѣдешь съ своими подругами и съ моей старой пріятельницей, Фатъмою; завтра поутру заѣдуть они за тобою и вы всѣ вмѣстѣ отправитесь на ярмарку. Ну, какъ же ты одѣнешься, Майко? тамъ будетъ столько народу, что невѣстѣ Гиго стыдно было бы быть одѣтой хуже другихъ.

майко. Я надѣну голубую кебу, которую подарилъ мнѣ недавно Гиго, серебряный поясъ и бѣлую чадру.

гиго. Постой, Майко, въ числѣ другихъ товаровъ я получила такой... да ты сама сейчасъ увидишь... (*хочетъ идти*).

майко. Куда же ты бѣжишь, Гиго?

гиго. На одну минуту—къ себѣ въ лавку; я хочу подарить тебѣ... О! какъ хороша ты будешь, Майко, въ новомъ нарядѣ! (*убѣгаетъ*).

Я В Л Е Н И Е IV.

Прежніе кромъ, Гиго.

майко. Знаешь ли, матушка, мнѣ въ—самомъ—дѣлѣ что-то не хочется на ярмарку; только что вспомни, что завтра ѿхать—сердце замретъ и какъ будто шепчетъ и предостерегаетъ: не ѿзди, Майко, не ѿзди!

кекела. Полно, дитя мое, ты совсѣмъ одичала, сидя все дома, ты ужъ боишся и въ люди показаться. Посмотрѣла бы ты, какъ радостно собираются твои подруги.

майко. Онѣ уверены, что имъ будетъ весело.

кекела. И тебѣ будетъ весело!.. да и нельзя скучать на ярмаркѣ; ты ни разу не была, потому и не знаешь. Подумай! на-

роду бездна, все веселы, разодыты, звучит чангуръ, зьется пъсня слѣпаго пѣвуна, а вокругъ, на быстрыхъ коняхъ, весело скачутъ и танцуютъ наездники, помахивая пестрыми значками.

— Да накрываютъ ка столъ, вѣдь Гиго пошелъ не далеко.

майко. Да, только до лавки....

кекела. Принести тебѣ подарокъ къ празднику; знаю, знаю, что онъ только обѣ тебѣ думаетъ (*Майко накрываетъ столъ*). Была и я моложе; помню, отецъ твой въ первый разъ увидѣлъ на ярмаркѣ меня... Да кто это стучится, посмотрюка въ окно.

(*Стукъ у двери*).

майко. Это старушка, Марта.

кекела. Что же, отвори ей.

майко. Кчему?.. Послушай, что во всемъ сосѣствѣ говорятъ про Марту:—она сплетница, любить клеветать и злословить, и какъ, черный воронъ, приносить несчастіе своимъ прихоломъ.

кекела. Полно, Майко, ты ее не любишь, да и только.

майко. Правду ли говорять, что она колдунья — не знаю; только, когда она возметъ меня за руку, мнѣ становится, какъ-то холодно на сердце, а поѣздуетъ она меня ледяными, мертвыми губами, то, мнѣ кажется, что холодная змѣя обвилась около меня и впустила свое жало.

кекела. Да нельзя же не пустить сосѣдку, слышишь она стучится? Майко, отвори ей.

Я В Л Е Н И Е V.

Прежня и Марта.

МАРТА. А, моя ласточка! На силу-то отклинулась? (*цѣлуетъ ее*) Да какъ ты похорошѣла, щеки твои разцвѣли, какъ розы весною, а глазки, словно звѣзды предъ разсвѣтомъ, играютъ тихо и сладко, и какъ будто ждутъ, что скоро ихъ смынитъ другой свѣтъ и блескъ и онъ промѣняютъ свои холодные, серебряные лучи на горячіе, золотые лучи солнца.

майко. Ты вѣчно, Марта, съ заученными словами: вѣдь ты разговариваешь, а не пѣсню поешь.

МАРТА. А, можетъ быть, Майко, моя пѣсня и тебѣ полюбится. Здравствуй, Кекела! и ты что-то непривѣтлива.

КЕКЕЛА. Здравствуй, сосѣдка! присядь!—Я тебѣ рада.

МАРТА. Рада?—не правда,сосѣдка, ты мнѣ не рада, хотя и должна бы радоваться. Ведь радуется земля, изсушеннай солнцемъ, когда благотворный дождь ее освѣжитъ; радуется путникъ, когда, уставши и утомясь отъ зною, онъ находитъ тѣнь широкаго дерева и отдыхаетъ подъ нимъ. Что же ты молчишь, Майко?.. ты—благотворный дождь, который освѣжаетъ воздухъ, въ которомъ живеть твоя мать, ты—прохладная тѣнь, подъ которой она успокоится отъ долгаго пути.

МАЙКО. Марта! слышу слова и ничего не понимаю, ты больше жила и видѣла, матушка понимаешь ли ты, что она хочетъ сказать?

КЕКЕЛА. Нѣтъ! и я не понимаю.

МАРТА. Ну, такъ послушай же мою басенку: стояла на поля старая орѣшина, безъ воли и холи, всѣми заброшенная: и солнце печеть ее и дождь мочить; и вотъ нечаянно свилъ себѣ на ней гнѣзда молодой соловей, поетъ онъ въ пустынѣ, а пѣсня далеко слышина. Шелъ охотникъ поохотиться, услышалъ пѣсню соловьиную, подошелъ къ дереву, сталъ слушать и заслушался.

КЕКЕЛА. Хитра рѣчь твоя, Марта,—да конца въ ней не видно.

МАРТА. Э! сосѣдка! рѣка и дальше течетъ, и все ей конецъ есть; дослушай меня: вотъ охотникъ говоритъ орѣшинѣ: отпусти свою жилицу на житѣе—бытье ко мнѣ, — не въ пустынѣ звучать ея пѣснамъ, не по сухимъ твоимъ вѣтвямъ порхать ей: отпусти. Я посажу ее въ золотую клѣтку, или въ садъ цвѣтующій—и все будутъ любоваться птичкой и ея пѣсенками, а тебя, старое дерево, успокою на старости, освѣжу и согрѣю лучше солнышка, полью дождикомъ изъ чистаго золота.

МАЙКО. Матушка! не доброе что-то хочетъ сказать она.

КЕКЕЛА. Что ты боишся, Майко? Развѣ ты не знаешь, что Марта—сказочница, услыхала новую сказочку и пришла ею настѣ потѣшить. Что за смыслъ въ старой орѣшинѣ, молодомъ соловѣи золотомъ дождикѣ—золотыхъ дождей не бываетъ.

МАРТА. А посмотри, какъ этотъ дождь накрапываетъ. *(высыпаетъ червонцы.)*

МАЙКО. Посмотри, матушка... Золото! Что это такое?

КЕКЕЛА. Золото! Что это значитъ, Марта?

МАРТА. Что это значитъ!.. То-то, сосѣдка Кекела, не люби-

ла ты старой Марты; не добро говорила про нее, а эта самая Марта приносить тебе и богатство и счастье.

КЕКЕЛА. Какое богатство? { вмѣстъ.
МАРТА. Какое счастіе?

МАРТА. (*Майко*). Пой, пой, мой соловушка! Скоро запоешь еще звучнѣе, коли мать твоя съ умомъ... А ты, Кекела, достигла до старости, а все безпамятна. Слушай же, я разтолкую тебѣ мою басню: ты—орѣшина, у тебя живеть соловушко—дочь твоя, и услыхалъ и увидаль ее князь Вахтангъ.

МАЙКО. О, Боже мой! Такъ за тѣмъ-то онъ ходилъ такъ часто около нашего дорбаза и, поровнявшись, смотрѣлъ на меня такими глазами, что мнѣ становилось стыдно и я, краснѣя, спѣшила уйти.

МАРТА. А! задумалась, да и есть о чемъ; богатъ, именитъ князь Вахтангъ... сколько у него добра и золота!...

КЕКЕЛА. Что жъ за дѣло?! Его золото—не наше. Марта, я тебя не понимаю! (*Гиго, входя, останавливается въ дверяхъ*).

МАРТА. Захочешь—и оно будетъ твоимъ; полюбились Вахтангу очи твоей Майко, сохнетъ онъ по ней; отпусти ему свою дочь—и онъ осыплетъ васъ золотомъ, и съ той поры пойдетъ вамъ талантъ и счастіе.

МАЙКО. Матушка! Развѣ ты не угадываешь, что она хочетъ сказать? Развѣ ты торгуешь мною, продаешь меня? О! ведаромъ говорила я, что это змѣя ползетъ на пасъ.

МАРТА. Глупенькая! Жаль матъ тебя, — ты еще не знаешь цѣны золота, на него можно купить и любовь и счастіе и всѣ блага міра. Вахтангъ богатъ, знатенъ, у него ты будешь жить такъ, что княжны будутъ тебѣ завидовать. Разсуди, Майко, какая разница между Вахтангомъ и твоимъ женихомъ? Одинъ,—князь, другой—купецъ; одинъ богатъ, другой бѣденъ! Согласись, Майко, и повѣрь, что тебѣ самой будетъ стыдно, какъ у тебя въ повелїи будутъ десятки рабовъ, изъ которыхъ ни одинъ не уступитъ Гиго, котораго отецъ твой Христа ради поднялъ на улицѣ.

МАЙКО. Зачѣмъ Гиго здѣсь пѣть! онъ заставилъ бы тебя молчать.

Я В Л Е Н И Е VI.

Прежниа и Гиго.

гиго. Успокойся, Майко, я здѣсь! А! проклятая, ты не знала, что этотъ бѣднякъ—премышль слышалъ твоя отвратительныя слова, безчестныя предложенія, что онъ выбросить тебя за порогъ этого дома, который ты хотѣла запятнать позоромъ и безчестіемъ! Твой Вахтангъ, говоришь ты, богатъ, могучъ, силенъ, да знаешь ли ты, старая шакалка: чтобы ни было тотъ че-ловѣкъ, который осмѣлится похитить у меня Майко,—я разтер-заю его, размѣчу прахъ его по полю, а кости разбросаю соба-камъ; онъ благороденъ, говоришь ты, а цѣною золота хочетъ купить любовь Майко!. Да развѣ ты не знаешь, старуха, что за эту любовь я готовъ по каплѣ источить всю кровь своего сердца, готовъ загубить свою душу! Неужели, проклятая кол-дунья, кровь и душа моя дешевле ничтожнаго, грязнаго золо-та твоего Вахтанга?

БЕКЕЛА. А я слушала, слушала, и все не понимаю, къ чему клонить она рѣчь свою? Вонъ изъ нашего дома! Чтобъ сльдъ твой заросъ крапивою!

МАРТА. Какъ? и ты противъ меня?

гиго. А развѣ ты думала, что мать согласится продать свою дочь? что золото твое ослѣпитъ ее? ты по себѣ судила, про-дажная душа! Вонъ отсюда, или я убью тебя на этомъ же мѣстѣ!..

МАЙКО (бросается къ Гиго). Гиго! ради Бога, успокойся.

МАРТА (въ дверяхъ). Да будетъ же проклятие надъ вашимъ домомъ и надъ всѣми вами, до послѣдняго колѣна! Я отрясаю съ ногъ моихъ пыль на порогъ вашего дома, и помните, да поростетъ порогъ вашъ крапивою и терніемъ, да исполнится мое проклятие, и какъ сокрушительный громъ, пойдетъ изъ ро-да въ родъ въ вашемъ потомствѣ и будегъ разить васъ! Не-счастіе, какъ тѣнь, будетъ слѣдовать за вами шагъ за шагомъ! Пусть земля не дастъ вамъ пріюта и пусть голодные шакалы разроютъ ваши могилы и разнесутъ ваши кости на чужія зем-ли. (Уходитъ).

Я В Л Е Н И Е VII.

Гиго, Кекела и Майко, (*Минутное молчание. Гиго ходитъ большими шагами по комнатѣ.*).

майко. Минь страшно, матушка! Не ужели сбудутся предсказанія этой злой вѣщуны.

кекела. Полно, дитя мое; небо не слушаетъ неправедныхъ проклятій.

гиго, (*увидѣвъ золото*). Что это? Золото!.. Плата за безчестіе Майко и за мое несчастіе! (*выбрасываетъ въ окно*). Возьми свои деньги. Да лягутъ они свинцомъ на твою душу!

майко. Гиго, успокойся! Развѣ пустыя слова бездушной старухи могутъ поколебать любовь мою къ тебѣ?

гиго. Вѣрю, Майко, вѣрю. Я вполнѣ убѣженъ въ твоей любви, но, согласись, какъ больно и грустно было мнѣ слушать, когда при мнѣ оцѣняли честь твою... Знаешь ли, Майко,—одна мысль, знаю, что не сбыточная, но одна мысль, что ты могла бы измѣнить моей любви и твоимъ клятвамъ можетъ свести меня въ могилу. Я дорожу тобою, дорожу, какъ скучецъ зарытымъ своимъ сокровищемъ! И отнять тебя у меня?

кекела. Перестаньте, дѣти мои!

гиго. Какъ былъ я весель за полчаса, съ какою радостію спѣшилъ порадовать новымъ поларкомъ мою Майко, какъ хорошо мнѣ казался этотъ лечакъ—примѣръ его Майко.

майко, (*беретъ личакъ неохотно*). Благодарю, Гиго; онъ мнѣ не нуженъ, я не поѣду.

кекела. Полно ребачиться, поѣзжай!

гиго. Ты такъ хороша! Этотъ лечакъ такъ пойдетъ къ тебѣ.

кекела. Притомъ же, я дала слово, Фатъмъ отпустить тебя съ нею на ярмарку, поѣзжай! Разсыпайся, посмотри на людей, покажи себя — пусть добрые люди полюбуются тобою. Вѣдь не всѣ—же Вахтанги.

гиго, (*прерывая*). Матушка! что же, если ей не хочетсяѣхать? (*успокоившись*). Нѣтъ, Майко, поѣзжай! Дай мнѣ слово, что ты поѣдешь, (*беретъ ее за руку*).

(*Слышеніе за дверями голосъ*).

гиго. А! это голосъ Бично ..

Я В Л Е Н И Е VIII.

Прежние и Бичо.

гиго. Что тебѣ?

бичо. Русскому окружному понадобились какие-то товары; онъ ждетъ тебя у твоей лавки,—ступай скорѣе!

гиго. Спасибо, Бичо! Бѣги впередъ и скажи, что я сейчасъ булу. (Бичо уходитъ).

Я В Л Е Н И Е IX.

Прежние, кромѣ Бичо.

кекела. А обѣдъ нашъ?

тиго. Не хочу, матушка!

кекела. И мнѣ что-то нехочется; сосѣдка наша такъ меня разстроила, надо мнѣ старухѣ отдохнуть. (уходитъ)

гиго (беретъ шапку). До свиданія, Майко!

майко (подходитъ къ Гиго). Прощай, Гиго!

гиго, (цѣлуетъ ее). Прощай, моя радость.

майко. До вечера.

Я В Л Е Н И Е X.

Майко (одна).

Бѣдный Гиго! какъ онъ встревоженъ! Когда онъ цѣловалъ меня, я замѣтила слезы на его глазахъ. О! зачѣмъ онъ не князь, никто бы не осмѣлился беспокоить его, и на глазахъ его я не видала бы этихъ слезъ. Но отчего же мнѣ такъ скучно? я люблю его, онъ любитъ меня,—а слезы такъ просятся изъ глазъ, и кто-то шепчетъ мнѣ, что онъ скоро польются широкимъ ручьемъ.

Я В Л Е Н И Е XI.

Майко, Вахтангъ.

майко (вскрикиваетъ).

вахтангъ. Не бойся, Майко! не дрожи всѣмъ тѣломъ! я не съдаю тебѣ зла,—клянусь, не съдаю.

МАЙКО. Вахтангъ! ты видишь, я одна, ты знаешь наши привычки, прошу тебя уйти!

ВАХТАНГЪ. Знаю, Майко, но я долженъ говорить съ тобою на единъ; знаю, но бываютъ случаи, гдѣ человѣкъ разрывается всѣ оковы приличія, волканъ любви далеко мечтѣй свою лаву за предѣлы народныхъ обычаевъ и законовъ и пепелитъ ихъ при первомъ сопротивлѣніи.

МАЙКО. Умоляю тебя, Вахтангъ, уйди отсюда.

ВАХТАНГЪ. Непрерывай меня, ради Бога! дай высказать мнѣ все, что у меня на душѣ.—Вотъ скоро годъ, какъ ни одинъ часъ, ни одна минута не проходитъ у меня безъ думы объ тебѣ. Первый разъ я увидѣлъ тебя въ толпе другихъ красавицъ на крыльяхъ сакли, въ гостяхъ у Геравана..... увидѣлъ тебя—и полюбилъ навсегда. Здѣсь есть судьба — такъ Богъ велѣлъ! Иду ли ночью—и твой образъ, твоя тѣнь бѣжитъ передо мною, блеститъ въ свѣтѣ фонаря, который несетъ и колеблется мой Бичо въ рукахъ своихъ; рыщу ли по полу съ винтовкой за плечами — рветъ ласточка, воркуетъ голубка, присыпываюсь, — не бей! кто-то шепчетъ мнѣ, онѣ походить на Майко, на болѣзни твою. Съ друзьями, пріятелями, я не прежній Вахтацъ!.. тоска о тебѣ горчить братскую азарпешу. Майко! люблю тебя болѣе, чѣмъ солнце любить землю, болѣе, чѣмъ Адамъ любилъ Еву въ раю! Если бы ты была продажная красавица—какая-нибудь княжна тифлисская, для которой золото и тюмены — все! я бы на вѣкъ пошелъ къ шалтану, забралъ бы его сокровища и отдалъ бы ихъ за одинъ мигъ блаженства съ тобою.

МАЙКО. А червонцы, которые ты присыпалъ съ Мартой? ты думалъ купить меня?

ВАХТАНГЪ. Не тебя, твою мать.

МАЙКО. А развѣ мать моя торгууетъ мною?

ВАХТАНГЪ. Она—армянка!

МАЙКО. Но что тебѣ во мнѣ, если бы она и согласилась? я нелюблю тебя...

ВАХТАНГЪ. Майко! скажься надо мною, полюби меня!

МАЙКО. Я полюбила Гиго прежде.

ВАХТАНГЪ. Я отдамъ тебѣ жизнь мою, душу, санъ, поместье, все, все... полюби меня!

МАЙКО. Я люблю Гиго!

ВАХТАНГЪ. Гиго!.. такъ бойся же меня!.. ты будешь мою!—
(быстро уходитъ)

МАЙКО (одна). Великій Боже! что со мною? голова горитъ,
сердце разрывается на части, мнѣ страшно.— Гиго!.. Гиго!..
женихъ!.. спаси меня, спаси!— (быстро уходитъ)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

ЛЕВАНЪ, ІОЗЕПЪ, ЭЛИКО, МАЛЬЧИКЪ И ДРУГІЕ ГОСТИ.

ЭЛИКО. Что это, какъ долго заставляютъ дожидаться... товарищи!

ІОЗЕПЪ. Правда, часъ нѣтъ и шести человѣкъ, да теперь впрочемъ всѣ скоро придутъ.

ЭЛИКО. Конечно! — солнце уже спустилось и уходитъ въ землю, какъ будто завидуетъ нашей пирушкѣ, и не хочетъ отъ зависи смотрѣть на насъ; тѣни отъ деревъ длиннѣе и длиннѣе ложатся по полу; мѣсяцъ выглядываетъ, а они все мѣшкаютъ.

ІОЗЕПЪ. Придутъ, подожди, что-нибудь задержало.

ЛЕВАНЪ. Задержало? да что же можетъ задержать, когда назначена братская пирюшка,—когда уже разостланы ковры, когда чаши просятъ вина, когда вино просится въ горло, а товарищи дожидаются.

ІОЗЕПЪ. Славно! славно! видно что, Леванъ старый гуляка! ты вѣрно бы не заставилъ дожидаться.

ЛЕВАНЪ. Я? да если бы ангелъ смерти, Азраилъ, прилетѣлъ въ это время вынуть душу и въ золотомъ сосудѣ унести ее въ тридцатое небо, то я выпросилъ бы у него сроку—отпировать въ послѣдній разъ и веселье было бы душъ, когда бы она предстала предъ Аллаха, сытая и разумненная кохетинскимъ.

ЭЛИКО. Видно, Леванъ, что ты пожилъ съ персами и начитался ихъ стихотворцевъ.

Я В Л Е Н И Е II.

Тѣже.—Пасванъ и Келимъ.

Пасванъ. Правда! правда! здорово товарищи!

Келимъ. А, вѣрно, князь Леванъ красный словца отпускаетъ?

Леванъ. Разсуди ты насть, Келимъ, я сейчасъ говорилъ, что Аллахъ гораздо благосклоннѣе принимаетъ души, которыя являются предъ рубиновый престоль его прямо съ пирушки, веселыя и разрумянненныя виномъ, и гораздо строже къ тѣмъ, которыя приходятъ худыя и блѣдныя, какъ будто бы только вырвались изъ пльна отъ лезгинцевъ.

Элико. Врядъ ли, вѣдь Аллахъ чрезъ Магомета запретилъ имъ пить вино.

Леванъ. Запретилъ имъ пить при всѣхъ, а втихомолку позволилъ.

Я В Л Е Н И Е III.

Тѣже и князь Григорій.

Леванъ. Стыдно, что приходишь такъ поздно.

Григорій. Да нельзя было прийти раньше.

Элико. Прозакладую книжалъ свой, что онъ гдѣ-нибудь подмытилъ красавицу и расхаживалъ мимо ея оконъ.

Григорій. Ты угадалъ, Элико.

Леванъ. Добрый мой другъ, князь Григорій! Я сейчасъ говорилъ, еслибъ я умиралъ передъ дружеской пирушкой, то выпросилъ бы сроку — пришелъ на пирушку, и лучше бы заставилъ дожидаться гурій, нежели друзей.

Григорій. Не сердись же, Леванъ, вѣдь не всѣ такіе, какъ ты: для тебя пріятнѣе посмотретьъ на блюдо пилава, нежели заглянуть въ очи красавицы, а добрая азарпыша вина тебѣ слаше, нежели поцѣлуй коралловыхъ устъ.

Элико. Хорошо это все, Григорій, да оставимъ въ сторону небесныя очи, коралловыя уста. Смотрите, друзья, вотъ ужъ и звѣздочка сверкнула на небѣ, вотъ и другая, вотъ и мѣсяцъ вышелъ полюбоваться на насть; мы, кажется, собрались: пора быть дѣлу!

Т. III. Отд. I. Кн. III.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ.

2

ДЕНЬГИ ГРАДСКОЕ ГЛАВНОЕ УЧЕБНОЕ

БЫТИЕ

ИМЕНИ А. З. ЛУНАЧАРСКОГО

всѣ. Пора! пора! (*садятся на ковры—приносят вино—пьютъ.*)
иозепъ. А что же мы не выберемъ себѣ начальника на по-
пойку!

элико. Въ—самомъ—дѣлѣ, выберемъ тулумбаша!
иасванъ. Кого же?

элико. Князя Григорія!
иозепъ. Напьется прежде всѣхъ,— жди тутъ *порядка!*

элико. Ну, такъ тебя Иозепъ.
леванъ. Надуетъ, другихъ подчивать мастеръ, а самъ выли-
ваетъ вино за рукавъ.

элико. Да кого же лучше, какъ не самого Левана! молодецъ! опытной тулумбашъ; повеселить, другихъ напоить и самъ напьется!

всѣ. Левана! Левана! здоровье тулумбаша! да здравствуетъ нашъ тулумбашъ! честь и слава Левану. (*пьютъ.*)

леванъ. (*поднимая стаканъ.*) Благодарю всѣхъ вѣсъ, Аллахъ — верды!

всѣ. Якши — Іоль!

(*За сценою слышенъ шумъ.*)

леванъ. А! это голосъ Гехима!

Я В Л Е Н И Е V.

Прежніе — и Гехимъ.

леванъ. Здравствуй, Гехимъ!

гехимъ. Здорово, пирующие братья! я проходилъ мимо виноградника, услышалъ возгласъ «Аллахъ—верды!» и смекнулъ, что здѣсь попойка.

леванъ. Не ошибся!.. ты откуда?.. съ охоты?

гехимъ. Что бы ее шайтаны побрали и съ тѣмъ, кто первый выдумаль.

элико. А, что? видно была несчастлива?

ГЕХИМЪ. Несчастлива! да смееть ли она быть несчастлива, когда Гехимъ охотится? Гей, Бично! втащить сюда тура. (*Люди вносят дикого барана.*)

ЛЕВАНЪ. Славная добыча!

ГЕХИМЪ. Не правда ли? этот убитый баранъ очень кстати? Леванъ! разпорядись — ка, вели изжарить шашлыкъ изъ славной добычи. (*Леванъ отдастъ приказание*)

ЭЛИКО. Гехимъ! что-жъ не пьешь? вѣдь, я думаю, ты усталъ, гонявши за этимъ бараномъ?

ГЕХИМЪ (*пьетъ*). Добрый стаканъ вина теперь славное дѣло! Еще вчера на зарѣ, спустившись съ вершины, подмѣтили мы дружка съ моимъ Михалко, любовались имъ, какъ церепрыгивали съ утеса на утесъ, съ площадки на площадку — и лакомились травкой; Михалко подобрался ближе, вспугнулъ звѣрь — только и видѣли его: какъ свинцовая пуля, звякнула онъ рогами о гранитный уступъ и скрылся по излучистой тропинкѣ, въ кустарникѣ, у подошвы горы; намъ того и налобно было! Я сѣль на замѣченный следъ, изготовилъ винтовку, а Михалко спустился внизъ, чтобы отыскать его и снова спугнуть, жду часъ, два, три — ни слуху ни духу; вдругъ выстрѣль... а, пріятель, просимъ пожаловать... гляжу, — баранья голова прямо скачеть на меня... прицѣливаюсь... бацъ! и какъ видите...

ЛЕВАНЪ. Спасибо, Гехимъ за барана! пей же вино, догоняй насть.

ГЕХИМЪ (*пьетъ*). Не отстану, будь спокоенъ!

ЮЗЕПЪ. Да гдѣ же Вахтангъ?

ГЕХИМЪ. Въ-самомъ-дѣль, гдѣ Вахтангъ? Леванъ! гдѣ же твой молочный братъ?

ЛЕВАНЪ. Не знаю. Онъ хотѣлъ быть.

ЭЛИКО. Вотъ вздумали спрашивать! да развѣ вы не знаете, что Вахтангъ помѣшался отъ любви къ своей Майко!

ГРИГОРІЙ. Какъ, помѣшался? { (вмѣстѣ.)
ЮЗЕПЪ. Какой Майко?

ЭЛИКО. Постойте, постойте! вы спрашиваете оба вдругъ; разомъ двухъ стрѣль съ тетивы не пускаются. Я вамъ отвѣчу по очереди: тебѣ, князь Григорій, скажу, что если Вахтангъ еще не помѣшался, такъ есть надежда, что скоро помѣшается; видишь ли, приглянулась ему красавица...

ЛЕВАНЪ. Не правда, Элико! не приглянулась она ему, а лю-

битъ онъ ее, какъ мѣсяцъ любить свое звѣздное небо, какъ газель, которая привѣтливо выбѣгасть изъ разсѣлины скалы, любить мягкую траву.

элико. Полно, Леванъ! развѣ не все равно, приглянулась она ему, или онъ ее полюбиль? дѣло въ томъ, что съ-тѣхъ-поръ Вахтангъ сталъ совсѣмъ не тотъ. Бывало, кто первый гость на всякомъ празднике? Вахтангъ!.. Кто первый гуляка, первый говорунъ и весельчакъ?.. Вахтангъ! А теперь... ходить одинъ, скучный, словно солнце въ туманное утро. На пирушкѣ молчитъ, не пьетъ, не шумитъ, а нахмуривъ брови, смотрить въ азарпешу, какъ будто она зеркало, въ которомъ виднаются косы и розовые губки его Майко.

мальчикъ, (по приказанію Левана кричитъ). Тулумбашу угодно, чтобы все выпили за здоровье другъ друга, — всѣ. Аллахъ — верды, якши — іоль! Іо́зепъ. Да кто же эта Майко?

элико. Неужели ты не знаешь Майко, хорошенкой Майко, невѣсты Гиго, у которой мы покупаемъ все нужные товары.

лѣванъ. А, да вотъ идетъ и Вахтангъ; какъ онъ мраченъ,

Я В Л Е Л И Е IV.

Прежніе и Вахтангъ.

элико. Добрая азарпеша вина сейчасъ развеселитъ его. — Здравствуй, Вахтангъ! мы сейчасъ про тебя говорили, на тебя пѣняли.

вахтангъ. За что?

леванъ. За то, что ты приходишь въ половинѣ пирушки, когда мы уже на поль-пути къ блаженному состоянію, называемому опьяненiemъ.

іо́зепъ. (пѣлинѣ) Тѣмъ хуже для него; онъ долженъ догонять насъ, долженъ бѣгомъ пробѣжать половину дороги, которую мы шли тихонько... Скорѣй устанетъ.

леванъ. Вина! (наливаетъ ему).

юзевъ. Нѣтъ, не такъ! Мальчики! сочти, по скольку каждый изъ насъ выпилъ и подай столько же Вахтангу! Ну! Аллахъ—верлы! Вахтангъ! пей—ка все это!

вахтангъ. Оставь меня, Йозепъ!

йозепъ. Нѣтъ! нѣтъ! а, ты думаешь остатся трезвымъ, когда мы хотимъ быть пьяными? Безъ отговорокъ, Вахтангъ, пей!

вахтангъ. Ты и теперь уже пьянъ, Йозепъ; оставь меня, если не хочешь видѣть ссоры на вашемъ празднике.

элико. Вотъ ужъ и сердится, Вахтангъ! послушай дружескаго совета...

леванъ. Правда, Вахтангъ! — Сохнетъ безъ привыта дерево твоего сердца; полей азарпешей вина корни, которые оно такъ глубоко пустило въ твое сердце, — полей ихъ и увидишь какъ вѣти распустятся и зазеленеютъ надеждой.

вахтангъ. Спасибо, Леванъ, за учевіе; да плохо вѣрится словамъ твоимъ! — Днемъ не бываетъ звѣздъ на небѣ, не свѣтить солнце по полуночи.—Нѣтъ! не раздѣлеть пальма надежды въ знайной пустынѣ моего сердца. Возьми назадъ твою азарпешу!

леванъ. А посмотри, какъ глубока она! брось въ нее свою тоску—и она потонетъ, какъ камень въ морѣ.

вахтангъ. Нѣтъ, Леванъ! она не потонетъ, а если и потонетъ, то на минуту, и тотчасъ же, какъ трупъ, выплынетъ на поверхность!

элико. Полно кручиниться, Вахтангъ! будто мы не знаемъ, что за лума залегла у тебя на сердцѣ? И что же ты печалишься и хмуришься, словно зимнее небо, и изъ чего? изъ любви!

вахтангъ. Элико! говори про пилавъ, про вино, да про пѣсни,—не оскверняй имени любви и не примѣняй ее къ чувству, которое ты испытываешь, побрякивая червонцами и глядя на баядерку, которая поеть и плашетъ передъ тобою!

элико. Не сердись, Вахтангъ, а подумай, стоять ли какія нибудь дивныя очи, чтобы сходить по нимъ съ ума! Вѣль это ребячество. — Майко хороша, конечно, но я дамъ тебѣ советъ...

вахтангъ. Я также дамъ тебѣ советъ, Элико: негодится бросать имена женскія на вѣтеръ, какъ ячменные зерна. —

Статся можетъ, что которое нибудь изъ нихъ упадеть на сердце и разростется ненавистью,—кровавымъ мщеніемъ—понимаешь меня,—такъ замолчи же!

Элико. Нѣть! я хочу вылечить тебя, Вахтангъ! Кчему служить твоя любовь? Майко—невѣста другаго, къ тому же она тебя не любить.

Вахтангъ. Элико! оцасно дразнить льва въ его пещерь!

Элико. Говорить, что она безъ памяти любить своего жениха, не наглядится на него не дождется свадьбы.

Вахтангъ (поднимается). Замолчи, Элико! или поутру твой мать осиротѣть, и вмѣсто краснаго қахоса, который журчить въ твоемъ стаканѣ, я наполню его до краевъ кипяткомъ изъ твоего сердца!

Леванъ. Стойте! слушайте тулумбаша!

Вахтангъ. (Элико) Знаешь ли ты...

Леванъ. Повторяю вамъ: слушаться тулумбаша! Развѣ вы забыли наше обыкновеніе, которому не измѣнялъ еще ни одинъ грузинецъ? На нынѣшній вечеръ—я вашъ царь. (Зоветъ мальчика и шепчетъ ему на ухо.)

Мальчикъ. (провозглашаетъ) Тулумбашъ приказываетъ бросить стаканы и пить изъ туриыхъ роговъ! (Люди приносятъ рога, въ серебряныхъ оправахъ, наполненные виномъ).

Леванъ. Я пью за здоровье всѣхъ гостей и пріятелей и будеть тотъ шайтаномъ на пирушкѣ, кто не послѣдуетъ моему примеру и не выпьетъ—столько же и такъ же,

Гехимъ. Что Элико задумался?... Струсилъ?

Элико. Да есть отъ чего струсить, ведь въ рогъ-то входить двѣ бутылки вина.

Гехимъ. А ты и безъ того на полпути къ опьяненію! да вотъ посмотри, Іозепа хмель разобралъ совсѣмъ! онъ лежитъ безъ чувствъ.

Элико. (вставая). Приказаніе тулумбаша должно быть свято, и потому мы выциваемъ эти рога и просимъ покорно, чтобы больше пить намъ не приказывали.

Гехимъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, надо сжалиться надъ нами, едвали половина изъ насъ добредетъ порадкомъ до дому, а съ Леваномъ въ питьѣ врядъ ли кто можетъ тягаться.

Леванъ. И такъ, нынѣшняя пирушка кончилась, и я слагаю съ себя званіе вашего начальника, вашего тулумбаша.

нѣкоторые. Не надолго, до первой пирушки, а мы, кажется, нерѣдко пируемъ!

(Въ продолженіе этого разговора, пирующіе расходятся; на сценѣ остаются Леванъ, Вахтангъ, и нѣсколько спящихъ).

Я В Л Е Н И Е VI

ЛЕВАНЪ, ВАХТАНГЪ.

ЛЕВАНЪ. Какъ странно, я думаю, тебѣ, Вахтангъ, смотрѣть на эту толпу бѣснующихся цыаницъ и не принимать участія въ ихъ пировавіцъ.

ВАХТАНГЪ. Леванъ! у меня въ душѣ не тише, не спокойнѣе, они пьютъ безуміе въ винѣ, а я всасываю его въ новомъ для меня чувствѣ, которое не знаю, какъ назвать тебѣ.

ЛЕВАНЪ (поднимаетъ чашу съ виномъ). Назови, какъ хочешь, но пей! Выпей, Вахтангъ, и душа успокоится. (Вахтангъ съ неохотою пьетъ). Ты пьешь не охотно, а давно ли не отставалъ отъ меня?

ВАХТАНГЪ. Давно ли? — Но всему есть время, не ропщеть же Кура, скованная зимнимъ холодомъ; не бѣжитъ же Тerekъ, когда обвалъ сорвется, съ горъ и перегородить ему путь.

ЛЕВАНЪ. Продолжай, Вахтангъ, говори откровенно, мы теперь одни, видишь — все разбрелись, а эти засыпаютъ и насы не слышать! — говори!

ВАХТАНГЪ. Что же говорить тебѣ? — Любовь къ Майко, словно горный обвалъ, съ шумомъ и грохотомъ упала на мою душу и перегородила ея прежній путь, и она не въ силахъ пребыть этой плотины, волнуясь и пѣнясь, потекла въ другую сторону; ты знаешь, что я люблю Майко, но не знаешь, какъ я люблю ее!

ЛЕВАНЪ. Такъ что же?.. полюбилась голубушка — такъ въ когти! не ужели робѣть соколу?.. да и добро бы книжна, а то..

ВАХТАНГЪ. Не договаривай! она лучше всѣхъ книженья въ свѣтѣ.

ЛЕВАНЬ. Смани ее.

ВАХТАНГЪ. Смани? — Давно ли ангеловъ стали сманивать съ неба?

ЛЕВАНЬ. Купи!

ВАХТАНГЪ. Купи! — Еслибъ весь міръ обратить въ груды золота, то и тогда плата еще будетъ мала и тогда не купить.

ЛЕВАНЬ. И ты непотреблялъ никакихъ средствъ?

ВАХТАНГЪ. Я хотѣлъ подкупить ея мать чрезъ старуху Марту, она—армянка, думаль я, бѣдна, любить золото—и то не удалось.

ЛЕВАНЬ. Что жъ, украдь, увези, вотъ тебѣ рука моя — помогу во всемъ.

ВАХТАНГЪ. Принимаю, Левань, твое обѣщаніе, принимаю его, потому—что увѣренъ въ тебѣ и потому что это—единственное средство.—Слушай! я былъ у нея, я видѣлъ ее, я говорилъ ей про мою любовь.

ЛЕВАНЬ. Что же она тебѣ отвѣчала?

ВАХТАНГЪ. Кровь стынетъ въ жилахъ: Левань, она призналась, что не можетъ любить меня, — что она любить Гиго... Да развѣ онъ—избранникъ неба? развѣ онъ родился подъ благодатною звѣздою, что безъ слезъ, безъ страданій, безъ мученій можетъ овладѣть божествомъ, по которому я страдаю, плачу, мучусь, за которое готовъ принести судьбу дорогой выкупъ? О! если такъ, пусть же и онъ почувствуетъ, что я чувствую; пусть этотъ адъ, который бунтуетъ у меня въ душѣ перейдетъ и въ его душу! Левань, я даль клятву, что Майко будетъ мою, а Вахтангъ умѣеть сдерживать свои клятвы и рано ли... (входитъ Марта).

Я В Л Е Н И Е VII.

ПРЕЖНИЕ МАРТА.

МАРТА. Да будетъ миръ и радость надъ тобою, князь Вахтангъ! Я искала тебя.

ВАХТАНГЪ. Кчему искать, когда ты не можешь помочь
мъ; кчему желать мира и радости, когда ты ихъ съ собою
неприносишъ.
МАРТА. Кто знаетъ, князь, можетъ быть, я и несу ихъ съ
собою.

ВАХТАНГЪ. Говори, говори, скорѣе, Марта! что такое? Можетъ быть, мать Майко одумалась и прельстилась золотомъ? Можетъ быть, сама Майко тронулась мосю любовью?

МАРТА. Нѣтъ, князь, нѣтъ! и мать не ослѣпилась твоимъ золотомъ, — и сама она попрежнему отвергаетъ и
ненавидитъ тебя.

ВАХТАНГЪ. Такъ ты пришла смыться надо мною, старая колдуя! прочь!

МАРТА. Полно, полно, князь, ты не сердись, а выслушай меня.—Долго гонялся охотникъ за газелью—и газель все ускользала отъ него,—вотъ и говорить ему добрый человѣкъ... не полѣхнись ты взойти на дорогу, гдѣ теперь заснула газель твоя, и ей не миновать твоихъ рукъ.

ЛЕВАНЪ. Говори яснѣе, старуха!

МАРТА. Слушай, князь: ты предлагалъ Майко любовь и душу, она отвергла и то и другое; ты страшалъ овладѣть ею, клялся, что она будетъ твоя, и она съ женихомъ своимъ посмѣялась твоимъ угрозамъ и клятвамъ.

ВАХТАНГЪ. О! клялся—и сдержу свою клятву.

МАРТА. Вотъ я и пришла къ тебѣ, князь, предложить средство.

ВАХТАНГЪ. Говори, какое? Клянусь могилою отца и душою матери, что никакое препятствіе меня не остановить!... ни горы, ни моря, ни пропасти, ни страхъ казни, ни погибель, ни алъ, ни небо! Говори?

МАРТА. Все это гораздо легче, князь! Майко съ подругамиѣдетъ на ярмарку и теперь недалеко отсюда; съ ними только двое безоружныхъ погонщиковъ, стоять тебѣ, какъ горному орлу, налетѣть на нихъ и—голубка твоя!

ВАХТАНГЪ. Правда, правда; спасибо, Марта! Вотъ тебѣ золото. — А, Майко! Было время, что за одну твою привѣтливую улыбку я отказался бы отъ лучей солнца, за одинъ вздохъ изъ твоей груди я отдалъ бы все свое дыханіе; за одинъ поцѣлуй позволилъ бы тысячу разъ разить себя книжаломъ въ одуванчикъ.

ту же рану; но ты оттолкнула меня!—Хорошо.. Такъ ты будешь же моюю, хоть бы это стоило мнъ цѣпей, тюрьмы или колодъ, которыя надѣваются на преступника. Леванъ, помнишь ли свое слово быть моимъ участникомъ во всемъ, чтобы я не задумалъ; жми крѣпче руку, жми, вѣдь ты не откажешься.

ЛЕВАНЪ. Вотъ рука моя... я отъ тебя не отстану.

ВАХТАНГЪ. Увеземъ Майко! Эй, люди!. Консей, (убѣгаает).

Я В Л Е Н И Е VIII.

МАРТА (одна).

А! Гиго! а, Кекела! я змѣя!... я старая шакалка... я колдуныя!... Хорошо! вотъ и подарочекъ жениху съ невѣстою! вотъ и плата вамъ за хлѣбъ-солъ, которыми меня угостили!... Понеселитесь же теперь, да посмѣйтесь надъ старою Мартой.

Перемъна дикорациі.

Что встает съ собой спасьтъ въ эти мгновенія? Однимъ
такъ, единѣмъ все этоѣ на сюжетъ шахматы—занесъ шах-
матистъ, уходя отъ Манипулятора, юношу, вынужденъ отъ Помысла
и Господа Марии. Ноша Ю... ахъ какъ будто въсю свою
жизнь въспоминаетъ юный Майко, что онъ отъ этого шахматиста
и Господа Марии и юного юноши вынужденъ былъ приводить
въсю свою жизнь въспоминать о Господѣ и Марии, и о юномъ

ПЕРЕМЪНА ДИКОРАЦІИ.

Театръ представляетъ внутренность жилища вахтан-
гова; нѣсколько минутъ сцена пуста, — наконецъ,
Вахтангъ вноситъ безчувственную Майко и кладетъ
ее на скамью.

Я В Л Е Н И Е I.

ВАХТАНГЪ. А, наконецъ, ты моя! — моя Майко! въ моей вла-
сти—теперь ничто не вырвѣтъ тебя у меня! Она въ обморокѣ.
(Смотритъ на нее). Проснись Майко! — Не отвѣчаетъ,—
лежитъ какъ мертвая. — (Становится подольше на колѣна и беретъ ее за руку.) Она не слышитъ, только вѣ-
теръ воетъ въ отвѣтъ на мои воила и моленія. — У.. какъ
онъ страшно воетъ! точно похоронный напѣвъ надъ вырытою
могилой. — Какъ все вокругъ меня темнѣетъ... вотъ идутъ съ
свѣра громады тучъ... будто несутъ гибель и разрушеніе міру!.
Слышишь ли, Майко, — міръ кончается, простись, чтобы я
успѣль хоть одинъ разъ поцѣловать тебя! (бросается къ ней).
Открой свои глаза, чтобы предо мной открылось небо! — О! про-
снись, Майко, проснись! (Майко вздыхаетъ) Она вздохнула...
она жива! О! благодарю Бога!. Да, если бы я нашелъ ее мертвою,
въ гробѣ и въ саванѣ, то и тогда огонь, который у меня въ
сердцѣ, разтопилъ бы ледяныя оковы смерти, душа моя разбу-
дила бы ея заснувшую душу въ мое горячее дыханіе влило-бы въ
ея грудь всѣ страсти, всѣ помыслы бытія! (цѣлуетъ ее.—
Майко приходитъ въ себя. Вахтангъ отскакиваетъ.)
— Майко. Гдѣ я? что со мною было? Ахъ, какъ ужасенъ сонъ.

ВАХТАНГЪ. Майко!

МАЙКО. Мне снилось, что я ходила на ярмарку; подруги мои были веселы,—спрашивали скоро ли будетъ моя свадьба, какъ вдругъ какой-то всадникъ, весь закутанный въ бурку, схватилъ меня, помчался, духъ замеръ... О! какой ужасный сонъ!

ВАХТАНГЪ. Это не сонъ, Майко! Всадникъ, закутанный въ бурку, который схватилъ тебя и помчалъ — былъ я; ты думаешьъ, что, полюбивъ тебя однажды, какъ полюбилъ я, можно разлюбить такъ скоро? Ты ошиблась, Майко! ты у меня, ты моя! (бросается къ ней. *Майко вздрагиваетъ и бѣжитъ на аванс-сцену.*)

МАЙКО. Такъ это не сонъ... это ты, Вахтангъ? О! зачѣмъ я не заснула сномъ непробуднымъ, сномъ смерти!..

ВАХТАНГЪ. Безпробуднымъ? О, я разбудилъ бы тебя, Майко, горячимъ поцѣлуемъ, какъ насъ разбудить труба страшного суда; сномъ смертнымъ, говоришь ты? Нѣтъ! я вырвалъ бы тебя у самой смерти!

МАЙКО. Мать моя! гдѣ ты? помоги мнѣ! освободи меня! Боже мой! что со мною будетъ? Гиго! Гиго! за чѣмъ я здѣсь!

ВАХТАНГЪ. Зачѣмъ? Затѣмъ, что я люблю тебя, что любовь моя не ручеекъ, который тихо и ровно катится по лугу; во водопадъ, который съ шумомъ и громомъ легитъ въ бездну, опрокидываетъ и разрушаетъ всѣ препятствія, срываетъ горы съ места и уноситъ съ собою все, что захотѣло бы стати на его пути.

МАЙКО. Вахтангъ! небо потребуетъ у тебя отчета!

ВАХТАНГЪ. Я пойду на битву съ небомъ и землею. Можеть быть, паду въ этой битвѣ, но прежде—ты будешь мою.

МАЙКО. Твою! защитите меня, силы небесныя!

ВАХТАНГЪ. Ничто не защитить тебя! ты у того самого Вахтанга, котораго, еще недавно, такъ холодно, такъ безжалостно оттолкнула съ его любовью, просьбами, обещаніями. Майко! помнишь ли слово, которое вырвалось у меня на прощаніи съ тобою. Я говорилъ, ты будешь мою—и сдержалъ слово: теперь ты моя!

МАЙКО. Чего ты хочешь отъ меня? Я не могу любить тебя, я люблю другаго, я люблю Гиго!

ВАХТАНГЪ. О! Если такъ, то слушай же меня: не любви жечу я, — эту розу я разтоптали въ цвѣтникѣ моего сердца.—

Теперь я требую рабской покорности и слѣпаго повиновенія моей воли. Слышишь ли, Майко!

МАЙКО. Ты забываешь, Вахтангъ, что наль нами есть Богъ, который насъ слышитъ и видитъ, и вѣкогда разбудитъ предъ Своимъ Престоломъ; тамъ отдашь ты отчетъ въ томъ, что лишилъ меня дома и матери, для которой я была послѣднимъ счастіемъ и утѣшеніемъ; въ томъ, что разрознилъ два сердца, которыя Богъ и люди благословили на будущій путь въ жизни. Да! потому-что я люблю Гиго столько же, сколько онъ меня любить.

ВАХТАНГЪ. Опять Гиго! Опять ты повторяешь мнѣ это неизвестное имя; я безумствую, а ты еще увеличиваешь мое безуміе.

МАЙКО. Умоляю тебя, Вахтангъ, сжался! Ты вишиш—я въ твоихъ рукахъ, я беззащитна, я не буду говорить про Гиго, я не люблю Гиго, только, ради Бога, пусти меня къ моей матери:—она бѣдная стоскуется обо мнѣ—сляжетъ въ могилу. Дай мнѣ хоть закрыть ей глаза! пусти меня!

ВАХТАНГЪ. А ты забыла, я умолялъ тебя точно такъ же, какъ ты меня умоляешь, Майко! говорилъ я, одинъ ласковой взглядъ, одно привѣтливое слово... я плакалъ предъ тобою, какъ ты предо мною теперь плачешь; ты сказала—нѣть! и я говорю—вѣтъ!

МАЙКО. Заклинаю именемъ всего, что для тебя дорого, священно, честью твоей матери, Вахтангъ отпусти меня!

ВАХТАНГЪ. Майко! не проси меня!—что сдѣлано, того не перемѣнишь; молвія, упавшая на землю, не возвратится опять на небо; горный обвалъ, сорвавшійся съ вершинъ, не взойдетъ опять на гору. Я сказалъ, что ты будешь моею и—сдержу свое слово.

МАЙКО. О! нѣть, Вахтангъ! ты добръ, благороденъ, великолѣщенъ, ты не сдѣлаешь меня несчастною; и кчему тебѣ мое несчастіе? Оно не принесетъ тебѣ ни одной минуты наслажденія; смотри, Вахтангъ, я у твоихъ ногъ, я обнимаю твои колѣна, пусти меня, я забуду всѣ горести, которыя ты причинилъ мнѣ и всей моей жизни будетъ мало, чтобы молиться за тебя.

ВАХТАНГЪ. Поздно, Майко, поздно!

МАЙКО. О! такъ выслушай меня, злой, безчувственный

человѣкъ! ты глухъ къ моимъ моленіямъ, которыя пробили бы сводъ небесный, ты не видѣлъ моихъ слезъ, которыя разтопили бы камень. Слушай же! я тебя ненавижу, обожаю Гиго и умру съ его именемъ на устахъ!

ВАХТАНГЪ (*выпилываетъ кийжалъ*). Посмотри на этотъ кинжалъ—онъ широкъ—есть гдѣ улечься и пощадъ и жалости. Еще одно сопротивление и кровь твой заклубится дымомъ на его булатѣ. (*бросаетъ кийжалъ*).

МАЙКО. Кинжалъ! смерть!—О! она лучше позора! убей Вахтангъ! я умру охотно... убей!

Я В Л Е Н И Е II.

Тѣ же и ЛЕВАНЪ.

ЛЕВАНЪ. Вахтангъ, ты погибъ! Нѣть никакой надежды въ спасенію! О твоемъ похищеніи дали знать въ городъ; окружной, въ сопровожденіи мѣстнаго начальства и Гиго, спѣшать сюда. Я опередилъ ихъ нѣсколькими минутами.

(*Майко бросается на колѣна и тихонько творитъ молитву. Вахтангъ стоитъ, какъ пораженный громомъ.*)

МАЙКО. Боже! защитникъ невинныхъ, благодарю тебя! твоя десница спасеть меня, сироту!

ВАХТАНГЪ. Опять преграда!

ЛЕВАНЪ. Вахтангъ! быть можетъ, ты успѣешь спастись... бѣги!

ВАХТАНГЪ. Минѣ бѣжать, Леванъ? какъ бы не такъ... пусть весь свѣтъ вдетъ со мною на бой.—Что жъ? я готовъ, я выдержу битву; но Майко все-таки будетъ моимъ!

МАЙКО. Гиго! спѣши спасти Майко, свою невѣstu!

ВАХТАНГЪ. Не радуйся, Майко! хоть женихъ твой спасеть тебя, но я положу клеймо позора на твое имя! О! ты не знаешь, что значитъ месть для азіатца. — Слушай: меня обвинить законъ, я погибну въ заточеніи; но свѣтъ тебя отвергнетъ, позоръ пойдетъ на ряду съ тобою до самой могилы, да, и въ могилѣ кости твои вздрогнутъ не разъ отъ клеветы людской,

и, умирай, последний вздохъ въ прелсмертныхъ мухахъ солется
ся съ именемъ Вахтанга, котораго ты отвергла!

Я В Л Е Н І Е III.

Тъ же, Окружный, Гиго, Кекела и Судьи.

КЕКЕЛА. Дочь моя, гдѣ ты! тебя хотѣли оторвать отъ моего
сердца, дитя мое!

МАЙКО. Матушка!

ОКРУЖНЫЙ. Князь!

ВАХТАНГЪ. Ни пол слова! я виноватъ! знаю законы — они
неумолимы,—берите меня, но я достигъ своей желанной цѣли:
Майко, была моею! — Возмите ее защитники невинности, она
мнѣ болѣе не нужна.

МАЙКО. Онъ лжетъ! онъ лжетъ! не вѣрьте ему! онъ клевещетъ
на меня. (Бросаетъ къ Гиго) Гиго! защити меня!

ГИГО. Прочь отъ меня, Майко! прочь отъ меня!

МАЙКО. Матушка!

КЕКЕЛА (плачутъ). Прочь отъ меня! Боже! зачѣмъ прод-
лилъ ты жизнь мою? я увидѣла безчестіе моей дочери!

ГИГО. Не плачь, Кекела! ты лишилась дочери, но, къ уть-
шевію, у тебя есть сынъ... Да, матушка, я замѣню тебѣ дочь...
пойдемъ.

—такое существо, каким я являюсь, я знаю, и
каким я есть, я знаю, и я знаю, что я —

ДѢЙСТВІЕ III

Городъ Таганрогъ, Каменка, Таганрогъ, Каменка, Таганрогъ

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Внутренность дарбаза.)

Майко — лицо сине! Я ВЛЕНІЕ! (Майко вспоминаетъ
свои воспоминанія о Майко, а потомъ отводитъ къ
столу Кекелю (сидитъ одна).) Такъ суждено было мнѣ испить до
дна всю чашу горестей! Для чего я дожила до этого страшнаго
дѣла? лучше бы могильный песокъ засыпалъ мои глаза, я
не видала бы нашего несчастія! Старое сердце мое покойлось
бы въ могилѣ и не рвалось бы отъ горя! Господи! прости мой
ропотъ и да будетъ твоя святая воля! — Майко! бѣдная моя
Майко, лучше бы ты умерла!

Я ВЛЕНІЕ II.

МАЙКО (въ бѣломъ платьи, съ распущенными волосами, съ кни-
гой въ рукахъ, тихо подходитъ къ матери и смотритъ на нее.)
Полно, матушка! ты опять печальна, перестань грустить — ви-
дишь ли что? за минуту, я такъ же грустила, да вотъ нашла
книгу, прочитала и мнѣ будто легче; — возьми, матушка, прочитай
ее, — славная книга, — тутъ написано... что бишь тутъ написа-
но... не помню.

КЕКЕЛА (плачутъ.) О, Боже! дай силу и волю перенести все
это!

МАЙКО. Ты плачешь, матушка, я знаю, о чёмъ: прошедшую
ночь мысѧцъ мнѣ все рассказалъ. (говоритъ шепотомъ) Ты лю-
била своего жениха и онъ любилъ тебя, свадьба ваша была

уже назначева; тебя увезъ какой-то злой человѣкъ и оклеветаль, опозорилъ и твой женихъ отвергъ тебя... Стоить ли грустить? я несчастнѣе тебя, да не грущу. Если бъ ты знала, что со мною было?

Птичкою прежде подъ небомъ я мчалась,
Какъ будто младенца душа!
Издали вашей землей любовалась,
Она такъ была хороша!
Вотъ меня къ вашей землѣ приманила
Любовь и тоска бытія!
Я опустилась и прямо въ могилу,
Въ могилѣ проснулася я.

Крылья легкія отпали,
Не летѣть ужъ къ вышинѣ!
И забилось для печали
Сердце новое во мнѣ.
Сжало душу жизни горе;
Къ небу бросила я взглядъ:
Надо мною, точно морѣ,
Звѣзды свѣтлый кипять.
На землѣ же все уныло....
Замерла душа моя
И изъ птички лѣткокрылой
Стала женщиной я!

БЕКЕЛА. Майко! Майко!

МАЙКО. Майко!—что это такое? да, знаю... Майко—цвѣтокъ, подсолнечникъ... Не правда ли, славный цвѣтокъ? Посмотри когда-нибудь по утру, только что выгляднеть солнце, онъ подниметъ головку, посмотрѣть на него, разцвѣтѣ и повеселѣть; идетъ солнце, и онъ все поворачивается за нимъ, не сведетъ съ него взора, глядитъ на него пристально, точно будто невѣста, и говоритъ: «царь мой! женихъ мой! радость моя! что ты такъ далеко ходишь? опустись, не бойся! ты не сожжешь меня!» и цѣлый день ему только и радости, что сидѣть за своимъ далекимъ возлюбленнымъ. А вечеромъ, погляди, уходить возлюбленный за горы—и цвѣтокъ—невѣста опускаеть головку, печалится и плачетъ росою — и росинки, точно слезы, такъ и каплють на землю.

БЕКЕЛА. Дочь моя, послушай!

Т. III. Отд. I.

майко. Да не перерывай же меня, дай досказать. Ты не видала, тебе не жаль цветка! А онъ, бѣдный, тоскуетъ, горько ему! пожалѣй его, матушка! А, ты и не помнишь... Вѣдь ужъ пора.

кекела. Куда?

майко. Куда? Неужели ты могла забыть, что сегодня моя свадьба, а я не одѣта еще; что если женихъ мой такъ же разсердится и какъ солнце уйдетъ за облака? Что тогда мнѣ дѣлать? Не сердись, мой милый... Я сейчасъ буду готова, гдѣ же кушакъ? Гдѣ онъ, матушка, гдѣ мой кушакъ? Кто взялъ его? Вѣрно злыя люди похитили его, чтобы насть разлучить! Они злы, они завидуютъ моему счастію, хотятъ отнять у меня Гиго... Нѣтъ! нѣтъ! теперь поздно!... Гдѣ же кушакъ... кушакъ мой? А! вотъ и онъ. (подходитъ къ зеркалу и смотрится). Теперь я, кажется, совсѣмъ готова! Хороша ли я? Посмотри, матушка! Что это, ты молишься. (цѣлуется ей). Добрая матушка, ты молишься за мое счастіе, ты благодаришь Бога, что онъ благословилъ насъ? Не бойся за будущее, мы будемъ счастливы всѣ, всѣ, и я, и ты, и Гиго!... Гдѣ же Гиго?

Разтворились двери храма,
Свѣты клиросъ огласилъ,
Выются струйки еиміама
Изъ златыхъ паникадиль.
Ужъ за насть согласнымъ строемъ
Молять пѣвчіе Творца,
Свѣчи блещутъ предъ налоемъ,
На налоѣ два вѣнца!..
О, спѣши соединенъемъ;
Наступаетъ сладкій часъ!
Милый другъ, за насть моленые, —
Тѣ вѣнцы, мой другъ, для насть.
Рядомъ мы станемъ съ тобой подъ вѣнцами,
Рядомъ пройдемъ путь земной!
Мы обручимся мыслью, сердцами,
Вѣстѣ сольемся душой!
Поспѣши, мой другъ прекрасный!
Вотъ и вечеръ недалекъ;
Вотъ и мѣсяцъ тихій, ясный,
Вышливаетъ на востокъ.
Тѣни стелются длиннѣ,

Воть и ночь ужъ настаетъ;
Мильй другъ, скорѣй, скорѣй..
Ночь намъ счастіе несетъ.

КЕКЕЛА. Счастіе!

МАЙКО. Да еще какое счастіе! Счастіе, о которомъ я такъ долго мечтала, за которое боялась, которое составляло люби-
мую мысль моего покойного отца. Вѣрою, матушка, Богъ услы-
шалъ его молитвы и благословилъ насть. Какъ родной радует-
ся теперь въ своей могилѣ! (входитъ Гиго, Майко его не видитъ). Да что же не идеть женихъ мой? Долго ли его дожи-
даться?

КЕКЕЛА. Ты не дожидаешься его, бѣна!

МАЙКО. Полно магушка—я не вѣрю тебѣ! (тихо). Ты не
знаешь, какими страшными клятвами онъ мнѣ клялся. (оборачи-
вается и видитъ Гиго). Кто это? (подходитъ къ нему). А, доб-
рый человѣкъ! ты вѣрою пришелъ отъ моего жениха... за
меною; благодарю тебя.

ГИГО. Она не узнаетъ меня! Майко! Неужели я стала тебѣ
такъ чуждъ! Неужели ты не найдешь въ душѣ своей ни одной
мысли, ни одного чувства, ни одного воспоминанія для меня? О!
узнай меня! я твой женихъ! я — твой Гиго!

МАЙКО (смотря на него). Ты... ты мой женихъ?.. Ты Ги-
го?.. Ха, ха, ха! вѣрою всѣ сговорились, чтобы свести меня съ
ума! Поди прочь отъ меня! Ты — Гиго! Ты... Мой Гиго такъ хо-
рошъ: глаза его звѣзды; а твои страшны, какъ блудящій огонь
наль могилой; у Гиго на головѣ вьются кудри, а у тебя змѣи
шипятъ въ волосахъ .. Поди прочь отъ меня! Вѣ-самомъ-дѣлѣ,
какой я ребенокъ, меня варочно пугаютъ а я всему вѣрю — какъ
я легковѣрна!.. Ха, ха, ха! (начинаетъ хохотать; потомъ
смѣхъ ея переходитъ въ рыданія). А онъ все неидетъ? А! какъ
здѣсь больно, Гиго! Гиго! Матушка! что такое? умеръ онъ? по-
быги въ церковь, посмотри, не ставить ли тамъ гробъ, вмѣсто
валов? Не смерть ли это матушка?..

Вилишь, страшно горять
Свѣчи въ тусклыхъ лучахъ;
Слышишь, хоромъ гласятъ
Миръ усошишь въ гробахъ.
Слышишь... молотъ стучить

Надъ доской гробовой
Съшишь... Заступъ гремитъ
Надъ могилой сырой....
Все погасло, все затмилось...
Гробъ изъ церкви понесли;
Совершилось! Совершилось!
О! какъ пусто на землѣ.

Гиго. Майко, услыши меня, пойма меня! другъ мой! моя возлюбленная невѣста! (беретъ ее за руку).

Майко. Оставь меня... умеръ, умеръ! ты не можешь помочь мнѣ, не можешь воскресить моего жениха, онъ умеръ, умеръ!.. О, матушка, отогрѣй мое сердце на груди своей, оно стынеть, матушка! матушка! (Съ воплемъ бросается въ объятия Кекели.

Онъ уходитъ).

Гиго. Я такъ любилъ ее, и она могла предаться этому Вахтангу! Къ чему же служить любовь, когда всю мою душу, преданную ей безгранично, она промѣняла... О, нѣть!.. но что, если этотъ князь оклеветалъ ее, я долженъ увѣриться, я отыщу его, будь онъ на днѣ моря, я вырву правду изъ его души, хотя бы для этого нужно было вырвать жизнь изъ его тѣла. Я все узнаю. (Убѣгаетъ).

Сюда! Сюда! Сюда! Сюда! Сюда! Сюда! Сюда!

ПЕРЕНЬНА ДЕКОРАЦІЯ.

(Театръ представляетъ комнату суда; направо отъ зрителей столъ съ бумагами, за которыми сидитъ секретарь, нѣсколько чиновниковъ окружаютъ секретаря).

Я В Л Е Н И Е I.

СЕКРЕТАРЬ (смотритъ на часы). Скоро 12 часовъ; присутствіе назначено въ часъ; окружный не заставитъ себя дождаться.

чиновникъ. Не время ли послать за подсудимымъ?

СЕКРЕТАРЬ. Да, погодите распорядиться. (чиновникъ уходитъ. Адвокатъ подноситъ бумагу секретарю).

АДВОКАТЪ. Вотъ показанія, которыхъ отобраны еще вчера. Вахтангъ во всемъ сознается.

СЕКРЕТАРЬ. Сознается? О, лучше было бы, еслибы онъ отпирался.

АДВОКАТЪ. Почему?

СЕКРЕТАРЬ. Какъ до-сихъ-поръ вы не понимаете, въ чемъ дѣло? Два года живете въ Грузіи—и не присмотритесь къ народу, за котораго вы ходатайствуете?

АДВОКАТЪ. Моя обязанность—порядокъ службы, вы знаете—нельзя же...

СЕКРЕТАРЬ. Оно такъ, да развѣ вы не знаете, что между азіатцами, судиться для женщинъ уже болѣе, чѣмъ пять и поновѣніе. Вы не помогли вашей клиенткѣ, а погубили ее.

АДВОКАТЪ. Чемъ же?

СЕКРЕТАРЬ. Развѣ вы не могли устроить, чтобы Вахтангъ

сознался, что онъ оклеветалъ ее: нетъ ли средствъ, чтобы онъ перемѣнилъ свои показанія?

Адвокатъ. Никакихъ! Вахтангъ твердо стоитъ въ своемъ показаніи; все мои убѣжденія были напрасны.

СЕКРЕТАРЬ, (обращаясь къ чиновникамъ). А вѣдь прошу, займитесь дѣломъ, — и внесите его въ журналъ. Пойдемте г. Странчій справиться въ архивѣ на счетъ того дѣла, о которомъ вы говорили. Мы успѣемъ еще, есть время. (уходятъ).

Я В Л Е Н И Е II.

ВАХТАНГЪ, (входитъ медленно и становится на лѣвую сторону отъ зрителей. Часовые становятся въ дверяхъ).

Вотъ я въ судилище; вотъ я дошелъ до послѣдней версты моего пути. Кчему теперь жалѣть и оглядываться назадъ? Путь конченъ; здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, осудятъ меня, прочитаютъ приговоръ... А Майко... Ей цѣлый свѣтъ прочитаетъ другой приговоръ—приговоръ позора, который еще ужаснѣе моего. Она отвергла мою любовь, — такъ пусть до гроба будетъ носиться около нея страшная тѣнь Вахтанга, отправлять каждую минуту ея существованія, леденить ея надежды и радость, и когда настанетъ часъ умирать,—тѣнь моя станетъ между нею и вѣчностью, проговорить ей слова позора и безчестія и предъ могилой спросить: «Что, Майко? Умѣль ли Вахтангъ отомстить за свою отверженную любовь?»

Я В Л Е Н И Е III.

Гиго, Вахтангъ.

Гиго. Вахтангъ!

Вахтангъ. Что тебѣ надо?

Гиго. Я поклялся прахомъ моего отца и гробомъ матери

потребовать у тебя отчета, за чѣмъ ты оклеветалъ Майко?.. Да, ты оклеветалъ ее—я это знаю, Вахтангъ. Я поклялся вырвать у тебя признаніе, хотя бы для этого надо было вырвать твое сердце!

вахтангъ. Меня сейчасъ будуть судить, и я подвергнусь наказанию, которое мнѣ назначать.

гиго. Наказанію, которое назначаютъ клеветникамъ.

вахтангъ. Не клеветникамъ: я сказалъ правду.

гиго. Это не правда! этого быть не можетъ!

вахтангъ. Подожди нѣсколько минутъ и ты услышишь, какъ, въ присутствіи всѣхъ людей, я повторю тоже самое и скажу, что твоя невѣста была мою любовницей.

гиго. Ты лжешь, Вахтангъ! Не знаю какой демонъ внушилъ тебѣ адскую мысль опозорить имя Майко, но знаю только то, что она невинна.

вахтангъ. Ты это знаешь, кчему же спрашивать? останься при своей увѣренности.

гиго. Да, я увѣренъ, что она невинна.

вахтангъ. Вѣрь ей! вѣрь! она не обманетъ тебя! — Женщины необманчивы, какъ поверхность моря; да и какъ не вѣрить? — Вѣдь я вѣрилъ ей, когда прильнувъ къ моей груди и цѣляя меня, она говорила: я люблю тебя, Вахтангъ, я твоя!

гиго. Замолчи, Вахтангъ, если не хочешь прежде твоего осужденія, подвергнуться другому суду; суду оскорбленнаго и мстящаго жениха!

вахтангъ. Что же? ты только займешь мое мѣсто. Впрочемъ, если это можетъ помочь Майко,—ты напрасно медлишь.

гиго. Выслушай меня, Вахтангъ! если бы я сказалъ тебѣ: «Князь! я прощаю тебѣ всѣ мои несчастія и умоляю объ одномъ: вспомни, что у тебя былъ отецъ, была мать, которыхъ ты, можетъ быть, любилъ; заклинаю тебя ихъ прахомъ, скажи, что Майко невинна, и я каждый день буду ходить молиться на ихъ могилу. Вахтангъ! что ты отвѣтилъ бы мнѣ?

вахтангъ. Я отвѣтилъ бы тебѣ вотъ что: добрый человѣкъ благодарю тебя за уваженіе и любовь къ праху моихъ родныхъ: но—Майко была мою.

гиго. Если бы я упалъ предъ тобою на колѣна, обливая слезами твои ноги, просилъ бы тебя: сжался надо мною, Вах-

тангъ, ты для меня все въ эту минуту, ты моя судьба, которая или можетъ спасти или погубить меня... я тебѣ не сдѣлалъ зла и тебѣ пять причины желать моей погибели; спаси; спаси меня и эту бѣдную старуху мать, которая плачетъ, уже не слезами, а кровью! Сжался надъ нею, если не хочешь сжалиться надо мною, увѣрь, что дочь ея невинна; она сама готова на колѣнахъ молить тебя!.. Что сказалъ бы ты ей?

ВАХТАНГЪ. Я сказалъ бы;—встань, старуха! слезы и рыданія не помогутъ: дочь твоя была мою!

ГИГО. Знаешь ли ты, Вахтангъ, что я любилъ Майко больше жизни, больше, души своей?

ВАХТАНГЪ (сильно). А я? развѣ я не любилъ ее? ты ребенокъ, Гиго! ты—дитя, и осмысливаешься сравнивать свою любовь съ мою. Я любилъ Майко больше, нежели ты! гдѣ доказательства твоей любви, увѣренія, слезы, мольбы? — Вѣдь это все только слова, которыхъ улетаютъ, какъ вѣтеръ; — а посмотри на меня—видишь—я лишенъ свободы, я задержанъ: посмотри сюда! (показывая на часовыхъ) эти люди поставлены смотрѣть за мною, какъ за преступникомъ!—Ты свободенъ, ты платишь за любовь свою слезами: у меня они не текутъ, а каплями падаютъ на сердце,—ты погрустишь, перестанешь—и потомъ новая любовь займетъ тебя, а я плачу за любовь ея тяжкимъ покаяніемъ! Кто же больше любитъ ее? Ты, который грозишь убить меня, или я, который уже убитъ? не смертю, потому что смерть легка, и всякий долженъ умереть! ты умрешь, о тебѣ пожалютъ и тебя оправдаютъ,—я умру и надъ могилой моей раздастся голосъ осужденія! — Гиго, принеси же такой дорогой выкупъ, принеси жертву больше моей; и я скажу, что ты любишь ее больше, нежели я!

ГИГО. Но она тебя не любитъ.

ВАХТАНГЪ. Спроси у нея, что она чувствовала, когда, припавъ къ моей груди, говорила: я люблю тебя, Вахтангъ!

ГИГО. Клеветникъ! лжецъ! (хочетъ броситься).

(Слышеніе за дверью голосъ).

ОКРУЖНЫЙ ПРИѢХАЛЬ.

— (входитъ въ комнату и говоритъ) я вѣдь сирота! — онъ сирота, онъ вѣдь сирота, — (входитъ въ комнату и говоритъ) я вѣдь сирота, — (входитъ въ комнату и говоритъ) я вѣдь сирота, — онъ сирота, онъ вѣдь сирота, — (входитъ въ комнату и говоритъ) я вѣдь сирота, — онъ сирота, онъ вѣдь сирота,

Я В Л Е Н И Е IV.

ПРЕЖНИЕ, ОКРУЖНЫЙ, СЕКРЕТАРЬ, АДВОКАТЪ.

ОКРУЖНЫЙ, (*садясь на свое место*). Что, послали за Майкой?

СЕКРЕТАРЬ. Она сейчас будетъ.

ОКРУЖНЫЙ (*Vахтани*). Не имеете ли вы сказать что-нибудь въ свое оправданіе?

ВАХТАНГЪ. Ничего, кромѣ того, что Майко была мою любовницей!

Я В Л Е Н И Е V.

ПРЕЖНИЕ, КЕКЕЛА, МАЙКО (*останавливается по срединѣ сцены*).

ОКРУЖНЫЙ. Знаете ли вы этого человека?

МАЙКО, (*смотритъ на Вахтана и бросается къ нему*). Гиго! женихъ мой! радость моя! наконецъ, я нашла тебя! поцѣлуй меня! — Да что же ты не цѣлуешь свою невѣсту, свою Майко!

ВАХТАНГЪ. Великій Боже! она сошла съ ума!

МАЙКО (*беретъ его за руку*). Слышишь, народъ шумитъ, онъ радуется нашей свадьбы; видишь, какъ свѣтло: вѣдь это церковь освѣтили, насть ждетъ тамъ батюшка; онъ нарочно вышелъ изъ могилы, чтобы благословить насть; вѣдь онъ любилъ тебя, какъ сына... Что ты медлишь? бѣжимъ! бѣжимъ!

ВАХТАНГЪ. О! какъ тяжело, — сердце обливается кровью!

МАЙКО (*обращаясь къ судьямъ*). Добрые люди! уговорите его, вѣдь я много страдала; я думала, что сойду съ ума, что я не переживу разлуки съ нимъ. Наконецъ, я нашла его, я люблю его, а онъ — холопъ, какъ могила.

ОКРУЖНЫЙ. Господа! Судьею этого дѣла можетъ быть только Богъ, — законамъ остается одно — строгое наказать преступника; онъ хуже обыкновенного убийцы! Онъ убилъ не тѣло, а душу: Майко сошла съ ума!

ВАХТАНГЪ. Да, я подвергнулся наказанію; но, напередъ, я долженъ сказать вамъ: я отмстилъ за себя... я хотѣлъ разрушить ея счастіе съ Гиго, потому что меня убивала мысль — видѣть ее

въ объятіяхъ другаго, я хотѣлъ, чтобы позоръ легъ между ними пропастью и перегородилъ имъ путь къ соединенію! Но, видѣть Богъ, я не хотѣлъ лишить ея ума, я не хотѣлъ убить ея душу. (Смотритъ на Майко) Безумная еще жива, но уже мертваго для міра, для матери, для всѣхъ, навсегда. Знайте же, что я оклеветалъ ее! она невинна!

окружный. Князь! посмотри на нее! страшень будеть отчеть... тамъ!

ВАХТАНГЪ. Какъ бы страшень онъ ни былъ, но жизнь для меня еще страшне! Вѣдь, какъ гробовой призракъ, будеть пресловать меня безумная Майко; ночью она не отойдетъ отъ моего изголовья, голосъ ея будеть безпрестанно разрывать мою душу! Майко! оставь меня!

МАЙКО (бросается на шею и обвиваетъ Вахтана). Нѣты! теперь никто неразлучить меня съ тобою!

ВАХТАНГЪ. Я не прошу у тебя прощенія, Майко! потому-что я недостоинъ его. Но, умоляю тебя только объ одномъ: когда предъ престоломъ Бога ты явишися мою обвинительницею, явись съ упреками, съ грознымъ взоромъ, будь неумолима, но неявляйся въ этомъ видѣ безумія.

ГИГО (подходиши къ Майко). Майко! прости, что я смыль усомниться хоть на минуту въ твоей невинности!

МАЙКО. Поди прочь отъ меня! ты пришелъ опять на меня клеветать.

ГИГО (Вахтангу). О, будь же ты проклятъ!

ВАХТАНГЪ (выхватываетъ кинжалъ у Гиго). Не проклиной мертвца! (закалывается).... Мертвыхъ не судять живые, для нихъ есть другой судъ — тамъ!

МАЙКО (усидѣвъ кровь, вскрикиваетъ). Что это?.. Кровь! — гдѣ я? — что со мною! Вахтангъ. Гиго! Гиго! — (Смотритъ на Гиго, узнаетъ его и бросается къ нему въ объятія.—Картина).

КОНЕЦЪ.

ПАНТЕОНЪ

ТЕАТРОВЪ.

из писемъ Юсупа Абасовскаго о томъ какъ оно здѣшніе
государя отставало отъ другихъ, въ томъ отвѣтѣ онъ говорилъ что
государю не заѣщетъ сего, потому что и въ этомъ
государстве есть честные люди, которые не хотятъ отставать
отъ другихъ, а также и то, что въ этомъ го-
сударстве есть честные люди, которые не хотятъ отставать
отъ другихъ, а также и то, что въ этомъ го-

МАРКИЗЪ де СЕНСЕРЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ГЛАВА I.

Полковникъ Нормандскаго полка.

Въ одномъ изъ отдѣлений Версальскаго дворца, примыкаю-
щемъ къ парку, окна пріемной залы были открыты. Комната
эта, убранная индійскою тканью, голубой и бѣлой, представля-
ла вмѣстѣ и большое великолѣпіе и большую простоту; богат-
ство мебели соотвѣтствовало убранству, но въ ней не видно
было ни одной изъ тѣхъ излишнихъ мелочей, которыми при-
чудливая мода того времени наполняла царскіе чертоги. Часы
и позолоченные канделябры украшали огромный каминъ;
на столахъ и подзеркальникахъ не было ни фарфора, ни китай-
скихъ куколъ, на стѣнахъ висѣли только двѣ картины: пор-
третъ Лудовика XV во весь ростъ, и изображеніе Спасителя,
Тиціана. Кресла, обитыя одинаковою тканью съ обоями комна-
ты, были симметрически разставлены около стѣнъ. Однимъ
словомъ, все въ этой огромной залѣ носило отпечатокъ про-
стоты ни мало не похожей на причудливость XVIII вѣка, столь
занеменитаго роскошью и расточительностью.

Двѣ особы смотрѣли въ паркъ, гдѣ тѣснилась толпа гуляю-
щихъ, въ ожиданіи обѣдни въ дворцовой церкви и аудіенціи.
Одна изъ нихъ была женщина лѣтъ двадцати пяти. Восхити-

тельное лицо ёя не могло заимствовать новой прелести ни отъ богатаго малиноваго платья, пышно убранныаго множествомъ лентъ, ни отъ алмазовъ, блиставшихъ въ ея волосахъ. Больше черные глаза сверкали какъ агаты; цветъ лица—розы и лилии, по выражению того времени; ротикъ былъ такой маленькой и алой, что можно было принять его за вишнеку; а носъ, немного вздернутый, придавалъ физиономіи ея такое остроуміе и обольстительность, противъ которыхъ трудно было устоять.

Возлѣ нея стоялъ молодой человѣкъ, или, лучше сказать, шестнадцатилѣтнее дитя, въ мундирѣ Нормандскаго полка съ эполетами полковника. Онъ смотрѣлъ на нее съ какимъ-то нѣжнымъ лукавствомъ. Не имѣя терпѣнія ждать долго отвѣта на вопросъ, который онъ повторялъ уже въ третій разъ, онъ протянулъ руку къ окну, и, слегка ударивъ по мраморной оконницѣ, сказалъ очень рѣзко:

— Сестрица, прошу васъ сказать мнѣ, чего вы ищете на этой террасѣ, вместо того, чтобы обращать свое вниманіе на меня?

— Тсъ! Будете ли вы молчать, вѣтренникъ, сказала молодая женщина. Принцесса теперь въ образной; вы обезпоките ее, и вамъ никогда не позволятъ праходить сюда утромъ.

— Вотъ ровно часть, какъ я именно объ этомъ васъ спрашиваю, но вы не удостоиваете меня отвѣтомъ. Такъ вы говорите, что моя крестная мать теперь въ образной?

— Да, сударь, и если вы будете умны, то послѣ обѣдни она представить васъ королю.

— И король позволитъ мнѣ Ѳхать въ полкъ?

— Разумѣется.

Замѣтно было, что молодая женщина болѣе не слушала. Ребенокъ, следившій за ея взоромъ, увидѣлъ, что онъ остановился на толпе молодыхъ вельможъ, между которыми мелькало нѣсколько красныхъ мундировъ.

— Но правда ли, графиня, что у герцога Кумберландскаго прекрасный алый мундиръ? Онъ въ немъ очень похожъ на кучера герцога Орлеанскаго.

Графиня ударила по рукѣ своего двоюроднаго брата вѣромъ.

— «Маркизъ де-Сенсеръ, если будете продолжать въ этомъ тонѣ, то не видать вамъ своего полка. Какъ хотите вы, чтобы

Нормандія приняла въ начальники такого же проказника, какъ пажи его величества. Я все это расскажу принцессѣ.

— О! да принцесса добрѣвасъ, она смеется надъ моими шалостями и никогда не бранитъ за нихъ. Правда у нея нѣтъ англійскаго принца, который быль бы для нее святыней и о котормъ я не могъ бы сказать слова, не подвергаясь наказанію.

— Опять!

— Да, сестрица, опять и всегда. Я бѣшусь, видя, что прелестнія женщины безъ ума отъ этихъ иностранцевъ, какъ будто французскій дворъ не есть первая школа вѣжливости и ловкости.

— Боже мой! да никто и не думаетъ сходить съ ума! Вы настоящій попугай, маркизъ; вы повторяете слова, внушенныя досадой глупцамъ, которые воображаютъ, что одержали блестящія побѣды, потому что имъ удалось прокатить въ своемъ экипажѣ дѣвацу Дютѣ или Ару. Не подражайте этому примѣру, маркизъ; эти женщины должны быть для васъ тѣмъ, что онъ въ-самомъ-дѣль, и я предупреждаю васъ, что принцесса не станетъ щутить подобными вещами.

— Принцесса—ангелъ, а вы, вы—хорошенький демонъ, графиня. Принцесса не знаетъ даже, существуютъ ли на свѣтѣ девица Дютѣ и Ару; она только о томъ и думаетъ, чтобы молиться Богу за всѣ прегрѣшевія Франціи. Да притомъ же дѣло идетъ совсѣмъ не о ней, а о васъ. Но, будьте откровенны: вы любите принца Генриха, онъ любить васъ; вы любите его, какъ прелестная вѣтренная женщина, любовью очень.. очень легкой, онъ же любить васъ, какъ истинный англичанинъ, страстью нѣжной, романической, безумной. Васъ эта любовь занимаетъ, какъ новость, невѣроятная въ нашемъ kraю; сверхъ того, для вашего самолюбія лестно быть любимой прекраснѣйшимъ мужчиной въ Европѣ. Вы мучаете его до того, что довели бы до сумасшествія, еслибы въ головѣ его оставалась еще частица разсудка, и послѣ прощаете за то, что его же бѣсили три дня сряду. Вотъ и теперь, не для того ли стоите вы у окна, чтобы доставить ему удовольствіе посмотреть на васъ, потому-что вчера, во время ужина у маршальши Люксембургской, вы не хотѣли даже замѣтить, что онъ былъ возлѣ васъ!

— Такъ онъ былъ очень печаленъ? — сказала графиня съ снисходительной улыбкой.

— Былъ ли онъ печаленъ! признаюсь было отъ чего. На весь его взгляды, на весь его вздохи, чѣмъ отвѣчали вы, какъ не холоднымъ вопросомъ о здоровье и поклономъ, весьма уловлетворительнымъ для королевскаго высочества, но слишкомъ неутѣшительнымъ для любовника.

— Шалунъ, онъ все подмѣтилъ!

— О, конечно я все вижу и всѣмъ пользуюсь. Не думаете ли вы, что и меня можно обмануть такимъ же образомъ? Нѣтъ, сестрица, при васъ я нахожусь въ слишкомъ хорошей школѣ, я учусь, наблюдая за вами. Теперь ни одна женщина не провѣдеть меня.

— Вотъ какую прекрасную опытность пріобрѣли вы, послушивая у дверей! Рѣшительно, вы слишкомъ свѣдущи господинъ полковникъ, и я попрошу принцессу, чтобы васъ сдѣлали оберъ-шталмейстеромъ графини Дюбари.

— Не шутите! Графиня Дюбари хороша, какъ ангель, и его величество король французскій очень счастливъ.

— Замолчите, замолчите! Можно ли говорить такія вещи въ комнатѣ, смѣжной съ образною, чистѣйшей, непорочнѣйшей принцессы въ свѣтѣ?

— О! это правда, она чиста, непорочна, добра, прекрасна, умна и сколько прелести въ ея взорахъ, въ ея разговорѣ! Одно удивляетъ меня, какъ вздумали избрать васъ собесѣдницею всей этой добродѣтели, васъ, съ вашею веселостью, внутренностью, кокетствомъ; васъ, для которой только и драгоцѣнного на свѣтѣ, что наряды, да ваша собачка.

— И что еще хуже, — я исправляю должностную статью ламы. Эта добрая княгиня Гистель поѣхала ухаживать за умирающимъ отцомъ своимъ, а я должна занимать ея мѣсто. Не знаю, довольна ли этимъ принцесса.

— Довольна ли! разумѣется, нѣтъ; она сносить присутствіе ваше по христіанской добродѣтели. Ангельская доброта ея покоряется необходимости видѣть васъ. Вы такъ мало другъ друга понимаете!

Прекрасная графиня болѣе не слушала. Глаза ея слѣдовали за толпою; она до того выставила изъ окна, что зацѣнила своимъ головнымъ уборомъ за раму и оставила на ней одинъ

изъ бавтовъ. Маркизъ немедленно спряталъ его въ карманъ жилета и замолчалъ. Спустя несколько времени, графиня Молье опять обратилась къ брату:

—Не правда ли, герцогъ Кумберландскій очень хорошъ и строенъ?... Какъ о немъ говорить при дворѣ?

—Говорять, что онъ женится на принцессѣ Луизѣ.

—Жениться на принцессѣ Луизѣ!

—Да, и это можетъ случиться, я даже вѣрю этому; впрочемъ, знаю, что онъ болѣе думаетъ о вѣсѣ, нежели о ней, хоть это и по другимъ причинамъ.

—Жениться на принцессѣ Луизѣ, ему, простестанту!

Легкой шумъ заставилъ ихъ обернуться. Дверь, находящаяся позади ихъ, отворилась и принцессы Луиза, съ молитвенникомъ въ рукахъ вошла въ комнату.

Малшайшая дочь Лудовика XV, какъ мы сказали выше, была праведница, забытая посреди развращенного двора того времени. Лицемъ она походила на отца, но станъ ея былъ совершенно обезображенъ: на восьмомъ году возраста она упала въ Фонтеврельскомъ аббатствѣ, гдѣ воспитывалась. Всѣмъ известная набожность этой принцессы сделала бы ее страшнѣицемъ для короля и придворныхъ, еслибы снисходительность и доброта ея не успокаивали ихъ. Никто не походилъ столько на ангела и не былъ такъ близокъ къ совершенству, какъ она. Въней замѣтенъ былъ одинъ только недостатокъ, если, впрочемъ, можно назвать это недостаткомъ: она слишкомъ высоко цѣнила достоинство быть дочерью французского короля и требовала отъ всѣхъ, какъ и отъ самой себя, величайшаго почтенія къ этому званію. Она была бы очень горда, еслибы не была такъ религіозна. Впрочемъ, всегда ласковая, она искупала грѣхи другихъ своею набожностью, какъ говорилъ маркизъ де Сенсеръ. Король почти принудилъ ее принимать свою любовницу, г-жу Любари. Трудно ей было, въ этомъ случаѣ, повиноваться королю; но она повиновалась, и никогда не произнесла колкаго слова, говоря съ госпожею Любари. Старшія сестры ея показывали менѣе повиновенія и снисходительности. Луиза часто упрекала ихъ въ томъ съ обычновеній своею кротостію, и говорила:

—Для чего осуждать эту несчастную женщину? И почему

знать, не такъ ли бы поступали мы на ея мѣстѣ? къ тому же, король этого желаетъ.»

Въ этотъ день она была въ тафтиномъ платьѣ, изящненномъ узорами, и въ мантильѣ изъ той же матеріи. Въ нарядѣ ея ничто не показывало изысканности, она слѣдовала модѣ, не опережая ее, и никогда не дѣлала на этотъ счетъ никакихъ замѣчаній. Она отвѣчала наклоненіемъ головы на поклонъ маркиза и графини, и, обратясь къ послѣдней, спросила: ве получала ли она какого извѣстія о княгинѣ Гистель?

— Никакого, ваше высочество, съ самаго ея отъезда.

— А я такъ получила. Она возвратится не прежде, какъ чрезъ шесть мѣсяцевъ, потому что должна окончить дѣла своего отца и свои собственные. Сенсервъ, послѣ обѣдни дожидайтесь меня въ галлерее, я представлю васъ королю. Узнайте, графиня, всѣ ли готовы идти къ обѣдни.

Графиня отворила дверь въ другую комнату, три ламы подошли къ принцессѣ и поклонились, Луиза отвѣчала имъ самою любезною улыбкою.

— Ну, въ саду уже никого нетъ, сказала она, король скоро долженъ выйти изъ своихъ комнатъ.

— Сестрица, тихо сказалъ молодой полковникъ графинѣ Мольѣ: у меня есть лента изъ вашего головнаго убора, и я обѣщаю помочь—вамъ сегодня вечеромъ, вѣбѣсть его высочество, герцога Кумберландскаго.

ГЛАВА II.

Обѣдня.

Версальская церковь представляла удивительное зрѣлище; золото, алмазы блестали со всѣхъ сторонъ. Это было 25-го августа 1769 года, праздникъ св. Лудовика, и всѣ спѣшили изѣять свое усердіе королю. Женщины, въ пышномъ нарядѣ, наполняли главную галлерею, придворные находились внизу, а королевская фамилія съ привѣтами крови занимала средину церкви. Лудовикъ XV часто взглѣдывалъ нальво, гдѣ, въ одномъ отдѣленіи галлереи, сидѣла молодая женщина ослѣпительной красоты и въ богатомъ нарядѣ. Глаза ея встрѣчались часто съ взглядами короля и въ эту минуту она улыбалась ему

вочти съ видомъ покровительства. Эта женщина была — графиня Дюбари, послѣдняя любовница Лудовика XV, съ которой и уничтожилось это званіе при дворѣ французскихъ королей.

По правую сторону короля стояли на кольцахъ, на бархатныхъ подушкахъ, принцессы, его дочери. Всѣ они прилежно молились; въ особенности младшая.

— Посмотрите на принцесу Луизу, говорила госпожа Дюбари своей соседкѣ, маршальшъ Мирпуа, точно святая Тереза.

— Да, душенька, молится за насть грѣшныхъ, и вотъ почему ее ничто не развлекаетъ.

— Можно ли вообразить графиню Мольѣ возлѣ принцессы Луизы? Гдѣ вы найдете вмѣстѣ двухъ женщинъ съ такими противоположными свойствами?

— Разумѣется. Можетъ быть, я ошибаюсь, но все это мнѣ кажется страннымъ: принцесса Луиза такъ добра, такъ ко всѣмъ снисходительна, и не смотря на то, она становится гордою, когда говоритъ или даетъ ей приказаніе. Если бы принцесса Луиза была обыкновенной женщиной, то я бы подумала, что тутъ кроется соперничество; но какъ допустить подобную мысль?

— Вы правы, вчера и король замѣтилъ мнѣ это. Кстати, знаете ли вы, что сегодня вечеромъ Бугенвиль привезть ко мнѣ знаменитую ликарку, которую назначилъ мнѣ въ подарокъ для симметрии къ моему негру Замору: мы наговемъ ее Альзиарой. Она будетъ представлена королю, потому-что принцессы желаютъ ее видѣть и позабавиться ея удивленіемъ при видѣ французского двора.

— Вы очень счастливы, милая графиня, что можете заниматься такими бездѣлицами. Маркиза Помпадуръ имѣла ввиду не то. Нѣтъ! вы всегда останетесь ребенкомъ.

— Вы также знаете, что съ его величествомъ пріѣдетъ ко мнѣ ужинать герцогъ Кумберландскій. Я просила и графиню Мольѣ, потому что ихъ уже не приглашаютъ другъ безъ друга. Страсть эта достойна Амадиса и Оріаны.

— Однакожъ, это не мѣшаєтъ графинѣ Мольѣ имѣть дюжицу явныхъ обожателей, не считая тайныхъ. Правда, она прекрасна и посль васъ, графиня, она первая красавица при нашемъ дворѣ.

— Замолчимъ лучше, мы дѣлаемъ соблазнъ своимъ злорѣчіемъ; взгляды, которые бросаются на насть набожныя особы,

сулать намъ тысячу неизрѣтностей, госпожа де-Коссе, такъ и сверкаетъ глазами...

— Бѣлая герцогина! оставьте-её, пожалуйста, въ покой, она имѣеть причину на васъ сердиться. Не обворожили ли вы ся мужа? Но, намъ надо замолчать, принцессы присоединяются къ недовольнымъ, а не должно раздражать ихъ противъ васъ.

— Графиня, шепнуть кто-то госпожѣ Дюбари; послѣ объѣни, принцесса Луиза представить меня королю и будетъ просить его величество позволить мнѣ ѿхать въ полкъ. Не поможите ли и вы мнѣ немногого?

— Хорошо, господињь шалунъ. Не мѣшайте же мнѣ молиться, и приходите сегодня ужинать въ особенные комнаты; я повторю представлениѳ и просьбу принцессы Луизы, и надѣюсь, что это не повредить.

— Благодарю васъ, благодарю, графиня. Боже мой! какъ вы прекрасны! Одинъ только портретъ вашъ можетъ сравниться съ вами красотою.

— Замолчите, маркизъ де-Сенсеръ, прервала маршальша. Я увѣрена, что мы обратили на себя общее вниманіе.

Обѣдня продолжалась; заѣли Domine Salvum. Принцесса Луиза взглянула на отца, на г-жу Дюбари, сложила руки и снова начала молиться. Взглядъ этотъ и молитва не укрылись ни отъ кого, кромѣ короля, который мало занимался подобными вещами.

По окончанію обѣдни всѣ вышли изъ церкви и пошли въ большую галлерею. Придворныя лады, принадлежащія къ свитѣ принцессъ, следовали за ними. Блестящія шитыя платья, мантіи со шлейфами, огромныя фижмы, богатейшія матеріи представляли самое великодушное зрѣлище. Король привѣтствовалъ всѣхъ съ своею обыкновенной ласкою. Принцессы шли вслѣдъ него, король говорилъ съ каждой изъ нихъ и по временемъ останавливался, чтобы сказать нѣсколько словъ своимъ любимцамъ. Дошедши до средины галлереи, принцесса Луиза прошила у короля позволенія представить ему одного молодаго человѣка.

— Представленіе! Мнѣ удивительно что вы принимаете на себя этотъ трудъ.

— Государь, я прошу ваше величество о моемъ крестникѣ,

маркизъ де-Сенсеръ. Онъ желаетъ чести командовать своимъ полкомъ и скучаетъ при дворѣ отъ праздности.

—Скучаетъ! это слишкомъ рано! впрочемъ намъ нравится такое рвение въ нашемъ молодомъ дворянствѣ; король всегда можетъ надѣяться на успѣхи съ подобной подпорой. Такъ вотъ этотъ храбрый воинъ! Вы только что вышли изъ пажей, маркизъ, и вѣроятно не оставили еще академіи. Который вамъ годъ?

—Шестнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ, ваше величество.

—Я не ошибся. А гдѣ вашъ полкъ?

—На границахъ Фландріи, ваше величество. Говорятъ, что если будетъ война, то она начнется съ этого пункта.

—Кто такъ хорошо извѣстилъ васъ о намѣреніяхъ правительства? Не крестная ли ваша маменька?

—Моя благородная кресовая мать, сказала молодой человѣкъ, кланяясь, внушила мнѣ одно только повиновеніе и совершенную преданность къ особѣ вашего величества.

—Прекрасный отвѣтъ, господинъ полковникъ! Мы о васъ полумаемъ. Сперва надо узнать понравится ли вашему отцу, что вы такъ рано обнажите свою шпагу. Я никакъ не хотѣлъ бы огорчить вѣрнѣйшаго моего подданнаго.

И король пошелъ далѣе. Принцесса Луиза бросила привѣтливый взглядъ на своего любимца; графиня Молье шепнула ему:

—Дерзкой шалунь! Спрячете ли вы украденную у меня ленту?

—О! напротивъ, я вѣдѣ буду ее показывать, и, по примѣру другихъ, хвастать своими успѣхами, тѣмъ болѣе, что они мнѣ ничего не стоять.

Графиня перестала провожать принцессу, бросила на него грозный взглядъ и удалилась.

—Сенсеръ, что сказала тебѣ король? спросилъ маркиза молодой графъ де-Шузель.

—Маркизъ, не двоюродный ли вы братъ графинѣ Молье? сказалъ герцогъ Кумберландскій съ смущеннымъ видомъ.

—Ваше высочество, я очень близкій родственникъ графинѣ Молье, она удостоиваетъ меня своими особыми милостями и непремѣнно желаетъ, чтобы я былъ головомъ старѣ, отвѣчать ей на принцу насмѣшивымъ тономъ. А между тѣмъ, я ишу ся

цвѣтъ, и это придаетъ мнѣ рыцарскій видъ, который ей нравится. Любезный Шуазель, король запретилъ мнѣ повторять сказанное мнѣ его величествомъ и мнѣ очень жаль, что я не могу, въ этомъ случаѣ, удовлетворить твоему любопытству. Къ вашимъ услугамъ, господа.

Поклоняясь очень низко принцу и всѣмъ присутствующимъ, онъ пошелъ въ комнаты принцессы Луизы.

—Хитрецъ! вскричалъ герцогъ Кумберландскій! да онъ лукавъ, какъ бѣсь!

—Да, ваше высочество, прибавилъ графъ де-Шуазель; въ этой бѣшеной головѣ больше хитрости, нежели подъ огромнымъ парикомъ канцлера. Онъ проведеть всѣхъ настѣ.

Принцесса Луиза была уже въ образной и отпускала свой штатъ, когда вошелъ къ ней маркизъ.

Сенсеръ, вы пробудете у меня не болѣе получаса; мы поговоримъ о дѣлѣ и вы передадите батюшкѣ вашему отвѣту короля. Потомъ, обратясь къ статсъ-дамамъ, она сказала: я прошу васъ явиться къ обѣду, а до того времени я не имѣю нужды въ вашемъ присутствіи. Сегодня король проведеть вечеръ у принцессы Аделанды и мы всѣ отправимся туда.

Оставшись съ своимъ крестникомъ, принцесса Луиза упала на стуль, какъ бы утомленная продолжительнымъ принужденіемъ, и подала маркизу знакъ, чтобы онъ сѣлъ на подушку, лежащую у ногъ ея.

—Сенсеръ, довольны ли вы мною?

—Ваше высочество, я не знаю, какъ изъявить вамъ мою благодарность. Вся жизнь моя принадлежитъ вамъ. Но послѣднія слова короля и ваши заставляютъ бояться, что трудъ вашъ былъ напрасенъ.

—Почему же это?

—Если необходимо совѣтоваться съ батюшкой, то онъ не дастъ своего согласія.

—Но вы меня увѣрили, что онъ согласенъ.

—Это для того, чтобы получить согласіе вашего высочества, отвѣчалъ молодой человѣкъ, потупивъ глаза.

—Это значитъ, что вы меня обманули и заставили сдѣлать безразсудный поступокъ, который долженъ навлечь неудовольствие короля на васъ и на меня. Поступокъ этотъ столько же

худо обдуманъ, сколько предосудителенъ. Вы первый будете наказаны за него гневомъ вашего отца и отказомъ моего.

—Можетъ быть, есть возможность избѣжать этого: если бы вашему высочеству угодно было известить батюшку о волѣ, объявленной его величествомъ.

—Но воля его единственна состоять въ томъ, чтобы не поступить противъ желанія герцога де Ланжевиля.

—Боже мой, въ какомъ я затрудненіи!... Не знаю, какъ объяснить вашему высочеству.... Если бы вамъ угодно было.... если бъ....

Взоръ принцессы устремленъ былъ въ это время на пурпурный бантъ, украшавшій мундиръ маркиза де-Сенсеръ.—Оставимъ это. Будьте спокойны: я поговорю съ вашимъ батюшкою, буду умолять его за васъ; скажите мнѣ, что за ленточку вы показываете всѣмъ и каждому? Ежели это знакъ какой-нибудь побѣды, то вы носите трофеи слишкомъ явно.

—Этотъ бантъ! О, ваше высочество, я получилъ его отъ одной прекрасной графини и онъ долженъ привести въ отчаяніе одно королевское высочество. Къ-счастію, это высочество англійское.

—Какъ!... герцога Кумберландскаго?

—Да, ваше высочество, и эта ленточка еще сегодня утромъ украшала головной уборъ графини Молье.

—Да, точно. Но что до этого герцогу Кумберландскому?

—Однимъ вамъ, можетъ быть, неизвѣстно, что принцъ страшно влюбленъ въ мою сестрицу и что онъ ревнивъ до бѣшенства.

—И вы хотите его увѣрить, что вы, въ ваши лѣта, можете быть его соперникомъ?

—Почемужь не такъ, ваше высочество? Въ мои лѣта можно жениться и съ именемъ маркизы де-Сенсеръ передать наследственное право на титулъ герцогини де-Ланжевиль, а это—предпочтительнѣе званія любовницы иностранного принца, кото-раго, можетъ быть, чрезъ недѣлю не будетъ уже здѣсь.

Послѣ минутнаго молчанія принцесса продолжала:

—Вамъ еще слишкомъ рано имѣть такія мысли. Къ тому-же какое вамъ дѣло? развѣ вы влюблены въ графиню?

—Нѣтъ, ваше высочество, хотя она и очень этого желаетъ.

— Такъ вотъ какое вы имѣете о себѣ мнѣніе! Но во всемъ этомъ я не вижу, какая можетъ быть ваша цѣль?

— Просто, ваше высочество, я забавляюсь насчетъ иностранца, котораго не люблю.

— Чѣмъ же заслужилъ онъ вашу ненависть?

— О! я имѣю причину его ненавидѣть.

— Но какую же?

— Онъ назвалъ меня мальчикомъ, а я докажу ему, что онъ ошибается.

— Ужасная обида! бѣдный принцъ! какъ онъ жалокъ!

— Больше, нежели вы думаете, ваше высочество: я оскорбляю его любовь, а какъ въ любви этой заключается для него все, то я увѣренъ, что нанесу сердцу его жесточайшую рану.

Принцесса Луиза съ живостию встала и возразила повелительнымъ тономъ:

— Уйдите, сударь, я не хочу слышать подобныхъ вещей!

Бѣдный молодой человѣкъ поклонился и, пристыженный, хотѣлъ выйти. При видѣ его грусти, принцесса смягчилась и воротила его.

— Я васъ прощаю, Сенсеръ, но будьте впередъ умнѣе. Посмотрите, другъ вашъ. Розета, убрана не хуже васъ. Подите вмѣстѣ въ мой кабинетъ кушать бисквиты, это всего больше пристало вашему возрасту.

Маркизъ поцѣловалъ руку принцессы и вышелъ съ Розетой, прекрасной болонкой, въ ошейнике изъ голубыхъ лентъ.

ГЛАВА III.

Образна.

Принцесса Луиза смотрѣла вслѣдъ за своимъ крестникомъ до техъ поръ, пока онъ совершенно скрылся. Дверь затворилась, но взоръ ея все еще былъ къ ней прикованъ, слеза выкатилась изъ-подъ длинныхъ ресницъ ея и канула на руку.

— Какая слабость! вскричала принцесса, Божемой! пощади меня! Принцесса подошла къ налою и стала на колѣна. Она была

въ бѣломъ тафтяномъ платьѣ, съ такими же оборками. Нарадъ этотъ принцессы оставляли тогда только, когда принимали у себя дворъ. Ни одна лента не украшала прически принцессы Луизы; она сняла послѣ обѣдни всѣ украшенія, вмѣстѣ съ нарядомъ своимъ.

Образная, въ которой она находилась, была очень небольшая комната, обитая камкой съ такими же украшеніями, и соотвѣтствовала совершенно остальному убранству комнаты. Въ круглой впадинѣ стѣны находился жертвенникъ, посвященный пресвятой Дѣвѣ, образъ которой, изваянныи изъ благо мрамора, былъ облить свѣтомъ и окруженъ цветами. Черный бархатный валой, помѣщенный у ногъ Богоматери, былъ покрытъ священными книгами и четками. Изображенія святыхъ украшали стѣны этого святилища. Неугасаемая алебастровая лампада спускалась съ потолка. Вся мебель этой комнаты состояла изъ нѣсколькихъ табуретовъ, обитыхъ камкою; въ ней не было даже кресла для принцессы. Предъ Богомъ она была обыкновенная женщина и не хотѣла никакаго отличія. На противуположной стѣнѣ, распятіе изъ слоновой кости, превосходной работы, рѣзко обрисовывалось на обояхъ. Плотно закрытыя окна, завѣшенныя двойными занавѣсами, не допускали никакого шума снаружи. Въ этомъ дѣственномъ убѣжищѣ душа наслаждалась совершеннымъ уединеніемъ предъ Всемогущимъ, и могла возноситься къ нему безъ страха и розсѣянія. Песочные часы и черепъ напоминали о скоротечности времени и нашемъ общемъ назначеніи. Принцесса Луиза любила также сохранять сухіе цветы, окружала себя эмблемами разрушенія, къ которымъ имѣла особенное предпочтеніе. По обѣимъ сторонамъ изображенія Богоматери, на двухъ жертвенникахъ меньшаго размѣра находились, съ правой стороны, образъ Лудовика Святаго, короля французскаго, а съ лѣвой, святаго Генриха германскаго императора; дорогіе ковчеги, окружавшіе эти изображенія, кружева и каменья украшавшіе святилище, представляли разительную противуположность съ простотою прочаго убранства. Это было, какъ сказано выше, день имянинъ короля, также и принцессы Луизы. Она хоть молится своему святому, но не могла отъ сильнаго душевнаго волненія; встала, прошла нѣсколько разъ по комнатѣ, ударяя себя въ грудь и проливая горякія слезы; снова остановилась

предъ распятіемъ и молилася, но все было напрасно. Въ уныніи она бросилась на коверъ и, рыдая, умоляла Всевышняго отдалить отъ нея ужасный искушениі.

Вѣроятно, молитва ея была услышана, ибо она получила внезапное вдохновеніе, встала, подбѣжала къ золотому ящичку, украшенному рубинами, сняла съ пояса ключъ, отперла ящикъ, съ благоговѣіемъ вынула изъ него письмо, разорванные сгибы котораго доказывали, что оно часто бывало въ рукахъ. Принцесса поднесла его къ устамъ своимъ и, ставъ на колѣна, читала слѣдующее:

«Луиза, возлюбленная дочь моя! я тебя оставляю и одва только неизвѣстность участія твоей тревожитъ меня въ эту торжественную минуту. Съ того времени, какъ ты возвратилась ко двору, къ которому приковала насъ судьба, я изучала твое сердце, твой характеръ, и съ грустію увидѣла, что передала тебѣ всѣ гибельныя качества, составляющія на землѣ несчастіе женщины. Нѣжная душа твоя жаждетъ любви, и какъ здесь она не можетъ найти взаимности, то должна будегъ воспарить къ Тому, Кто одинъ властенъ излить на нее всѣ небесныя радости, о которыхъ ты мечтаешь. Милое дитя мое, скоро я соединюсь съ Богомъ, меня призывающимъ, и промѣняю тѣлесный вѣнецъ, столько лѣтъ терзавшій чело мое, на вѣнецъ вѣчной славы. Буду молить Его о тебѣ, чтобы, въ минуты испытанія, которая я уже предвижу, память моя являлась тебѣ, какъ ангелъ — хранитель. Знаю, что никто не можетъ замѣнить тебѣ мать; король и сестры твои никогда не поймутъ тебя; можетъ быть, братъ твой... но ты его лишилась. Безъ подпоры, безъ путеводителя, ты будешь проходить путь жизни, столь противоположной твоимъ склонностямъ. Не унывай, моя Луиза, въ одиночествѣ обрати всю любовь твою, всѣ твои помыслы къ Всевышнему, люби ближнихъ, люби особенно твоего отца, будь его провидѣніемъ. Я оставляю его подъ вліяніемъ адскихъ пороковъ; молись за него, покрой его своими крылами, мой милый — серафимъ. Вотъ назначеніе, вотъ цѣль, къ которой ты должна направить пылкое твое воображеніе. Когда отчаяніе начнетъ овладѣвать тобою, когда, утомленная бесполезными заботами, ты почувствуешь, что душевныя силы твои ослабѣваютъ, тогда особенно помышляй о матери твоей, которой все блаженство будетъ состоять въ томъ, чтобы охра-

нять тебя. Не допускай въ свое сердце чувства любви, люби одно свое семейство. Рожденный на тронѣ, мы осуждены повиноваться однимъ только обязанностямъ. Чувства наши должны молчать предъ пользою государства и почтеніемъ, которое внушаетъ наше званіе. Если же, когда-нибудь, участь твоя и устроится согласно съ желаніемъ твоего сердца, то не внимай опаснымъ совѣтамъ,—ахъ!—они были источникомъ всѣхъ моихъ несчастій. Удалайся интригъ, избѣгай всѣхъ крайностей и полагайся всегда на Бога и на твою совѣсть.

Прости, дочь моя! Зрѣніе мое слабѣетъ, рука дрожитъ, я не могу продолжать. Прими мое послѣднее благословеніе, самое нѣжное благословеніе сердца матери. Письмо это будетъ тебѣ доставлено послѣ моей кончины, читай его чаще: да послужитъ оно къ облегченію твоихъ страданій. Не забывай никогда, что я молюсь за тебя и за всѣхъ.»

«Марія Лещинская.»

Свернувъ письмо, принцесса погрузилась въ продолжительное размышленіе. Мало-по-малу слезы полились изъ глазъ ея, и наконецъ, изнемогая снова, она вскричала:

—Ты говорила правду, никто не любить меня, и я одинока посреди толпы. О! подкрѣни меня, мать моя!

Послѣ минутнаго молчанія, она продолжала:—Молиться, въ молитвѣ вся моя надежда.

—Боже спаси короля!

—Боже сохрани Францію!

—Боже обрати *его* къ истинной вѣрѣ!

—Нѣть, нѣть! Кчему эта молитва? Къ чему этотъ образъ? Боже! Ты единій долженъ наполнять мою душу; и потомъ память матери моей, отецъ мой, семейство и мои обязанности! Выври изъ сердца моего все остальное. О! какое ужасное мученіе! Не допусти меня пасть во искушеніе, Господи, Господи! Сжался надо мною!

Въ эту минуту въ залѣ пробило одинадцать часовъ. Луиза отерла слезы и встала, какъ будто бы поддерживаемая невидимою рукою.

—Одинадцать часовъ. Скоро придутъ, а никто не долженъ знать, что я плакала. Развѣ горе смѣеть коснуться дочери французскаго короля?

Т. III. Отд. I.

При этой мысли, горькая улыбка появилась на устахъ ея. Кто-то тихо постучался у наружной двери; принцесса отперла ее сама. Въ комнату вошла статсъ-дама и, послѣ обыкновенного привѣтствія, сказала:

—Какое платье угодно надѣть вашему высочеству?

—Сегодня имянины короля, милая маркиза, надо нарядиться. Выберите самое великолѣпное изъ моихъ платьевъ.

—Какой уборъ?

—Алмазы, всѣ мои алмазы. Особенно, не забудьте алмазнаго убора королевы. Да кстати, госпожа Дюфуръ, скажите мнѣ, послала ли графиня Молье дофину шагу, которую я ему назначила въ подарокъ. Милый племянникъ мой также сегодня ниникъ.

—Дофинъ съ этой шагою былъ у обѣдни, и благодарилъ ваше высочество въ галлерѣ.

—Точно, точно. Какъ же я могла это забыть?.. Простительно ли быть такою вѣтренною въ мои лѣта? Ахъ! милая Розета, и ты также нарядилась? Долго ли игралъ съ нею маркизъ де-Сенсеръ? Я это назначила ему въ наказаніе за его хвастовство. Впрочемъ, онъ очень милый ребенокъ. Теперь мы можемъ прииться за туалетъ; я позволила графинѣ Молье явиться сюда только къ обѣду. Начнемте же, съ тѣмъ однакожъ, чтобы это не продолжалось болѣе получаса. И этого ужъ слишкомъ много для такого пустаго занятия.

Принцесса Луиза въ сопровожденіи статсъ-дамъ вошла въ свою уборную и разговаривала съ ними очень любезно и ласково.

—Отсутствіе графини де-Молье ни мало не замѣтно, милая маркиза: вы чудесно ее замѣняете. Надѣюсь, что сегодня сестры будутъ довольны мною: я одѣта совершенно по модѣ.

Двѣнадцать часовъ пробило. Метръ-д'отель доложилъ, что обѣдь готовъ; принцесса Луиза съ своими дамами отпралилась къ принцессѣ Аделаиде, старшей дочери Лудовика XV, у которой обыкновенно обѣдали все сестры.

ГЛАВА IV.

Туалет.

Послѣ обѣда, какъ мы видѣли, Луиза отпустила своихъ ламъ. Графиня Молье сѣла въ карету, которая ожидала ее на мраморномъ дворѣ, и поѣхала домой. Такъ какъ она временно исполняла должность статсъ-дамы, то ей позволили жить въ дворца. Притомъ же, княгиня Гистель оставила за собою свои комнаты. Домъ графини былъ похожъ на миленькую бонбоньерку; онъ былъ построенъ на большой дорогѣ въ Парижъ, до половины закрытъ большими деревьями и на столько близокъ къ дворцу, что нельзя было бояться усталости, если обязанность требовала туда явиться.

Рѣшетка превосходнаго сада отворилась въ то время, какъ графиня выглянула въ окошко кареты и замѣтила молодаго аббата, который толковалъ съ швейцаромъ и казался очень недовольнымъ, не заставъ дома хозяйки.

— Войдите, войдите, вскричала графиня; теперь я свободна на два часа и сейчасъ слду за туалетъ. Принцесса въ молельни...

Это очень хорошо, замѣтилъ аббатъ: у всякаго свое занятіе.

Графиня не отвѣчала и велѣла подвести себя къ дверямъ уборной, который выходили въ цвѣтникъ; аббатъ помогъ ей выйти изъ экипажа.

— «Боже мой! какъ это мило!» вскричалъ онъ, входя въ уборную.

И точно, ничто не могло быть лучше и изящнѣе этой уборной. Самые роскошные будуары не имѣли столько вкуса. Потолокъ представлялъ группу купидоновъ. Обои изъ розового гро-дегура, обтянутые вышитой кисею, придавали нѣжныій оттѣнокъ лицу и возвышали красоту его. Большая картина Буше, на которой была представлена графиня Молье, въ видѣ Венеры, выходящей изъ воды, прикрыта одною драпировкою, кидалась въ глаза яркостью колорита и нѣжностью формъ красавицы. Цвѣты на каминѣ, на столахъ, везде, где ихъ только можно уставить, и курильницы разливали по комнатѣ ароматъ, который сильно разгорячалъ воображеніе, воспламеняя чувства. Множество бездѣлокъ въ китайскомъ вкусѣ, уродливые мандарины,

пастухи въ бывшихъ атласныхъ кафтанахъ, въ голубыхъ панталонахъ, пастушки съ волынками, гирлянды, разбросанные уборы, дорогія галантерейныя вещи, модныя бездѣлки, наконецъ, весь бесполезной взлоръ, который въ то время считался принадлежностью щеголихъ, занимали всѣ углы.

Самая видная и необходимая мебель этой комнаты,—туалетъ изъ красного дерева, былъ отдалъ перламутромъ съ слоновою костью и украшенъ позолотой. Принадлежности туалета изъ севрскаго фарфора, обдѣланного золотомъ, были такъ искусно разставлены, что всѣ были на виду. Большое венеціанско зеркало въ филиграновой рамѣ было окружено занавѣсами одной ткани съ обоями. Занавѣсы спускались до полу и составляли передъ зеркаломъ родъ маленькаго балдахина украшеннаго перьями. Противъ этого совѣтника грацій, кушетка съ мягкими подушками приглашала къ отдыху. Три большия зеркала помѣщены были въ простыняхъ оконъ, надъ кушеткою; четвертое было вставлено въ каминъ; занавѣсы до половины закрывали зеркальныя двери. Не трудно было догадаться, что хозяйка дома красавица; желаніе умножить свое изображеніе довольно это доказывало.

Въ самомъ дальнемъ углу, подъ сводомъ изъ зелени, установлена была собачья канурка изъ розового атласу, съ кружевными занавѣсками, золочеными рамами, съ букетами перьевъ по угламъ и съ кучею лентъ. Въ ней помѣщалось что-то въ ролѣ комка снѣгу, величиной съ кулакъ; на когоромъ замѣтны были черная морда и черные глаза въ волнахъ серебренаго шелка. Это была гаванская собачка, подаренная графинѣ однимъ обожателемъ, который нарочноѣздили въ Гаванну, чтобы привезти эту рѣдкость и доставилъ ее въ хлопчатой бумагѣ. Никто не видѣлъ, какъ она ходитъ; изъ канурки она перелѣзала въ муфту хозяйки. Это баснословное животное называлось *Фанфrelюшъ* и питалось только, нарочно для него изпечеными, сухарями; и то оно прихотничало и отказывалось ихъ есть, если они были не очень сладки и не въ этотъ день приготовлены; для него шесть разъ перемѣняли булочника. Въ эту минуту, *Фанфrelюшъ* отдохнулъ на своей подушкѣ, покрытой батистомъ въ общій кружевами, одного достоинства съ туалетными, которыя стоили четыреста ливровъ аршинъ.

Графиня сбросила свою мантилью, приказала отстегнуть корзинки, накинула пеньuarъ и усѣлась въ подушки кушетки, приказавъ своимъ горничнымъ придти черезъ полчаса одѣвать ее къ обѣду принцессъ. Аббатъ не могъ налюбоваться этими очарованными мѣстами, какъ онъ хотѣлъ выразиться въ подготавляемыхъ имъ стихахъ, и гдѣ эта фраза должна была рифмовать съ побѣдоносными глазами. Рифма не очень богата; но она голилась въ эти счастливыя времена въ мадrigаль, сочиненный аббатомъ.

«Милая графиня, это дворецъ волшебницы. Откуда вы достали этотъ восточный коверъ? Какимъ образомъ этотъ маленькой каскадъ льется въ этотъ мраморный бассейнъ? Какъ отъ него здѣсь прохладно! Давно-ли вы все здѣсь такъ прекрасно устроили?

—Послѣ траура, мой милый аббатъ. Минъ такъ наложено по смерти господина Молье, два года сряду видѣть только катафалки и черныя занавѣсы, что я рада была немноги повеселиться. Не спрашивайте меня, откуда это взялось, я не знаю. Спросите моего обойщика.

—Гдѣ же Фанфrelюшъ? Я принесъ ему стихи и пирожное.

—Онъ не хочетъ ни того, ни другаго. Вчера кавалеръ Буффлеръ набилъ его домикъ куплетами, онъ даже на нихъ и не взглянуль; а герцогъ Кумберланъ всякое утро присыпаетъ для него макароны, которыхъ не смыть даже ему подавать. Вы можете, аббатъ, оставить ваши дары у себя; Фанфrelюшъ и я, мы сыты по-горло гостицами. Вся благосклонность, какую только мы можемъ вамъ оказать, состоитъ въ томъ, что я дозволю вамъ принести ко мнѣ этого милаго купидона. Быть можетъ, онъ вѣсть укусить; но что за дѣло?

Аббатъ подошелъ къ милому купидону. Фанфrelюшъ кинулся на него безъ церемоніи и изорвалъ въ клочки его маншеты. Это разсмѣшило до слезъ графиню.

—Въ-самомъ-дѣлѣ, графиня, вы выбрали себѣ двухъ любимцевъ презлой породы, — собачку и маркиза де-Сенсеръ; я право не знаю, въ которомъ изъ нихъ болѣе злости и лукавства, сказалъ аббатъ, почти разсерженный.

—Это что значитъ, аббатъ, явное возмущеніе, ропотъ на мои прихоти! Смотрите, будьте осторожны, не то—мы поссоримся. Который часъ?

—Половина одинадцатаго.

—Позвоните и скажите человѣку, который ожидаетъ моихъ приказаний въ саду, что швейцарь можетъ не откликаться.

Вошли горничные; аббатъ исполнилъ приказаниe; изнѣженная красавица встала съ софы и сѣла передъ зеркаломъ на табуретъ. Черезъ нѣсколько минутъ человѣкъ доложилъ:

—Его королевское высочество герцогъ Кумберландъ.

Графиня встала и сдѣлала два шага на встрѣчу благородному гостю, котораго прекрасное лицо носило отпечатокъ истиннаго страданія.

—Ваше высочество, такъ рано! сказала она съ восподражаемой любезностью... Вамъ угодно сдѣлать мнѣ честь, присутствовать при моемъ туалете; признаюсь, это очень любезно.

Герцогъ поклонился, не говоря ни слова. Горничная поставила ему кресла возлѣ графини; по другую сторону сталь аббатъ. Графинѣ убирали голову или, вѣрнѣе, снимали съ ея головы руины и ленты, чтобы замѣстить ихъ другимъ украшеніемъ.

—Алый цветъ, какъ мнѣ кажется, въ большой модѣ при дворѣ? сказалъ очень серьезно герцогъ.

—Въ-самомъ-дѣлѣ, сегодня утромъ я видѣла этотъ цветъ на нѣсколькихъ дамахъ; для этого я и перемѣняю мое платье.

—Послѣ этого все перемѣняться, вскричалъ аббатъ: вашему примѣру слѣдуютъ все грации и даже богъ любви?

—Не трудно, аббатъ! перебила госпожа Молье, накладывая злодѣйскую мушку и улыбалась такъ, чтобы можно было замѣстить два ряда жемчуга въ гранатъ. Фразу эту не упустилъ поднести графинѣ аббатъ, подражатель Дората. Принцъ молчалъ и самая увлекательная любезность графини не могла вывести его изъ этого положенія; она даже испугалась и поняла, что одно только явное и нелѣчимѣрное предпочтеніе могло побѣдить это молчаніе и возвратить надежду въ сердце герцога. Случай ей помогъ въ этомъ. Съ минуту аббатъ смотрѣлъ съ довольно-жалкимъ видомъ на свои изорванныя кружева.

—Не правда ли, ваше высочество, у графини двѣ прихоти, очень тяжелыя для ея друзей?

—Позвольте спросить, какія?

—Собачка Фанфrelюшь и двоюродный братецъ, маленькой Сенсеръ.

—Точно, графиня ихъ очень любить и даже въ равной степени; замѣтьте, что она обходится съ ними одинаково, прощаетъ имъ всѣ шалости и украшаетъ обоихъ своими измѣтыми лентами.

—Наконецъ, мы дошли до дѣла, подумала графиня. Въ-самомъ — дѣлѣ, ваше высочество! Признайтесь, что это очень не дурно и если бы я захотѣла поступать съ вами точно такъ же, то вы конечно считали бы себя очень счастливымъ. Попробуйте. Вотъ вамъ, еще неизмѣтый бантъ небесно-голубаго цвета; хотите, я приколю его къ вашей петлицѣ? Это дасть тонъ, и вы скоро увидите, что всѣ придворные будутъ украшены бантами, если бы даже имъ пришлось покупать ленты.

Принцъ съ радостнымъ лицемъ опустился на одно колено, и принялъ хорошенький подарокъ, цѣлуя руку, которая его прикалывала.

—А мвѣ? спросилъ аббатъ.

—Вамъ? Вотъ вамъ алья; можете употребить ихъ, на что угодно: для вѣсъ онъ годятся.

—Я беру съ вѣсъ обѣщаніе, графиня, что кромѣ меня, никто не будетъ носить такихъ лентъ? сказалъ герцогъ, между-тѣмъ какъ аббатъ отнималъ у горничныхъ нѣсколько старыхъ бантиковъ.

Она посмотрѣла на него, потомъ, снявъ съ головы бирюзу и цветы, которыми ее убирали, пришипила надъ лѣвымъ ухомъ голубой бантъ безъ концовъ, совершенно-сходный съ подареннымъ герцогу. Этотъ нѣмой отвѣтъ восхитилъ бѣднаго влюбленнаго и доставилъ ему такую минуту радости, о которой послѣ обыкновенно вспоминаютъ съ печалью!

—Маркизъ де-Сенсеръ!

Это имя, произнесенное въ такую минуту, оледѣнило всѣхъ присутствующихъ, исключая госпожи Молье. Она, какъ опытный тактикъ, находила удовольствіе въ томъ, что кругомъ ея собираются новыя затрудненія. Она встрѣтила полковника съ видомъ избалованнаго ребенка, и это новое положеніе, такъ рѣз-

ко отличалось отъ нѣжности, выказанной ѿю, за нѣсколько минутъ, что принцъ смущился и не зналъ, что думать.

—Скорѣй, скорѣй, mon cousin, обнажайте шлагу. Васть обвиняютъ, терзаютъ, и причины такого нападенія до того важны, что я не знаю даже, что сказать въ ваше оправданіе. За то, что Фанфrelюшъ обгрызъ маншеты и пальцы аббата, онъ жаждетъ вашей смерти, полагая, что вы научаете это милое сокровище такимъ злымъ поступкамъ. Еще есть одно злѣо о лентахъ, которое вамъ непремѣнно должно кончить. Уверяю васъ, что все это не шутка!

—Вы меня удивляете, милая кузина! Какъ! я долженъ отвѣтить за поступки Фанфrelюша? Я виноватъ, если Фанфrelюшъ презираетъ услуги аббата, если на Фанфrelюшъ старый ошейникъ, если Фанфrelюшъ завистливъ или ему завидуютъ, все я виноватъ!.. Право, я отъ него отказываюсь; легче управлять Парижемъ, нежели этою собаченкой!

Принцъ опять сдѣлался скучнымъ.

—Что думаетъ объ этомъ его высочество? спросила графиня.

—Я думаю, сударыня, если король сдѣлалъ негра графини Любари губернаторомъ провинціи, то вы имѣете полное право отдать Фанфrelюша подъ команду ребенка.

Маркизъ покраснѣлъ, какъ вишня, и съ трудомъ удержалъ свой гнѣвъ. Онъ поклонился и отвѣчалъ:

—Я беру на себя смѣлость замѣтить его высочеству, что при Фонтенуа было много такихъ дѣтей, какъ я.

—Сомнѣваюсь, однакожъ, милостивый государь, чтобы въ сраженіи съ Фанфrelюшемъ они высказали столько способностей, какъ вы.

—Если его высочеству угодно позволить, я ему доложу, какъ мы выказываемъ точно такія же способности въ игрѣ, которою тогда забавлялись.

—Молчите, маркизъ! это не похоже на шутку. Фанфrelюшъ укусилъ аббата—и я нашла какъ извинить его; но онъ такъ хорошо воспитанъ, что даже, еслибы онъ былъ любимой собачкой королевы, то зналъ бы, что есть люди, съ которыми нельзя играть безнаказанно.

—Отъ того они и обижаютъ другихъ, проворчалъ упрамой ребенокъ.

Туалетъ графини кончился; она извинилась передъ герцо-

гомъ, что должна переодѣваться; время обѣла привцессъ приблизалось; она должна явиться къ должности. Принцъ, не совсѣмъ успокоенный, поклонился ей и вышелъ, бросивъ надменный взглядъ на нормандскаго полковника. Госпожа Молье проводила его высочество и нашла средство успокоить его нѣсколькими любезными словами. Когда она входила въ кабинетъ, маркизъ спряталъ въ карманъ бантикъ небесно-голубаго цвета, совершенно похожий на бантикъ, который приколола его кузина къ своей головѣ.

— Ахъ, повѣса! вскричала она, вы хотите меня поссорить съ цѣлымъ родомъ человѣческимъ?

— Нѣтъ, для меня это будетъ слишкомъ трудно; вы безпрестанно будете мириться. Согласитесь, однако, что вашъ принцъ, кажется, черезъ-чуръ величественъ съ высоты своихъ двадцати-пяти лѣтъ и своего герцогства.

— Что сдѣлалось съ аббатомъ?

— Ушелъ черезъ садъ; онъ боялся остаться одинъ съ аву-мъ соперниками. Вы прекрасны, графиня, въ этомъ нарядѣ; впрочемъ, я долженъ сказать, что вы очень похожи на воспитанницу Сентъ-Сирскаго института, изъ голубаго класса. Для праздника Лудовика Святаго это слишкомъ просто, а для васъ... чрезъ-чуръ невинно.

— Это все ничего! только бы я казалась хорошенько!

— Если бы аббать не ускользнулъ такъ скоро, онъ сейчасъ бы услужилъ вамъ полдюжины Венеръ и цѣлой вереницей граций; я могу только повергнуть къ вашимъ ногамъ мои глаза, сердце и шпагу. Быть можетъ, это лучше.

— Составьте мнѣ изъ этого мадrigalъ; сомнѣваюсь въ вашемъ успѣхѣ!

Ребенокъ сталъ на колѣна на томъ же мѣстѣ и такъ же ловко, какъ принцъ.

«Вы сомнѣваетесь?.. Но развѣ труdnо мнѣ

«Имѣть глаза, чтобы вами любоваться, .

«И сердце, чтобы васъ боготворить вполнѣ,

«И шпагу, чтобы за васъ сражаться...»

— Прекрасно, прекрасно, миленький полковникъ! Видно, что вы—ученикъ маршала Ришлье; вы пойдете такъ же далеко, какъ онъ.

И, поднимая его, она съ восхищениемъ поцѣловала его въ лобъ.

ГЛАВА V.

Альзира и Заморъ.

Дочери Лудовика XV имѣли каждая особое отдѣленіе въ Версалѣ; но къ обѣду они сбирались въ комнаты старшей сестры, принцессы Аделаиды. Когда онъ отправлялись къ королю или король заходилъ къ нимъ, то мѣстомъ собранія всегда были эти же комнаты. Сонетка была проведена въ спальню каждої; принцесса Аделаида звонила въ комнату принцессы Викторіи, Викторія въ комнату принцессы Софіи; а эта звонила къ принцессѣ Луизѣ. Послѣдней удавалось только простиаться съ отцемъ, потому что онъ оставался у принцессы очень не долго, а Луиза должна была пробѣгать всегда большия залы и длинные коридоры.

Въ тотъ день, король, давъ обѣщаніе дочерямъ быть у нихъ, послалъ просить ихъ къ себѣ, по просьбѣ госпожи Дюбари, которая очень хорошо знала, что принцессы неохотно ее принимаютъ и, желая имъ угодить, хотѣла избавить ихъ отъ этого пріема, выжидая времени и мѣста, гдѣ ей можно высказать свое могущество и свою снисходительность.

Графиня Мольѣ застала принцессъ за обѣдомъ. Она была одѣта въ бѣлое платье изъ шелковой китайской матеріи, украшенное тройнымъ рядомъ превосходныхъ блондъ. Кромѣ того на ней не было никакихъ украшений, ни дорогихъ вещей, ни брилліантовъ; только на головѣ бантъ изъ лентъ небесно-голубаго цвѣта. Эта роскошная простота увеличивала ее красоту. Она поклонилась принцессамъ и подошла къ столу, чтобы исполнить свою должность. Лишь только принцесса Луиза ее замѣтила, то сказала ей почти съ надмѣннымъ видомъ, совершенно непохожимъ на ея обыкновенную благосклонность:

— Вы очень долго занимались своимъ туалетомъ, графиня.

Графиня поклонилась молча; она замѣтила, что ея повѣлительница разсержена и прочла въ глазахъ ея сестеръ, что онъ еще менѣе расположены къ снисхожденію; принцесса Викторія обратилась къ Аделаїдѣ и сказала такъ громко, что всѣ могли слышать:

— Давно пора бы вернуться милой княгинѣ Гистель, чтобы поставить штатъ мадамъ Луизы на приличную ногу. Все, что ее окружаетъ, такъ къ ней не пристало!

За обѣдомъ разговоръ соответствовалъ мѣсту, лѣтамъ и праву принцессы. Онъ никогда не сидѣли долго за столомъ, и посль обѣда сходились въ общую небольшую залу, гдѣ никто не смѣлъ ихъ беспокоить. Свита, въ ожиданіи приказацій, оставалась въ смежной комнатѣ.

— Отчего вы такъ поздно прѣѣхали, мадамъ Молье? спросила одна изъ дамъ принцессы Софіи. Принцесса Луиза была этимъ подовольна; я ни разу не видела ее такою сердитою.

— Сердитой? Принцесса Луиза! Она въ жизнь свою никогда не сердилась, вскричали всѣ дамы.

— Извините, mesdames, перебила госпожа Молье: принцесса Луиза очень вспыльчива, горда и надменна. Уверлю васъ, что она была бы демономъ, еслибъ не была ангеломъ. Я потому опоздала, что забыла пообѣдать. Въ ту минуту, какъ я сѣла въ экипажъ, явился мой метръ-д'отель, чтобы напомнить мнѣ объ этомъ; я обѣдала, не выходя изъ кареты. Конечно, это очень глупая прихоть; мнѣ было очень не ловко и чуть-чуть я не испортила платье.

Къ двумъ часамъ, король прислалъ увѣдомить принцессъ, что скоро явится молодая дикарка и что онъ ихъ ожидаетъ. Онъ поспѣшили въ пріемныя комнаты короля. Его величество принялъ ихъ очень весело: дѣло шло о новостяхъ,—а это много значило для его усталаго воображенія. Принцессамъ подвинули креслы по правую руку короля; мадамъ Любари стояла на лѣвой сторонѣ; подъ нея былъ герцогъ Кумберландъ и маршальша Марпуда. Маршальша, зная хорошо свѣтъ, отказалась отъ своего табурета, потому что графиня Любари не имѣла права садиться въ присутствіи своего царственнаго любовника. Графиня не являлась еще на большихъ выходахъ и не была герцогиней, ее еще удерживало присутствіе принцессъ крови, которымъ она ужасно боялась не понравиться. За то,

въ особыхъ комнатахъ короля, она была совершеннаю королевой.

Лиши только усылись принцессы, вельми представить господина Бугенвиля. Онъ явился держа за руку молодую ликарку Сандвичевыхъ острововъ, въ национальномъ ея костюмѣ, немногого измѣненномъ благопристойностью. Много труда стоило ему привезти ее. Она не понимала по-французски; была очень тихаго нрава и робка, больше всего передъ особами, одѣтыми въ блестящее платье. Окруженнага такъ неожиданно этимъ блестящимъ дворомъ, этой золотою атмосферою, она совершенно потерялась. Оглядѣвъ необыкновенно быстро всѣхъ, стоявшихъ пурпуръ нею особъ, лико вскрикнула и бросилась въ ноги принцессы Луизы, спрятавъ голову подъ ея шлейфъ.

Всѣ встали, не зная, чему приписать такой поступокъ. Испуганный король бросился къ своей дочери; она, спокойная одна посреди общаго смятенія, обратилась къ нему, говоря:

— Я прошу ваше величество, чтобъ пріютъ, избранный этою жалкой иностранкой не былъ у нея отнятъ; если она сама меня выбрала, то оставьте ее мнѣ.... Но только въ томъ случаѣ, прибавила она, если король не опредѣлилъ ей другаго назначенія.

Госпожа Дюбари спѣшила отвѣтить.

— Король удостоилъ меня этимъ подаркомъ, для того, чтобъ мой Заморъ имѣлъ подругу, почти одной съ нимъ націи; но я считаю за счастье предложить вашему высочеству Альзиру, если вамъ только угодно принять отъ меня этотъ подарокъ.

— Благодарю васъ, если только на это послѣдуетъ воля Е. В. Я охотно сдѣлаюсь покровительницей этой девочки; со мною она не будетъ такъ блестательна....

— За то съ моей дочерью она будетъ счастливѣе; этотъ маленькой Заморъ—самое самовольное существо, какое я только знаю на свѣтѣ. Если она тебѣ нравится, то оставь ее при себѣ, моя милая Луиза, и поблагодари графиню, что она для тебя отъ нея отказывается.

— Ваше величество, я чувствую милости короля и обязательность графини и никогда этого не забуду. Но есть одинъ случай, въ которомъ необходимо увѣриться: окрещена ли эта девушка?

— Нѣтъ, ваше высочество, отвѣчалъ Бугенвиль; я ждалъ для этого се успѣховъ въ ученыи.

— Слѣдовательно, прежде всего должно похлопотать объ этомъ. Не угодно ли вашему величеству быть вмѣстѣ со мной ся воспреемникомъ и позволить дать ей имя королевы?

— Все, что тебѣ угодно, моя милая Луиза. Эта дѣвочка—твоя собственность, и я не могу ни въ чёмъ тебѣ отказать.

— И такъ, завтра утромъ, послѣ обѣдни, ее будутъ крестить въ моемъ придѣлѣ. Если королю угодно назначить кого-нибудь вмѣсто себя....

— Нѣтъ, нѣтъ, я буду самъ; я сдѣлаю эту честь вамъ и Сандвичевымъ островамъ. Господинъ Бугенвиль, мы благодаримъ васъ за этотъ подарокъ.

— Вы можете быть спокойны на счетъ участія вашей островитянки; я беру это на себя; она болѣе не оставитъ меня.

Во время этого разговора, Альзира, какъ ее звали, сидѣла у ногъ принцессы Луизы. Ея умные глаза слѣдили за разговаривающими.

— Бѣдное дитя! сказала принцесса Луиза: и отведу ее къ себѣ. Какъ мнѣ хочется, чтобы она меня полюбила!

Эта дѣвка не была черна; она была мѣднаго цвѣта, на лицѣ склады очень выдались, глаза блестящіе, съ синевато-желтыми бѣлками, носъ ея былъ правиленъ и зубы ослѣпительной бѣлизны. Ея волосы были слегка курчавы, зачесаны на китайскій манеръ, къ верху головы, и украшены множествомъ красныхъ бусъ. Плеча и грудь, прикрытыя, по обычаю ея родины, леопардовой кожей, могли по своей красотѣ служить образцомъ скульптору; члены были тонки и нѣжны какъ у всѣхъ обитателей Австралии. Въ чертахъ лица замѣтно было много понятливости; можно было сказать, что она поглощаетъ слова, которыхъ не понимаетъ. Когда принцесса Луиза встала и сдѣлала ей знакъ, чтобы она за нею слѣдовала, она въ ту же минуту съ удовольствиемъ ей повиновалась. Король поручилъ своей дочери одѣть ее нѣсколько попроще и обыкновеннѣе.

— Эту оливковую Діану невозможно крестить въ такомъ видѣ; уговори ее, Луиза, надѣть длинное платье; тогда наша новообращенная не будетъ казаться такою странною.

Две особы не принимали участія въ томъ, что происходило,

это герцогъ Кумберландъ и графиня Молье. Послѣдня стояла за креслами привѣтссы, и хотя она была далѣе всѣхъ отъ короля; но герцогъ нашелъ срѣство незамѣтно приблизиться къ ней. Притомъ, никто не обращалъ на нихъ вниманія; всѣ были заняты господиномъ Бугенвилемъ и его пленницей.

— Не знаю, какъ и благодарить васъ, прекрасная графиня. Если бъ вы знали, какъ вы хороши въ этомъ свѣжемъ нарядѣ, то не жалѣли бы о томъ, которымъ пожертвовали для меня.

— Увѣраю васъ, что это не жертва; я счастлива, что вравлюсь вамъ и что не вижу на вашемъ лицѣ слѣдовъ вчерашняго беспокойства.

— Позвольте мнѣ сегодня вечеромъ быть у васъ.

— Ваше высочество, я дежурная.

— Завтра?

— И завтра также.

— Гдѣ же васъ найти?

— У принцессы; ваше высочество очень кстати слылаете имъ визитъ послѣ обѣда, тамъ будетъ и король!

— Не знаете ли, почему мадамъ Дюбари отложила сегодня ужинъ?

— Говорятъ, что это угодно было королю; сегодня парадный столъ по случаю его именинъ.

— Боже мой! какъ вы прекрасны!

— Ваше высочество слишкомъ благосклонны!

— Какъ я васъ люблю и сколько будетъ завистниковъ у того, кого вы полюбите!

— Ваше высочество....

— Отчего вы краснѣете и потупляете глаза? Если..., вы меня любите.... то для чего стыдитесь этого чувства?

— Стыдиться! перебила она, приподнявъ стройнымъ движениемъ голову: о нѣть! я горжусь этимъ!

Принцесса Луиза встала съ кресель; она замѣтила, что глаза графини Молье устремлены значительно на герцога, поблѣдѣла подъ румянами и хотѣла что-то сказать; но удержалась и высказала свое неудовольствіе холоднымъ и почти презрительнымъ выраженiemъ лица. Графиня это замѣтила и смущилась.

— Графиня, сказала принцесса дрожащимъ голосомъ, прикажите отыскать госпожу Дюрфоръ и попросите ее пригото-

вить приличное платье для этой девушки. На сегодняшний день, я васъ освобождаю отъ вашихъ обязанностей.

— Даже за параднымъ столомъ, ваше величество?

— А! я это забыла; нѣтъ, вы явитесь, этого требуетъ этикетъ.

— Ваше высочество имъете намѣреніе оставить при себѣ эту индіанку?

— Да, это мое желаніе и короля. Отведите ее въ мой гардеробъ и потруитесь исполнить мои приказанія.

Когда хотѣли увести молоденькую ликарку, она ухватилась за фижмы своей покровительницы и крикомъ оглушила всѣхъ присутствующихъ. Принцесса принуждена была сама отвести ее къ начальнице гардероба и почти насильно оставила ее тамъ, въ рукахъ своихъ горничныхъ. Возвратясь въ свои комнаты, она кинулась на колѣна въ молельной и проговорила:

«Слава Богу! Благодарю тебя нѣжная мать. Ты поспѣшила подкѣпить меня въ слабости; теперь будетъ кто-нибудь любить меня!

ГЛАВА VI.

Банты Розетки.

На другой день окрестили молодую островитянку, не въ прідѣлѣ принцессы Луизы, но у главнаго алтаря. Самъ король былъ воспреемникомъ, вмѣсть съ дочерью. Каждый членъ королевской фамиліи вмѣль въ версальской церкви свой особенный прідѣлъ, где его духовникъ служилъ для него обѣдно, смотря по желанію. Съ того времени, какъ устроили дворъ графа Пропанскаго и графа Артуа, дочери короля имѣли одинъ общій прідѣлъ. Носились слухи о женитьбѣ Дофина и молодыхъ принцевъ, и дипломатическая сношенія по случаю этихъ знаменитыхъ свадебъ начинали занимать всю Европу.

Утро и обѣдъ принцессы прошли въ томъ же порядкѣ, какъ и вчера; замѣтили только, что графиня Молье точно также была ольта, какъ и наканунѣ. Это возбудило много толковъ между дамами.

— Замѣчаете ли вы, сказала принцесса Аделаида принцессѣ Викторіи, что стать — лада нашей сестрицы Луизы, съ каждымъ днемъ, все укорачивается свое вдовье покрывало? Ова наконецъ сдѣласть изъ него чепчикъ.

— Я удивляюсь, какъ ей не велѣть просить увольненія. Эта женщина очень вѣтрана и большая кокетка!

— Луиза не смѣеть этого сдѣлать. Графиня Молье большая пріятельница съ графиней Любарі и потому ей покровительствуетъ король. Какъ бы она вѣтрана ни была, во все она придворная лада; а въ особенныхъ комнатахъ короля придворныхъ ладъ очень не много.

Графиня смѣло выдержала взгляды принцессы, но измѣнила нѣсколько свой скромный видъ. Это показывало, что она надѣется на свои силы. Она отвѣчала, опустивъ глаза, на вопросы, сдѣланные ей по случаю новокрещеной Маріи, и охотно вызывалась привести ее, когда доложили о королѣ.

Людовикъ XV сказалъ нѣсколько любезностей своей крестницы и приведшей ее хорошенкѣй графинѣ Молье. Собрание было полно, когда камер-лакей отворилъ двери передъ герцогомъ Кумберландромъ. Въ это время молодой маркизъ де-Сенсеръ стоялъ за кресломъ принцессы Луизы, рядомъ съ своею кузиной.

— Вотъ вашъ герой, графиня, — сказалъ онъ тихо: рыцарь голубаго бавта. Какъ онъ обрадуется, когда замѣтитъ, что вы стараетесь выказать свое постоянство! Увы! бѣдныи, молодой человѣкъ не воображаетъ, что даже подъ видомъ этого постоянства скрывается невѣрность.

— Это какъ?

— Если бы вчера я вамъ не рассказалъ восхищеніе короля передъ вашимъ невиннымъ нарядомъ, вы вѣрою бы ухватились сегодня за ваши драгоценныи камни и фалборки. Но короли! О! короли! Какая разница! Онъ стоитъ въ десять разъ дороже принца, даже если взять вмѣстѣ десять братьевъ великобританскаго короля.

— Вы очень громко говорите, господинъ шалунъ; на насъ всѣ смотрятъ. Король близко отъ насъ!

Въ самомъ дѣлѣ собраніе было не очень шумно и не трудно было разслышать слова маркиза. Въ эту минуту Розетка, маленькой шпицъ принцессы Луизы, выѣждала изъ-подъ кресла въ средину залы. На ней былъ очень щегольскій ошейникъ изъ альыхъ лентъ, а надъ ухомъ голубой бантъ, совершенно одинаковый съ тѣмъ, который принцъ Генрихъ такъ торжественно носилъ въ петлицѣ. Это бросилось всѣмъ въ глаза и заставило невольно обратить вниманіе на собаку.

—Ахъ, Боже мой, принцесса! сказалъ король, обращаясь къ меньшой дочери, вашъ шпицъ сегодня удивительно красивъ. Впрочемъ, выборъ этихъ бантовъ мнѣ кажется немного страннѣмъ; но, вѣроятно, это мода, я замѣчаю, что и на мілордѣ Кумберландѣ тотъ же цветъ. Въ — самомъ — дѣлѣ, любезный кузенъ, я никогда не воображалъ, чтобы между вами и Розеткой могло быть что нибудь общее, и не подозрѣвалъ, чтобы это ловое украшеніе, принятое при нашемъ дворѣ, произошло отъ нея. Растолкуй мнѣ, Лувза, почему твоя собачка предпочла цвета нашего орлеанскаго братца? Кажется, она имѣеть право носить ваши; потому-что принадлежитъ дочери короля французскаго.

— Ваше величество, я тутъ ничего не понимаю. Безъ сомнѣнія, это шалость одного изъ вашихъ пажей. Я прошу позволенія наказать его.

— Маркизъ, вы заплатите мнѣ за это! прошептала графиня.

— Это шутка де-Сенсера, сказала принцесса Софія. Право, онъ презабавной ребенокъ.

Король смеялся; онъ не очень жаловалъ англійскаго принца за его молодость и красоту и внутренно радовался его смущенію. Всѣ глаза обратились съ герцога Кумберланда, на графиню Молье и на Розетку, которая сѣла на заднія лапки и, казалось, находила удовольствіе въ томъ, что всѣ на нее любуются. Смущенный герцогъ, боясь нарушить должное уваженіе къ королю, не смѣялъ отвѣтить, какъ ему хотѣлось, онъ удовольствовался однимъ поклономъ. Этого было мало для короля; онъ хотѣлъ вывести изъ терпѣнія хладнокровнаго иностранца, который осмѣялся явиться при его дворѣ двадцати-пяти лѣтъ отъ роду и съ прекрасною наружностью.

— Вы ничего на это не скажете, mon cousin? вотъ это, по Т. III. Отд. I.

моему мнѣнію, называется, быть скрытымъ и скромнымъ: получить явное предпочтеніе дамы и дѣлать изъ этого только бантъ! это превосходно!

Король смылся до слезъ, а вмѣстѣ съ нимъ весь дворъ, исключая принцессы Луизы и герцога Кумберланда. Госпожа Молье сохраняла видъ равнодушія. Маркизъ принялъ на себя невинный видъ школьніка, которому удалось сыграть шутку надъ учителемъ. Король отпустилъ еще нѣсколько остротъ. Герцогъ Генрихъ, успокоясь немного, откланялся собранію, говоря:

—Рѣшительно, Е. В. хочетъ лишить меня даже скромности; онъ заставляетъ меня, при цѣломъ дворѣ, открыть мою любезную. Что жъ! Если меня къ этому принуждаютъ, то я признаюсь и даже хвастаюсь этимъ; да, я пошу ея цвѣтъ, я получилъ этотъ бантъ отъ нея, и не боюсь ничьего соперничества.

Герцогъ Кумберландъ, сказавъ эти слова съ надменнымъ и хвастливымъ видомъ, поклонился очень почтительно королю и принцессамъ, и такъ взглянуль на госпожу Молье, что она покраснѣла подъ румянами.

—Сенсеръ, сказала она, сжавъ очень крѣпко руку своего двоюроднаго брата, ты отмстишь за меня или... я тебя никогда болѣе не увижу.

Въ эту минуту къ нимъ повернулась принцесса Луиза и позвала своего крестника.

—Ступайте за мною; мнѣ нужно съ вами поговорить.

Строгій взглядъ принцессы смущилъ лукаваго ребенка.

—Братецъ, послѣ дежурства, я жду васъ къ себѣ, прибавила графиня.

—Прекрасно, подумалъ полковникъ, навязаль я себѣ хлопотъ на шею! Принцесса разсержена, вѣроятно, за то, что оскорбляютъ добродѣтель ея собаченки; что касается добродѣтели ея статсъ-дамы, то она обѣ этомъ мало заботится. Герцогъ вызоветъ меня на дуэль, вѣроятно на волчкахъ, это одно оружіе, по его мнѣнію, которое онъ можетъ предложить гувернеру Фанфrelюша; а моя кузина посыпаетъ меня драться, чтобы отмстить человѣку, который всенародно объявляетъ о ея паденіи; вотъ ужъ не за что! Не знаю, какъ я изъ этого

вывернусь! Впрочемъ, все равно, я надъ ними посмѣялся, а ужъ имъ этого никогда не удастся; и ручаюсь за это.

Король все время продолжалъ смѣяться приключенію Розетки. Наконецъ, онъ ушелъ, вѣроятно, чтобы разскажать этотъ анекдотъ графинѣ Любари. Послѣ того, принцессы удалились въ свои комнаты, оставивъ свиту пользоваться свободой до опредѣленнаго часа игры и ужина. Маркизъ де-Сенсеръ послѣдовалъ за принцессой Луизой, которой лицо выражало необыкновенную строгость.

Она не останавливалась, прошла до молельной и, положивъ свой вѣръ возлѣ себя, сложила руки, и съ важнымъ видомъ сказала маркизу:

— Растигните мнѣ, сударь, что все это значить, и кто вамъ далъ право вмѣшивать Розетку въ ваши неблагоприятныя шалости?

— Боже мой! Ваше высочество, если вы будете со мной такъ говорить, то я не буду смѣть отвѣтить вамъ; вы меня пугаете.

— Пугаю, вѣсъ, нормандскаго полковника! И вы еще хотите командовать полкомъ противъ непріятеля! Я этому не вѣрю!—Кто прикололъ Розетку голубой бантъ?

— Я, ваше высочество.

— Гдѣ вы его взяли?

— На туалетъ графини Молье.

— Зачѣмъ вы его прикололи къ ошейнику моей собаки?

— За тѣмъ, что... Мнѣ такъ нравилась наружность герцога Кумберланда съ этимъ украшеніемъ... Что я думалъ... я полагалъ, что и Розетка... будетъ также очаровательна. Ваше высочество знаете, что мы съ Розеткой большиe пріятели; вчера вы сами мнѣ это сказали, говоря объ бантахъ.

— Но изъ всего этого милордъ Кумберландъ можетъ заключить, что я позволила эту шалость! Господинъ де-Сенсеръ, такъ не играютъ именемъ принцессы, которая вѣсъ любить и каждую минуту доказываетъ вамъ это. Это малодушіе, это неблагородно; я очень недовольна вами!..

— Простите меня, крестная маменька, моя добрая крестная маменька. Малодушіе! неблагородный поступокъ противъ вѣса! я готовъ жизнь мою отдать вамъ. Какъ мнѣ больно, что я

васъ прогнѣвилъ! Но это не совсѣмъ моя вина; вчера, у моей кузины, герцогъ оскорбилъ меня; онъ сравнилъ меня съ Заморомъ, негромъ госпожи Дюбари. Это еще не все: ужиная у одной особы, которой имя я не смѣю назвать изъ поченія къ вашему королевскому высочеству, герцогъ Кумберландъ, въ присутствіи двадцати собесѣдниковъ, назвалъ меня дурно-воспитаннымъ мальчикомъ, котораго надо бы посадить на сухой хлѣбъ.

— Такъ вотъ изъ чего вы бились? Вы хотѣли доказать, что онъ сказалъ правду. Развѣ мужчина, полковникъ, мстить такимъ образомъ? Это прилично пажу, или ребенку. Что бы сдѣлалось съ вашими надеждами, еслибы король иначе принялъ эту шутку. Объ этомъ доложили бы вашему отцу. Быть можетъ, его высочество герцогъ Кумберландъ это и сдѣлаетъ.

— Нѣтъ, ваше высочество; его гнѣвъ обратился на графиню Молье. Въ эту минуту, онъ дѣлаетъ мнѣ честь, считая меня своимъ соперникомъ и, надѣюсь, не будетъ болѣе обращаться со мною, какъ съ мальчикомъ. О, онъ въ отчаяніи!

— Такъ онъ очень любить эту женщину?

— Безъ всякаго сомнѣнія; онъ до того влюбленъ въ нее, что отказался отъ любимыхъ своихъ удовольствій. Прежде, онъ былъ постояннымъ обожателемъ оперныхъ нимфъ, теперь—онъ почти бросилъ ихъ. Я говорю *почти*, ваше высочество.

— Я не могу повѣрить, чтобы принцъ могъ унизиться на столько, что посѣщаетъ дурное общество. Вы меня обманываете, Сенсерб.

— Ваше высочество, уединясь въ вашей молельной, не можете даже вообразить, что дѣлаютъ принцы въ наше время.

Принцесса вся вспыхнула.

— Знаете ли, молодой повѣса, что, для вашихъ дѣтскихъ лѣтъ, вы имѣете слишкомъ большую опытность.

— Ваше высочество забываете, что я воспитанникъ маршальши де-Люксанбургъ и герцога де-Ришельѣ. Я не упоминаю уже о моей двоюродной сестрицѣ, которая тоже довольно подвинула мое воспитаніе въ этомъ родѣ.

— Къ-несчастію, они внушили вамъ дурныхъ правила.

— Ваше высочество ошибаетесь. Отъ нихъ я выучился двумъ предметамъ: цѣнить, какъ слѣдуетъ, честь мужчины и не допускать никогда владѣть собою женщинъ. Благодаря этимъ урокамъ, я не ребенокъ и точно также хорошо буду командовать Нормандіей, какъ на примѣръ... принцъ де-Субизъ; я даже надѣюсь, что не претерплю Росбахского сраженія.

Принцесса и маркизъ такъ горячо разговаривали, что не замѣтили, какъ вошла Марія. Она усѣлась на полу, въ ногахъ своей повелительницы, и долго смотрѣла на нее; потомъ подѣловала конецъ ея платья. Это движение заставило принцессу обратить на нее вниманіе.

— Сенсеръ, сказала она нѣжно, вы неисправимый повѣса; но я васъ прощаю, потому-что вы меня любите. Въ эту минуту, я счастлива, потому-что увѣрена, что вы и это бѣдное созданіе сердечно ко мнѣ привязаны. Увы! кромѣ васъ, кто думаетъ о бѣдной Луизѣ?

Полковникъ поцѣловалъ руку крестной матери и выронилъ на нее слезу; молодая индіанка прижимала къ груди шлейфъ ея платья, испуская тихой радостной крикъ.

— Моя любезная дѣти! — сказала принцесса, Богъ, мой отецъ и вы! вотъ весь мой міръ!

ГЛАВА VII.

Герцог Кумберландъ.

Въ 1769 году царствовалъ въ Англіи Георгъ III. Начавъ свое правленіе въ тяжкое время, этотъ принцъ не имѣлъ недостатка въ способностяхъ и смѣлости, чтобы удержаться на тронѣ. Справедливыя притязанія дома Стuardовъ, многочисленные ихъ приверженцы въ трехъ королевствахъ, дѣлали положеніе протестантскаго принца очень затруднительнымъ. Сраженіе при Люллоденѣ, проигранное Карломъ-Эдуардомъ, прекратило возстаніе, если можно назвать этимъ именемъ защиту праваго дѣла, но не уничтожило корней мятежа. Почти вся Шотландія, часть Ирландіи и много значитель-

ныхъ, вельможъ Англіи тайно желали возстановленія старой династії. Слѣдовательно, необходима была твердая рука, чтобы удержать скипетръ Великобританіи, и Георгъ III, провозглашенный двадцати-двухъ лѣтъ королемъ, казался достойнымъ преемникомъ Вильгельма Оранского и Нассаускаго.

У короля было два брата: Вильгельмъ - Генрихъ, герцогъ Глоастеръ и Генрихъ-Фридрихъ, герцогъ Кумберландъ. Первый, нрава тихаго и миролюбиваго, болѣе всего любилъ охоту, хороший столъ и былъ очень далекъ отъ честолюбивыхъ замысловъ. Притомъ же, король имѣлъ много дѣтей и это устраивало всякую претензію на престолъ, основанную на родствѣ. Онъ ни чего не желалъ, кромѣ свободы охотиться въ лѣсахъ своего царствующаго брата и имѣть за столомъ самыя дорогія блюда и лучшія вина.

Напротивъ, герцогъ Кумберландъ имѣлъ горячую голову, сильныя страсти и выказывалъ воинственные способности. Это было опасное сосѣдство для шаткаго трона; за то самый дѣятельный присмотръ окружалъ герцога. Правомъ онъ походилъ на Генриха V; въ герцогъ допускали развиваться всѣ дурныя склонности этого государя; но старались затушить всякую вспышку героизма и боялись разбудить льва. Поэтому, для него приготовили всѣ возможныя искушенія; развили его наклонность къ мотовству и сладострастію; окружили самыми опасными женщинами въ Лондонѣ; связали съ самыми пустымыми и распутными людьми. Герцогъ Кумберландъ считался первымъ красавцемъ въ Европѣ. Принцъ Валлійской, его племянникъ, впослѣдствіи Георгъ IV, въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, походилъ на него лицемъ и станомъ. Слѣдовательно, очень не трудно было завлечь его въ разставленныя сѣти и доставить ему побѣды, которыя и безъ того были для него легки.

Когда истощились всѣ средства очарованія въ Лондонѣ, Георгъ III испросилъ для своего брата позволеніе путешествовать по Франціи, то-естьѣхать въ Парижъ. Въ это время, Франція была въ мирѣ съ Великобританією, и дружескія сношенія казались искренними; Лудовикъ XV не противился этому путешествию.

При отъѣздѣ, молодому принцу поручили какъ можно больше веселиться, тратить деньги и дать версальскимъ придворнымъ вы-

сокое понятіе о британской роскоши. Это порученіе онъ исполнилъ превосходно; давно не видали при дворѣ такого великолѣтія. Дамы самаго высшаго круга искали его, оперныя красавицы кинулись ему на шею; многія изъ нихъ послали ему свои портреты на предпослѣднюю станцію. Онъ принялъ ихъ и заплатилъ за все, за оригиналы и за портреты.

Явленіе этого свѣтила сдѣжалось знаменитымъ происшествіемъ. Онъ не обращалъ вниманія на этикетъ и первый поѣхалъ съ визитами къ принцамъ крови и къ королевской фамиліи, говоря, что пріѣхалъ не для того, чтобы спорить о правахъ, а чтобы веселиться. Это поведеніе снискало ему общую благосклонность. Въ это время только и думали веселиться и всякое препятствіе къ удовольствію казалось несноснымъ; всѣ чувствовали благодарность къ английскому принцу за то, что онъ избѣгалъ этихъ препятствій, расположены были отплатить ему за это, доставляя, какъ можно болѣе, развлечений.

Сначала король принялъ его очень хорошо и пригласилъ на ужинъ въ свои особенные комнаты. Онъ выказалъ тамъ такую остроумную веселость, что затмилъ всѣхъ весельчаковъ. Въ тоже время его допустили въ самое короткое общество Пале-Ройяля и госпожи Монтесонъ. Самыя знаменитыя развратницы отбивали его другъ у друга. Его доставало на всѣ эти удовольствія. Не смотря на то, онъ строго выполнялъ самыя скучныя приличія свѣта. Его часто встрѣчали у лочерей короля и тамъ онъ былъ столько же скроменъ и простъ въ обращенії, сколько быль блестящъ за аѳинскимъ ужиномъ. Онъ былъ особенно привѣтливъ съ принцессой Лувзой. Ея ангельская доброта и милая наружность невольно привлекали его. Подлѣ этой принцессы, у госпожи Любари, въ обществѣ, въ оперѣ, онъ постоянно встрѣчалъ красавицу графиню Мольё, которая только-что сняла трауръ и кидалась на всѣ удовольствія, чтобы вознаградить потерянное время. Эта неподражаемая стройность въ движеніяхъ, изящество и вкусъ, эта совершенная красота, вскружили голову принца; для нея онъ забыть свои прежнія интриги; онъ вездѣ ее преслѣдовалъ и легко добился, что она стала принимать его въ числѣ короткихъ знакомыхъ.

Графиня, ловкая и хитрая кокетка, ничѣмъ не пренебрега-

ла, чтобы сберечь такого благородного невольника. Она знала, когда надо казаться неприступною и была очаровательна и любезна, смотря по обстоятельствам и по времени. Чтобы сберечь свое превосходство, она не истощала всѣхъ средствъ къ очарованію; она разочла свои шаги, каждое слово и привлекла влюбленнаго принца къ своимъ ногамъ, въ твердой увѣренности, что можетъ продержать его въ такомъ положеніи, сколько ей угодно. Маркизъ де-Сенсеръ, не смотря на его умъ, былъ для нея игрушкой, которую она забавлялась, какъ хотѣла; она пугала имъ герцога Кумберланда, увѣривъ его, что родственники хотятъ отдать ее замужъ за маркиза, не смотря на то, что онъ былъ семью годами моложе. Слѣдствіемъ этого были вспышки гнѣва и ревности его королевскаго высочества и остроумныя шалости нормандскаго полковника. Такимъ образомъ, госпожа Молье для своего удовольствія заставляла своихъ знакомыхъ разыгрывать премиленькую комедію и дѣйствующія лица исполняли свои роли, сами того не замѣчая. Казалось, что развязка этой комедіи зависѣла отъ нея, по-крайней-мѣрѣ, она была въ этомъ увѣрена.

Мѣсто при дворѣ принцессы Луизы перешло къ ней послѣ смерти матери ея мужа. Строгая и примѣрная жизнь принцессы очень ей не нравилась и она готова была насколько разъ отказаться отъ своей должности, — но оставалась по расчету. Это мѣсто было почетно и въ глазахъ свѣта прикрывало ея вѣтренное поведеніе. Она, смеясь, говорила очень спра-ведливо :

«Это мѣсто для меня тоже, что мужъ.»

Люди, для которыхъ было скрыто настоящее ея положеніе въ свѣтѣ, знал, что она находится при святой и добродѣтельной Луизѣ, не совсѣмъ вѣрили разглашаемымъ слухамъ. Эти люди не знали домашней жизни принцессы; имъ не было известно, что принцесса не вмѣшивалась ни во что, исключая своего семейства и своей молельной. Невинное и чистое воображеніе Луизы не понимало зла: она судила о людяхъ по себѣ и не допускала клеветы.

Междугороднѣй, король, изъ угожденія своей любовницѣ, особенно покровительствовалъ госпожѣ Мольѣ. Онъ былъ благосклоненъ къ дамамъ, которыхъ дружились съ госпожею Дюбари: этимъ средствомъ легче всего было попасть къ нему въ

мълостъ. Принцессы тоже подвергались этому вліянію и ни одинъ посѣтитель Версаля не могъ его избѣгнуть.

Съ нѣкотораго времени, принцесса Луиза болѣе занималась свѣтскими толками; она съ удовольствіемъ заставляла обо всемъ рассказывать маркиза Сенсера, которой былъ очень радъ этому и рассказывала все, что ей угодно было знать, съ откровенностью, свойственною его лѣтамъ и его хитрому уму. Положеніе этого молодаго человѣка было превосходно; будущее представлялось ему подъ самыми блестящими красками; онъ имѣлъ друзей во всѣхъ партіяхъ общества; женщины его поддерживали; прекрасная репутація его отца располагала въ его пользу Дофина и благоразумную часть двора; принцесса Луиза хлопотала за него у короля и любила его, какъ сына. Въ немъ были всѣ достоинства молодаго человѣка и всѣ недостатки ребенка; странное соединеніе разсудка съ безпечностью, вѣтрениности съ расчетомъ; и виною всѣхъ этихъ неровностей характера было воспитаніе. Онъ переходилъ изъ рукъ лочерей короля на колѣни герцогини Люксембургской, изъ будуара госпожи Молье въ кабинетъ герцога Ланжевиля, наконецъ, отъ примѣровъ маршала Ришлье къ урокамъ своего гувернера, отца Бурдона, достойнаго Іезуита, наполнявшаго своей добродѣтелью цѣлое Сенъ-Жерменское предмѣстіе.

Общество, которое онъ посѣщалъ не много позже, было также разнообразно. Мать его, почтенная женщина, жила уединенно и была въ высшей степени богомольна; отецъ его принималъ только государственныхъ людей; госпожа Молье составляла кругъ знакомства изъ молодыхъ вѣтреницъ и придворныхъ, бывшихъ въ модѣ; Ришлье ввелъ его въ общество военныхъ и литераторовъ; дочери короля познакомили его съ остатками стариннаго двора; госпожа Дюбари допустила его къ таинствамъ особенныхъ комнатъ короля; графъ д'Артуа приглашалъ его къ своей игрѣ въ мячикъ; наконецъ, онъ самъ проникнулъ въ дурное общество, гдѣ онъ не смѣлъ еще явно показываться, но гдѣ его также очень хорошо принимали.

Вотъ что сдѣлало изъ маркиза Сенсера роль очень опаснаго чертенка. При этомъ онъ имѣлъ прекрасныя качества и, казалось, что судьба назначила ему самую блестящую будущность. Герцогъ Кумберландъ угадалъ все это очень скоро, и

рѣшился нападать на маркиза съ одной только слабой стороны: онъ кололъ его шестнадцатью годами и женоподобіе его лица.

О х о т а .

Спустя два дня послѣ имянинъ короля, дворъ отправился въ Компьень. Этотъ увеселительный дворецъ былъ любимымъ мѣстопребываніемъ Лудовика XV, который часто посещалъ его и охотился въ прекрасныхъ лѣсахъ. Принцессы, рѣдко разлучавшіяся съ своимъ августейшимъ родителемъ, сопровождали его и на этотъ разъ. Принцесса Луиза, страстно любя верховую Ѣзду, всегда слѣдовала на конѣ за королемъ на охоту, и мало наездниковъ могли сравниться съ нею въ искусствѣ управлять лошадью.

Въ день прибытія своего въ Компьень, король назначилъ охоту. Принцесса Луиза въ ней участвовала; сестры ея ѻхали въ коляскѣ. Герцогъ Кумберландъ и всѣ придворные сопутствовали его величеству. Каждый удивлялся ловкости англійскаго принца и превозносилъ до небесъ его стройность. Никто не управлялъ лучше его конемъ, никто не перепрыгивалъ съ такой неустрашимостію чрезъ ограды и рвы. Во все продолженіе охоты, герцогъ былъ кавалеромъ принцессы Луизы, которую также не останавливало никакая преграда. Рога протрубили успѣшный конецъ ловлѣ; охотники поскакали во весь опоръ, чтобы быть свидѣтелями паденія оленя; принцесса Луиза неслась впереди всѣхъ. На поворотѣ одной аллеи, лошадь ея испугалась несущейся на встрѣчу кареты, кинулась въ сторону въ то время, какъ принцесса нисколько этого не ожидала, и сбросила ее шаговъ на двадцать, почти подъ колеса быстро катящагося экипажа; еще одинъ шагъ и Луиза погибла бы. Герцогъ Кумберландъ, слѣдовавшій за нею, въ тоже мгновеніе спрыгнулъ съ лошади, подбѣжалъ къ ней и, подвергая опасности собственную жизнь, спасъ ее отъ неизбѣжной смерти.

Принцесса лишилась чувствъ. Опамятившись на рукахъ герцога, который несъ ее къ коляскѣ испуганныхъ принцессъ, Луиза старалась освободиться и слабо шептала:

—Герцогъ, послѣ Бога, я вамъ обязана жизню, и никогда не забуду этого. Теперь я могу идти сама, прикажите подвести мою лошадь; ей нуженъ урокъ.

—Нѣтъ, я не допущу васъ ѿхать снова на этомъ опасномъ конѣ. Если бы король былъ здѣсь, то, безъ сомнѣнія, и онъ не позволилъ бы этого. Нѣтъ, ваше высочество, вы не сядете на вашу лошадь, это невозможно. Я успокою сестеръ, и мы сно-ва поѣдемъ.

—Но этотъ проклятый случай заставилъ васъ пропустить охоту. Ахъ, герцогъ, незнаю, какъ и извиниться предъ вами.

Принцессы приняли Луизу, какъ будто бы онѣ не надѣялись уже болѣе увидѣть ее, и узнавъ о намѣреніи ея ѿхать снова верхомъ, хотѣли отправить къ королю одного изъ охотниковъ, чтобы просить Е. В. не дозволять принцессѣ исполнить безразсудное желаніе.

—Оставьте, оставьте меня, для чего хотите вы лишить меня единственнаго моего удовольствія. Вы знаете, я засыпаю въ театрѣ, ненавижу балы и танцы, для меня лучшій театръ, лучшее зрѣлище этотъ прекрасный лѣсъ. Прощайте, мы увидимся во дворцѣ.

И принцесса Луиза вспорхнула съ сѣдло, не смотря ни на какія увѣщанія.

—Я этого хочу, сказала она, наконецъ, своему берейтору, почтительно не допускавшему ее до лошади.

Еще въ первый разъ въ жизни, кроткая принцесса произнесла эти слова, и произнесла ихъ съ такою настойчивостію, съ такою твердостью, что никто не смѣлъ болѣе ей противорѣчить. Она вспрыгнула на сѣдло съ неустрашимостію, которая слѣдала бы честь храбрѣшему воину, и тогда началась истинная борьба ея съ лошадью. Луиза наказывала ее сильною рукою, заставляла дѣлать курбеты и вольты вокругъ коляски принцессъ, пускала ее въ галопъ и вдругъ останавливалась; однимъ словомъ, она показала столько ловкости и неустрашимости, что привела всѣхъ въ удивленіе. Никогда, ни прежде, ни послѣ этого замѣчательнаго дня, не видно было въ

ней такого желания обратить на себя внимание. Герцогъ Кумберландъ подъѣхалъ къ ней и изъявилъ ей свое удивление въ самыхъ лестныхъ выраженияхъ.

— Это совершенно ничтожное достоинство въ женщинѣ, и я стыжусь порыва гнѣва, заставившаго меня дать такой строгой урокъ бѣдному моему Нинію. Но, вотъ и король; онъ, кажется, встревоженъ; поспѣшимъ успокоить его извѣстіемъ, что, благодаря васъ, герцогъ, онъ не имѣеть причины бояться за дочь свою.

Лудовикъ XV очень любилъ всѣхъ дѣтей своихъ; но въ особенности принцессу Луизу. Онъ встрѣтилъ ее съ величайшею радостію и изъявилъ герцогу Кумберландскому живѣйшую, искреннѣйшую признательность за ея спасенія; потомъ съ кроткостію упрекалъ принцессу въ неосторожности:

— Дочь моя, говорилъ онъ, подумай, что еслибы съ тобою случилось какое нибудь несчастіе, то меня ничто не могло бы уѣхать. Будь впередъ разсудительна.

Съ той минуты, какъ король присоединился къ принцессамъ, Луиза сдѣлалась задумчива и молчалива. Она, съ поникшей головою, слѣдовала за отцемъ своимъ и коротко отвѣчала на всѣ его вопросы, а на всѣ учтивости герцога Кумберландского.

Такимъ образомъ, пріѣхали къ дворцу. Луиза сошла съ лошади и, бывши всегда со всѣми чрезвычайно вѣжлива, она на этотъ разъ едва поблагодарила герцога Кумберландского, и пошла въ свои комнаты, чтобы переодѣться. Слухъ о ея паденіи уже дошелъ до ея штата, и всѣ спѣшили къ ней на встречу, изъявляли живѣйшее беспокойство.

— Да, любезныя мои, говорила принцесса, жизнь моя была въ большой опасности, но Богу угодно было сохранить ее. Герцогъ Кумберландскій оказалъ истинно—геройское великодушіе, спасая меня. Благодарю васъ за приверженность вашу ко мнѣ. Я никогда въ ней не сомнѣвалась.

Произнося послѣднія слова, принцесса пристально смотрѣла на графиню Молье и примѣтила блѣдность на лицѣ ея; но движимая снова врожденною добротою, прибавила:

— Никто не пострадалъ при этомъ случаѣ, даже и лошадь моя невредима. Пресвятая Дѣва видимо сохранила насть, пото-

иу—что еще одинъ шагъ — и колыска сестрь перѣхала бы черезъ меня и герцога Кумберландского.

Принцесса спѣшила переодѣться въ самое простое платье, сѣла въ карету и закричала кучеру:

—Въ монастырь Кармелитокъ.

Компьенскія кармелитки находились подъ особеннымъ покровительствомъ королевы Маріи Лещинской, при ея жизни. Настоятельница монастыря, графиня де-Гавре, была ея другомъ. Въ дѣтствѣ своемъ, принцессы часто посѣщали этотъ монастырь, и даже въ зрѣломъ возрастѣ продолжали почитать непремѣнною обязанностію посѣщать его, во время каждого прїѣзда своего въ Компьенъ. Въ этотъ день принцесса Луиза имѣла, кажется, къ тому особенную причину.

Прежде всего, она приказала проводить себя въ церковь, гдѣ молилась на колѣнахъ, болѣе часа и встала со слезами на глазахъ. Послѣ того она долго разговаривала наединѣ съ настоятельницей, и, прощаюсь, взяла отъ нея довольно большой свертокъ, связанный снуркомъ.

—Вы говорите, мать моя, что графиня Рюпельмондъ все еще находится въ монастырѣ кармелитокъ въ Гренельской улицѣ?

—Точно такъ, ваше высочество, и служить для всѣхъ пріемромъ благочестія.

—Я съ ней увижусь, королева очень любила ее и я съ умиленiemъ вспоминаю ея постриженіе.

—Умоляю ваше высочество, сказала тихо настоятельница, не употреблять всего, что вы получили отъ меня. Эти суровыя обязанности предписываются кармелиткамъ; но принцессы съ такимъ слабымъ здоровьемъ, какъ ваше, исполненіе ихъ даже запрѣщено.

—Успокойтесь, мать моя, я буду исполнять только то, что не свыше силъ моихъ. Впрочемъ эта власяница не такъ жестока, какъ та, которая терзаетъ мнѣ сердце, и которую, однажды, я не могу сбросить! Сверхъ того, я должна искупить сегодня тяжкій грѣхъ, виновный мнѣ самолюбіемъ. Простите, мать моя, теперь мнѣ надо поспѣшить къ ужину, чтобы не заставить сестрь ждать меня. Дайте мнѣ ваше свя-

тое благословение. Графиня, господинъ Серле, я готова бѣхать.

Принцесса произнесла послѣднія слова, входя въ пріемную наружного отдѣленія, въ которой ожидала ее свита. На возвратномъ пути изъ монастыря, она много разъ очень ласково разговаривала съ своею статсъ-дамою.

—Вы должны выйтіи за—мужъ, графиня, говорила она, одиночество такъ тѣгостно! Бѣдный малютка Сенсеръ, я очень довольна, что сегодня онъ не былъ съ нами: какъ бы онъ испугался. Слышали вы что—нибудь о немъ?

Герцогъ Ланжевиль извѣстилъ меня, ваше высочество, что Сенсеръ заперть на нѣсколько дней въ своей комнатѣ, — въ наказаніе за какую—то шалость, на которую жаловался герцогъ и онъ, кажется, очень раздраженъ.

—Бѣдный Сенсеръ! Извѣстите его, графиня, о моемъ приключеніи и увѣрьте, что оно не имѣло дурныхъ послѣдствій.

Въ эту минуту, карета подѣхала ко дворцу. Во весь вѣчерь принцесса Луиза принимала поздравленія придворныхъ. Графиня Дюбари была не изъ послѣднихъ въ изъявленіи своей радости; король не имѣлъ надобности приказывать ей быть внимательною и почтительной къ принцессамъ. Луиза приняла графиню съ обыкновенною благосклонностію, и когда вошла вечеромъ въ свою спальню, то сказала любимой своей фрейлинѣ :

—Какъ мнѣ жалка эта несчастная графиня Дюбари; когда я подумаю объ участіи, которая ее ожидаетъ, по смерти короля, я не знаю какъ благодарить Бога, сохранившаго насъ отъ подобныхъ искушеній и пороковъ!

Въ слѣдующую за тѣмъ субботу, дворъ возвратился въ Версаль.

ГЛАВА IX.

Визитъ графинѣ Рюпельмондѣ.

Карета принцессы Луизы остановилась у воротъ карме-

литского монастыря, въ Гренельской улицѣ. Принцесса и графиня Молье нарочно мѣшали выходить изъ кареты, чтобы привратник успѣть предупредить настоятельницу монастыря о ихъ приѣздѣ.

Настоятельница вышла встрѣтить ее къ самымъ воротамъ, и все рѣшетки отворились предъ знаменитою посѣтительницей. Принцесса Луиза посмотрѣла вокругъ себя съ довольной улыбкой и со слезами на глазахъ.

—Какъ вы счастливы, мои сестры, въ этомъ святомъ убѣжищѣ! Какой покой, какая тишина васъ окружаютъ! Какъ здѣсь усердно молятся и какъ здѣсь близки къ Богу!

—Угодно ли будетъ вашему высочеству осмотрѣть нашъ домъ? сказала настоятельница, низко кланяясь.

Я для этого пріѣхала, кромѣ того, я желаю еще говорить съ одной изъ вашихъ сестеръ. До-сихъ-поръ помню, какъ она постриглась. Я была очень молода, когда присутствовала съ королевой при этомъ обрядѣ; но никогда не забывала впечатлѣнія, которое она произвѣла на меня. Которая изъ васъ, мои сестры, была когда-то графиней Рюпельмондъ?

По знаку настоятельницы, одна монахиня отдѣлилась отъ другихъ и подняла свое покрывало, приближаясь къ принцессѣ.

—Я видѣла, сестра моя, начало вашего счастія и слышала прощеніе ваше со свѣтомъ! Послѣ того, какъ мы осмотримъ монастырь, я приду, на минуту, посидѣть въ вашей кельѣ и тамъ, съ позволеніемъ вашей благочестивой настоятельницы, послушаю вашихъ святыхъ рѣчей.

Настоятельница и кармелитки прежде всего отвели принцессу Луизу въ церковь, гдѣ торжественно отслужили молебенъ въ благодарность за знаменитое посѣщеніе. Потомъ показали святое убѣжище во всѣхъ его подробностяхъ; она хотѣла все видѣть, все знать, и столько разспрашивала, что графиня Рюпельмондъ невольно сказала ей:

—Право можно подумать, что ваше высочество хотите сдѣлаться кармелиткой!

—Отъ чего же нѣтъ, отвѣчала принцесса, если кармелитки такъ счастливы!

Осмотрѣвъ весь монастырь, принцесса отпустила свою сви-

ту въ приемную, а сама съ сестрою Генреттою отправилась въ келью бывшей прекрасной графини Рюпельмондъ. Для нея принесли кресла изъ больницы. Не откуда было взять другого и какъ оно ни было дурно, все таки было лучше деревянныхъ скамеекъ, единственной мебели, позволенной кармелиткамъ. Принцесса отказалась отъ этого вниманія и сѣла на скамью. Графиня почтительно стояла предъ нею; она ее посадила, прося считать себя другомъ, сестрою, и забыть ее званіе, отъ которого она сама желала отказаться.

— Я пріѣхала въ надеждѣ на вашу дружбу и довѣренность, любезная сестра; вспомните благосклонности къ вамъ королевы, и это воспоминаніе заставитъ васъ не отказать ни въ чемъ ея дочери.

— Я готова повиноваться и считаю за счастіе, что ваше высочество вмѣсто приказанія, обращаетесь съ просьбою.

— Милая сестра, милая графиня, сказала принцесса, взявъ ее за руки: много было предположеній о причинахъ, заставившихъ васъ идти въ монастырь. Я желаю узнать ихъ отъ васъ; расскажите мнѣ вашу жизнь. Будьте увѣрены, что это не изъ пустаго любопытства. Я принимаю въ васъ большое участіе, и имѣю на то причины, которыхъ вамъ не могу открыть, но которыя приводятъ меня просить вашей довѣренности.

— Боже мой! чего вы требуете отъ меня, ваше высочество? Воспоминаніе прошедшаго! я всякий день умоляю Бога, чтобы онъ изгладилъ его изъ моей памяти. Но для васъ только я это сдѣлаю. Только дочь моей любимой королевы могла потребовать отъ меня такой тяжелой жертвы. Да, ваше высочество, я много страдала, потому-то теперь и молюсь. Молитва—самое лучшее утѣшеніе въ горести. Молитва наша надежда; надежда—самъ Богъ!

— Положитесь на мою скромность и дружбу.

— Я была большая грѣшница и прошу снисхожденія вашего высочества. Какъ Магдалина, я много любила; и надѣюсь, что мнѣ, какъ Магдалинѣ, будетъ прощено многое!... Я дочь графа и графини Мелинъ. Мой отецъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ; мать моя, послѣ смерти отца и лофини, герцогини Бургундской, къ которой она была очень привязана,

удалилась отъ двора, поселилась со мною въ старомъ замкѣ въ Дофине и предалась совершенно своей горести. Когда мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ, меня выдали за—мужъ за графа Рюпельмонда; онъ былъ вдовецъ и старше меня сорока—пятью годами. Мать моя послѣ того обрекла себя Богу и отказалась отъ всего земнаго. Мужъ увезъ меня въ свой замокъ, построенный недалеко отъ Гренобля, въ Грезиваданской долинѣ; мы начали жить сообразно своему званію и богатству. Особенный случай озnamеновалъ нашу свадьбу. Первая жена графа Рюпельмонда, женщина отличная во всѣхъ отношеніяхъ, была крестною матерью молодаго виконта де—Серле. Онъ былъ порученъ ей сестрою, умершую скоро послѣ его рожденія; графиня, не имѣя дѣтей, почти усыновила его и воспитывала при себѣ въ Рюпельмондѣ, гдѣ его считали ея наследникомъ. Этотъ бѣдный сирота боготворилъ свою крестную мать; онъ едва не сошелъ съ ума послѣ ея смерти, и когда узналъ о второмъ бракѣ графа, то поклялся отмстить за оскорблѣніе памяти его любимой тетки. Господинъ Рюпельмондъ употребилъ всѣ средства, чтобы его успокоить; даже обѣщалъ, что онъ будетъ жить особенно и не увидить меня никогда; Генрихъ не слушалъ ничего. Въ день моей свадьбы, я возвращалась изъ церкви въ замокъ, еще вся взволнованная... Вдругъ меня встрѣтилъ на крыльце юноша, немного моложе меня, весь въ черномъ, блѣдный, съ распущенными волосами. Онъ подошелъ ко мнѣ, поднявъ руку, и сказалъ слѣдующія слова, которыя никогда не выходили изъ моей памяти: Проклятие на твою голову, женщина, чуждая нашему семейству и которая осмѣлилась захватить мѣсто благороднѣйшей изъ женщинъ! Дай Богъ, чтобы этотъ домъ раздавилъ тебя подъ своими развалинами и чтобы ты слезами своими выкупила свою дерзость! Это я тебя проклинаю, сирота, оставленный безъ пристанища на этомъ свѣтѣ; но знай, что голосъ сироты—голосъ Бога. Будь ты проклята навѣки.

Разсерженный Рюпельмондъ бросился къ нему; гувернеръ увелъ его. Меня такъ поразили эти слова, что я остановилась на одномъ мѣстѣ. Это проклятие легло на меня всею тяжестью. Къ—несчастію, оно вѣрно исполнилось!

Несколько лѣтъ я не встрѣчала Серле. Графъ удалилъ его отъ насъ. Съ лѣтами онъ еще болѣе меня возненавидѣлъ;

онъ обвинялъ меня въ своемъ отчужденіи, приписывалъ мнѣ всѣ недостатки своего воспитанія и считалъ меня своимъ злѣйшимъ врагомъ.

Въ одно утро, отославъ своихъ людей, я возвращалась отъ обѣдни, черезъ паркъ, и, на поворотѣ аллеи, неожиданно встрѣтилась съ господиномъ Рюпельмондомъ.

— Я пришелъ сообщить вамъ неожиданную новость.

— Говорите скорѣй, какую? спросила я въ испугѣ.

— Виконтъ Серле здѣсь. Госпожа Шатору впала въ немилость и ему, какъ ея другу, король приказалъ жить въ Рюпельмондѣ.

— Чѣмъ! пойдемте, встрѣтимъ его.

— Безъ всякаго сомнѣнія, но я желалъ вѣдѣть прежде, нежели представлю его вамъ. Надѣюсь, что вы забыли его прошедшее поведеніе. Чтобъ извинить его, представьте себѣ каково было его положеніе въ то время. Подумайте, что покойная графиня, какъ мать любила его, что онъ всѣмъ былъ ей обязанъ—и вамъ не покажется страннымъ, что, въ жару дѣтскаго гнѣва, онъ вѣсъ проклялъ. Я чувствую особенную привязанность къ этому молодому человѣку. Конечно, онъ не сынъ мой; но онъ воспитанъ въ моемъ домѣ, онъ носитъ прекрасную фамилію; однимъ словомъ, онъ мой крестникъ. Потому, я желаю, чтобъ вы забыли его старую вину и постарались сдѣлать для него пріятнѣмъ время, которое онъ у насъ пробудетъ. Онъ навѣрно вамъ понравится, прибавилъ графъ, смѣясь; онъ очень не дуренъ собой и, сверхъ того, поэтъ. Очень мило сочиняетъ посланія къ Хлоѣ и дерется на дуэли за каждую муху; женщины сходятъ съ ума отъ такихъ головъ.

— Увѣряю васъ, что я всегда готова простить его и повиноваться вамъ. Для этого ему не нужно быть поэтомъ и дуэлистомъ.

Мы вошли въ замокъ. Входя въ столовую, я искала глазами гостя. Онъ стоялъ у окна и глядѣлъ на колокольню церкви, въ которой покоялась его крестная мать.

— Виконтъ, сказалъ господинъ Рюпельмондъ, вотъ графиня, моя жена. Она сама увѣритъ васъ, какъ намъ пріятно видѣть

васъ у себя, несмотря на ваше непріятное приключение, и конечно возметъ съ васъ обѣщаніе остатъся у насъ подолье.

— Я вамъ очень рада, виконтъ, сказала я, въ Рюпельмондѣ всѣ встрѣчаютъ васъ съ удовольствіемъ и, когда вы короче со мной познакомитесь, то вѣрно будете считать меня въ числѣ вашихъ друзей. Съ этой минуты, мы будемъ обращаться другъ съ другомъ, какъ будто никогда не разставались. Будьте безъ церемоніи; расскажите намъ вее, что васъ интересуетъ, расскажите намъ о дворѣ, о которомъ, безъ сомнѣнія, вы сожалѣете.

— Можно ли о чёмъ сожалѣть подлѣ вѣсъ, графиня?

Въ этомъ отвѣтѣ было много насмѣшки; я это поняла и, подумавъ минуту, отвѣтила твердымъ голосомъ:

— Послушайте: случай свѣль насть на нѣсколько времени, я такъ думаю; слѣдовательно, мы должны другъ съ другомъ объясниться откровенно. Я знаю, что вы предубѣждены противъ меня; не отговаривайтесь. Вы одиноки на свѣтѣ, имѣете сердце, способное любить, вы еще оплаиваете благоѣтельную женщину, которая пеклась о вашемъ дѣствѣ, вы смотрите на меня, какъ на похитительницу ея правъ и ея имени. Скажу вамъ, что это несправедливо! Развѣ я не могу замѣнить ее? Отъ васъ зависитъ считать господина Рюпельмона и меня своимъ семействомъ. Покойная графиня была для васъ матерью, я буду сестрой; какъ она, я буду слѣдить за вами, поддерживать васъ въ несчастіи, буду показывать вамъ на цѣль вашей жизни, если вы отъ нея уклонитесь. Для женщины—это благородное назначеніе, и будьте увѣрены, что я въ состояніи его выполнить.

По мѣрѣ того, какъ я говорила, лицо виконта видимо перемѣнялось; онъ всталъ, слеза дрожала на его длинныхъ ресницахъ. Онъ взялъ мою руку, съ смущеніемъ поцѣловалъ ее и сказалъ, почти ставъ на колѣна:

— Да, я вѣрю, что вы способны на все прекрасное и высокое. Простите меня, я въ первый разъ вѣсъ вижу.

Виконтъ былъ красавецъ; красота его была изъ тѣхъ, которыхъ болѣе всего нравятся женщинамъ; въ ней, если можно такъ выразиться, отражалась вся его душа. Его смуглія, но блѣдныя щеки, черные глаза и волосы, стройный и высокий станъ, обращали на себя вниманіе и, кто разъ его видѣлъ, не

забывалъ никогда. Когда я замѣтила его у моихъ ногъ, съ выражениемъ нѣжности и почти страсти на его прекрасномъ лицѣ, я не смѣла болѣе взглянуть на него; я приподняла его и движеніемъ руки показала на стулъ.

Въ это время господинъ Рюшельмондъ спокойно завтракалъ; когда онъ замѣтилъ, что разговоръ нашъ прервался, то сказалъ:

—И такъ вы помирились. Тѣмъ лучше! я ненавижу ссору!

Онъ только это и понялъ изъ моей встрѣчи съ виконтомъ.

Скоро мы сдѣлались неразлучны. Графъ былъ этимъ очень доволенъ и поздравлялъ насъ каждый день. Я никогда не жила въ свѣтѣ и потому была неопытна. Ни одна преступная мысль не закрадывалась въ мое сердце: такъ я была чиста и наивна. Исполненіе моихъ *обязанностей* казалось мнѣ такъ легко, что я не понимала этого названія и не подозрѣвала ихъ существованія. Оттого я незамѣтно увлеклась моей склонностью. Мнѣ казалось позорительнымъ любить виконта и когда это чувство обратилось во мнѣ въ сильную страсть, я полагала, что люблю его только какъ брата.

Онъ тоже любилъ меня. Онъ постоянно писалъ для меня стихи; читалъ мнѣ и я слушала ихъ, какъ хорошенькия стихотворенія, не воображая, что эти нѣжныя выраженія относились ко мнѣ. Эта любовь имѣла видъ такой дѣтской привязанности и казалась такъ невинна, что я понимаю только теперь, какъ я увлекалась ею. До этого времени, я не привыкла читать въ душѣ моей.

Виконтъ не обманулся; онъ понялъ, какое очарованіе привлекало его ко мнѣ и догадался, что я раздѣляю его чувства. Привыкнувъ видѣть при дворѣ кокетокъ или женщинъ, къ которымъ обращались только господа волокиты, онъ вообразилъ, что для него и я—очень легкая победа и не заставилъ меня долго ждать изъясненія въ любви; я его не поняла. Онъ выразилъ яснѣ, и смущеніе, которое овладѣло мною при его словахъ, открыло мнѣ глаза; я увидѣла подъ ногами своими бездну. Я увидѣла опасную наклонность, которая меня влекла въ нее; испуганная, я уѣждала, бросилась на колѣна передъ алтаремъ и молила Бога спасти меня. Съ этой минуты, въ моемъ сердцѣ началась ужасная борьба. Вся

жизнь моя, до того спокойная, была въ безпрестанномъ волненіи. Противясь желаніямъ виконта, я сильнѣе возбуждала ихъ и, наконецъ, дошла до того, что между его счастіемъ, быть можетъ его жизнью и моимъ безчестіемъ, не было середины. Ваше высочество не знаете, какъ ужасно это положеніе. Это начало наказанія за преступное чувство; Богъ нарочно посыпалъ его рядомъ съ преступлениемъ, чтобы скорѣй могло послѣдовать раскаяніе. Безъ этого, кто бы раскаявался въ любви?

Мужъ мой ничего не понималъ. Генрихъ и я, мы видимо гибли. Я удалилась отъ него, онъ меня искалъ; мы оба плачали; когда мы были врознь, я молилась, онъ писалъ ко мнѣ, но смыслъ его писемъ былъ постоянно одинъ и тотъ же. Я признавалась Богу въ томъ, чего не смѣла сказать виконту.

Наконецъ, мои силы истощились; я понила, что должно положить конецъ этой борьбѣ и для того писала ко двору, чтобы выхлючотать виконту позволеніе возвратиться. Мать моя имѣла тамъ друзей; въ ихъ проосьбѣ приняла участіе короля; слѣдовательно не трудно было получить прощеніе. Я получила обѣ этомъ бумагу чрезъ курьера и почувствовала, что, съ этой минуты, потеряла покой навсегда, потому что одна мысль о разлуцѣ меня убивала.

Я искала виконта, чтобы сообщить ему полученный письма и уговорить послушаться повелѣній короля. Я нашла его подъ деревомъ; онъ горько плакалъ, повторяя мое имя. Онъ выслушалъ меня съ знаками отчаянія и отказался, въ первую минуту, отъ милости короля, увѣряя, что никакая сила не удалитъ его отъ меня, что онъ умретъ въ Рюнельмондѣ, если мнѣ это угодно, но не оставить меня. Нѣсколько часовъ мы спорили; я не могла его убѣдить и мы разстались оба въ отчаяніи. На другой день, эта сцена возобновилась; цѣлу нѣдѣлю продолжалось одно и тоже, я теряла всякую надежду уговорить его; но вдругъ самъ Богъ послалъ мнѣ неожиданную помощь. Самый лучшій другъ виконта былъ такъ тяжко раненъ на дуэли, что опасались за его жизнь. Онъ требовалъ къ себѣ господина де-Серле, который сначала отказалсяѣхать къ нему; но, убѣженный новыми требованиями и горькими упреками умирающаго, онъ рѣшился и поклялся, что вернется назадъ, какъ только выполнить обязанности дружбы.

Когда я осталась одна съ мужемъ, я смѣло заглянула въ рану моего сердца и убѣдилась, что она непрелечима. Я благодарила Бога, что Онъ сохранилъ меня отъ преступленія, но, по непонятному дѣйствію страсти, я съ нетерпѣніемъ ждала возвращенія опасности. Мне хотѣлось его видѣть. Видѣть его, я считала своей жизнью, страдать при немъ, я считала — счастіемъ. Да, изъ всѣхъ страданій души, нѣтъ ничего труднѣе и мучительнѣе разлуки. Я прежде желала его отъѣзда; но теперь, чтобы опять сблизиться съ нимъ, я готова была всѣмъ пожертвовать.

Первые письма Генриха были очень печальны, онъ тоже не могъ перевоспить разлуки; онъ считалъ часы, минуты, отъ всего сердца желалъ выздоровленія своему другу, чтобы летѣть въ Рюпельмонъ. Истинная страсть, которая должна продлиться всю жизнь, проницательна. Я замѣтила, послѣ двухъ мѣсяцевъ разлуки, въ одномъ изъ его выражений маленькой отг҃бочки холодности; это меня сильно тронуло. Съ слѣдующею почтою это было еще замѣтилъ, потомъ еще болѣе, черезъ нѣсколько времени, письма сдѣлались короче; наконецъ, четыре почты сряду я не получала писемъ. Съ этой минуты, я перестала себя обманывать. Виконтъ не любилъ меня; это было ясно, я была въ этомъ увѣрена; и когда, три недѣли спустя, онъ присыпалъ мнѣ нѣсколько незначительныхъ строчекъ, я не сомнѣвалась, что имѣю соперницу. Съ этого дня, ваше высочество, мной овладѣло мученіе другого рода, самая ужасная пытка для меня: это ревность! ревность, которая не знаетъ на какомъ предметѣ остановиться, но не сомнѣвается! ревность, которая сама для себя создаетъ предметъ, украшаетъ его, безпрестанно ставить передъ собой и не можетъ дать другаго названія, какъ несносное имя соперницы! Ревность, это—чудовище съ рысыми глазами, которое смотритъ въ сердце любимаго человека, какъ въ зеркало, слѣдить за постепеннымъ его равнодушіемъ, прислушивается и повторяетъ всѣ слова, сказанныя другой, и потомъ впускаетъ когти въ наше собственное сердце, сердце слабой женщины, чтобы означить на немъ эти слова, которые потомъ сверкаютъ и сожигаютъ насть своимъ пламенемъ. О, святая и кроткая принцесса! благодарите Бога, что онъ избавилъ васъ отъ этого мученія.

Принцесса Луиза съ большими смущеніемъ пожала руку

графини. Она хотѣла что-то сказать, но, поднявъ глаза къ небу, прошептала только молитву и отерла слезу, катившуюся по ея щекѣ. Сестра Генріетта продолжала:

Это письмо разсѣло мое сомнѣніе. Какая-то гордость пробудилась во мнѣ. Я написала Генриху, что догадываюсь, что онъ что-то скрываетъ отъ меня, что я желаю все знать, что я считаю себя его другомъ, его сестрою, и потому имѣю право требовать его откровенности. Я такъ убѣдительно писала, такъ поддѣлалась подъ его положеніе, что онъ съ первой почтой отвѣчалъ мнѣ на восьми страницахъ изъявленіемъ своей призна-тельности и почтенія, признаваясь, что долго разсуждалъ и убѣдился, что, глядя на мое совершенство, онъ не можетъ счи-тать меня женщиной, но считаетъ ангеломъ; что онъ любуется мною, богоугодить меня, какъ существо высокое, неземное; но, что его любовь отдалась настоящей женщинѣ, такой же слабой и несовершенной, какъ и онъ. Впрочемъ, онъ считалъ за счастіе уведомить меня объ этомъ и, такъ-какъ я отвергала его любовь, надѣялся, что это будетъ для меня пріятно.

Мнѣ нужно было много твердости, чтобы выдержать это испытаніе. Богъ не оставилъ меня, я восторжествовала. Съ этой минуты, все во мнѣ перемѣнилось. Я создала для себя новыя обязанности, я приняла въ полномъ значеніи, присписанное мнѣ имъ, название ангела и дала себѣ обѣтъ, что для него я имъ буду непремѣнно. Эта роль мнѣ очень нравилась. Она давала мнѣ способы соединить мою любовь съ моими обязанно-стями; это согласовалось съ моими правилами и съ моимъ ха-рактеромъ.

Господнъ Рюпельмондъ сдѣлался болѣнъ; мнѣ кажется, если бы я не была такъ виновна, я менѣе бы заботилась о немъ. День и ночь, я не отходила отъ него и, уверяю ва-ше высочество, что я молилась Богу о его выздоровленіи. Эти слишкомъ грѣшныя молитвы, не были услышаны. Я осталась вдовою двадцати-двухъ лѣтъ.

Первые два года траура, окруженнаго со всѣхъ сторонъ мрачными и печальными доказательствами моей потери, я не думала о будущемъ. Виконтъ часто писалъ ко мнѣ. Онъ разска-зывалъ о своихъ побѣдахъ, удовольствіяхъ, успѣхахъ. Я все еще любила его и каждое письмо было для меня острымъ кин-

жаломъ. Мне пришло въ голову, что я еще молода, хороша собою, богата и могу быть для него прекрасною партіей. Теперь, безъ преступленія, я могла думать о немъ, заботиться объ его счастіи. Прежде всего, я желала его видѣть и для того поѣхала въ Версаль. Тяжела для меня казалась наша встрѣча. Я думала, что моя наружность перемѣнилась, что я постарѣла; я боялась показаться ему неловкой посреди этого блестящаго двора, гдѣ я была совершенно чужая. Иногда я думала, что его любовь, потухшая отъ безнадежности, возгорится, когда онъ увидитъ меня не такъ жестокой; я надѣялась, что онъ отгадаетъ цѣль моего прїѣзда и что всѣ его связи и побѣды, легко полученные, слѣдовательно скоро забытыя, не могли изгнать меня изъ его сердца. Его первое слово меня разочаровало.

—А, здравствуйте, мой прекрасный ангель! вскричалъ онъ, увидѣвъ меня и преклоняя передо мной колѣна. Наконецъ, вы развернули свои бѣлые крылушки и прилетѣли въ это не слишкомъ святое мѣсто! Вы погубите здѣсь много душъ, а это — совсѣмъ не христіанское дѣло.

Онъ былъ доволенъ, веселъ, но въ этой радости не замѣтно было никакаго сильнаго впечатлѣнія; сердце его не билось сильно. Я должна была скрыть мои слезы: я потеряла мою послѣднюю надежду. Мне оставалось только принять однѣ обязанности ангела и сдѣлаться повѣреною, свидѣтельницей заблужденій, которыя меня убивали. Онъ, въ одно время, безразсудно влюбился въ лвухъ женщинъ. Первая была дама изъ свиты герцогини Бурбонской. Она была очень хороша и большая кокетка; но мужъ ея не любилъ шутить; вторая, была Коломбина, очень хорошенъкая оперная танцовщица. Она успѣла разорить трехъ посланниковъ и двухъ главныхъ откупщиковъ. Такимъ образомъ, жизнь молодаго человѣка сдѣлалась соединеніемъ странныхъ и опасныхъ приключеній. Я наблюдала за нимъ съ отеческой заботливостью. Старикъ Бургиньонъ, его камердинеръ, доносилъ мнѣ обо всѣхъ его поступкахъ и мы вдвоеемъ придумывали средства, какъ спасти его отъ опасностей, которымъ онъ такъ безразсудно подвергался. Я старалась, въ глазахъ свѣта, избѣгать всякаго упрека въ моемъ поведеніи; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не скрывала своего участія въ положеніи виконта. Я такъ въ этомъ успѣла, что даже клянета не

осмыслилась до меня дотронуться. Королева, ваша святая мачтука, осыпала меня милостями. Скоро открылась вакансія гофмейстерини; королева желала иметь меня при своей особѣ, и потому приказала мнѣ просить этого мѣста. Вашему высочеству известно, что я промѣняла мою вѣнценосную госпожу только на монастырь.

Въ одинъ день, когда я была дежурная, я получила письмо отъ неизвѣстнаго, въ которомъ меня уведомляли, что господинъ де-Серле долженъ, въ этотъ вечеръ,ѣхать въ маскарадъ Оперы съ госпожею**, что мужъ этой ламы узналъ объ этомъ свиданіи и готовить ужасное мщеніе и что я одна могу спасти виконта, заставивъ его отказаться отъ своего намѣренія. Эту записку я получила, прѣѣхавъ домой послѣ ужива королевы. Я чуть не упала въ обморокъ. Мнѣ едва доставало времени прїѣхать въ Парижъ и увидѣть бѣднаго молодаго человѣка. Не смотря на это, я рѣшилась действовать. Я взяла почтовыхъ лошадей, прїѣхала прямо къ Серле и послала за нимъ своего лакея, надѣясь увести его подъ какимъ нибудь предлогомъ. Бургиньонъ вышелъ ко мнѣ и сказалъ, что его баринъ уехалъ на баль съ какою-то ламой. Что дѣлать въ такомъ случаѣ? Я не долго думала; несмотря на мое отвращеніе къ подобнымъ удовольствіямъ, я надѣла принятой костюмъ и поѣхала въ Оперу. Я знала, что виконтъ безъ маски, съдовательно надѣялась легко отыскать его. У меня закружилась голова, когда я очутилась въ этой толпѣ. Самыя странныя рѣчи посыпались на меня, я не обращала на нихъ вниманія; я занята была одною мыслью и искала Генриха. По неопытности, я потеряла много времени; наконецъ, когда, съ отчаянія, я хотѣлаѣхать за Бургиньономъ, чтобы онъ проводилъ меня по этому лабиринту, я замѣтила на лѣстнице виконта съ ламой; за нами, въ нѣсколькихъ шагахъ, шелъ мужчина совершенно замаскированный и, казалось, съ вниманіемъ разглядывалъ. Я не сомнѣвалась, что это господинъ***. Я содрогнулась при одной мысли о томъ, что можетъ случиться и, бросясь, какъ сумасшедшая, сквозь толпу, я добилась до нихъ и схватила за руку виконта. Онъ быстро повернулся и хотѣлъ оттолкнуть меня.

—Это я, прощентала ему на ухо: пока есть время, войдемте скорѣй въ ложу, онъ теперь насъ не видѣть.

—Кто насъ не видѣть? спросилъ виконтъ.

— Ея жужь. Войдемте; только будьте спокойны, я спасу васъ.

Господинъ де-Серле приказалъ отворотить очень темный и обширный бенуаръ, нарочно имъ взятой на этотъ вечеръ, и которой обыкновенно назначался для подобныхъ сиданій. Когда мы вошли, я сняла маску; госпожа***, узнавъ меня, очень испугалась.

— Не бойтесь ничего, сказала я ей: я пріѣхала сюда, какъ другъ. Намъ нельзя терять ни минуты; вашъ мужъ все знаетъ, онъ слѣдилъ за вами; безъ всякаго сомнѣнія, онъ теперь ждетъ у дверей. Мы почти одного роста съ вами; помѣняемся костюмами и предоставьте мнѣ кончить это дѣло.

Виконтъ горячо возставалъ противъ этого; онъ хотѣлъ идти къ господину*** и объясниться съ нимъ, и не соглашался, чтобы я унизовилась до такого поступка. Что касается до госпожи**, то она умирала отъ страху и согласилась на все. Мы помѣнялись костюмами; я была точно въ горячкѣ и это состояніе меня поддерживало и давало мнѣ силы действовать. Послѣ этого господинъ де-Серле вышелъ съ нами, ведя насъ обоихъ подъ руку. Я не ошиблась, мужъ ждалъ насъ; онъ подошелъ къ намъ и казалось удивился, вида насъ троихъ.

— Ради Бога, что вы хотите дѣлать? сказалъ виконтъ. Поберегите себя; предоставьте все мнѣ, я скоро кончу это приключеніе.

— Молчите. Не бойтесь ничего, я за все отвѣщаю.

— Я смыло подошла къ господину** и взяла его за руку; онъ такъ крѣпко сжалъ мою, что я чуть не закричала.

— Вы очень дерзки! прошепталъ онъ мнѣ на ухо.

— Очень дерзка! почему вы такъ думаете?

— Я не перемѣняла голоса; онъ вздрогнулъ и просилъ меня повторить.

— Слава Богу, это не она!

Въ эту минуту, у бѣдника вѣрно скатилась большая тяжесть съ сердца. Впрочемъ, подозрѣніе опять возбудилось; онъ сталъ меня разспрашивать. Я выдергала нападеніе, ловко шутила съ нимъ, то выводила его изъ сомнѣнія, то опять заставляла сомнѣваться. Въ этотъ вечеръ, можно сказать, что я въ буквальномъ смыслѣ, была ужасно остроумна; я сама была в-

пугана и боялась, что подъ-конецъ сойду съ ума. Этотъ маскарадъ продолжался болѣе часу; вторая пара слѣдовала за вами. Когда я увѣрилась, что разсѣяла всѣ сомнѣнія мужа, я свела его въ ложу, въ которой мы переодѣвались; жена его и виконтъ шли за вами.

—Теперь, пора кончить шутку. Снимите маркиза, вашу маску; пускай господинъ... увидитъ наши лица и увѣрится, что можно безъ всякаго дурнаго намѣренія вхать на балъ въ Оперу; это избавитъ его въ другой разъ отъ труда слѣдить за вами.

—Да, графиня, отвѣчалъ маркизъ, теперь можно справедливо сказать, что если вы здѣсь, то весь светъ можетъ быть здѣсь безъ грѣха.

—Раскаиваетесь ли вы въ вашемъ поступкѣ?

—Я готовъ кинуться къ вашимъ ногамъ, и чтобы утвердить наше общее примиреніе, я предлагаю всѣмъ отужинять вмѣсть.

—Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно; маркиза устала, она только изъ дружбы ко мнѣ согласилась прїѣхать со мною и, конечно, давно бы уѣхала, если бы мой разговоръ съ вами не задержалъ меня такъ долго.

—Мы вышли изъ залы съ маркизой, какъ счастливые друзья. Она отозвала меня въ сторону и сказала тихо:

—Виконтъ справедливо зоветъ васъ своимъ ангеломъ. Вы были нашимъ провидѣніемъ; я этого никогда не забуду.

—Помните обѣ этомъ, маркиза, чтобы возвратиться къ вашимъ обязанностямъ. Я должна была такъ поступить, чтобы спасти васъ обоихъ; но я не хочу и не могу вмѣшиваться въ это дѣло, если вы будете заблуждаться по-прежнему.

Она молчала и плакала. Бѣдная женщина! она тоже любила его!

Господинъ де-Серле довезъ меня домой. Онъ меня благодарили и, вмѣсть съ тѣмъ, тихо выговаривали мнѣ, что я такъ неосторожно жертвовала моей доброй славой.

—Вы съ вашими строгими правилами и съ вашей чистотой на балъ Оперы?

—Развѣ я не обѣщала замѣнить вашу крестную мать? Вѣрно, она точно также вывела бы васъ изъ бѣды. Вы перестали меня ненавидѣть, пусть это будетъ для меня наградою!

— Вследствие этого вечера я была больна целой недели. Я много молилась, подвергала себя лишениямъ, чтобъ загладить въ моихъ собственныхъ глазахъ этотъ поступокъ. Онъ самъ въ себѣ заключалъ большое наказаніе: видѣть Богъ, что въ этомъ маскарадѣ я ужасно страдала.

Эта зима была очень блестательна; много было праздниковъ при дворѣ, еще больше въ столицѣ. Больше всего распространялась между нашей знатной молодежью страсть къ игрѣ. Господинъ ле-Серле тоже предался ей; онъ забылъ свою любовь, даже забылъ свои обязанности въ отношеніи ко мнѣ, онъ сталъ пренебрегать мною и это прибавило мнѣ еще новое огорченіе. Бургиньонъ ежедневно доносилъ мнѣ о новыхъ проигрышахъ; мы видѣли, какъ состояніе виконта быстро разстроивалось. Бургиньонъ говорилъ, что онъ безъ счёту черпалъ деньги изъ сундука, не зная, сколько беретъ и сколько ихъ остается. Я была богата, мало проживала и скопила большой капиталъ; я употребляла его на поддержку этого молодаго человѣка, чтобъ сберечь его отъ совершенного разоренія: онъ никогда этого не зналъ, олинъ Бургиньонъ былъ моимъ соучастникомъ. Я поручала ему смотрѣть за своимъ господиномъ, предупреждать меня въ случаѣ его опасности, доносить мнѣ объ его проступкахъ, какъ бы они ни были важны; онъ свято выполнялъ это порученіе.

Я прошу ваше высочество извинить мое смущеніе; я буду рассказывать самое тяжелое обстоятельство въ моей жизни, которое рѣшило мою участь навсегда. Несмотря на то, что это было пятнадцать лѣтъ назадъ, что много лишений и слезъ должны были изгладить его изъ моей памяти, это воспоминаніе все еще передъ моими глазами и все такъ же ужасно, ночью, это мое привильнѣе; днемъ, я безпрестанно думаю о немъ, это мое постоянное мученіе; одна смерть избавить меня отъ него. А, кажется, я горячо молилась.

Масонъ прошелъ въ невѣроятномъ развратѣ; порча нравовъ сильно оскорбляла истинныхъ христіанъ. Господинъ де-Серле, очерти голову, кинулся въ дурное общество; онъ не выходилъ изъ игорныхъ и распутныхъ домовъ. Изрѣлка, разъ въ месяцъ, онъ забѣжалъ ко мнѣ; но его принужденное обращеніе и короткіе визиты явно показывали, что онъ дѣлалъ ихъ не по своему желанію, а изъ остатка чувства приличія. Это

меня больше оскорбляло, нежели его отсутствие; эти визиты мне казались горькою насмѣшкой. За то, что я больше думала о немъ, нежели о Богѣ, Провидѣніе посыпало мнѣ такое жестокое испытаніе.

Въ полночь, во вторникъ, я была дежурная; я воспользовалась возможностью удалившись на время отъ двора и заперлась съ моей тоской у себя дома. Погода была ужасная, вдругъ постучались у подъезда. Всѣ мои люди спали, даже швейцарь; принуждены были несколько разъ стучать. Волнуемая неяснымъ предчувствіемъ, я отворила окно; кто-то разговаривалъ въ дверяхъ съ швейцаромъ, я узнала голосъ Бургиньона. Встревоженная, я сама вышла къ нему на встречу; его блѣдное и разстроенное лицо предвещало мнѣ большое несчастіе.

— Виконтъ! гдѣ онъ? вскричала я,—что съ нимъ сдѣлалось?

Мое воображеніе представило мнѣ дуэль, я думала, что онъ убитъ! Эта безпутная жизнь представляла столько опасностей!

— Онъ пропалъ, если ваше сіятельство не пріѣдетъ къ нему на помощь. Съ вчерашняго вечера у него самое безпутное общество и разливное море; онъ провелъ ночь и день съ развратными женщинами. Теперь они играютъ; они его обыгрываютъ на вѣрное, они губятъ его; когда я похвалилъ къ вамъ, у него осталась одна серебряная посуда. Земли, драгоценныя вещи, мебель, все исчезло, и они его зарѣзутъ, когда имъ нечего будетъ взять съ него. Вотъ, для чего я бросился къ вамъ, къ его ангелу-хранителю. Ваше сіятельство, поспѣшите на помощь; однѣ вы только можете спасти его!

— Что же мнѣ дѣлать?

— Писать къ нему, звать его къ себѣ!

— Онъ не пріѣдетъ.

— Можетъ быть, онъ не посмѣетъ отказать вамъ.

— Нѣтъ, онъ откажется; это бесполезно. Есть одно средство, только одно!... Боже мой! прости меня! Я погублю себя; но что за дѣло? Я спасу его! Бургиньонъ, найди поскорѣе карету; ты поѣдешь со мной.

— Куда ваше сіятельство?

— Къ нему.

— Но ваше сіятельство вѣрно не слышали, что я говорилъ; я имѣлъ честь доложить вамъ, что у господина виконта теперь....

— Я все слышала, все знаю.

— Слѣдовательно ваше сіятельство не можете показаться въ такомъ обществѣ; это невозможно.

— Яѣду.

— Ваше сіятельство... подумайте.... эти твари такъ безстыдны и, наконецъ, я беру смѣость замѣтить вамъ, что это не пристало вашему сіятельству.

— Я этого хочу, Бургиньонъ, я должна это сдѣлать, при томъ я могу это сдѣлать. Къ чему служитъ незапятнанное имя добродѣтельной женщины, если она не можетъ показаться безъ упрека въ самомъ грязномъ обществѣ? Яѣду; только это средство можетъ спасти его.

— Я готовъ повиноваться вашему сіятельству; но со страхомъ. Сколько можетъ быть для вѣасть дурныхъ слѣствий! Я молю Бога, чтобы Онъ избавилъ насъ отъ бѣды.

Я очень хорошо понимала всю опасность моего поступка; но я рѣшилась презирать ее. Ваше высочество, когда женщина истинно любить, когда она чиста и благородна, когда это ея первая и послѣдняя любовь, и когда всѣмъ для нея жертвуетъ, тогда она можетъ считаться добродѣтелью. Самоотверженіе,—такое прекрасное, такое истинное, такое сладостное чувство!

Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Мои люди всѣ проснулись, услышавъ движение въ домѣ, въ такое необыкновенное время; они перепугались, когда узнали, что я хочу вѣасть такъ поздно. Многіе изъ нихъ вызывались меня провожать, они упрашивали меня, чтобы я взяла свою карету. Я не хотѣла ихъ слушать и поѣхала одна съ Бургиньономъ.

Дорогою мы не вымолвили слова.

Мы прѣѣхали; я такъ сильно дрожала, что съ трудомъ могла вспомнить, гдѣ нахожусь. Я тогда опомнилась, когда Бургиньонъ спросилъ моихъ приказаний наверху лѣстницы.

— Отвори эту дверь и доложи о графинѣ Рюельмонѣ.

— Какъ, ваше сіятельство, кинуть ваше имя въ эту грязь.

— Я надѣюсь, что господинъ де-Серле не допустить никого оскорбить меня. Дѣлай, что приказываю, Бургиньонъ.

— Позвольте, ваше сіятельство, предупредить виконта?

— Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не хочу. Отвори дверь!

Когда я вошла въ переднюю, гдѣ пьяные лакеи спали въ безпорядкѣ, нечистый воздухъ комнаты чуть-чуть не лишилъ меня

чувствъ. Шумы и воскликанія неслись изъ соседней комнаты. Тамъ пили, кричали, пѣли, такъ громко, что можно было оглохнуть. Бургиньонъ держался за ручку замка, не отворяя двери, онъ упрашивалъ меня еще разъ подумать.

— Ваше сиятельство очень блѣдны; въ состояніи ли вы выдержать то, что увидите?

— Доложи обо мнѣ, отвѣчала я.

«Бургиньонъ отворилъ обѣ половинки; въ залѣ, всѣ обернувшись въ эту сторону; онъ посторонился, чтобы впустить меня и доложилъ:

— Ея сиятельство, графиня Рюпельмондъ!

При этомъ имени шумъ утихъ, разговоры прекратились и всѣ глаза устремились на меня. Я вошла, поддерживаемая сверхъестественной силой, для меня не понятною до сихъ-поръ. Боже мой, что я увидѣла!

Столъ былъ уставленъ бутылками, остатками кушанья, разбѣтымъ фарфоромъ, дрогрѣвшими свѣчами и поблекшими цвѣтами: скатерть залита виномъ, ковры изорваны и выпачканы. Женщины, которыхъ ремесло не трудно было отгадать по наряду и беспорядку одежды, валялись по диванамъ, или спали, пьяные, на полу рядомъ съ мужчинами, которымъ даже не достало разсудка выбрать спокойное мѣсто для сна. Занавѣсы въ лохмотьяхъ, перья и ленты были разбросаны по комнатѣ съ изломанными галантейными вещами! Ужасно было смотрѣть на все это! Въ концѣ стола нѣсколько игроковъ, казалось, не обращали вниманія на то, что происходило въ комнатѣ. Я искала между ними виконта. Ихъ блѣдныя лица и скорченные пальцы обнаруживали волновавшее ихъ чувство. Господинъ де Серле... Ваше высочество! я покраснѣла отъ стыда, заставъ его въ такомъ положеніи. Онъ держалъ карты, черты его были искажены; кружева воротника и манжеты висѣли въ лохмотьяхъ, пудра волосъ сыпалась на платье, разстегнутый камзолъ выказывалъ бѣлье, запачканное кровью. Я едва его узнала. Только, что я вошла, всѣ его гости, у которыхъ разсудокъ еще не совсѣмъ затмился, удалились. Въ комнатѣ остались виконтъ, который такъ былъ занятъ игрой, что не замѣтилъ меня, его противникъ, дѣвица Коломбина и спящіе гости, которые своимъ храпѣнiemъ нарушали общую тишину. Дѣвица Коломбина дерзко взглянула на меня; игроки не обращали вниманія.

—Бургиньонъ, сказала я громко, и мой голосъ заставилъ задрожать виконта, позовите людей господина де-Серле, посвѣтите этому господину и этой дамѣ и вынесите отсюда этихъ людей. Я хочу говорить съ вашимъ господиномъ.

Дѣвица Коломбина хотѣла что-то сказать противъ этого приказанія. Я ее предупредила.

--Господинъ де-Серле, приказываю вамъ именемъ вашей тетки, чтобы вы заставили выдти изъ логу этого мужчину и эту женщину, и потомъ потрудитесь выслушать меня.

Онъ безсмысленно посмотрѣлъ на меня, я увидала, что онъ меня не понимаетъ, и что мое намѣреніе труднѣе выполнить, нежели я предполагала. Несмотря на мое отвращеніе къ подобнымъ женщинамъ, я обратилась къ этой:

—Сударыня, я здѣсь представляю фамилію господина де-Серле—и прошу васъ оставить насъ.

—Увы! ваше сіятельство, что онъ отвѣтить вамъ? посмотрите, какъ онъ пьяна!

Эти слова меня уничтожили; къ-чесчастію, онъ были справедливы. Не смотря на это, дѣвица Коломбина послушалась меня и увела съ собою игрока. Я осталась одна, напротивъ виконта. Понимаете ли, ваше высочество, мое положеніе? Онъ назвалъ меня именемъ, которое я не могу повторить безъ стыда, протянулъ ко мнѣ карты и спрашивалъ, хочу ли я играть. Вотъ, что слѣдилъ плуты и заблудшіяся, женщины изъ человѣка, съ такими блестящими умственными способностями!

Въ отчаяніи, я упала въ кресло. Вопшель Бургиньонъ.

—Ваше сіятельство, что вамъ сказали виконтъ?

—Взгляни на него, Бургиньонъ.

Въ эту минуту, онъ заснуль.

—Ваше сіятельство, они его ограбили; онъ совершенно разорился. Я слышалъ, какъ они, сходя съ лѣстницы, говорили, что завтра пришлютъ за мебелью и за документами на выигранныя имѣнія. Бѣлый баринъ!

Я не слышала его; мои глаза остановились на этомъ перемѣнившемся лицѣ. Такъ этотъ-то человѣкъ, доведенный виномъ и развратомъ до состоянія животнаго! былъ мною боготворимъ, такъ этому идолу я покланялась. Вмѣстѣ съ презрѣніемъ и угрызеніемъ совѣсти и обращеніе вошло въ мою душу; самъ Богъ послалъ

мнъ этотъ ужасный ударъ, чтобъ призвать меня къ себѣ. Въ одну минуту, будущность моя была рѣшена. Я напрасно старалась добиться отъ виконта какого-нибудь умнаго отвѣта; онъ вполовину просыпался и бормоталъ слова безъ всякой связи. Онъ походилъ на неодушевленный предметъ, безъ мыслей и движенія. Бросивъ на него послѣдній взглядъ, пославъ ему рукой послѣднее прощаніе, я обернулась къ дверямъ.

—Бургиньонъ, перевези своего барина въ гостинницу и лишь только покажется день, сочти на деньги весь проигрышъ; мой нотаріусъ выдастъ всю сумму. Не позволяй ничего выносить отсюда; пусть онъ не знаетъ, что этотъ безпутный вечеръ докончилъ его разореніе. Въ десять часовъ утра явись ко мнѣ.

Я сѣла въ наемную карету и вернулась домой. Я казалась спокойною; но сердце мое терзало самое ужасное мученіе: я презирала предметъ моей любви! Всю ночь я писала. Сѣла завѣщеніе. Я оставляла все имѣніе виконту; мой мужъ, не имѣя прямыхъ наследниковъ, отказалъ ему свое имѣніе, изъ котораго, на свою часть, я взяла только движимое имущество. Я написала нѣсколько прощальныхъ строчекъ господину де-Серле, давала ему совѣты; потомъ, составила просьбу королевѣ о позволеніи отказаться отъ моей должности, выставляя въ ней мое намѣреніе, но не описывая причинъ. Эту просьбу я послала въ Версаль съ нарочнымъ. Ея величество въ тотъ же часъ прислала отвѣтъ; она соглашалась уволить меня и только приказывала дать ей знать, въ какой день я буду постригаться. Она желала присутствовать при этой церемоніи и считала величайшею милостью Бога, что онъ внушилъ мнѣ эту мысль.

Въ десять часовъ пришелъ Бургиньонъ. При немъ, я передала моему нотаріусу бумаги, которыя, со временемъ, должны были принадлежать его господину. Я ничего не объясняла ему и даже была такъ тверда, что не сдѣлала ни одного вопроса о виконте. Людямъ моимъ я выдала жалованье и значительное награжденіе; съ собой въ монастырь я брала четыреста тысячи. Устроивъ такъ мои дѣла, я сѣла въ послѣдній разъ въ мою карету и приказала везти себя къ кармелиткамъ. Невозможно описать удивленіе настоятельницы, когда я кинулась къ ея ногамъ и просила принять меня послушницей. Она не соглашалась взять этого на себя; чтобъ убѣдить ее, нужно было собственноручное позволеніе королевы и архіепископа. Наконецъ, я вос-

торжествовала надъ всѣми препятствіями и мнѣ отворили решетку. Господинъ де-Серле былъ очень огорченъ и вѣрь себя благородно. Онъ желалъ со мною видѣться, я ему отказалася; я не могла бы выдержать этого свиданія. Притомъ, я положила себѣ за правило—никого не принимать и, ваше высочество первое свѣтское лицо, съ которымъ я говорю здѣсь въ монастырѣ.

Первые минуты были для меня очень тяжки; не оттого, что мнѣ показались трудны обязанности моего новаго званія; но я не могла привыкнуть къ мысли о вѣчной разлукѣ. Ваше высочество, онъ не зналъ, что я его любила; я умру—и онъ этого не будетъ знать: въ этомъ состояла самая большая моя жертва. Мнѣ должно было изгнать изъ моего сердца единственную мысль и единственный образъ, который занималъ его. По немногу, молитва пришла мнѣ на помощь и я сдѣлалась спокойнѣе. Я чувствовала, что эта ужасная страсть изглаживается изъ моего сердца и я начинала привѣпляться къ Богу. Это было мнѣ утѣшеніемъ и ободряло меня. Провидѣніе сжалилось надо мною. Никакіе свѣтскіе слухи не доходили до меня, я хотѣла забыть о его существованіи. Какъ я говорила вашему высочеству, только одно воспоминаніе осталось у меня; передъ глазами моими всегда эта ужасная ночь, ночь стыда, которая заставила меня идти въ монастырь. Безъ всякаго сомнѣнія, это мнѣ послано въ наказаніе; я не могу отогнать привидѣнія; оно всегда и вездѣ меня преслѣдуется; ваше высочество, такъ угодно Богу, и я съ терпѣніемъ несу мой крестъ. Вотъ весь мой разсказъ; для васъ я открыла глубину моего сердца, вспомнила прошедшее, произнесла имя, которое не выговаривала двадцать—два года; надѣюсь, что это въ послѣдній разъ, и благодарю за то Бога. Молитесь за меня, благородная дочь благородной моей государыни; вы видите, я много грешила; но за то, я много страдала. Я молю Бога, чтобъ это страданіе выкупило мой грѣхъ!

Принцесса слушала этотъ длинный разсказъ съ большимъ вниманіемъ и съ видимымъ любопытствомъ. Когда сестра Генріетта кончила, она вѣсколько минутъ молчала. Казалось, какая-то неопределенная мысль сильно занимала ее. Наконецъ, она сказала:

— Благодарю васъ, сестра моя, за вашу довѣренность; будьте уверены, что я заслужу еe. Но, можетъ быть, вы думаете, что

Богъ не прощаетъ тѣмъ, кто любить съ такимъ самоотверженiemъ, кто такъ сильно противится обольщеніямъ этой страсти, или беспристрасно жертвуетъ собою предмету любви?

—Ваше высочество, должно любить только Бога и свои обязанности; все прочее—безразсудство и большой грѣхъ.

—Да, вы справедливо сказали, сестра моя. Это утѣшительная мысль для тѣхъ, кто разочаровался въ своихъ мечтахъ. Увы! рано или поздно мы всѣ этимъ кончаемъ. Прощайте, моя сестра; я не забуду разговора съ вами; со временемъ, онъ принесетъ свои плоды. Я оставила въ наружной прѣмной статѣдаму и шталмейстера; они ждутъ меня; пора вернуться въ Версаль.

Принцесса опять сошла въ церковь и долго молилася. Госпожа де Рюпельмондъ стояла полъ ней на колѣнахъ. Обѣ плакали, обѣ сожалѣли о прошедшемъ и будущемъ, возлагая свою належду только на Бога.

Кармелитки проводили принцессу Луизу до послѣднихъ рѣшетокъ, гдѣ ёё ждали графиня Молье и дежурный шталмейстеръ. Въ ея походкѣ была замѣтна необыкновенная живость; она спѣшила отъѣздомъ; казалось, что она желаетъ скрѣй выбраться изъ монастыря.

—Ваше высочество, сказала графиня Молье, виконтъ де-Серле сю минуту будетъ здѣсь; онъ осматриваетъ церковь. Я послала за нимъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ эту минуту шталмейстеръ полошель къ рѣшеткамъ. При видѣ его, при этомъ имени, за неопущенной рѣшеткой раздался крикъ.

—Что это значитъ? спросила, оборотясь, принцесса Луиза.

—Съ нашей сестрой Генріеттой сдѣгалось дурно, отвѣчала настоятельница; ее уносятъ въ келью.

—Бѣдная женщина! подумала принцесса; я хотѣла избавить ее отъ этой непріятности, я хотѣла скрыть отъ нея присутствіе человѣка, котораго она такъ горячо любила. Боже мой! онъ и не зналъ, что былъ такъ близокъ къ ней! Теперь только одна молитва принесетъ ей покой и вѣрно она будетъ горячо молиться.

ГЛАВА X.

Визит Графини Дюбари.

— Я ужасно устала, моя милая графиня, сказала Молье, кидаясь на кушетку въ будуаръ маламъ Дюбари, и еслибы вы не увѣряли, что король своей рукой отмѣтилъ меня въ числѣ приглашенныхъ къ маленькому ужину, то непремѣнно осталась бы дома. Но какъ васъ не послушаться!

— И чтобы не послушаться короля, вы прѣхали ко мнѣ, моя милая?

— Увѣрю васъ, только для этого; моя должность меня убиваетъ.

— Въ такомъ случаѣ, я очень довольна, что употребила маленькую хитрость. Король будетъ въ восхищениі, увида васъ; онъ и не воображаетъ съ вами встрѣтиться.

— Это безсовѣстно, отвѣчала госпожа Молье, покраснѣвъ отъ досады. Какъ можно такъ обманывать!

— Простите меня въ этомъ, я желала васъ видѣть у себя! прибавила любимица изжнѣмъ тономъ. Потолкуемъ; вы у меня въ дому. Я такъ давно васъ не видала, что не знаю, какъ вдругъ все ваши дѣла? Сначала, самое занимательное, герцогъ Кумберландъ? я слышала, что вы поссорились за какую-то вздорную ленточку, изъ какой-то ревности. Правда ли это?

— Это все прошло; впрочемъ правда, что маленький Сенсеръ влюбленный въ меня до безумія, всѣми силами добивался этаго. Онъ придумалъ шутку, маскерадъ съ собачкой принцессы Луизы, средство школьнника. Эта шалость, какъ нарочно, разыгралась на вечеръ у принцессы. Я никогда не была такъ взбѣшена. Милордъ уѣхалъ, и клялся отмстить мнѣ за мою, какъ онъ называетъ, вѣтренность. Не вообразилъ ли онъ, что я сговорилась съ этимъ шалуномъ? Чтобъ отмстить мнѣ, онъ началъ тѣмъ, что прїехалъ ко мнѣ и сталъ увѣрять, что меня не любить и скоро уѣхать изъ Франціи. Когда васъ прямо въ глаза увѣряютъ въ подобныхъ вещахъ, то это явная-ложь. Я казалась очень разстроеною, плакала, сдѣлалась больна; прїехалъ докторъ и тоже сталъ увѣрять, что я умру, если меня будутъ огорчать. Это было необходимо, чтобъ подчинить опять этого гордеца; онъ

быть непреклоненъ до моей смерти. Но, при этомъ словѣ, весь его гневъ пропалъ, онъ увѣрялъ меня,— и въ этотъ разъ конечно отъ чистаго сердца, — въ любви своей; клялся, что никогда не будетъ болѣе огорчать меня — и было, право, очень жалокъ. Съ-тѣхъ-поръ, ни одно облако не помрачало нашей любви. Этотъ милый принцъ до того влюбленъ, что иногда пугаетъ меня своею страстью, а я жестока, какъ тигрица. Полковнику я отмстила, сказавъ его отцу, что онъ хочетъ вырваться изъ академіи, чтобы командовать полкомъ, и тайно хлопочеть обѣ этомъ у короля; его заперли на ключь и черезъ это онъ не былъ съ дворомъ въ Компьенѣ, что конечно его немного разсердило. Но кто же его просить вмѣшиваться въ мои дѣла?

— Вотъ что миѣ нравится! А другой вздыхатель, вздыхатель для свадьбы?

— Тише, графиня! Никто здѣсь этого не подозреваетъ; не будемъ говорить о немъ. Онъ миѣ наскучилъ, ужасно наскучилъ! Онъ такъ скроменъ, чувствителенъ; онъ меня обожаетъ! Это Альвестъ; онъ бредитъ Астреей и Линьономъ. Послѣ нашей свадьбы, мы оставимъ дворъ и похоронимъ себя въ Дофине. Тамъ у него есть замокъ, которой оставила ему тетка, графиня Рюпельмондъ, вступивъ въ монастырь. Въ этой-то Аркадіи мы будемъ разыгрывать роль нѣжныхъ настушковъ.

— Онъ все еще шталмейстеръ принцессы Луизы?

— Да; мы отправляемъ свою службу вмѣстѣ. Эта княгиня Бистель не возвращается и, увѣрю васъ, что занимать ея мѣсто для меня несносно.

— Она очень добра, ваша принцесса!

— Конечно; но этой доброты для меня мало. Дворъ принцессы точно монастырь; она цѣлый день молится и предается строгимъ лишеніямъ. Горничныя увѣряютъ, что она носитъ власяницу. Со мной она говоритъ только о необходимыхъ вещахъ. Служба отправляется въ тишинѣ. Только двумъ лицамъ она показываетъ предпочтеніе: своему крестнику, маркизу Сенсеру, котораго она держитъ, по цѣлымъ часамъ, въ своей молельной и прощаетъ за всѣ его шалости, и маленькой дикаркѣ, уступленной ей вами. Она безпрестанно занимается этимъ ребенкомъ, оставляя при себѣ днѣ и ночь, учить ее и островитянка имѣетъ чудесныя способности, она дѣлаетъ невѣроятные успѣхи.

— Графиня, сказала Дюбари, глядя лукаво на графиню Молье, маленькой Сенсеръ очень хороши собой!

— Какъ можно! Такая святая принцесса, и которая носить рубашку кармелитокъ!

Въ оправданіи было еще болѣе злости, чѣмъ въ обвиненіи. Онъ улыбнулись и замолчали.

— Вы мнѣ не сказали, моя милая, сказала Дюбари, что думаетъ де-Серле объ его королевскомъ высочествѣ, герцогѣ Кумберландѣ.

— Онъ думаетъ, что это совершенный принцъ, такой принцъ, какіе только встрѣчаются въ лѣтскихъ сказкахъ. Онъ думаетъ, что этотъ принцъ имѣть намѣреніе жениться на французской принцессѣ, что это моя принцесса, и что я въ этомъ разыгрываю роль занавѣски. Ему ввѣрили эту дипломатическую тайну, чтобы онъ не беспокоился; онъ преклонилъ предъ мною государственнымъ значеніемъ сорокъ пять лѣтъ, и чтобы ему обо мнѣ ни говорили, онъ ничему не повѣрить.

— Это мило, это восхитительно!

И обѣ расхохотались.

— Скажите правду, графиня: вы не всегда считали его такимъ простымъ, такимъ несноснымъ?

— Нѣтъ; при жизни моего мужа, онъ былъ довольно занятеленъ. О, какъ онъ перемѣнился съ-тѣхъ-поръ.

— Это оттого, что онъ собирается быть вашимъ мужемъ; ничто такъ не портить мужчину, какъ это намѣреніе.

— Къ-несчастию, это правда. Впрочемъ, онъ общалъ мнѣ, что никому обѣ этомъ не скажетъ, не будегъ выставлять меня на показъ и, изъ уваженія къ памяти графа де-Молье, отложить нашу свадьбу на вѣсколько лѣтъ. О, я престройей добродѣтели!...

Между-тѣмъ, время текло; часы пробили полночь.

— Успокоимся немножко, моя милая; вѣроятно наши гости сейчасъ сѣдѣтъ; между ними оба соперника, герцогъ Кумберландъ и вашъ маленькой двоюродной братецъ; онъ сегодня опять вступаетъ въ свѣтъ. Мнѣ много стоило труда упросить короля: такъ онъ боялся огорчить герцога Лонжевиля. Король точно также приверживается старыхъ друзей, какъ старыхъ мыслей.

Немножко погодя, доложили о маршальши Мирпуа; потомъ

прѣхали герцогъ Кумберландъ, маркизъ де-Сенсеръ, герцогъ Ришлье, графъ Дюбарц, и нѣсколько другихъ особъ.

Любимица короля встрѣтила всѣхъ съ тою непринужденною вольностью, которая такъ правилась Лудовику XV; для каждого у нея нашлось острое слово или милое привѣтствіе. Въ графинѣ Дюбарц были достоинства и недостатки ея состоянія; она была добра, обязательна, откровенна; но не имѣла никакого благородства; она тратила безъ разбора доходы государства и безъ малѣйшаго упрека совѣсти обманывала своего коронованнаго любовника. Одаренная отъ природы умомъ и необыкновенною красотой, она осталась при этихъ качествахъ, потому что нерадѣла о своемъ образованіи. По врожденной способности въ женщинахъ, она отгадала, что ея странныя манеры, черезъ-чуръ вольное обращеніе и разговоръ дурнаго общества составляютъ главную ея прелестъ въ глазахъ Лудовика XV, и потому не старалась перемѣнить себя. Только въ одномъ случаѣ, она не отступала отъ этикета и то потому, что этого требовали ся выгоды: это въ присутствіи дочерей короля. При нихъ она принимала на себя скромной видъ и казалась совершенно придворною дамой. Когда она представлялась королю и дочерямъ его въ корцикахъ и въ платьѣ со шлейфомъ, невозможно было узнать въ этомъ обворожительномъ созданіи девицу Ланжъ. Если бы ее предоставили самой себѣ, она не вмѣшивалась бы въ политику и на занимаемомъ єю блестящемъ мѣстѣ искала-бы только удовольстій. Ее окружали лестью; поэты и придворные курили передъ ней такой ѿїміамъ, что и самая лучшая голова въ государствѣ непремѣнно закружилась бы отъ него. У неї достало ума не ввѣриться этому обольщению, она хорошо понимала свое положеніе и оставила свое попранье съ твердостью, которой сдавали можно ожидать отъ другихъ на ея мѣстѣ.

Этотъ вечеръ она казалась веселѣе, занимательнѣе обыкновеннаго. Король подарилъ ей золотой туалетъ, взятою съ лѣгкій; она каждому съ гордостью его показывала. Герцогъ Коссъ, тайный ея любовникъ, прїехалъ позже всѣхъ; она приняла его холодно, но безъ гнева. Замѣтно было болѣе угрѣзенія совѣсти, нежели упрека въ ея обращеніи съ нимъ; быть можетъ, она чувствовала свою вину, обманывая своего благодѣтеля,

и, можетъ быть, золотой туалетъ замѣнилъ, въ этомъ случаѣ, совѣсть.

— Сестрица, сказаѣть маркизъ Сенсеръ графинѣ Молье, знаю сколько я вамъ обязанъ и, позѣрьте, не забуду этого.

— Вы злопамятны, Сенсеръ: это не хорошо. Вотъ вашъ знаменитый наставникъ, я увѣрена, что онъ не похвалитъ вашего образа мыслей. Не правда ли, господинъ маршаль, въ лѣта маркиза не должно помнить зла?

— Увѣряю васъ честью, сударыня: когда мнѣ было восемнадцать лѣтъ, я всегда надѣялся въ ничего не помнилъ, отвѣчалъ Ришлье, къ которому графиня обратилась съ вопросомъ.

— Это значитъ, любезный герцогъ, что вы были немного несчастны и очень неблагодарны, возразила маршальша Мирпуга.

— Какъ вамъ угодно, сударыня, название не перемѣняетъ вещи. Впрочемъ, должно замѣтить, что черезъ это я имѣлъ большой успѣхъ.

— Господинъ маршаль, спросилъ маркизъ, неужели вы забывали обиду, если вашъ противникъ былъ—хорошенькая женщина?

— Только въ этомъ случаѣ, мой другъ, у меня была твердая память; готовъ былъ мстить, пока врагъ не сдастся; послѣ я очень скоро забывалъ и обиду и удовлетвореніе. Иначе и нельзя: слава Богу, моя голова не библиотека!

— Посмотрите маркизъ, перебила маршальша, кто это вошелъ: кажется король?

— Нѣтъ, сударыня, это его королевское высочество, герцогъ Кумберландъ.

— Онъ имѣетъ прекрасную наружность и я его считаю вашимъ двоюроднымъ братцомъ.

— При заключеніи союза, герцогиня, и другія власти должны быть согласны на это; въ противномъ случаѣ, можно ожидать общей войны.

— Слѣдовательно, вы очень влюблены въ графиню?

Маркизъ слышалъ этотъ вопросъ.

— Влюбленъ въ графиню! Не можетъ быть! Этотъ милой Сенсеръ будетъ держаться моихъ правиль: его будутъ сильно любить, а онъ очень мало.

— Я ни въ кого не влюбленъ, можете быть на этотъ счетъ спокойны, господинъ маршаль.

— Эти слова онъ сказалъ очень громко, такимъ тономъ и съ такимъ взглядомъ, что графиня Молье невольно смѣшилась. Къ ея счастію, дверь отворилась и госпожа Дюбари вошла, держа за руку Людовика XV. Король улыбался и дѣлалъ видъ, что невольно повинуется своей любезной.

— Господа, сказала Дюбари, я вамъ представляю Людовика XV.

ГЛАВА XI.

Сокровища Луизы.

Въ то время, какъ Людовикъ XV и любимица его проводили ночи въ такихъ искреннихъ и веселыхъ бесѣдахъ, благочестивая и цѣломудренная дочь его молилась предъ налоемъ, гдѣ мы уже видѣли ее. Она долго разговаривала съ почтеннымъ архиепископомъ парижскимъ, Христофоромъ де-Боманть, который, выходя изъ ея комнаты, былъ такъ тронутъ, что невольно воскликнулъ, относясь къ своимъ Викаріямъ:

— Принцесса Луиза святая, и, безъ сомнѣнія, Господь спасетъ Францію за ея добродѣтель.

Принцесса Луиза приказала подать себѣ ужинать въ свои комнаты, отпустила статсъ-дамъ, и съ той минуты, какъ оставилъ ее архиепископъ, не переставала молиться въ своей образной. Маркизъ де-Сенсеръ просилъ позволенія войти къ ней, но ему приказано было явиться на другой день. Несмотря на то, что она провела всю эту ночь безъ сна, принцесса въ семь часовъ утра отправилась въ церковь, гдѣ придворный священникъ пріобщилъ ее святыхъ тайнъ. Послѣ того, она молилась еще нѣсколько часовъ и много плакала.

Во время отсутствія принцессы, Марія прокрашлась въ образную, никто не обратилъ на это вниманія, и она осталась тамъ одна. Это было въ первый разъ со времени пребыванія ея во дворцѣ; индіанка воспользовалась этимъ случаемъ и съ любопытствомъ разсмотривала мебель и драгоценные предметы, украшившіе комнату; они казались ей игрушками. Но, какъ наставница ея часто твердила ей Ave Maria, говорила безпрестанно о Пресвятой Дѣвѣ и заставляла ее поклоняться ея изображенію, то Марія прежде всего поверглась предъ образомъ, ленечка мо-

литву; потомъ начала перебирать четки, ковчежцы, и разбрала все это по ковру; всего больше привлекъ ея вниманіе небольшой серебрянной чеканной ящикъ съ замкомъ. Марія пыталась открыть его, но не могла; сопротивленіе увеличило ея любопытство; она осмотрѣла ящикъ со всѣхъ сторонъ, ударяла его и, наконецъ, сбила петли уже очень ветхія и непрочная. Въ ящикѣ находилась книга въ черномъ бархатномъ переплетѣ, съ застежками и золотою надписью: «Сокровище святой Терезы.»

Въ открывшемся двойномъ днѣ ящика находились раменникъ, колючая власяница и плесть. Малютка, непонимавшая къ чему могутъ служить эти орудія покаянія, елва посмотрѣла на нихъ; но она не покидала книги, позолота которой поразила ея взоры. Налюбовавшись наружностью, она отстегнула пряжки и начала мять листы. Забава эта ей понравилась; она запѣла странную пѣсню и вырывала одинъ за другимъ обветшалые листы священной книги. Въ это время вошла въ образную принцесса Луиза въ сопровожденіи маркиза де-Сенсеръ, явившагося къ ней, по ея приказанію. При видѣ разрушенія, постигшаго ея любезное убѣжище, она воскликнула:

—Несчастная? что она сделала? И бросилась къ Маріи, на лицѣ которой невидно было ни удовлѣнія, ни смущенія. Первымъ движеньемъ принцессы было скрыть орудія испытанія отъ взоровъ маркиза; но онъ предупредилъ ее и уже держалъ въ рукахъ предметы, которые такъ странно было видѣть въ покояхъ царской дочери.

—Ваше высочество, книга эта изорвана въ клочки, сказалъ молодой человѣкъ съ превосходной товкостію, и какъ будто бы ни мало не примѣчая замѣшательства принцессы: безъ сомнѣнія это большая потеря для васъ?

—Да, мнѣ трулько будетъ замѣнить ее. Непонимаю, какъ можно было оставить Марію здѣсь одну.

Маркизъ, съ видомъ певчимателности, положилъ на столъ плесть и власяницу; но онъ не могъ свести съ нихъ глазъ и сердце его разрывалось при мысли о страданіяхъ, на которыхъ осудила себя благочестивая принцесса. Онъ невольно бросился къ ногамъ ея, и поцѣловалъ край ея олежды, съ такимъ же глубокимъ чувствомъ благоговѣнія, съ какимъ онъ повергся бы предъ святою, признанною церковью.

Встаньте, Сенсеръ; я не заслуживаю такого почтенія. Вы

дитя, вотъ и все. Лучше помогите мнѣ привести все въ порядокъ. Можно подумать, что здѣсь грабили Гугеноты.

Принцесса и маркизъ де-Сенсеръ снова привели все въ прежнее положеніе. Марія, сидя на коврѣ и, скрестивъ руки, смотрѣла на нихъ въ безмолвіи. Принцесса подошла къ ней и посредствомъ словъ и движений дала ей почувствовать, что она ее оскорбила. Бѣдная малютка залилась слезами и начала выбирать изъ кармановъ своихъ множество пуговицъ, крестиковъ, булавокъ, клочековъ лентъ и другихъ бездѣлокъ, которыя она находила въ комнатахъ или уносила у статѣй-дамъ принцессы. Посреди всего этого блестала прекрасная золотая коробочка, украшенная эмалью. Маркизъ поспѣшно схватилъ ее.

— Это ваша коробочка, Сенсеръ?

— Моя, ваше высочество, я потерялъ ее и никакъ не подозрѣвалъ, чтобы она была похищена Марію.

Марія не могла утѣшиться, не смотря на ласки своей покровительницы, и твердила «простите!» Слово это было одно изъ первыхъ, которымъ она научилась произносить.

«Я прощаю тебя, милая Марія. Утѣшься; ты не будешь наказана, потому что ты не звала, что дѣлала худо. Сенсеръ, продолжала принцесса, эта книга сокровище; она писана женщиною, пламенная душа которой едва могла вмѣщать любовь, которая заключалась въ ней; она любила Бога, какъ можетъ быть ни одно изъ твореній еще не любило его. Женщина эта покинула міръ, и была счастлива. Міръ! что такое міръ? Это темница, которая лишь пространнѣе другихъ, вотъ и все. Кто изъ насъ воленъ поступать по своему желанію? Моя позлащенная кѣлтка лучше ли ограждена отъ бурь, нежели ваша? Можемъ ли мы выражать вслухъ наши мысли, наши чувствованія, и не въ тысячу-ли кратъ тяжелѣе повиноваться приличіямъ, которыя мы презираемъ, нежели Богу, которому поклоняемся? На-примѣръ, я чувствую нужду въ отдыхѣ, во время игры настало, и я иду играть по спускожленію, потомъ спускожленіе ведетъ меня въ театръ, гдѣ я засыпаю отъ утомленія. Этотъ образъ жизни, особенно долгіе вечера, изнуряютъ меня до крайности и приводятъ въ волненіе кровь. Я живу при дворѣ, следовательно и поступать должна, какъ поступаютъ при дворѣ, хотя это и несогласно съ моими наклонностями, хотя и вредить

моему здоровью; тогда какъ эти священные обязанности, требуя пожертвованій, даютъ намъ въ залогъ спокойствіе. Какъ безмятеженъ сонъ подъ кровомъ алтаря, далеко отъ страстей и терзаній сердца! Недавно видѣла я благородную женщину, покинувшую все для кельи; какъ я завидую участи ея! Ахъ! когда будетъ мнѣ позволено послѣдовать ея примѣру!

—Ваше высочество, ваше высочество!

—Дитя, прибавила принцесса съ жаромъ, ты не знаешь, что такое страданье на ступеняхъ трона. Страдать тогда, когда должно имѣть на честь печать величія, потому-что взоры цѣлой нації обращены на васъ; таить во глубинѣ души всѣ помыслы свои, всѣ желанья; не смѣть дать воли слезамъ; быть не женщиной, но предметомъ трактаковъ и дипломатическихъ переговоровъ; ничего не любить, ничего не жалѣть; быть съ-даемой жаждою чувства безпредѣльной преданности — и не смѣть сдѣлать ни малѣйшаго пожертвованія, никому, кромѣ государства. Не имѣть ни отца, ни матери, ни семейства, ни друга, вѣ имѣть надежды встрѣтить когда-либо любимое существо, которому можно-было сказать: «Я страдаю! пожалѣй меня!» Вотъ, вотъ удаѣль принцессы, вотъ чему за-видуютъ и что осмѣливаются клеветать! Неужели вы думаете, что монашеское покрывало не предпочтительнѣе этой золотой власяницы! Простите, Сенсеръ, я опечаливаю васъ, а ваша будущность такъ прекрасна! Вы мужчина и не государь, вы можете имѣть сердце. Но вы должны извинить меня; я только здѣсь, только предъ вами позволяю себѣ высказывать мои чувства. Успокойтесь, однажожъ: я не всегда буду страдать; Господь сжалится надо мною. Соберите тщательно всѣ листы этой книги и пойдемте въ пріемную залу. Сегодня утромъ я должна принять маркизу де-Монтесонъ, и, несмотря на притязанія ея на французскую корону, я приму ее не далѣе, какъ въ пріемной залѣ; я хочу идти туда заранѣе, во избѣженіе какой-нибудь ошибки. Развѣ меня не заставили однажды ждать герцогиню де-Шартръ въ голубой залѣ, вместо того, чтобы по правамъ ея, ввести ее ко мнѣ въ спальню! Все это очень важно, но признайтесь, и очень ничтожно.

ГЛАВА XII.

Вдовье покрывало.

Время заставило забыть радости и печали, описанные въ предыдущихъ главахъ; осень пришла послѣ лѣта, зима въ свою очередь послѣ осени и, наконецъ, первые дни весны сдѣлялись замѣтны по клочкамъ зелени и по свѣтлому солнцу. Наступила пасха; обрядъ омовенія ногъ только что кончился, когда госпожа Молье вернулась домой, противъ своего обыкновенія, въ дурномъ расположеніи духа.

—Всѣмъ отказывать! сказала она, должно, наконецъ, прекратить это мученіе.

Въ это время вошли горничные и спрашивали, прикажетъ ли она снять съ себя парадное платье; но ей пришла въ голову странная прихоть: она не захотѣла раздѣваться и велѣла имъ выйти вонъ. На ней было платье изъ розовой китайской матеріи, вышитой серебромъ; на головѣ небольшой букетъ перьевъ и цветы изъ драгоценныхъ камней. Къ косѣ была пришилена большими алмазами, въ видѣ груши, и собрана въ сборки въ самомъ шиньонѣ; вуаль изъ черныхъ кружевъ.

Не снимая своего параднаго наряда, она сѣла на софѣ, въ будуарѣ. Этотъ будуаръ былъ роскошнѣе и богаче уборной; но точно также убранъ со вкусомъ; послѣ этого, она старалась придать своему лицу задумчивой видѣ и выраженіе угнетенной жертвы. Исчезла эта заманчивая улыбка, этотъ быстрый взглядъ, вся обворожительная красота, которая уподобляла ее волшебницѣ. Въ эту минуту, она казалась плачущей вдовою, жевущей безъ покровителя и недерзающей поднять голову подъ тяжестью стыда и оскорблений. Наконецъ, она начинала терять терпѣніе, какъ вдругъ послышались шаги въ пріемныхъ комнатахъ.

—Его высочество, герцогъ Кумберлендъ!

Графиня встала и сдѣлала ему самой церемонный и холодный поклонъ.

—Ради Бога! что съ вами, графиня? вскричалъ онъ, приближаясь къ ней; вы страдаете? Тонъ, которымъ вы говорили со мною сейчасъ въ галерее замка меня напугалъ. Что случилось съ вами? скажите, для чего вы просили меня къ себѣ?

—Ваше высочество, конечно были при церемоніи?

—Да; я желала видѣть униженіе французскаго короля предъ

жалкими пищими, которые при этомъ случаѣ казались еще болѣе винтажными. Это омовеніе ногъ очень трогательная сцена.

— Ваше высочество знаете, что съ возвращеніемъ княгини Гистель, я занимаю только мѣсто дамы для выѣздовъ съ принцессой Луизой?

— Все это такъ. Но чѣмъ послѣ?

— Ваше высочество замѣтили ли мое мѣсто сегодня утромъ?

— Да, милая графиня, обыкновенное ваше мѣсто между придворными дамами принцессы, которыхъ вы затѣвали блескомъ вашей красоты и наряда. Но чѣмъ всѣ эти вопросы кончатся?

— Ваше высочество не могли слышать того, что я слышала и эти слова заставили меня стать позади всѣхъ и опереться на руку господина де-Серле, какъ будто мнѣ сдѣлалось дурно.

— Что же вы слышали? Ради Бога, говорите скорѣй!

— Я слышала, какъ принцесса Викторія, говорила, показывая на меня, принцесса Луизъ: «взгляните, сестрица, на эту женщину; какъ позволяете вы любовницѣ англійскаго принца такую безстыдную роскошь въ вашемъ присутствіи?»

— Этого не можетъ быть; этого никто не смѣетъ сказать или я потребую удовлетворенія.

— Это могло быть, это было сказано и вы не получите удовлетворенія. Какъ вы заставите извиняться женщину, принцессу, которая несмотря на то, что вы братъ короля, не удостоитъ васъ даже отвѣтомъ? Я вижу, милордъ, что вы не знаете, что значитъ дочь французскаго короля? Что за дѣло принцесса Викторія до вашего гиѣва. Она попросить короля истребовать отъ Георга III вашего возвращенія въ Англію — и повѣрьте, Георгъ III скорѣй рѣшился вызвать васъ изъ Франціи, нежели объявить войну Людовику XV за острое словцо, сказанное принцессой Викторіей на счетъ герцога Кумберланда. Оскорблѣніе было очень возможно; но скажите лучше, что удовлетворенія быть не можетъ.

— Что же мнѣ дѣлать въ этомъ случаѣ?

— Вашему высочеству остается одно: прекратите ваше знакомство со мной, не старайтесь видѣть меня, избѣгайте со мной встрѣчаться.... Это, быть можетъ, заставитъ замолчать злые языки.

— Я никогда не соглашусь на это.

— Ваше высочество, это необходимо; благоразумие требует этого. Скажите, къ чему поведеть насть эта любовь? Я не могу быть вашею женою; что-бы не говорили, я не хочу быть вашей любовницей; такъ не лучше ли намъ растаться?

— Графиня, я не могу поверить, чтобы это были ваши мысли, вы не желаете удалить меня! Развѣ я такъ несносенъ? Развѣ мое обхожденіе съ вами такъ грубо, что не согласуется съ вашими правилами? Вы требовали отъ меня уваженія и я старался быть какъ можно почтительнѣе съ вами. Я желала и просилъ только вашей любви?

— Я знаю, ваше высочество, что со мной вы всегда были благородны; но знаю это только одна я. Свѣтъ обвиняетъ меня, презираетъ, отталкиваетъ; мои родные пристаютъ ко мнѣ, чтобы я выходила замужъ; моя принцесса холода со мной, даже до надмѣнности.

— Право, я ничего не понимаю въ этой строгости. Зачѣмъ гонять вѣсъ за то, что позволяютъ другимъ? Покажите мнѣ одну женщину, у которой не было бы любовника или которой свѣтъ не приписывалъ бы ихъ длину? что дѣлаютъ ваши герцоги? и если вѣрить слухамъ, то и принцессы крови не совсѣмъ свободны отъ упрековъ. Чѣмъ вы болѣе ихъ виноваты?

— Ваше высочество, я вдова, у меня нѣтъ ни отца, ни братьевъ; на меня можно нападать безопасно. Притомъ, вы должны знать, прибавила она съ горькой улыбкой, что въ глазахъ свѣта любовница принца и любовница лакея стоять на одной доскѣ; одна принимаетъ подарки, тогда, какъ другая сама отдаетъ ихъ.

— Что вы говорите, графиня!

— Это справедливо, милордъ, и оттого я не могу спосибрь болѣе подобныхъ оскорблений. Въ эту минуту я съ вами прощаюсь. Я оставлю дворъ и уѣду съ моимъ горемъ, куда-нибудь подальше отъ вѣсъ и отъ низкихъ людей, которые такъ на меня клевещутъ. Я надѣюсь, что вы вступитесь за меня; вы имъ скажете, что я осталась чиста, что эта высокая любовь была непорочна, и хоть это имъ покажется неправдоподобнымъ, но они не будууть смѣять сомнѣваться въ вашемъ словѣ.

Графиня плачала. Эти слезы лились столько времени, сколько

нужно было, чтобы не испортилось ея хорошенькое лицо и не смылись румяна и мушки. Герцогъ бросился на колѣна.

—Вы плачете, мой небесный другъ! вы плачете и гоните меня, вы хотите, чтобы я отказался отъ вашего сердца, отъ вашей красоты. О, неѣть, неѣть! я готовъ на все, исключая этого!

—Милордъ, я буду несчастливъ вѣасть; я терплю вѣ этомъ случаѣ болѣе, чѣмъ вы. Когда вы вернетесь вѣ свою прекрасную Англию, то женитесь на какой-нибудь принцессѣ, изберете для себя политическое поприще и забудете ту, которую называли, когда-то, своей Діапой.

—Вы судите обо мнѣ по вашимъ непостояннымъ и вѣтренымъ умамъ; вы сравниваете мое чувство съ этими мелкими чувствами, которыя вы величаете здѣсь страсти. Выслушайте меня. Вы первая и послѣдняя моя любовь; для этой любви я вѣ состояніи всѣмъ пожертвовать. Я не буду объяснять вамъ ничего болѣе. Предоставьте мнѣ волю говорить, что угодно, пусть они изливаются на васъ ядь свой! Нѣ бойтесь ничего; вы будете отмщены, клянусь честью, самымъ торжественнымъ и завиднымъ образомъ. До того времени, я прошу у васъ одной милости; знаю, что вашъ поступокъ будетъ походить на дерзость; по это будетъ началомъ нашего мщенія. Завтра послѣдній день вѣ Лоншанъ; сдѣлайте мнѣ честь, займите у меня карету; выѣзжайте вѣ пей на гулянье и не бойтесь обидъ: на дверцахъ кареты королевскій гербъ Великобританіи; а этотъ гербъ не посмѣютъ оскорбить. Согласны ли вы?

—Ваше высочество, я не знаю могу ли я... Подумайте, это дастъ новую пищу злымъ людямъ; это почти сознаться вѣ томъ, что они говорили правду.

—Я все предвидѣлъ и если предлагаю вамъ это, то прошу не сомнѣваться вѣ моемъ благородствѣ.

—Я согласна, милордъ.

Онъ съ чувствомъ поцѣловалъ ея руку.

—Теперь я ничего не боюсь; мое и ваше будущее представляется мнѣ вѣ радужныхъ цвѣтахъ. Мы будемъ счастливы, милая графиня, мы упизимъ вашихъ враговъ; они, подобно мнѣ, будутъ у вашихъ ногъ любоваться этой несравненной красотою. Какой блескъ! какое великолѣпіе! Сколько вкуса вѣ этомъ головномъ уборѣ! Одно мнѣ кажется лишнимъ вѣ этомъ свѣжемъ и дѣвственномъ нарядѣ,—эта черная вуаль?

— Я не могу безъ нея, являться ко двору, ваше высочество; этого требуетъ этикетъ; самыя знатныя вдовы обязаы ему слѣдоватъ.

— Позвольте мнѣ его снять! Здѣсь мы не во дворцѣ, по въ бу-дуарѣ, гдѣ вы царствуете королевой и предписываете законы, ка-кіе вамъ угодно.

— Ваше высочество, не дотрогивайтесь до моего покрывала; оно для меня священно!

— Это еще болѣе заставляетъ меня снять его. Позвольте мнѣ исполнить мое желаніе! Это прихоть несчастнаго любовника; не откажите мнѣ?

— Несчастнаго! повторила она съ неподражаемъю кокетствомъ; признаюсь, милордъ, трудно васъ удовлетворить. Оставьте эту шутку. Развѣ играютъ такъ съ женщиной въ парадномъ платьѣ и съ фижмами въ три аршина въ окружности?

— Это правда! Но за чѣмъ оставаться въ такомъ нарядѣ?

— Я ожидала къ себѣ принца! и должна...

— Не принца, но любовника, а послѣдній въ какомъ бы нарядѣ вѣдь вѣдь не встрѣтилъ, всегда счастливъ, когда вѣдь видитъ. Но эта вуаль! несносная вуаль!

Графиня, смѣясь, защищалась и слегка била вѣромъ по пальцамъ герцога, котораго это никакъ не останавливало. Наконецъ, ему удалось поймать покрывало; но, снимая его съ головы графини, онъ разорвалъ кружево, пришпиленное булавками.

— Милордъ, вы разорвали мое вдовье покрывало!

— И я беру на себя возвратить вамъ другое, самое лучшее, какое только видѣла Англія. Оно непремѣнно закроетъ эти чуде-сные глаза, которые пріобрѣтаютъ мнѣ столько соперниковъ и мучатъ меня такъ жестоко.

По всему замѣтио, что принцъ принадлежалъ къ школѣ Дора-та. Какъ истинно влюбленный, онъ сложилъ куски вуали и поло-жилъ ихъ къ себѣ на сердце. Графиня притворилась недовольною. Герцогъ все еще оставался на колѣнахъ.

— Наконецъ, что еще вамъ нужно?

— Я гляжу на васъ, любуюсь вами; какъ вы божественно прекрасны. Чего вамъ бояться? Развѣ вы не знаете, что одно ваше слово можетъ остановить меня въ минуты самыхъ пламен-ныхъ восторговъ? Я такъ боюсь оскорбить вѣстъ, что готовъ страдать и терпѣть? Но однѣмъ часомъ этого неописаннаго блажен-
Т. III. Отд. I.

ства, о которомъ въ Версалы вы не имѣете никакого поплѣтія, и о которомъ мы мечтаемъ, бытъ бы такъ сладокъ! Я бытъ бы такъ счастливъ, еслибъ вы позволили мнѣ, хоть въ сколько минутъ, быть здѣсь господиномъ; повѣрьте, я не употреблю во зло вашей милости!

—Какъ! положиться на васъ! отказаться отъ моего старинства! Миордъ, съ моей стороны это будетъ непростительная смѣлость.

—Только не со мной! Я не дерзокъ и беру только то, что мнѣ даютъ. Притомъ, если я покажусь вамъ деспотомъ, вы можете меня прогнать; я заранѣе подчиняюсь вашей волѣ.

—Вы возбудили во мнѣ желаніе испытать это. Я согласна, позволю вамъ бытъ здѣсь повелителемъ только... четверть часа.

—Какъ васъ благодарить за это?

Послѣ того, герцогъ Кумберландъ началъ дурачиться, такъ мило и занимателено, какъ только могутъ дурачиться влюбленные. Онъ бѣгалъ по комнатѣ, переставлялъ мебель, перемѣщалъ китайскій форфоръ, какъ будто для того, чтобы показать свое могущество; онъ даже дерзнулъ побезпокоить Фанфремюша, вынувъ его изъ домика и опустивъ на диванъ. Наконецъ, онъ подошелъ къ божеству храма, сѣль у ея ногъ и глядѣль на нее съ невыразимымъ удовольствіемъ. Вдругъ онъ всталъ и очень серьезно началъ спинать бриллианты и перья изъ головнаго убора графини.

—Что вы дѣлаете? спросила она.

—Мнѣ не нравится этотъ уборъ, онъ мнѣ надоѣлъ. Его всѣ видѣли; я желаю такой нарядъ, какого никто не увидѣть кромѣ меня.

—Дитя! —И, улыбалась, она позволила продолжать.

Коверъ бытъ усыпанъ богатыми женскими украшепіями, никто не думалъ ихъ поднимать. Герцогъ растегнулъ фермуаръ и снялъ сережки; онъ взялся за инф. Графиня улыбалась, пробовала защищаться. Несмотря на ея усилия, петли и крючки летѣли одинъ за другимъ; наконецъ, плеча и грудь обнажились; она быстро скрестила руки на груди.

—Миордъ, вы еще не отдали мнѣ вашего великобританскаго покрывала на мѣсто того, которое вы взяли.

—Это справедливо, сказаль онъ вставалъ. И не прибавивъ ни слова, вышелъ.

Графиня не удерживала его. Она не перемѣнила своего положения.

жения; но на лицѣ ея выражалось удивленіе, потомъ легкая досада и, наконецъ, гордое торжество.

—Онъ мой! подумала она. Боже мой! я умру отъ радости!

Она больше часа не звала своихъ девушекъ и оставалась полураздѣтою. Занятая своими мыслями, она не замѣтала времени. Наконецъ, она перешла въ уборную и пересѣтила платье.

—Завтра, сказала она, обращаясь къ старшей горничной, мнѣ необходимъ самый замѣчательный въ Парижѣ утренний парадъ. Я иду въ Лопшанъ въ каретѣ герцога Кумберланда. Я во всемъ полагаюсь на васъ, Розалия; вы знаете, что въ этихъ обстоятельствахъ больше всего мнѣ пристало. Фанфrelюша вымыть и напудрить съ утра; я беру его съ собой. Надѣните ему гранатовый ошейникъ, подаренный виконтомъ де — Серле. Да, подвиньте-ко мнѣ этотъ столикъ; мнѣ нужно написать письмо.»

Она писала:

«Какъ благодарить васъ, милый виконтъ! Сегодня утромъ вы «были ко мнѣ такъ снисходительны. Я понимаю, какъ эти минуты были для васъ тягостны, и ваше одобрение утѣшаетъ меня въ «несправедливостяхъ, которыми терплю невольно. Истина должна «скоро открыться; всѣ увидятъ, что я достойна ващего вниманія и терцогъ, который сию минуту отъ меня уѣхалъ, обѣщалъ мнѣ «блестательное мѣщеніе. Можетъ быть, завтра посѣдній день, въ «который клевета осмыслится нападать на меня. Въ Лопшанѣ я «буду въ каретѣ милорда Кумберланда; мы должны ожидать, «что всѣ будутъ кричать въ одинъ голосъ. Я даже хочу «этого. Я желаю слышать отъ васъ, что вы меня любите, не смотря на глупые толки свѣта. Я вернусь къ ужину въ Версаль; ко «мнѣ сберутся два или три друга: согласитесь, что между ними, «ваше мѣсто считается первымъ.

Графиня Мольё.»

—Эту записку сейчасъ отнести къ виконту де-Серле. Постойте! я напишу нѣсколько словъ маркизу Сенсеру.

«Не угодно ли вамъ, милый братецъ,ѣхать завтра со мной въ «Лопшань. Мы вернемся домой ужинать въ очень маленькомъ «обществѣ; ужинъ въ великую пятницу, это все равно, что закуска. Вашъ старый непріятель, который, благодаря вашей любезности, сдался вашимъ искреннимъ другомъ, будетъ съ нами, «виконтъ Серле тоже, аббатъ и Фанфrelюшъ. Вотъ и всѣ. Я «ожду васъ; вы вѣрою не опечалите меня отказомъ. Господинъ

«полковникъ, сегодня утромъ, въ галлереѣ, вы имѣли удивительную воинственную паружность! «Діана.»

Отославъ эти два письма, графиня разкинулась на диванѣ и предалась самымъ заманчивымъ мечтамъ, воображая завтрашній день и будущность, которая передъ ей открывалась. Когда пришло время спать, она вошла въ спальню, растворивъ настежь обѣ половники дверей. Потомъ, сдѣлавъ почтительный поклонъ самой себѣ, она сказала громко:

«Ваше королевское высочество, герцогиня Кумберландъ! спокойнаго сна!»

Къ-счастію она была одна!

ГЛАВА XIII.

Лоишанъ.

Въ это время Лоишанъ блесталъ во всемъ великолѣпіи. Вместо фіакровъ и паемныхъ кабріолетъ, которые теперь составляютъ его лучшее укашеніе, здѣсьѣ зѣдили позолоченные кареты, съ прекрасными и благородными женщинами или съ знаменитыми прелестницами. Тамъ вы встрѣчали дѣвицу Клеофиль, осеняющую пальму красоты и изящества у лѣвицы Дютен; цѣльный народъ дѣнился на двѣ партіи, чтобъ одну изъ этихъ царицъ возвысить до небесъ, а другую забросать грязью, что заставляло обѣихъ уѣхать съ гулянья.

Въ 1770-мъ году, въ среду па страстной недѣлѣ, было много очень великолѣпныхъ экипажей. Говорили обѣ экипажѣ дѣвицы Гимаръ, или вѣрѣ сказать принца Субиза, обѣ экипажѣ англійскаго посланника, лорда Стера; герцогини де-Шартръ, совершиенно въ англійскомъ вкусѣ. Въ пятницу, тѣ же герои явились въ новыхъ экипажахъ; многие откупщики, завидуя этой славѣ и этой роскоши, сорили деньгами, чтобы поставить себя и своихъ любовницъ на одну ногу съ аристократіею. Больше часу толпы гуляющихъ толковали о происшествіяхъ дня, какъ столбъ пыли заставилъ всѣхъ обратить глаза въ сторону Куръ-ла-Ренъ.

—Это короли говорили один.

- Нѣть, еще не стрѣляли изъ пушки, отвѣчали другіе.
- Это его высочество, графъ д'Артуа.
- Нѣть, его ливрея зеленая.
- Такъ это графиня Дюбари.
- Не можетъ быть; на дверцахъ закрытая корона.
- А! какъ это мило!
- Какія превосходныя лошади!
- Что за красавцы пикеры!
- Вотъ красавица!
- Какой туалетъ!
- Глядите, глядите на собачку!
- Какой прекрасный молодой человѣкъ!
- Это карета герцога Кумберланда!
- Это графиня Молье!
- Это графиня Сенсеръ!
- Это Фанфrelюшъ, прошепталъ, скрывшійся за деревомъ, аббатъ.

Въ толпѣ раздавалось нѣсколько рукоплесканій.

Въ-самомъ-дѣлѣ, экипажъ и пассажиры были достойны всеобщаго удивленія. Шесть бѣлыхъ лошадей, въ голубой бархатной сбруѣ, съ серебрянымъ наборомъ, не имѣли подобныхъ себѣ въ Парижѣ. Онѣ гордо несли голову и красиво качали сultанами изъ страусовыхъ перьевъ. Вместо пикеровъ были англійскіе жокеи, еще не известные, въ то время, во Франціи. Ихъ куртки и шапки тоже были изъ голубаго бархата. Что касается до кареты, то кузовъ былъ сдѣланъ изъ голубаго фарфора съ золотымъ отливомъ. На одной сторонѣ была нарисована цѣломудренная Диана съ пимфами; эта любезность была понятна графинѣ; на другой Венера въ раковинѣ, окруженная дельфинами, тритонами и нереидами. На дверцахъ блистали леопарды Великобританіи и знаменитая надпись: Nonn'i soit qui mal y pense. Сзади была нарисована корзина съ розами, въ которыхъ цѣловались голуби, и сердце произнесенное стрѣлою; все это окружали колчаны, стрѣлы, факелы, одинимъ словомъ, всѣ принадлежности паѳосскаго бoga. Сверху была протянута гирлянда изъ цветовъ. Все остальное соотвѣтствовало богатству экипажа. Чехолъ на козлахъ кучера, запятки лакеевъ, колеса, рессоры, подножки столы, чтобы ими любоваться. Внутренность,

обитая штофомъ, кидалась въ глаза. Въ порахъ лежалъ горностасовой коверь, достойный украшать порфиру королевы.

Графиня Молье, улегшись въ глубинѣ этого экипажа, съ трудомъ скрывала свою радость. Она была одѣта въ утреннемъ платьѣ, голубаго цвѣта, обшитомъ куньимъ мѣхомъ; бѣлая атласная шуба, подбитая лисицей, почти сброшеннай съ плечъ, не совсѣмъ закрывала этотъ богатый нарядъ. Англійская шляпка изъ розовой шелковой матеріи, надѣтая немножко на бокъ, придавала лукавое выраженіе ея лицу. Въ каретѣ было очень тѣсно и она бросила подъ себя муфту, то же изъ куньяго мѣха. Фанфrelюшъ забрался въ нее и расположился очень спокойно, поглядывая съ презрѣніемъ на пѣшеходовъ, для которыхъ онъ былъ предметомъ удивленія и зависти.

Маркизъ Сенсерть, въ самомъ маленькому костюмѣ шалуна, занималъ переднюю скамейку. Онъ былъ въ веселомъ расположениіи духа и лицо его, отъ природы милое и умное, казалось теперь еще очаровательнѣе. Онъ чрезвычайно былъ любезенъ и внимательнъ къ хорошенькой кузинѣ: онъ боялся, чтобы не озаблѣла хорошенькая ножки; поправлялъ сзади ея подушку, подчиналъ Фанфrelюша конфектами; словомъ, былъ настоящій дамскій угодникъ. Графиня Молье такъ была занята своимъ счастіемъ, что не обращала на него вниманія. Вдругъ, совсѣмъ неожиданно, она его спросила:

—Согласны ли вы, маркизъ, промѣнить Версалъ на Англію.

—Только въ томъ случаѣ, если принцессы Каролина вздумаетъ выйти за меня замужъ. Но и на это я соглашусь съ условіемъ, что мой бракъ признаются законнымъ и мнѣ будетъ позволено ездить каждый годъ въ Парижъ.

—Говорить, что англійской дворѣ очень великоколѣпенъ.

—Если судить по образцу, въ которомъ мы находимся, то онъ стоитъ *Тысяча-одной ночи*. Но въ Англіи, какъ и во Франціи, нельзя быть вѣчно влюбленнымъ; а всѣ эти чудеса кончаются съ любовью.

—Видѣли вы, братецъ, вчера принцессу Луизу? прервала быстро графиня.

—Да, въ галлерѣ; она такъ перемѣнилась и похудѣла, что у меня невольно выступили слезы, глядя на нее.

—Она такъ слаба здоровьемъ!

—Это еще не все; тутъ скрывается тайна, которая меня

ужасаетъ. Я не смѣю разсказывать. Хотя мнѣ ничего не повѣрили, но все, что я вижу и слышу у принцессы, для меня священно. Я боюсь, что мы скоро будемъ свидѣтелями страннѣхъ произшествій.

—Ея высочество была всегда странна, спѣшила прибавить графиня съ разсѣяннымъ видомъ.

—Въ эту минуту, нѣсколько всадниковъ пронеслись стрѣлой мимо экипажа.

—Вотъ герцогъ! вскрикнула графиня.

—Предчувствіе обмануло васъ, сестрица; это графъ д'Артуа и герцогъ Шартрскій.

—Я увѣрена, что онъ съ ними; я узнала его лошадь.

—Да, она не ошиблась, прощенталъ маркизъ, поглядѣвъ съ вниманіемъ въ окошко. Неужели она его любитъ?

Кавалькада возвратилась назадъ; графиня нагнулась впередъ; герцогъ Кумберлендъ подъѣхалъ къ ней.

—Давно ли вы! спросилъ онъ.

—Это чудесно, превосходно; дворъ и городъ будуть говорить объ этомъ навѣрно восемь дней.

—Тѣмъ лучше. Лордъ Стеръ здѣсь; конечно онъ васъ замѣтилъ?

—О, да! и миреди тоже; они очень внимательно меня разглядывали.

—Тѣмъ лучше! Братъ мой скоро все это узнаетъ. Здравствуй Сенсеръ; какъ поживаешь?

—Очень хорошо, ваше высочество, особенно на этихъ дѣственныхъ подушкахъ.

—Вы съ Фанфrelюшемъ неподражаемо прекрасны и придаете блескъ картинѣ. Вездѣ слышно ваше имя. Прощайте, графиня; послѣ гулянья я возвращусь къ вамъ и конечно вы позволите мнѣ доехать съ вами до Версаля.

—Сенсеръ, спросила графиня послѣ долгаго мочавія: англійскій принцъ, жениясь на католичкѣ, долженъ ли чрезъ это отказатьться отъ правъ на престолъ?

—Непремѣнно; но эта церемонія совершило лишняя въ настоящее время, потому-что царствующій король, подобно Георгу, не достигнувъ тридцати-шести лѣтъ, имѣетъ четырехъ сыновей и двухъ дочерей.

Графиня Молье опять впала въ задумчивость.

— Сестрица, у васъ сегодня ужинаетъ виконтъ де-Серле?

— Да.

— И герцогъ тоже?

— Да. Что это за вопросъ?

— Такъ, это будегъ очень занимательно. Когда же свадьба?

— Съ вами? Съ вѣтренникомъ, никогда! Какъ вы могли поверить такому вздору?

И она заливалась смѣхомъ.

— Я никогда обѣ этомъ не думалъ, милая сестрица; я знаю, что вы не захотите быть всю жизнь старше вашего мужа. Притомъ же, мы слишкомъ хорошо другъ друга знаемъ, чтобы вступить въ брачный союзъ.

— Для чего же вашъ багюшка открылъ вамъ это намѣреніе?

— Погодуму, графиня, что онъ не могъ этого сдѣлать. Я случайно услышала его разговоръ обѣ этомъ предметѣ съ матушкою и послѣ этого не было средствъ скрыть отъ меня истину. Бульте спокойны, я буду молчать; разве вы не приковали мой языкъ самыми нѣжными средствомъ? Притомъ, мои родители васъ оправдываютъ и готовы уговорить васъ кончить эту комедію, какъ можно скорѣе. Пора укротить злые языки; мы теперь служимъ для нихъ прекрасной пищѣ!

— А мнѣ что за дѣло!

Они сдѣлали еще одинъ кругъ и потомъ приказали кучеру вѣхать въ Версаль. Герцогъ Кумберландъ ожидалъ ихъ подъ Курь-ла-Ренъ; ему отворили карету, онъ сѣлъ въ нее. Въ Севрѣ, простая карета, безъ гербовъ, съ лакеями въ сѣрыхъ лавреяхъ, пересѣкла дорогу ихъ роскошному экипажу; двѣ дамы сидѣли въ ней.

— Вотъ гдѣ было бы ваше мѣсто сегодня, графиня, если бы княгиня Гистель не возвратилась: это принцесса Луиза отправляется въ какой-нибудь монастырь посвѣтить Гробъ Спасителя!

— Милой братецъ, не вспоминайте мнѣ обѣ этомъ, моя обязанность кончилась. Княгиня Гистель своимъ возвращеніемъ оказала мнѣ неоцѣненную услугу; безъ нея, я конечно бы умерла.

Карета повернула на большую парижскую дорогу и вскорѣ остановилась передъ домомъ графини. Герцогъ подалъ руку

графинъ. Полковникъ очень важно внесъ, усыпанного кашаниемъ экипажа, Фанфrelюша, который былъ такъ смирененъ, что не укусилъ его.

— Позвольте намъ переодѣться, графиня, сказалъ герцогъ. Мы покрыты пылью и мои ботфорты здѣсь некстати.

— Пожмите, милордъ; но возвращайтесь скорѣй. Сенсерь, я прошу васъ о томъ же.

— Будьте спокойны, графиня, я не заставлю себя дожидаться. Какъ только они уѣхали, графиня позвала мегрѣ-д'отеля и потребовала карту ужина.

— Въ страстную пятницу, Деркуръ, очень трудно составить ужинъ! Это не долженъ быть цѣлый столъ и, несмотря на то, все вмѣстѣ должно кидаться въ глаза. Вы не забыли приготовить особый столъ для герцога Кумберланда; онъ, въ качествѣ еретика можетъ быть невоздержнымъ. Подавать ровно въ одиннадцать часовъ. Теперь, Розалия, переодѣните меня. Отъ этого небесно-голубаго цвѣта у меня заболѣли глаза.

ГЛАВА XIV.

Ящикъ для мушекъ.

Черезъ часъ послѣ того явился герцогъ, напудренный, парижанный, прекрасный, какъ Дельфобъ. Полковникъ возвратился также въ щегольскомъ наряда; онъ еще никогда не бывалъ такъ хорошъ. Лукавство, проглядывавшее въ чертахъ его, болѣе обыкновенного, придавало физиономіи его выраженіе юдкой насышки. Аббатъ сохранилъ свою похоронную гримасу: что-же касается виконта де-Серле, то онъ казался чрезвычайно-озабоченнымъ и походилъ на человѣка, которой хранить тайну и боится, чтобъ ее не проникнули. Маркизъ осыпалъ его ласками и знаками пріязни; казалось, онъ для него только и расточалъ свое остроуміе, и виконтъ де-Серле изъявилъ ему за то свою признательность.

Мраморныя стѣны и мозаичный полъ составляли круглую со сводомъ столовую, въ которой былъ приготовленъ ужинъ, соответствующій роскошью этому волшебному чертогу. Богатое

освящение, цветы и самые редкие плоды придавали ширстству видъ неописанной веселости и празднства. Графиня помѣтилась между герцогомъ Кумберландомъ и виконтомъ де-Серле, Маркизъ съѣхъ возмъ герцога, а аббатъ рядомъ съ виконтомъ.

—Боже мой! вы совершенная волшебница, графиня! вскричалъ Аббатъ. Одинъ видъ такого ужина—грѣхъ для нынѣшняго святаго дна. Я не знаю, кто лучше графини умѣть устроить праздникъ и одѣвается съ большимъ вкусомъ?

—Ни одна изъ женщинъ не имѣеть такого вкуса, прибавилъ герцогъ.

—Я совершенно согласенъ съ вашимъ высочествомъ, сказала маркизъ, сестрица одѣвается съ удивительнымъ вкусомъ, а домъ ея служитъ образцомъ изящнаго; въ немъ переходишь отъ удивленія къ удивленію.

—Лондонское гулянье было сегодня прекрасно, милордъ и господа, сказала графиня, улыбалась и какъ бы желая перемѣнить разговоръ. Замѣтили вы экипажъ графини де-Шартръ и какъ миль маленькой герцогъ ле-Валуа!

—Меня еще болѣе поразила осанка и ловкость графа д'Артуа; онъ истинно прекрасенъ. Признаюсь, графиня, я не люблю дѣтей и едва примѣчу ихъ.

—А я долженъ открыть вашему высочеству, что сестрица имѣеть совершенно сходныя съ вашими наклонности. Когда она выйдетъ за мужъ и Богъ пошлетъ ей дѣтей, то, не знаю, какъ рѣшится она быть матерью семейства.

—Графиня рѣшится на это, какъ и все другія, прервавъ виконтъ; съ такимъ добрымъ сердцемъ графиня не можетъ не любить дѣтей своихъ.

—Наконецъ, она это сдѣлаетъ изъ любви къ ихъ отцу! Счастливецъ, которому графиня согласится принести въ жертву свою любезную свободу, будетъ, безъ сомнѣнія, очень любимъ ею. О! сколько наслажденій въ подобномъ союзѣ! Въ такомъ случаѣ, я бы побѣдилъ мое отвращеніе къ дѣтямъ. Одна мысль о такой участіи можетъ свести съ ума.

—Въ принцѣ рѣдко можно встрѣтить такія чадолюбивыя чувства. Я не могу изъяснить вашему высочеству, сколько мнѣніе мое на этотъ счетъ сходно съ вашимъ. Дѣти составляютъ все блаженство нашей жизни.

Маркизъ внимательно смотрѣлъ на нихъ обоихъ; улыбка

невыразимой насыщенности блуждала на губахъ его. Онъ принялъ положеніе человѣка, который ожидаетъ забавное зрѣлище, могущее доставить ему большое удовольствіе. Графиня Молье слушала двухъ соперниковъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ, и не смѣла взглянуть на своего двоюроднаго брата, опасаясь, вѣроятно, потерять серьезный видъ, который и безъ того ей трудно было сохранить въ подобную минуту. Аббатъ не понималъ решительно ничего изъ этого сантиментальнаго спора, столь необыкновенного въ устахъ придворныхъ. Разговоръ продолжался болѣе получаса, и во все это время, отвѣты графини состояли въ наклоненіи головы, а поклонникъ не оставлялъ своего насыщеннаго положенія. Наконецъ, принцъ это замѣтилъ.

—Маркизъ, сказалъ онъ, вы кажется не раздѣляете нашего мнѣнія. Развѣ вы не любите дѣтей?

—Ваше высочество, я самъ такъ еще близокъ къ дѣству, что боюсь, чтобы вы не приняли отвѣтъ мой за личное пристрастіе.

—Развѣ вы не забыли еще нашей ссоры и не видите, что одна только зависть принудила меня ссориться? Возрастъ вашъ самый лучшій! Вы еще не знаете ни утратъ, ни обманутыхъ надеждъ, ни даже быстроты времени.

—По правдѣ, сестрица, сегодняшній ужинъ нашъ походитъ совершенно на страстную пятницу; вашъ долгъ вывести насть, наконецъ, изъ этой чувствительной и моральной сферы. Аббатъ не могъ помѣстить въ разговоръ нашемъ ни одного малригала, а Фанфrelюшъ смотрѣть на насть съ такимъ недоумѣніемъ, какъ будто никого не узнаетъ.

Въ эту минуту, маркизъ вертѣль въ рукахъ золотую коробочку, укрупненную эмалью, и коробочка эта сильно привлекала вниманіе де-Серле; онъ старался разсмотрѣть ее; но она такъ быстро повертывалась въ рукахъ маркиза, что невозможно было замѣтить даже формы ея; наконецъ, Сенсерь, ожидая отвѣта графини, поставилъ ее на столъ.

—Какъ вамъ вздумалось, Сенсерь, употребить коробочку для мушекъ вместо табакерки? сказалъ виконтъ.

—Коробочку для мушекъ! Нѣтъ, это табакерка, а я получилъ ее отъ особы, которая миъ очень дорога.

— Вы можете говорить, что вамъ угодно; но передайте мнѣ ее и я вамъ докажу, что не ошибаюсь.

Въ это время графиня разговаривала съ принцемъ, а аббатъ не обращалъ никакого вниманія на споръ. Виконтъ взялъ табакерку.

— Это коробочка для мушекъ и доказательствомъ тому можетъ служить зеркало и два внутреннихъ небольшихъ отдѣленій.

Произнося эти слова, виконтъ, казалось, былъ въ сильномъ волненіи; онъ внимательно разсматривалъ каждое изъ украшеній коробочки и смущеніе его примѣтно возрастало. Наконецъ, онъ открылъ ее и не нашелъ ни зеркала, ни внутреннихъ отдѣленій.

— Уверены ли вы теперь, что я говорилъ правду, и не угодно ли вамъ возвратить мнѣ мою табакерку?

— Нѣтъ, еще мнѣ приходитъ въ голову другое подозрѣніе и я очень желаю объяснить его. Скажите откровенно, отъ кого получили вы эту вещь?

— Разумѣется, я не скажу вамъ этого, любезный виконтъ, и, мнѣ кажется, вы не имѣете никакого права этого требовать отъ меня.

— Болѣе, можетъ быть, нежели вы думаете. Но когда вы не хотите быть откровенны, такъ буду я. Эта коробочка не предназначалась вамъ.

— Это выходитъ уже изъ границъ шутки, виконтъ; развѣ вы почитаете меня воромъ?

— Почти такъ, потому-что вы непремѣнно бы показали эту коробочку цѣлому городу, еслибы точно она была подарена вамъ; и безъ сомнѣнія, есть причина, по которой вы ее скрываете.

— Если бъ я не былъ скроменъ, то сейчасъ заставилъ бы васъ замолчать.

— И я точно также легко могу доказать вамъ мои права на эту вещь; они вотъ здѣсь, прибавилъ виконтъ, ударя по крышкѣ.

— Мои права также тамъ, и какъ бы ваши ни были сильны, они не могутъ опровергнуть моихъ.

— Изберемте судью.

— Кого же?

— Его высочество, герцога Кумберланда. Онъ сохранилъ нашу тайну и поклянется въ томъ честію принца крови.

— То-есть, тайну одного изъ насть, потому что вы или я непремѣнно въ заблужденіи. Что касается до меня, то я заранѣе покоряюсь рѣшению его высочества.

— Господа, прервала графиня, которая начинала пріимѣнно тревожиться, этотъ споръ совсѣмъ не у мѣста. Я могу простить его вамъ въ качествѣ родственницы и друга; не для чего вмѣшиваться тутъ его высочество? Изберите меня вашимъ судьею; я буду столько-жь безпристрастна и скромна, и все останется между нами.

— Нѣтъ, графиня, нѣтъ; ваше рѣшеніе было бы подозрительно. Если его высочество позволитъ вамъ, то мы отнесемся къ нему.

— Покажите мнѣ, по крайней-мѣрѣ, предметъ спора.

— Нѣты! я тогда только выпущу его изъ рукъ, когда онъ долженъ будетъ перейти отъ его высочества къ маркизу. Кромѣ суды и спорныхъ лицъ, никто не имѣть права касаться до предмета тяжбы.

— Я согласенъ, господа, сказалъ герцогъ, но съ условiemъ. Когда принцъ крови избирается судьею, въ такомъ важномъ лѣтѣ, то въ этомъ случаѣ необходимо соблюсти всѣ правила. Пойдемте въ гостинную. Графиня будетъ адвокатомъ виконта де-Серле, Фанфелющъ адвокатомъ маркиза де-Сенсеръ, а аббатъ будетъ исполнять должностную секретаря.

— Мы согласны на эти условія, сказала весело графиня, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы адвокатамъ дозволено было имѣть полное совѣщаніе съ ихъ довѣрителями.

— Пусть такъ, сказалъ маркизъ..

— А я на это не согласенъ, возразилъ виконтъ. Я состою въ должности, следовательно, могу защищаться самъ, безъ со-дѣйствія стряпчаго.

— Господа, воскликнула привѣтъ, не угодно ли вамъ перейти въ залу засѣданія.

Шутки виконта Серле имѣли какую-то колкость и пугали графиню, она подошла къ нему и хотѣла сказать что-то на ухо, но онъ отступилъ.

— Господинъ адвокатъ, не старайтесь подкупить меня. Мое дѣло справедливо, и я докажу это, безъ всякой посторонней помощи, когда настанетъ моя очередь.

Въ это время маркизъ и аббатъ поставили кресла для пре-

зидента, приготовили мѣсто для адвокатовъ и для враждующихъ сторонъ. Домикъ Фанфrelюша былъ поставленъ рядомъ съ кресломъ графини, а передъ ними два табурета, на которыхъ должны были помѣститься тяжущіеся. Секретарь занялъ мѣсто свое за столомъ, посреди комнаты. Принца закутали въ мѣховой плащъ, оставленный имъ въ каретѣ; на маленькомъ столикѣ поставили двѣ свѣчи, стаканъ съ сахарною водою и золотой ящикъ, который оспаривали другъ у друга знаменитые соперники.

—Присутствіе открыто, сказаъ съ важностію принцъ.

—Я прошу позволенія изложить весьма важное обстоятельство, воскликнулъ виконтъ.

—Говорите,

—Тяжущіеся требуютъ, чтобы изслѣдованіе справедливости документовъ происходило безъ свидѣтелей.

—Требованіе принимается въ уваженіе. Слѣдуетъ очередь г-на Фанфrelюша.

Маркизъ вынуль Фанфrelюша изъ его домика, посадилъ на коверъ, и, поклонясь, поднесъ ему бисквитъ. Собака залаяла.

—Удовлетворительно, сказаъ принцъ. Г-нъ секретарь, запишите это краснорѣчное показаніе. Виконтъ Серле, теперь ваша очередь.

—Мнѣ остается только просить произвести изслѣдованіе документовъ безъ свидѣтелей, по соизволенію господина президента.

Графиня встала и, не сказавъ ни слова, отошла къ камину. Она повертывала голову и старалась примѣтить, что происходило, но не могла успѣть въ этомъ. Замѣтно было, что она сильно беспокоилась.

—Коробочка эта принадлежитъ мнѣ, сказаъ графъ, вотъ мой портретъ. Я подарилъ его женщинѣ, на которой долженъ жениться. Имя и число здѣсь; это случилось недавно. Не знаю, какъ эта вещь могла попасть въ руки маркиза, но я покорнейше прошу ваше высочество не забыть данного мнѣ слова, сохранить все это въ тайнѣ.

Серле пожалъ пружину въ крышкѣ коробочки, и принцъ, узавъ портретъ и прочитавъ надпись, показалъ удивленіе, походившее даже на горестъ. Нѣсколько минутъ смотрѣлъ онъ на табакерку, веговоря ни слова.

—Доказательства очень удовлетворительны, сказала она на конец холодно: теперь надо видеть доказательства маркиза.

Сенсерь подошел.

—Особа, которой портретъ находится здѣсь, сказала она, показывая на двойное дно коробочки, потеряла вещь эту на половинѣ одной изъ принцессъ, где оба мы часто бываемъ. Я получилъ ее отъ ребенка, и возвратилъ прекрасной владѣтельницѣ. Въ самое то время, мнѣ случилось открыть тайну, отъ сохраненія которой зависѣлъ успѣхъ красавицы въ важнейшемъ предпринятіи, и она купила молчаніе мое, какъ обыкновенно покупаютъ его у молодыхъ людей моего возраста....цѣною новой тайны, вѣренной для храненія, и....портретъ этотъ остался у меня....памятникомъ этого произшествія.

Маркизъ въ свою очередь ножаль пружину и портретъ прекрасной женщины представился взорамъ принца, волненіе которого въ эту минуту было такъ сильно, что она опустила руки, какъ человѣкъ, доведенный до отчаянія.

—Боже мой! Боже мой! шепталъ онъ, возможно ли это!

Сенсерь изъ уваженія отступилъ назадъ. Воцарилось глубокое молчаніе; каждый ожидалъ решения принца, который, стоялъ, по-видимому, собраться съ мыслями.

—Господа, сказала она наконецъ съ большимъ усиліемъ: права графа Серле уважительнѣе, и маркизъ де-Сенсерь долженъ уступить ему; но настоящая владѣтельница коробки есть графиня Мольѣ, которой я и вручу ее.

Тутъ герцогъ всталъ, и подойдя къ графинѣ, вручилъ ей табакерку, которую она приняла дрожащею рукою, поклонилась и не сказала ни слова.

—Уже поздно, продолжалъ герцогъ, позвольте мнѣ оставить васъ, графиня. Господа, я надѣюсь, что вы довольно моимъ рѣшеніемъ. Господинъ секретарь, выигравшая партія заплатить вамъ.

Во взглядѣ, голосѣ и во всѣхъ движеніяхъ герцога изображалась какая-то презрительная холодность, сдѣлавшая впечатленіе на всѣхъ. По выходѣ его, снова собрались всѣ въ кружокъ, и разговоръ не завязывался, потому что каждый изъ собесѣдниковъ былъ, по-видимому, занятъ совсѣмъ другимъ. Аббатъ почувствовалъ, что онъ былъ лишній, и удалился. Въ эту минуту графинѣ подали письмо; узнавъ по-

черкъ, она поспѣшило развернула его. Въ комнатѣ не было ни-
кого, кромѣ графа Серле и маркиза де-Сенсеръ. Письмо состо-
яло въ слѣдующихъ словахъ:

«Вы должны чувствовать, графиня, что между нами все кон-
ченено. Я видѣлъ оба портрета и прочелъ обѣ надписи. Откры-
тие двухъ вашихъ обожателей представило глазамъ моимъ двой-
ное ваше вѣроломство. Я могъ бы отомстить вамъ, раз-
гласивъ все, что я узналъ; но, къ счастію, я вспомнилъ, что
«благородный человѣкъ обязанъ самому себѣ тѣмъ, чего уже
«не вправѣ требовать отъ него безчестная женщина, и это за-
ставило меня молчать. Выходите за графа Серле и, если мож-
но, постарайтесь сдѣлаться достойною любви честнаго человѣка.
«Я не хочу болѣе вѣсть видѣть. Вы разтерзали мое сердце; но
«я прощаю вамъ и постараюсь забыть вѣсть.

«Генрихъ Фридрихъ»

Когда графиня положила письмо въ карманъ, графъ, нетер-
пѣльво ждавшій окончанія письма, попросилъ минуту вниманія.

— Братецъ вашъ здѣсь не лишній, графиня, и присутствіе его
не мѣшаетъ мнѣ просить у васъ объясненія, котораго я вправѣ
требовать. Чго значитъ все происшедшее здѣсь вечеромъ? Я
вамъ далъ коробочку, какимъ же образомъ очутилась она у
маркиза?

— Мнѣ слѣдуетъ отвѣтить вамъ, графъ, потому-что я однѣ
виноватъ во всемъ этомъ. Сестрица потеряла коробочку, нахо-
дясь, по должности своей, у принцессы Луизы. Марія, малень-
кая американка, нашла ее, а я взялъ къ себѣ и присвоилъ, ни
мало не заботясь о томъ, чтобы узвѣтъ, кому она принадлежитъ.
Въ это время одна красавица, которой милостями я пользовал-
ся, подарила мнѣ свой портретъ. Я помѣстилъ его въ двойное
дно коробочки, право совсѣмъ не полозрѣвая, что въ крышкѣ
ея находился другой. Принцъ Генрихъ имѣлъ виды на самую
ту женщину, и вотъ что разсердило его, когда онъ узналъ ея
черты, и особенно когда прочелъ надпись:

«Любезному и милому моему Сенсеру, 28 декабря 1769
года.»

— Эта же самая причина лишила насъ и присутствія его
королевскаго высочества; онъ не имѣлъ повода къ явленію
неудовольствію, но присутствіе соперника было для него не-
спокойно.

Тысячу разъ благодарю васть, любезный маркизъ. Вы освободили сердце мое отъ тяжкаго бремени. Теперь я понимаю все. Простите ли вы меня, графиня, и чѣмъ могу я искупить мои подозрѣнія? Упадаю къ ногамъ вашимъ, признаю всю вину мою и ожидаю наказанія.

Графиня едва винимала слоныть его; разсѣянная и озабоченная, она, казалось, готова была рѣпниться на важный шагъ. Вдругъ, вместо упрековъ, которыхъ ожидалъ графъ Серле, она увидѣла на устахъ ея улыбку.

— Счастье ваше, любезный виконтъ, — сказала она, что сегодня страшная пятница! иначе мы поссорились бы съ вами по крайней-мѣрѣ на дѣйни; но, въ эти святые дни намъ предписывается прощать всѣ обиды. Сенсерь, щалость ваша была весьма неумѣстна, а ваша ревность, виконтъ, весьма неосновательна. Я хочу уничтожить эту несчастную коробочку, надѣлавшую столько шума. Вы съ нею потеряете портретъ вашей прелестницы, любезный братецъ, и это будетъ вашимъ наказаніемъ. Притомъ же, разъ образъ ея не существуетъ и безъ того въ вашемъ воображеніи! Виконтъ Серле, урокъ этотъ долженъ научить насъ не довѣрять впередъ ничему, даже слуху; это сдѣлало меня благоразумною. Я слишкомъ долго заставляла васть дожидаться моего согласія, теперь я даю вамъ его. Я уже знаю, какъ легко могли бы мы быть разлучены, и не хочу отдавать болѣе счастія, котораго такъ не трудно лишиться. Вотъ моя рука. Я отдаю вамъ ее съ условіемъ: чтобы вы оставили дворъ, чтобы свадьба папы была въ нормандскомъ моемъ помѣстіи, и чтобы, по совершенніи ея, намъ путешествовать два года и не возвращаться въ Версаль. Согласны ли вы?

— Согласенъ ли! Да это первое мое желаніе. Не умолять ли я васъ даровать мнѣ то, что теперь вы сами предлагаете мнѣ? Сейчасъ я єду просить у принцессы Луизы увольненія отъ службы, вы съ своей стороны сдѣлаете то же — и мы отправимся. Боже мой! какое счастіе!

— Поздравляю васть, сестрица, вы избрали лучшій путь; я всегда знала, что вы умная женщина. Оставляю васть съ будущимъ вашимъ супругомъ; но надѣюсь, что вы не уѣдете, не простибвшись со мною. Вы мнѣ вѣтъ обѣзаны, безъ меня вы до-сихъ-поръ были бы все въ нерѣшности.

— За то мы и воздвигнемъ вамъ храмъ. Но извините, если я
Т. III. Отд. I.

измѣни ваши намѣренія; напротивъ того, виконтъ оставитъ васъ, потому что миѣ надобно сдѣлать вамъ множество порученій къ вашему батюшкѣ; онъ миѣ самый близкій родственникъ, а я хочу по возможности доказать ему мое уваженіе. Желаю вамъ спокойной ночи, виконтъ; пріѣжжайте завтра, въ какое бы время вамъ не вздумалось, для окончанія нашихъ условій.

Графъ Серле, упоенный любовью и счастіемъ, поцѣловалъ руку графини; тысячу разъ благодарила ее за оказанныя ей милости, и наконецъ оставилъ ее, повторяя клятву свою любить ее вѣчно. Графиня Молье въ молчаніи прислушивалась къ стуку затворяющихся дверей, до той минуты, пока наконецъ садовая лавочка заскрылась, и громъ кареты будущаго ея супруга увѣрилъ ее, что она уже не можетъ ея слышать. Тогда она обратилась къ маркизу, съ видомъ оскорблѣнной царицы, и сказала:

—Признайтесь, Сенсеръ, что для мальчика вашихъ лѣтъ, интрига эта мастерски устроена, и что вы никакъ не ожидали такой развязки?

—Я признаюсь во всемъ, что вамъ угодно, графиня, но никогда не соглашусь въ томъ, чтобы что-нибудь удивило меня во всемъ проишшедшемъ. Характеры действующихъ лицъ были мнѣ известны, и я зналъ къ чему они способны.

—Вы признаетесь, что все саучившееся сегодня произошло по вашей волѣ?

—Я горжусь этимъ, и вы должны быть мнѣ признателны.

—Какъ! за то, что вы разрушили лучшія мои надежды, уязвили меня до глубины сердца!

—А развѣ вы были увѣрены, что сдѣлались бы герцогинею Кумберландъ?

—Вчера онъ клялся мнѣ въ этомъ, а вамъ известно, какъ его слово неизменно.

—Но не отъ него зависѣло сдержать его; англійскій король недалъ бы своего согласія на этотъ неравный союзъ; нашъ дворъ и даже самые родственники ваши стали бы содействовать къ разрушенію вашихъ замысловъ, и васъ заключили бы, можетъ быть, въ Шене или—Богъ знаетъ куда. Однимъ словомъ, это было невозможно, и я оказалъ вамъ большую услугу, говорю я, ускоривъ развязку, которую вы не могли привести счастливо къ концу. Вы выдете за виконта: этотъ мужъ по васъ, и каждый одобрить вамъ выборъ; и сверхъ того, слава победы надъ принцемъ останется за вами.

— Очень хорошо. Теперь нельзя ли узнать цель прекрасныхъ вашихъ поступковъ?

— Другой бы на моемъ мѣстѣ, заставивъ вами долго просить себя, признался наконецъ, что причиною поступковъ его была любовь и ревность; но я скажу вамъ правду: я просто хотѣлъ вами отомстить.

— Но за что же? Есть услуги, въ которыхъ месть есть неблагодарность.

— Не сердитесь, любезная сестрица; дѣло въ томъ, что я не былъ никогда влюбленъ въ васъ, въ чёмъ смиренно признаюсь вамъ и умоляю простить меня. Я создавъ такъ, что не могу влюбиться ни въ кого, и, не смотря на всѣ ваши прелести, вы были, въ глазахъ моихъ, хорошенъкая игрушка — которой я и забавлялся: это свойственно моему возрасту. Долго я былъ обмануть вашими ласкательствами и долго думалъ, что поступаю по своей волѣ, тогда какъ действовалъ только по вашимъ прихотямъ. Но наконецъ маршалъ Ришлье открылъ мнѣ глаза на счетъ моего положенія, и доказалъ, что я служу вамъ только орудіемъ для привлечения или удаленія герцога Кумберланда. Этого было для меня достаточно, и я положилъ, что, въ свою очередь, вы будете мнѣ повиноваться и что участъ ваша будетъ зависѣть отъ меня. Случай доставилъ мнѣ средство привести это намѣреніе въ дѣйствіе, гений мой сдѣлалъ остальное, и вотъ вы поступили такъ, какъ я хотѣлъ. Вотъ и все.

— И этого довольно! сказала графиня, которая слушала разсказъ маркиза, опершись локтемъ на колѣно и приложивъ руку къ устамъ, что придавало ей такой прелестно — своеобразный видъ, что и пустынникъ погубилъ бы душу свою, смотря на нее въ эту минуту. Впрочемъ, вы, можетъ быть, и правы, продолжала она. Какъ мужъ, виконтъ предпочтительнѣе этого уныло-нѣжнаго англійскаго принца, мы соединимъ вмѣстѣ шесть сотъ тысячъ дивровъ годового дохода, а кто знаетъ, получала бѣя столько же отъ моего царственнаго зятя.

Графиня начала ходить по комнатѣ и продолжала, воспоминаясь постепенно:

— И онъ думаетъ, этотъ прекрасный принцъ, что я жалѣю о немъ! и онъ презираетъ меня, поступаетъ со мной, какъ съ низкой интриганткой! О! я докажу ему, что не я оплакиваю потерю надежды на этотъ союзъ. Вотъ письмо его; отъѣхъ мой не позволилъ ему въ томъ сомнѣваться.

Ваше высочество!

Вы такъ милостиво пожелали мнѣ счастія, что я была бы не-

благодарна, если бы юе извѣстила васъ, что ваши и мои желанія исполнились. Я выхожу за мужъ за графа Серле, и считаю себя весьма счастливой тѣмъ, что судьба предназначила мнѣ усаждать жизнь честнаго человѣка. Я удалось отъ двора безъ всякаго расчѣта; во времѧ моего вдовства, я забавлялась блестящими бабочками, которыхъ мнѣ встрѣчались; издѣвалась надъ умнѣшими и равно обманывала всѣхъ. Для меня это было легко: сердце мое тайло одно желаніе, одну любовь, и любовь эта получаетъ теперь свою награду. Желаю, чтобы и вы, герцогъ, могли также спокойно достигнуть пристани! Не знаю, когда я буду имѣть честь васъ видѣть; у меня до самаго отѣзда много хлопотъ, и я спѣшу скрыть мое счастіе отъ людей, которые станутъ ему завидовать, или не будуть въ состояніи понять его. Имѣю честь быть, и проч.

Графиня де-Молье,

Пусть онъ показываетъ это письмо, кому хочетъ!

—Братецъ, наша честь спасена и добродѣтель моя тоже!

—О что касается до послѣдняго, то въ этомъ вы никому, кроме Бога, не обязаны давать отчета.

—Теперь мнѣ остается только получить увольненіе отъ должности и все будетъ кончено. Сенсеръ, вы хотѣли наказать меня, а вмѣсто того наградили. Версаль наскучилъ мнѣ. Я хочу путешествовать, а для этого мнѣ нуженъ мужъ. Вы истинный змѣй, господинъ полковникъ; въ васъ столько же коварства и ума, сколько въ Вольтерѣ. Что же касается до сердца, то вы сами такъ охотно признаетесь, что у васъ нѣтъ его....

—Существованіе сердца доказывается не словами, но поступками, а для этого мнѣ остается еще много времени. Простите, прекраснѣшая изъ прекрасныхъ! Что становится съ престоломъ, который вы покидаете? Кто займетъ ваше мѣсто?

Желаю, чтобы съ вами не было того же, что бываетъ обыкновенно съ свергнутыми царями: они жалуютъ о коронѣ; но корона уже отвергаетъ ихъ съ-тѣхъ-поръ, какъ они ее оставили. Простите, я обожаю васъ за то, что вы на меня не сердитесь!

Когда полковникъ затворилъ за собою двери, графиня взяла коробочку и начала разматривать ее со всѣхъ сторонъ; потомъ пожала пружину и прочла вслухъ:

«Милой моей Дианѣ, 28 декабря, 1769 года.»

—Въ одинъ и тотъ же день! Это забавно! Что ни говори этотъ мальчишъ, а онъ былъ очень влюблѣнъ въ меня, иначе стать ли

бы онъ мстить? Жаль, я не буду герцогинею! Но никто не знаетъ моихъ намѣрений; напротивъ, каждый будетъ думать, что я отвергла любовь принца, и всѣ насмѣшики будутъ на моей сторонѣ. Рѣшительно этотъ Сенсерь премилый бѣсенокъ.»

ГЛАВА XV.

Отецъ и дочь.

На святой недѣль, въ попѣдѣльникъ, въ десять часовъ вечера, принцесса Луиза сидѣла въ своей спальни и учила Марію читать. Малютка внимательно слушала наставлѣнія своей покровительницы, съ удивительной точностью удерживала ихъ въ памяти и прекрасно объяснялась на французскомъ языкѣ, хотя еще весьма не долго находилась въ Версалѣ. Принцесса была грустна; задумчивый взоръ ея останавливался непремѣнно, то на Маріи, то на украшеніяхъ комнаты. Наконецъ, слеза выкатилась изъ глазъ ея и упала на книгу. Марія, не говоря ни слова, схватила руку принцессы, но движение это было полно рѣчью; оно показывало столько преданности и въ тоже время столько горести, что тронуло бы каждого. Вдругъ, кто-то тихо постучалъ въ дверь.

—Что вамъ надобно? вскричала принцесса, поспѣшно отирая глаза.

—Маркизъ де-Сенсерь имѣть надобность говорить съ вашимъ высочествомъ о важномъ дѣлѣ, касающемся до короля. Оно не позволяетъ отлагательства, сказалъ маркизъ.

—Подождите меня въ образной, я сейчасъ приду туда. Г-жа Ивонъ, приведите меня одѣть.

Служанка повиновалась, испуганная принцесса покинула на себя платье и поспѣшила въ образную. Молодой полковникъ просилъ у нея извиненія въ томъ, что осмѣлился обезпокоить ее въ такое время, и слага� вину на письмо, которое онъ получилъ.

—Какое же это письмо, Сенсерь?

—Вотъ оно, ваше высочество; вотъ такъ же и то, которое было приложено къ нему. Если вашему высочеству угодно будетъ про-

читать его, то увидите, что мѣньшевикъ невозможно было не извѣстить васъ объ этомъ сего дня же,"

Принцесса читала:

«Маркизъ!

«Говорить, что вы крестникъ принцессы Луизы и можете видѣть ее во всякое время; поэтому, я прошу васъ доставить ей «сегодня же прилагаемое при семъ письмо. Подумайте, что это относится къ королю, и что дѣло идетъ о жизни и смерти!»

—Боже! Боже! спаси короля! — вскричала Луиза. — Что заключается въ этомъ письмѣ?

Она распечатала его и нашла только слѣдующія слова:

«Ваше высочество!

«Вы ангелъ; и только вы одна можете отвратить величайшее несчастіе. Предупредите короля, въ какой бы то поздній часъ ни было; завтра утромъ онъ долженъ быть убитъ.»

—Я увижу его, пду, бѣгу! Ахъ! Сенсеръ, вы лучше меня знаете, гдѣ въ это время я могу найти короля.

—Въ его комнатахъ, ваше высочество; графиня Любари уѣхала въ Мосьень, и потому, если вашему высочеству угодно написать къ нему, то я сейчасъ отнесу.

—Я сама пойду къ королю, и, чтобы приладить мнѣ смѣлости, вы пойдете со мною, ляля мое! Уже поздно; намъ не должно мѣшкать ни минуты. Ахъ! я всегда боялась этого несчастія.

Маркизъ следилъ за принцессою по многочисленнымъ и длиннымъ переходамъ, отѣлявшимъ ея покой отъ половины Людовика XV. Въ первый разъ дочь шла къ отцу въ такое время и одно только это обстоятельство могло заставить ее забыть этикетъ. Достигнувъ прихожей, принцесса сказала дежурному швейцару:

—Доложите королю, что принцесса Луиза желаетъ говорить съ нимъ сейчасъ-же о самомъ важномъ дѣлѣ. Я называю себя, прибавила она, обращаясь къ своему спутнику, потому-что эта лобрый человѣкъ не могъ бы узнать меня въ такомъ нарядѣ.

Швейцарь отворилъ двери и провелъ принцессу въ кабинетъ короля, гдѣ никого не было. Маркизъ остался въ приемной залѣ. Спустя нѣсколько минутъ, швейцарь воротился, и съ смущенiemъ донесъ, что его величества короля нетъ въ прием-

ныхъ комнатахъ и, сверхъ того, онъ приказалъ всѣмъ отказывать... даже самой графинѣ, прибавилъ онъ, опустивъ глаза.

—Нѣтъ нужды, сударь; вы все должны доложить обо мнѣ; дѣло, по которому я пришла сюда, не терпитъ отсрочекъ ни на минуту.

—Не могу, ваше высочество; самъ первый каммергеръ не могъ бы войти теперь къ его величеству.

—Я войду къ нему! Можете ли вы мнѣ сказать, гдѣ король?

—Могу, ваше высочество.

—Проводите же меня къ нему сейчасъ. Если король разсердится, то это на меня, а не на васъ. Идемъ.

—Невозможно, ваше высочество. Простите меня; я погибну, если услышаюсь приказанія короля, и меня отставятъ отъ должности, которая составляетъ единственное средство къ моему пропитанію. Притомъ же вашему высочеству не слѣдуетъ туда входить.

—Я этого хочу! И если вы не исполните моей воли, то на васъ падетъ ответственность въ бѣдствіяхъ, которыхъ должны отъ того произойти. Сверхъ того, я повторю вамъ, что я этого хочу.

—Въ такомъ случаѣ, ваше высочество, я покину myself; но вы обѣщали мнѣ хранить тайну?

—Я кланусь сохранить ее; идите и не бойтесь ничего.

Они вступили въ лабиринтъ галлерей, довольно слабо освещенныхъ, гдѣ встрѣтили только нѣсколько слугъ, которые, видя ихъ, удалились, не дѣлая имъ никакихъ вопросовъ. Никто не могъ узнать принцессы, закрывшей лицо свое капюшономъ мантии. Скоро услышали они шумъ смѣшанныхъ голосовъ, веселой смѣхъ и стукъ стакановъ. Подойдя къ дверамъ, за которыми крики раздавались еще яснѣ, швейцарь постучался особыеннымъ образомъ, и не получивъ отвѣта, отворилъ дверь.

—Если вашему высочеству угодно войти, то вы однѣ только можете это сдѣлать; изъ этой комнаты вы все увидите. Намъ же строго запрещено проникать безъ позволенія въ столовую. Если вамъ угодно будетъ подождать, то его величество, можетъ быть, выйдетъ сюда отдыхать. Я сдѣлалъ все, что могъ, подвергаясь всѣмъ опасностямъ, въ угодность вашему высочеству, и надѣюсь, что вы вспомните объ этомъ при случаѣ.

—Хорошо. Оставьте меня!

Оставшись одна, принцесса бросила взглядъ на странные предметы, ее окружавшіе. Все въ этомъ мѣстѣ дышало нѣгою, все говорило воображенію о любви и наслажденіяхъ и цѣломудренная Луиза краснѣла отъ совершенно новыхъ для ея сердца ощущеній. Алебастровая лампа бросала сверху слабый светъ на ковры и мебель этого Армидина чертога; соблазнительныя картины покрывали обои; цветы и куренья проливали упомятное благоуханіе. Невинному воображенію дочери Людовика XV никогда не представлялось ничего подобнаго, и удивленіе ея равнялось испугу; ей казалось, что она находится подъ вліяніемъ тяжкаго сна. Но голосъ отца, поразивъ вдругъ ея слухъ, напомнилъ ей, где она и зачѣмъ пришла.

—Господа, говорилъ король, за здоровье прекрасной Жозефины.

—Государь, прервалъ другой голосъ, заставившій Луизу затрапезать; не вамъ, а мнѣ принадлежитъ право пить за ея здоровье, потому-что прекрасная Жозефина избрала меня своимъ рыцаремъ, несмотря на благородную вашу корону.

—Невнятные крики отвѣчали на эти слова. Луизѣ казалось, что тысячи демоновъ выли надъ ея ухомъ. Внѣ себя она бросилась на кольца; второй голосъ, узнанный ею, голосъ любовника Жозефины, былъ голосъ герцога Кумберланда! Съ этой минуты, принцесса невольно начала прислушиваться. Я не стану повторять того, что она слышала, что могла понять. Это было такъ тѣжко, такъ ужасно для сердца Луизы, что она не могла удержать слезъ своихъ, и наконецъ зарыдала; сложивъ руки и все еще стоя на колѣнахъ, она даже не имѣла силы молиться.

Около часу находилась она въ этомъ положеніи; не помня ничего, даже и самой опасности, угрожающей отцу ея, принужденная внимать словамъ, терзавшимъ ея сердце. Внѣ себя, изнемогая подъ тѣжестю жестокаго и еще невѣдомаго ей страданія, она почти совершенно лишилась чувствъ.

Вдругъ дверь, отдѣлявшая ее отъ столовой, отворилась, и кто-то вошелъ..., это былъ король!

Казалось она былъ печаленъ и утомленъ; пасмурное чело его и неправильная походка показывали въ немъ скрѣпе старика, которому надоѣло все его окружающее, нежели веселаго сообщни-

ка нирующихъ. Онъ отеръ себѣ лицо и тяжело вздохнулъ. Въ эту минуту, онъ увидѣлъ принцессу, которой черты скрывались подъ капюшономъ, и удерживаемая рѣданія ея достигли до его слуха. Луиза даже не слышала, какъ онъ вошелъ. Король бросился къ ней, увѣренный, что эта притворная грусть — сюрпризъ. Онъ полагалъ встрѣтить новую красавицу.

—Что съ вами, сударыня? вскричалъ онъ, стараясь приподнять Луизу. Развѣ вы не знаете, что находитесь у короля французскаго, и что слезы ваши найдутъ отмстителя?

Принцесса не узнала короля и, непонимая словъ его, оставалась въ прежнемъ положеніи; это удивило Людовика.

—Встаньте, сударыня, или скажите мнѣ по-крайней-мѣрѣ, кто вы и что вамъ надобно?

Тоже молчаніе. Король, потерявъ терпѣніе, откинулъ капюшонъ и увидѣлъ предъ собою дочь свою, блѣдную, какъ привидѣніе, и въ слезахъ. Она смотрѣла на него и не узнавала; она почти лишилась разсудка.

—Луиза! вскричалъ король.... Луиза, что съ тобою? Чего ты хочешь отъ меня?

—Отецъ мой! отвѣчала принцесса, приходя въ себя и кидаясь въ его объятія.

—Что съ тобою сдѣлалось, дочь моя? ты меня пугаешь!

—Государь! Я шла спасти васъ! осторегайтесь вѣсъ окружающихъ и не выходите никуда... вы должны быть убиты!..

—Какой вздоръ!

—Не пренебрегайте этимъ предостереженіемъ, государь. Недовольныхъ такъ много! Найдется, можетъ быть, другой Дамъенъ.

—Но кто извѣстилъ тебя объ этомъ?

Письмо отъ неизвѣстнаго; вотъ оно.

—И это могло заставить васъ преступить мои повелѣнія, осмѣлиться войти въ эти комнаты, когда я запретилъ это всемъ? Здесь не ваше мѣсто, принцесса.

—А вы здѣсь развѣ на своемъ мѣстѣ, государь? Развѣ здѣсь долженъ царствовать король французскій, въ такое смутное времѧ, какъ теперь? Я давно пыталася говорить съ вами и вотъ онъ представился. Удостойте вашимъ вниманіемъ мои слова, отъ которыхъ зависитъ участъ моя, а можетъ быть, и ваша. Я сегодня получила послѣдній ударъ, раздробившій мое сердце, и теперь ничто не можетъ меня остановить.

— Остерегись, Луиза! Теперь не место и не время для увѣщаний; святымъ словамъ твоимъ будутъ здѣсь вторить громъ бутылокъ и шумныхъ рѣчи пирующихъ; все это будетъ смущать тебя. Мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.... завтра.....

— И онъ пошелъ къ дверямъ.

— Государь, именемъ умершей матери моей, именемъ брата, который теперь на небесахъ, умоляю васъ выслушать меня!

— Нельзя, нельзя дочь моя; да ты теперь и не въ состояніи говорить о важныхъ предметахъ. Поди въ свои комнаты, тебѣ надо позаботиться о своемъ здоровье. Волненіе твое трогаетъ меня; оно доказываетъ, что ты меня любишь, но теперь оставь меня, мы увидимся послѣ. Успокойся, я далекъ отъ опасности.

— Нѣтъ, государь, нѣтъ, вы не оставите меня, не выслушавъ; вы не возвратитесь къ вашимъ листецамъ, къ этимъ низкимъ ласкальямъ, которые васъ губятъ, прежде нежели не узнаете, на что рѣшилась дочь ваша для вашего спасенія, для спасенія Франціи! Нѣтъ, вы не оставите меня, или должны будете переступить черезъ мой трупъ!

Она стала у дверей, схватившись одной рукой за замокъ, а другую простерла къ королю въ знакъ моленія. При этомъ движеньи принцессы, король бросился на софу и проворчалъ съ досадою:

— Такъ объяснитесь же, и чтобъ это было кончено!

Въ это время голос герцога Кумберланда отозвался громко и пронзительно, какъ-бы повторенный эхомъ.

— Красавица моя, говорилъ онъ, тебе не стоять всѣ придворные лады: тѣ изъ нихъ, которыя не лукавы и не безстыдны,—всѣ до одной безобразны: и король справедливо презираетъ ихъ.

— Вотъ что позволяете вы, государь, произносить здѣсь, въ этомъ царскомъ чертогѣ, оскверняемомъ присутствиемъ развратныхъ и ихъ отвратительными поступками! Вы, одаренный столь доброю, столь благородною душою, вы, котораго всѣ Франціяувѣнила именемъ возлюбленнаго! Отецъ мой! прости-те дерзость словъ моихъ: счастіе и величие уже далеки отъ васъ, вы дремлете на краю пропасти, которая поглотить всѣхъ насъ, я это предвижу; а тѣ, которые вскнутъ васъ въ эту бездну, первые забросаютъ васъ грязью, говоря, что сами вы этого желали!

— Принцесса, вы говорите о политикѣ, какъ ангель, и я на-
мѣренъ возвести васъ въ достоинство министра, сказалъ
Людовикъ XV, принужденно улыбаясь.

— Я говорю сердцемъ и разсудкомъ, государь, говорю по
вдохновенію Божию! Знаменитый дѣлъ вашъ оставилъ вамъ въ
наслѣдство государство цвѣтущее; малолѣтство ваше положило
начало его бѣдствіямъ; совершенный возрастъ продолжалъ ихъ,
а старость довершаетъ. Единственною виною всѣхъ этихъ золъ
— ваше нерадѣніе. Еще, разъ прошу васъ простить сло-
ва мои, потому — что вы любите вашихъ подданныхъ и
желаете ихъ благоденствія. Вы не предвидите будущаго, не
предвидите страшной участіи, насы ожидающей. Развращеніе ира-
вовъ при дворѣ заразило всѣ сословія и порокъ сдѣлался
столь общимъ, что уже потерялъ всю свою гнустность. Вы
окружены развратными вольнодумцами, которые заставляютъ
vasъ забывать священнѣйшія обязанности. Привязанность ваша
къ презрѣнной женщинѣ отдалаетъ отъ васъ семейство и на-
влекаетъ на васъ презрѣніе иностранцевъ. Души добродѣтель-
ныя молятся и страдаютъ, а порокъ возвышаетъ чело, и все
это зло падаетъ на васъ, государь, потому — что вы его терпите.
Народъ, который вы допустили до развращенія, возстанетъ про-
тивъ древнихъ законовъ государства, возстанетъ и будетъ тре-
бовать еще болѣе вольности. Я знаю, что для внушенія вамъ
поступка гибельнаго для государства, вамъ поставляютъ въ при-
мѣръ участіе Карла I, короля англійскаго, какъ неизбѣжное
сдѣлствіе вашего мужественнаго сопротивленія вашимъ притѣс-
нителямъ. Онъ-то, государь, возведутъ васъ на эшафотъ, если
вы будете поступать по ихъ совѣтамъ, они-то навлекутъ на
 васъ и на Францію гнѣвъ небесный. Я говорю вамъ истину,
и, можетъ быть, она еще впервые является предъ вами безъ
покрова. Простите, отецъ мой, я такъ люблю васъ!

Принцесса упала къ ногамъ короля и цѣловала ихъ. Людо-
викъ XV обнялъ ее, не говоря ни слова.

— Теперь, государь, я убѣждена, что на меня падъ жребій
счастіи васъ и Францію. Для искупленія нашихъ преступленій
нужна жертва, это — я. Еще въ дѣтствѣ моемъ, Богъ явилъ волю
свою надо мною: Онъ создалъ меня прекрасною, и потомъ раз-
рушилъ свое твореніе. Изуродованный станъ мой лишилъ меня
всѣхъ радостей, назначенныхъ въ удѣль женшинѣ. Сестры мои,

осыпаныя дарами природы, наслаждались цветущою и веселою молодостю, тогда какъ я жила въ уединеніи, убѣгала свѣта и молилась, потому что обезображенное и слабое тѣло мое одарено душою чувствительною, душою, которая обогатилась всѣми сокровищами, составлявшими прежде того наружную красоту мою. Съ той минуты, я жила только сердцемъ; проводила дни и ночи въ молитвахъ о счастіи другихъ, и для этого готова отдать все мое счастіе; и Господь не отвергнудъ этой жертвы: Онъ послалъ мнѣ жестокое испытаніе. Когда, для искупленія грѣховъ современниковъ моихъ, ближнихъ и семейства, принцессы французская посвятила себя Богу, отвергая все земное величіе, тогда онъ удержитъ леснацу, готовую карать насть; правосудіе его удовлетворится этою жертвою, и онъ снѣва обратить на вѣсль взоръ милосердія!

— Что значать эти слова, дочь моя! Я тебя не понимаю?

— Они значатъ, государь, что я прошу позволенія короля и благословенія отца моего на вступленіе въ монастырь кармелитокъ.

— Что говоришь ты, Луиза! Возможна ли? Въ монастырь кармелитокъ?

— Да,

— Ты умрешь тамъ, милое дитя мое. Тебѣ ли спсти строгость обязанностей, налагаемыхъ этимъ орденомъ? Притомъ же, я не хочу, чтобы ты меня оставила.

— Это угодно Богу, а власть его сильнѣе вашей, государы! Обязанности, ужасающія вѣсть, мнѣ известны, я уже исполняю ихъ. Взгляните и она распахнула свое платье: вотъ рувище лщерей святой Терезы; вотъ власаница труженицы. Давно уже я подвизаюсь на святомъ поприще невѣсты Христовой и вы видите, что я отъ того не умерла.

— Нѣтъ, Луиза, нѣтъ, не думай объ этомъ. Повторяю тебѣ, что ты меня не оставилъ.

— Такъ вы отказываете мнѣ! Неужели я должна открыть вамъ все? Вы сжалитесь надо мною, когда узнаете, что я терплю, не правда ли? Узнайте же, государь то, чего не подозреваетъ никто въ мірѣ: узнайте, что эта чистота души, на которую вы опираетесь, помрачена; что я питала виновное чувство, хранила въ сердцѣ и боготворила образъ мужчины,

— Чей же это, принцесса?

— Образъ того, котораго слова заставляли меня краснѣть сю минути. Его-то люблю я, государь, люблю, вопреки презрѣнія, котораго достойно это развращенное существо!

— Герцога Кумберланда!

— Да, государь, еретика, чужеземца, человѣка развратнаго, я люблю его! Неужели я еще не довольно страдала?

— Но, милая дочь моя, онъ можетъ перемѣнить вѣру, и тогда....

— И тогда, быть можетъ, онъ женится на мнѣ; но никогда не будетъ любить. Вы забываете, что я горбата! Сверхъ того, развѣ можно, развѣ должно предлагать кому-нибудь руку дочери короля французскаго? Герцогъ висколько не думаетъ обо мнѣ: вы видите, какую онъ ведетъ жизнь! Полтора года, предъ моими глазами онъ занимается графинею де-Молье, одною изъ моихъ статсъ-дамъ, прибавила принцесса съ видомъ презрѣнія. Но этого для него не довольно: ему нужна еще Жозефина! Онъ спасъ мнѣ жизнь, вы это знаете, государь. Для меня онъ бросился подъ коляску моихъ сестеръ, и мысль, что я обязана ему существованіемъ, была мнѣ такъ сладостна! О! какъ оплакивала я тотъ день, въ который увлеклась страстью, и желаю, во что бы ни стало, привлечь его взоры, услышать похвалу его, старалась блеснуть прелъ нимъ единственою моей прелестью—неустршимостію. Я искусила проступокъ этотъ жестокимъ раскаяніемъ! Я презираю его и люблю, понимаете ли вы это, батюшка? Я скорѣе умру, чѣмъ признаюсь въ томъ кому-либо, кромѣ вѣсты. Я терзалась ревностію, пожирала слезы, постилась, умерщвляла плоть свою, но любовь моя все превозмогла, все пережила; она здѣсь въ груди моей, она жжетъ меня; отъ нея мнѣ одно убѣжище—келья. О! позвольте мнѣ укрыться въ вей, батюшка, позвольте мнѣ!

— Дочь моя, Луиза, ты ужасно меня огорчишь! Это невозможно, еще ни одна особа твоего происхожденія не избрала этого пути; поступокъ твой будетъ безпримѣрный. Ты раскаешься въ немъ, впослѣдствіи. Если ты непремѣнно хочешь удалиться отъ двора, то я дамъ тебѣ аббатство какое ты сама изберешь, лучшее въ государствѣ. Но мы не разстанемся совершенно; ты будешь прїезжать въ Версаль; добродѣтели твои будутъ служить примѣромъ свѣту; этого будетъ достаточно для твоего спокойствія и не нарушить моего.

— Нѣтъ, государь, нѣтъ: для спасенія души вашей и *его*,
нужна жизнь моя. Въ замѣнъ жертвы, приносимой мною Богу, онъ^ъ проститъ грѣхи ваши и привозетъ *его* къ себѣ. Въ жилищѣ,
которое вы мнѣ предлагаете, я буду, какъ въ этой комнатѣ.
Крики пирующихъ, шумъ свѣта достигнутъ до меня, и, можетъ-
быть, я стану жалѣть о немъ и, безъ сомнѣнія, буду страдать.
Въ монастырѣ же, предо мною будетъ единый Богъ и гряду-
щее; минувшее для меня исчезнетъ. Не нужно мнѣ аббатства,
не нужно никакихъ отлачий; я избираю себѣ бѣднѣйшій изъ
монастырей кармелитокъ, монастырь Сен-Дени, близъ гроб-
ница матери моей и брата!...

— И моей, Луиза! ты правду сказала, я несчастливъ.
Я давно знаю все, что ты представляла мнѣ сю минуту; кар-
тина, которую ты развернула предъ моими глазами, мнѣ извѣ-
стна; я чувствую, что стремлюсь въ бездну и не имѣю силы
остановиться. Всего болѣе желаю я мира съ окружающими ме-
ня. Они меня преслѣдуютъ съ этими парламентами, и, можетъ
быть, я уступлю! Дочь моя, ты видишь, что я имѣю нужду въ
утѣшений и хочешь удаляться, хочешь покинуть меня!

— Нѣтъ, отецъ мой, я иду туда, куда самъ Богъ призыва-
етъ меня для спасенія вашего. Власть ваша должна ис-
чезнуть предъ властію Всевышняго. Перестаньте колебаться,
согласитесь отпустить меня; мысль обо мнѣ будетъ вамъ отра-
на; вы станете вспоминать, что я въ пристани и молюсь за
вась! Государь, не теряйте вѣра моего предостереженія, ко-
торое предвидите, но я трепещу, государь, трепещу...

Король закрылъ лицо обѣими руками и залился слезами.
Такъ, какъ уже я сказаъ, принцесса Луиза была любимою его
дочерью. Уважая горесть его, принцесса оставалась на колѣ-
нахъ и въ молчаніи ожидала его рѣшенія. Въ продолженіе это-
го безмолвія, шумъ въ сосѣдней комнатѣ увеличился, и да-
же раздались богохульныя пѣсни. Голосъ герцога Кумберланда
возвышался надъ всѣми прочими.

— Опять! прошептала Луиза. Боже, Боже! удали отъ меня
этотъ образъ!

Король всталъ.

— Дочь моя, сказаъ онъ, ты свободна; я не сопротивляюсь
болѣе твоему желанію и воль Божіей; иди, куда влечетъ тебя
Его призваніе. Благословляю тебя, какъ отецъ, и одобряю по-

ступокъ твой, какъ король. Да сохранитъ и подкрѣпить тебя небо! Я знаю всю силу сердечного страданія, знаю, какъ также любить и вмѣстѣ презирать, что любишь. Презрѣніе уничижаетъ въ сердцѣ чувство дружбы, но не заглушаетъ любви. Прости, я сожалѣю о тебѣ, люблю тебя и тебѣ удивляюсь!

Онъ сдѣмалъ движеніе рукою, съ живостію отворилъ дверь и вошелъ въ залу пиршества. Мрачный видъ его и блѣдность поразили присутствующихъ, которые при входѣ его встали съ мѣстъ своихъ.

—Господа, сказалъ король: Луиза, принцесса французская, вступаетъ, чрезъ три дня, въ Сенъ-Денискій монастырь кармелитокъ.

Отвѣта не было, и гости разошлись. Они поняли грусть отца и уважили ее. Король, оставшись одинъ, облокотился на столъ, покрытый остатками пира. Никто не осмѣялся тревожить его и день засталъ его въ томъ же положеніи.

Принцесса Луиза снова прошла всѣ коридоры. Войдя въ комнату, въ которой дожидался ее Сенсеръ, она такъ была разтрогана, что не могла сказать ему ни слова; но подходя къ дверямъ своихъ комнатъ, она дала поцѣловать маркизу руку.

—Сенсеръ, сказала она тихо, мы увидимся завтра.

Возвратясь въ свою спальню, она написала къ графинѣ де Рюпельмондъ:

«Сестра моя, я теперь понимаю все, что вы перенесли; подобно вамъ, я была свидѣтельницей развратнаго пиршества, подобно вамъ, я презираю того, кого люблю; подобно вамъ, я обращаюсь къ Богу, единственному прибѣжищу разтерзанной души. Помолитесь обо мнѣ! Чрезъ три дня я буду, такъ же, какъ и вы, дочерью святой Терезы.

Принцесса запечатала это письмо, хотѣла надписать, но вдругъ остановилась. Нѣтъ, сказала она, это постыдное чувство и признаніе будетъ известно только Богу, королю и мнѣ. И бросила письмо въ огонь.

ГЛАВА XVI.

Письма.

Послѣ сильнаго потрясенія души, силы ея такъ ослабѣваютъ, что человѣкъ не можетъ, безъ величайшаго усилия, разсмотрѣть положеніе свое въ настоящемъ видѣ. Душой чувствительныя находятъ причину страданія, даже въ самыхъ удовольствіяхъ; обстоятельства жизни бывають такъ рѣдко согласны съ нашими желаніями! Принцесса Луиза получила позволеніе короля; желаніе ея исполнилось, но, въ тоже время, ужасныя терзанія раздирали ея сердце: она чувствовала силу связей, которыя разрывала, представляла себѣ горесть всего семейства, окружающихъ, которыми была такъ любима, и особенно грусть Сенсера, обожающаго ее съ самого дѣтства. Наконецъ, еще одна мысль мелькала въ ея воображеніи.

—Онъ! сказала она, онъ не пожалѣть обо мнѣ.

Принцесса написала къ архіепископу, прося его исходатайствовать у короля письменное согласіе его величества, безъ котораго она не могла дѣйствовать; потомъ, начава другое письмо, болѣе затруднительное, письмо къ сестрамъ своимъ; но вдругъ бросила перо.

—Нѣтъ, нѣтъ, не надобно прощенія, оно для меня несносно! Я увижу ихъ, не иначе, какъ изъ-за монастырской рѣшетки; а до тѣхъ-поръ, онъ не должны ничего знать! И безъ того уже я довольно заставлю проливать слезъ. Марія! малютка Марія! Что съ нею будетъ? А дѣла мои? Надобно ихъ привести въ порядокъ.

Принцесса Луиза приказала позвать къ себѣ княгиню Гистель.

—Милая княгиня, сказала она ей, уведомьте графиню де-Молье и виконта Серле, что я увольняю ихъ отъ должности. Они вступаютъ въ бракъ и очень хорошо дѣлаютъ; графиня де-Молье слишкомъ молода и слишкомъ прекрасна для того, чтобы жить безъ покровителя. Желаю, чтобы она была счастлива, скажите ей это отъ меня.

—Кого угодно будетъ, вашему высочеству назначить въ ихъ должности? Объ этомъ подано уже нѣсколько прошеній.

—Ни кого; еще будетъ время обѣ этомъ подумать.

— Но вашему высочеству нельзя обойтись безъ шталмейстера, а графъ Серле желаетъ бхать немедленно.

— Пускай бдеть, это очень естественно. Мѣсто его займетъ на-время маркизъ де-Сенсеръ, я ожидаю его сегодня утромъ. Позовите ко мнѣ Марию, милая княгиня, и оставьте насъ однѣхъ; я позову васъ послѣ.

Марія нашла принцессу, погруженную въ глубокую задумчивость; чтобы увѣдомить ее о своемъ приходѣ, Марія тихо поцѣловала ея руку.

— Это ты, милое дитя! сказала Луиза; сядь у ногъ моихъ и поговоримъ. Ты меня очень любишь, неправда ли?

— Люблю ли я васъ, ваше высочество! Не обязана ли я вамъ всѣмъ? О конечно, я люблю васъ!

— Что сказала бы ты, если бъ намъ надо было разстаться?

— Я умерла бы, ваше высочество. Но этого не можетъ быть, ни что въ свѣтѣ не разлучить меня съ вами!

— Однакожъ, Марія, разлука наша необходима. Ты теперь хорошая христіанка, ты знаешь, что должно повиноваться Богу, а Богу угодно, чтобы мы разстались. Слушай; я вѣрю тебѣ важную тайну, которая неизвѣстна никому, кромѣ короля, архиепископа и меня. Обѣщаешь ли мнѣ хранить ее?

Малютка положила руку на сердце.

— Я вѣрю тебѣ, дочь моя. Узнай же, что я оставляю дворъ, что я вступаю въ Сень-Денискій монастырь кармелитокъ. Ты сама видишь, что не можешь за мною слѣдовать и должна со мною разстаться.

Марія испустила ужасный крикъ и упѣлилась за фижмы принцессы, одѣтой уже совсѣмъ что-бъ идти въ церковь. Этотъ искренний и неожиданный порывъ горести испугалъ принцессу.

— Въ монастыры! вы въ монастыры! и вы думаете, что вступите туда однѣ! Нѣть! Этого не будетъ; никакая власть человѣческая не можетъ оторвать меня отъ васъ. Я ничего не слушаю, не повинуюсь никакимъ повелѣніямъ. Вы хотите быть монахиней, и я тоже; и ежели монастырская рѣшетка затворится предо мною, я останусь у дверей; умру, какъ умираетъ бѣдная собака на могилѣ своего господина, но не отойду отъ нихъ.

— Милая Марія, успокойся; горесть твоя раздираетъ мнѣ Т. III. Отд. I..

душу. Эта жертва не можетъ быть принята, потому что не душевное желаніе влечетъ тебя въ келью.

— Мое душевное желавіе — вы! Мое семейство, мое счастіе, вся булаущность моя — вы!

— Я оставлю тебя на попеченіе сестеръ моихъ, вѣрно покровительству короля.

— Я не хочу ничего отъ нихъ. Я послѣду за вами. Вы оставите Розету; ее возмутъ, отдалутъ и она будетъ повиноваться, но я! я буду требовать правосудія отъ Бога, если люди откажутъ мнѣ въ немъ. Говорю вамъ, ваше высочество, что я послѣду за вами, или умру. Я буду монахиней, чернота лица моего не мѣшаетъ принять меня въ монастырь. Развѣ я не христіанка? Мнеъ пятнадцать лѣтъ, у меня нѣть другой матери, кроме васъ, другаго отца, кроме Бога, другаго отечества, кроме вашей комнаты. Гдѣ вы, тамъ и я должна быть.

Должны прищесстъ, что часъ обѣдни насталъ; она съ чувствомъ поцѣловала дѣвушку и сказала:

— Поди, Марія, мы поговоримъ объ этомъ послѣ. Не открырай никому вѣренной тебѣ тайны.

Послѣ обѣдни принцесса нашла у себя архіепископа, который вручилъ ей слѣдующее письмо:

« Любезнѣйшая дочь моя! Архіепископъ, который сообщилъ « мнѣ все, что вы съ нимъ говорили, подробно передастъ вамъ « мой отвѣтъ. Я не могу противиться волѣ Божіей и вашему « желанію. Я полагаю, что вы хорошо обдумали свой поступокъ, притомъ же, кажется, что есть ваши распоряженія уже « сдѣланы. Вы можете объявить сестрамъ вашимъ о своемъ « намѣреніи, когда вамъ заблагоразсудится. Въ Компьенскій монастырь вамъ вступить невозможно; изъ всѣхъ же прочихъ монастырей предоставляю вамъ избрать, который пожелаете, « и мнѣ было бы прискорбно предписывать вамъ что лабо въ « этомъ отношеніи. Я принесъ жертвы невольныя; съ вашей же « стороны пожертвованіе будетъ непринужденное. Господь пошлетъ вамъ силу нести бремя новыхъ вашихъ обязанностей: « когда первый шагъ сдѣланъ, отступить уже невозможно. « Обнимаю васъ отъ всего сердца и благословляю.

« Людовикъ. » (*)

(*) Списано съ собственноручного письма Людовика XV.

Принцесса, читая письмо это, орошала его слезами. Она кинулась на коленя перед распятием, съ теплую молитвою къ провидению, измѣняющему сердца земныхъ владыкъ.

—Господи, доверши твореніе свое; обрати его совершенно къ себѣ, виспошли Франціи благоденствіе, и да буду я искушителью жертвою! Ваше преосвященство, прошу васъ дать знать аббату Бертену, настоятелю монастыря Сенъ — Дени, что послѣ завтра я приду въ монастырь въ девять часовъ, или въ половину десятаго; если же раньше, то пойду молиться на могилу королевы. Скажите ему, чтобы онъ хранилъ тайну отъ моихъ сестеръ; сестры мои и безъ того скоро все узнаютъ!

Какъ скоро архіепископъ оставилъ принцессу, она написала следующее письмо:

« Я помню, какъ вы родились, Сенсерь; почтенная мать ваша была другомъ моей, и хотя вы теперь достигли почти совершенного возраста, однажды я могу признаться, что, послѣ отца моего и семейства, я люблю васъ больше всѣхъ на свѣтѣ и не перестану никогда имѣть о васъ нѣжнѣйшее попеченіе. Къ вамъ относится самое искреннее прощеніе. Я вступаю въ монашеское званіе и когда вы будете читать эти строки, я уже буду заключена въ монастырь, въ который сами вы меня проводите. Знаю, что это сильно огорчить васъ; но вамъ послужитъ утѣшеніемъ увѣренность, что только тамъ я могла найти счастіе. Я не созданадля свѣтской и придворной жизни; сердце мое и чувство чужды этого міра и я всегда имѣла намѣреніе оставить его. Вспомните жалкое положеніе вашей крестной матери, привужденной выслушивать пятиактныя трагедіи, тогда — какъ ее клонить ко сну, или принимать посланниковъ, которымъ она не знаетъ что сказать... Я часто твердила вамъ объ этомъ. Тяжелыя обязанности кармелитокъ легче, нежели это беспрестанноеожертованіе своихъ склонностей, и вы знаете, что я уже испытывала себя: случай открылъ вамъ эту тайну, и вы свято сохранили ее; это доказываетъ, что вы благородный человѣкъ.

«Любите всегда короля, служите ему и отечеству. Идите по стопамъ благороднаго родителя вашего. Я буду молить Бога, чтобы онъ внушилъ вамъ больше вѣры; въ ней только заключается истинное счастіе, я служу тому доказательствомъ. Но

вы еще такъ молоды, что вамъ можно простить многое по вѣтринности вашего возраста.

Оставляю вамъ мою Розету; вы знаете, что я называла ее вашимъ другомъ. Она станетъ скучать по мнѣ, утѣшайте ее; пусть она напоминаетъ вамъ обо мнѣ. Назначаю вамъ также прекрасный крестъ и головной уборъ, полученный мною отъ матери, а ей доставшися отъ покойной королевы польской; подарите его отъ моего имени женѣ своей. Кармелинкамъ запрещаютъ дѣлать подарки, и потому я заранѣе посыпаю вамъ мой свадебный подарокъ.

Король будетъ имѣть о васъ помеченіе въ воспоминаніе вашей крестной матери и въ уваженіе усилиныхъ просьбъ ея. Простите, дитя мое! будьте тверды и уповайте на Бога: жизнь ваша такъ полна горестей, что въ Немъ только мы можемъ находить утѣшеніе. Каждый день я буду извѣщать васъ о себѣ и увѣрена, что вы меня не забудете.

«Луиза—Марія.»

Во время обѣда король извѣстилъ принцессъ, что отыскали автора безымянного письма, адресованного къ принцессѣ Луизѣ; это былъ скороходъ, который, имѣя нужду въ деньгахъ, выдумалъ эту исторію, чтобы испугать и получить награду за свое предостереженіе. Онъ разбилъ даже окно въ галлереи для того, чтобы придать выдумкѣ своей болѣе правдоподобія. Хитрость эта употреблялась много разъ, да и теперь возобновилась не въ послѣдній. Луиза благодарила Бога за сохраненіе драгоценныхъ для неї дней. Сестры ея во весь тотъ день не знали горестной тайны, которую Луиза старалась скрыть отъ нихъ; не большое число особъ, въ присутствіи которыхъ объявилъ ее король наканунѣ того дня, остерегались разглашать тайну, вырвавшуюся изъ сердца отца. Она требовала подтвержденія, и осторожность, свойственная придворнымъ, не позволяла говорить о событии, которое могло не исполниться.

Луизу трогала мысль, что она уже въ послѣдній разъ раздѣляетъ обѣдъ своего семейства; прощаюсь съ сестрами, она съ нѣжностью обняла ихъ и слезы блеснули въ глазахъ ея.

—Боже мой! сказала ей принцесса Софія, ты сегодня очень печальна, Луиза. Неужели ты грустишь о своемъ шталмейстерѣ и своей графинѣ Моль? Говорятъ, что они сегодня выѣзжаютъ; счастливый имъ путь.

—Бѣдная Софья! Подумала Луиза, она и не подозреваетъ, что я тоже уѣзжаю.

Чтобы избѣгнуть тягостной сцены, король уѣхалъ въ Шуази и объявилъ, что пробудетъ тамъ всю недѣлю.

ГЛАВА XVII.

Сенѣ - Дені.

Въ среду, 11-го августа, 1770 года, въ восемь часовъ утра, принцесса Луиза оставила навсегда дворецъ Версальскій; ее сопровождали княгиня Гистель, маркизъ де-Сенсеръ и Марія. Вышелъ изъ дворца, Луиза прежде, нежели сѣла въ карету, обернулась и посмотрѣла на все окружающее; потомъ накинула на лицо капюшонъ, помѣстилась въ углу кареты и хранила молчаніе до самаго С. Дени. Она пошла сперва къ базиликѣ и приказала проводить себя къ гробницѣ королевы, у которой новерглась на колѣна. Это было послѣднее прощанье, потому-что Луиза не должна была при жизни видѣть могиль родныхъ своихъ, ни даже покойиться близъ нихъ по смерти; смиренная монахиня не имѣла права на почести, даже при самомъ погребеніи.

Изъ церкви принцесса отправилась въ монастырь.

—Милая княгиня, сказала она г-жѣ Гистель: чтобы не нарушить тишины этой святой обители, я пойду одна, а васъ и маркиза прошу подождать меня здѣсь до окончанія обѣдни. Вотъ и аббатъ Бертень, онъ будетъ моимъ проводникомъ, Марія пойдетъ со мною. Аббатъ, сестры ваши, кажется, готовятъ мнѣ пышный пріемъ? Напрасно заботятся онъ о церемоніалѣ, прибавила она съ улыбкою; впрочемъ, это уже въ послѣдний разъ!

—Онъ не привыкли къ такой чести, ваше высочество: бѣдныя, неизвестныя, онъ были до-сихъ-поръ забыты сильными людьми этого міра! Ежели вашему высочеству угодно будетъ войти въ пріемную, то я попрошу васъ удостоить меня минутнымъ разговоромъ.

Въ то время, какъ принцесса шла за рѣшетку, маркизъ сказалъ княгинѣ Гистель:

—Замѣтили вы, княгиня, что сегодня принцесса Луиза необыкновенно прекрасна? Чело ея, какъ будто-бы окружено сияніемъ.

—Она праведница, маркизъ, и сияетъ красотою ангеловъ.

Едва принцесса успѣла сѣсть въ пріемной, аббать Бертенъ приступилъ къ ней съ просьбою простить ему заранѣе вопросы, которые обязанность заставляетъ его слѣдать ей.

—Ваше высочество, хорошо ли вы обдумали свое намѣреніе?

—Размышленія мои кончены, аббать, и намѣреніе неизменно.

—Подумали ли вы о шумѣ, который поступокъ вашъ произведетъ въ свѣтѣ?

—Я мало думаю о томъ, что скажетъ свѣтъ; онъ не занимаетъ меня; архіепископу и духовнику моему извѣстны причины вступленія моего въ монастырь, они одобряютъ ихъ. Вы также согласитесь, что онъ основательны, когда я открою вамъ перель постриженіемъ.

—Но, ваше высочество, строгости и нищета нашего монастыря, по которымъ и названъ онъ западнею кармелитокъ...

—Я знаю все, отецъ мой, и радуюсь. Жертва моя должна быть совершенна, и я не вступила бы въ монастырь менѣе строгой. Я прихожу сюда, какъ жертва искупленія, хочу служить залогомъ прощенія, и для того, чтобы Всевышній не отвергнулъ меня, какъ недостойную нести этотъ крестъ, не должны я страдать болѣе другихъ?

—Архіепископъ просилъ ваше высочество, привезти форменное позволеніе короля.

—Вотъ позволеніе короля, аббать, и приложенное къ нему письмо, которое вы можете прочесть.

—«Обнимаю тебя отъ всего сердца, милая дочь моя; посылаю тебѣ позволеніе, которое ты просила у меня для твоего отѣзза и обѣщаю исполнить всѣ желанія твои въ отношеніи твоего крестника, служителей и прочихъ твоихъ распоряженій.... Сегодня я не могу сказать тебѣ ничего болѣе, милое дитя мое; уже поздно.

«Людовикъ.» (*)

(*) Собственноручное письмо Людовика XV, отправленное изъ Шуази.

Прочитавъ письмо, аббатъ поклонился и спросилъ принцессу, не дастъ ли она еще какихъ-нибудь приказаний.

—Послѣ обѣдни я останусь предъ алтаремъ, а вы, въ это время, соберите всѣхъ монахинь и объявите имъ мое намѣреніе. Что касается до моего жилища, то я хочу имѣть келью совершенно одинаковую съ прочими; но какъ я привыкла въходить только по удобнымъ лѣстницамъ, да и то съ чужою помощью, то прошу васъ приказать натянуть веревки вдоль лѣстницъ вашихъ, ежели онъ безъ перилъ, а безъ этого я могу сломить себѣ шею, потому что вѣтренность и разсѣянность моя не прошли съ лѣтами.

Въ эту минуту монахини подошли къ рѣшеткѣ, которую переступила принцесса, не оглядываясь назадъ. Со всѣми обрядами проводили ее на хоры, гдѣ она слушала обѣдню, обливаясь слезами. Вопреки всѣмъ усилиямъ, ужасное сожалѣніе проникло въ ея душу; любовь, съ которой она столь мужественно боролась, столь часто возмущавшая духъ ея, во время молитвы, не оставили ее и въ ту минуту: мысль, что она не увидить его болѣе, что любовь ея останется для него навсегда тайною, и всего болѣе, горькое сознаніе, что ова чужда человѣку, которой быть для нея всѣмъ на землѣ. Вся твердость души ея и сила вѣры едва были достаточны для того, чтобы воспрепятствовать ей оставить избираемый ею путь и принести въ жертву принцу все, что несла она въ дань небу — жизнь свою и будущность. Пылкая душа ея пробудилась со всею силою страсти; борьба была жестока, и должно признаться, что побѣда осталась на сторонѣ неба не иначе, какъ съ помощью земныхъ побужденій. Гордость, внушенная принцессѣ мыслю о ея происхожденіи, возстала сильнѣе благочестія противъ унизительного поступка; потомъ явилась женщина въ полномъ смыслѣ слова; мысль о тѣлесномъ ея недостаткѣ поразила принцессу, и это чувство было жесточайшее изъ всѣхъ, и если бы ангель-хранитель не послалъ ей утѣшенія въ самой жертвѣ, приносимой ею, то отчаяніе овладѣло бы ею и уполножія алтаря. Луиза обрѣла мужество, при мысли, что жертва эта, приносится Богу за него, должна искупить его душу и что пальма безсмертія будетъ ей наградою. Такова любовь, когда она истинна: она служить основою каждому поступку, каждой мысли, и вотъ почему она бываетъ источникомъ благородѣйшихъ дѣйствій и

величайшихъ пороковъ. Счастіе ведеть къ прекрасному, а не-счастіе влечеть насть къ проступкамъ; однѣ твердая души могутъ оставаться непорочными при сильныхъ горестяхъ. Нетъ благодарность и забвение такія мученія, которыя превышаютъ все, что можетъ изобрѣсть воображеніе; они поселяютъ въ душѣ безнадежность. А что же самый адъ, если не обитель безнадежности?

Въ то время, какъ принцесса молилась у алтаря, аббатъ Бертенъ объявилъ монахинямъ о благодати, испосыпаемой имъ свыше; онъ долго не хотѣли этому вѣрить; наконецъ, поспѣшили въ церковь и воспѣли благодарственный молебень, по окончаніи которого подошли къ знаменитой просительницѣ и пригласили ее въ монастырскую приемную. Принцесса Луїза упала къ ногамъ ихъ — говоря:

—Умоляю васъ, принять меня въ среду вашу, называть сестрою, забыть о прежнемъ званіи моемъ и молиться о королѣ и обо мнѣ! Я искренно желаю принять священный санъ вашъ и буду стараться выполнить всѣ, налагаемыя имъ, обязанности.

При этихъ словахъ, рыданія раздались со всѣхъ сторонъ. Принцесса въ ту же минуту подошла къ монахинямъ и, обнимая каждую изъ нихъ, говорила:

—Неужели я, неужели мое присутствіе, сестры мои, заставляетъ васъ проливать слезы?

Марія, слѣдовавшая за принцессою повсюду, вскричала:

—Святая инокиня! Я бѣдная чужестранка, не имѣю ни родныхъ, ни отечества, привезена во Францію для забавы; принцесса даровала мнѣ пріютъ и покровительство, я обязана ей всѣмъ, и одну ее только люблю на землѣ; умоляю васъ не разлучать меня съ нею. Я отличаюсь отъ васъ цвѣтомъ, но это ничего не значитъ. Двери рая отверсты милосердіемъ Творца и для черныхъ; не затворите и вы мнѣ вратъ священного убѣжища. Я прошу, я умоляю васъ, и если у васъ есть сердце, то вы не отриньте просьбы моей.

—Да будетъ по твоему желанію, дочь моя, если ея высочество на то согласна, сказалъ аббатъ Бертенъ.

—Госполь избралъ меня орудіемъ спасенія этой молодой девушки, и мы не должны удалять ее отъ настѣ. Пусть останется она здѣсь! Я надѣюсь, что это не будетъ препятствіемъ къ соб-

ственному моему спасению. Теперь мнѣ остается только дать отставку моему штату; это тяжкая обязанность, но Господь не оставилъ меня и при этомъ испытаниі; сестры мои, помолитесь за меня!

Принцесса приказала позвать княгиню Гистель и Сенсера.

— Добрые, милые друзья мои, сказала Луиза, скимая руки статсъ-дамы. Хотя я и знаю, что сильно огорчу васъ, но приуждена требовать доказательства привязанности вашей ко мнѣ: часть мой насталъ, мы должны покориться волѣ Провидѣнія.

— Боже мой! воскликнула княгиня Гистель, вы пугаете меня, ваше высочество. Что это значитъ?

— Вы должны возвратиться въ Версаль безъ меня; потому-что я вступила въ эту обитель, съ тѣмъ, чтобы окончить въ ней дни мои. Вамъ поручаю я передать мое послѣднее прощанье любимымъ мною особымъ.

— Нѣтъ, это невозможно; я не должна оставлять ваше высочество. Званіе налагаетъ на меня обязанность находиться всегда при васъ; я поклялась въ томъ предъ вами Богу и буду вѣрна этой клятвѣ до-тѣхъ-поръ, пока самъ король не разрѣшитъ меня отъ нея.

— Вотъ приказаніе его, милая княгиня; все обдумано и рѣшено. Королю извѣстно, что я не возвращусь болѣе ко двору. Вы должны знать, что я не совершила бы столь важнаго поступка безъ его согласія. Исполните же мое желаніе и вѣрьте, что здѣсь я буду счастливѣе, нежели въ свѣтѣ, въ чёмъ я желаю увѣрить всѣхъ друзей моихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ваше высочество, это не хорошо, вы насъ обманули. Какъ явлюсь я теперь къ королю? Что я скажу ему? Что скажу принцессамъ, для которыхъ извѣстіе это будетъ смертельнымъ ударомъ? Такъ ли, ваше высочество, должно покидать семейство, которое такъ любило васъ? Удаленіе ваше отъ двора походитъ на бѣгство и вы хотите, чтобы меня почитали по-вѣренной и сообщницей вашей! Ахъ! я всегда была привержена къ особѣ вашего высочества, а вы не любите меня. Нѣтъ, рѣшительно, я не возвращусь ко двору безъ васъ; нѣтъ, я не могу этого сдѣлать! И никогда меня не увидать въ Версалѣ!

— А вы, Сенсеръ, спросила принцесса у молодаго человѣка, согласны ли повиноваться мнѣ?

Съ той минуты, какъ принцесса объявила о своемъ намѣреніи, маркизъ стоялъ неподвижно, приклонивъ голову къ рѣшеткѣ. Когда же крестная мать его обратилась прямо къ нему, то онъ отвѣталъ однимъ рыданьемъ, столь болѣзненнымъ, столь ужаснымъ,

что принцесса и княгиня Гистель обратились къ нему въ одно время.

— Что съ тобой, милое личия мое? Неужели разлука со мною должна была привести тебя въ такое состояніе? Ужели ты не имѣешь болѣе твердости?

Маркизъ бросился къ ногамъ принцессы, взять руку ея и залился слезами; казалось сердце его готово было разорваться.

— Нѣть, такая печаль ужасна, безразсудна! Сенсеръ, ты мужчина, ты не долженъ предаваться до такой степени мгновенной горести, которую удовольствія твоего возраста скоро разсѣютъ.

Маркизъ отвѣчалъ одними стонами.

— Уведите его, милая княгиня, горесть его терзаетъ мою душу; отдайте ему это письмо и свертокъ. А вотъ это сестрамъ моимъ, это королю, это графинѣ Рюнельмондѣ, монахинѣ кармелитского монастыря, что въ Гренельской улицѣ, а вотъ это вамъ. Благодарю васъ за попеченія, за дружбу и преданность ко мнѣ. Навѣщайте меня иногда и будьте уверены, что я не забуду васъ. Но уведите, уведите бѣднаго Сенсера.

Княгиня Гистель, залываясь слезами, наклонилась къ маркизу, чтобы оторвать его отъ колѣнъ принцессы, но онъ сопротивлялся: казалось, сверхъестественная сила приковала его на мѣстѣ. Принцесса Луиза, почти столькожъ растроганная, какъ и онъ, обхватила голову маркиза, поцѣловала его въ лобъ, поспѣшила встать и скрылась за рѣшеткою монастыря, которая затворилась за нею навсегда.

ГЛАВА XVIII.

Кармелитка.

Черезъ шесть мѣсяцевъ по вступленіи принцессы Луизы въ кармелитскій монастырь, 2 сентября 1770, она сидѣла одна съ Маріею въ своей кельѣ, среди предметовъ роскоши, невиданныхъ дотолѣ въ Сенъ-Денискомъ монастырѣ; въ открытыхъ футлярахъ блестали драгоценныя украшенія, серебряное парчевое платье, вышитое жемчугомъ, богатая кружевная вуаль, однимъ словомъ все, что составляетъ обыкновенно уборъ царственной невѣсты, представляло странную противоположность съ обнаженными и вѣтхими стѣнами кельи. Марія съ любопытствомъ разматривала всѣ эти вещи, а принцесса надписывала и печатала нѣсколько писемъ.

Здѣсь необходимо сообщить читателю два изъ нихъ, для того, чтобы ознакомить его съ предыдущими и послѣдующими произшествіями. Первое письмо было написано къ сестрѣ Генріеттѣ, монахинѣ кармелитскаго монастыря, въ Гренельской улицѣ.

«Любезная сестра, вашему благочестивому примѣру обязана я счастіемъ и спокойствіемъ, которыми наслаждаюсь. Жизнь моя сходствовала во многомъ съ вашею. Завтра, подобно вамъ, я облекусь въ одежду дочерей святой Терезы. Умоляю васъ присоединить мольбы ваши къ моимъ. Воспоминаніе о васъ поддерживало меня на пути скорби, который должна я была пройти для достиженія пристани. Мы не увидимся болѣе на землѣ, но найдемъ другъ друга въ небѣ, омытыя отъ всякой нечистоты духовной, излѣченныя отъ язвъ земныхъ скорбей!»

Второе письмо къ маркизу Сенсеру:

«Я узнала отъ матушки вашей, милый мой маркизъ, что вы не хотите быть свидѣтелемъ моего постриженія; я не могу простить вамъ этого ребячества, похожаго даже на равнодушіе. Въ ваши лѣта не должно быть своеобразныхъ и завтра вы должны непремѣнно исполнять должность въ моей свитѣ, возложенную на васъ королемъ. Я обѣщала матушкѣ вашей склонить васъ къ повиновенію, и можетъ быть, это послѣдняя услуга, которую я окажу вамъ обоимъ. Не заставьте меня измѣнить своему слову; король можетъ замѣтить ваше отсутствіе и это повредить вамъ впослѣдствії. И такъ, до завтра; я требую, чтобы вы сопровождали прекрасную Дофину, которую Провидѣніе ниспослало Франціи, какъ ангела утѣшителя. Вы непремѣнно должны быть при ней, когда я буду принимать ее; ваше ослушаніе истинно меня огорчитъ.»

Марія попроси отъ меня игуменью прочесть эти письма и отошли ихъ по адресу.

— Ахъ! ваше высочество, какой нарядъ! Во всю жизнь свою вы не были такъ прекрасны, какъ будете въ этомъ уборѣ.

— Тѣмъ лучше, дитя мое; какимъ блескомъ должна окружать себя невѣста Христова, въ то время, когда все приноситъ Ему въ жертву? Возьми всѣ эти вещи и оставь меня: я буду молиться; игуменья позволила мнѣ провести всю ночь въ молитвѣ. И ты, дочь моя, отказываешься отъ міра. Подумай хорошенько, ты имѣешь еще время перемѣнить свое намѣреніе и возвратиться ко двору; сестры мои тебя примутъ; они дали мнѣ въ томъ обѣщаніе. Подумай же, Марія.

— Я все знаю и все обдумала, ваше высочество, и хочу поступить такъ, какъ поступаете вы. Могу ли я поступить иначе?

— Все это земные побуждения, Мария, а здесь мы должны помышлять только о небѣ.

— О небѣ и о вѣтѣ, ваше высочество. Я иду исполнить ваши приказанія.

Въ этотъ день весь монастырь былъ въ волненіи. Неслыханный дотолѣ шумъ нарушилъ тишину этого убѣжища. Королевскіе обойщики, подъ руководствомъ г-на Ферте, начальника гардероба и маркиза Дре-Брезе, главнаго церемоніймѣстера французского двора, обивали стѣны церкви богатѣшими тканями. Лучшіе артисты спѣвались предъ начатіемъ обѣдни; папскій нунцій, по повелѣнію его святѣшства, долженъ былъ представлять его особу. Пана, въ грамотѣ своей на имя принцессы Луизы, изъявлялъ свое сожалѣніе о томъ, что не могъ присутствовать лично при торжествѣ, столь славномъ для церкви.

Съ своей стороны Людовикъ X^V, желая, чтобы обрядъ этого совершенія былъ съ должнымъ великолѣпіемъ, отдалъ приказъ, чтобы всѣ епископы государства, бывшіе въ то время въ Парижѣ, присутствовали соборомъ при постриженіи. Депутаты духовенства явились къ принцессѣ съ объявленіемъ о волѣ короля и о соревнованіи всего сословія къ исполненію приказанія его величества. Работы въ церкви продолжались во всю ночь, и ничто не можетъ сравниться съ противоположностью, которую представляла тогда богато убранная внутренность храма съ отдѣльною частію его, окруженною рѣшеткою и задернутую черною завѣсою, частью, которая была назначена для инокинь. Онѣ пѣли вечерню и заутреню при стукѣ молотковъ и визгѣ пиль, непрѣбѣжной тревоги въ подобномъ случаѣ.

Принцесса Луиза, какъ она сказала Маріи, провела ночь въ молитвѣ. Тайна думъ ея осталась на-вѣки между Богомъ и ею. Милый, обожаемый призракъ, столько разъ изгоняемый изъ воображенія, предсталъ предъ нею снова, во всей привлекательной красотѣ своей: коварная оболочка искуителя исчезла, и онъ сиялъ предъ нею въ видѣ лучезарнаго ангела. Принцесса видѣла въ немъ не причину слезъ и терзаній, но предметъ, избранный Богомъ къ ея спасенію. Она уже смило, не потупляя взора, произнесла имя его предъ алтаремъ, и воспоминаніе о немъ уже не смущало душу ея, озаренной небесною благодатію. Ей казалось, что любовь ея къ нему превратилась навсегда въ то возвышенное чувство любви къ ближнему, которое предписано христіанамъ; казалось, что между совѣстю ея и адомъ все было кончено, и когда день блеснулъ ея взорамъ, Луиза привѣтствовала его, какъ первую зарю своего избавленія. Бѣдная женщина! она не знала, что душа,

въ которую запала глубокая страсть, осуждена на вѣчное страданіе! Любовь живетъ слезами, питается самыми терзаніями, до тѣхъ-поръ, пока не превратится, наконецъ, въ горестное воспоминаніе, а иногда и въ раскаяніе!

Статьи-дамы принцессы Луизы пришли одѣть ее въ послѣдній разъ. Въ это время, церковь наполнялась вельможами и придворными дамами, которая знали, что король будетъ доволенъ этимъ знакомъ почтенія къ его дочери, и всѣ, кому только возможно было присутствовать при церемоніи, спѣшили въ монастырь Сенъ-Дени. Кареты мчались по дорогѣ, ведущей къ нему, какъ на лоншанскомъ гуляніи. Французская и швейцарская гвардіи были разставлены вѣнч монастыря для наблюденія портдка, въ монастырѣ заняли внутренний караулъ тѣлохранители. Папскій пуніцій, архіепископъ Дамасскій, служили обѣдню только для монахинь, потому-что обрядъ постриженія назначенъ былъ въ три часа.

Въ этотъ день принцесса Луиза провела за туалетомъ болѣе времени, чѣмъ когда либо. Она была очень весела и смеялась неловкости, съ какою она надѣвала наряды, которыхъ не носила въ продолженіе шести мѣсяцевъ. Когда же она была совсѣмъ одѣта, то похвалы красотѣ ея послышались со всѣхъ сторонъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, принцесса Луиза была прекрасна; неправильность ея стана, скрытая подъ большою мантіею, была почти не примѣтна; благородныя черты лица, живо напоминающія черты Людовика XV, блестали небеснымъ выраженіемъ. Когда кареты дофина и принцессы подѣхали къ монастырю, Луиза вышла къ нимъ на встрѣчу и нашла въ первой приемной весь свой штатъ. Она разговаривала со всѣми, отвѣчая улыбкою признательности на изложеніе грусти о ея удаленіи отъ свѣта. На мѣстѣ шталмейстера стоялъ маркизъ де-Сенсеръ, потупивъ взоръ и блѣдный, какъ полотно.

— А, вотъ господинъ эгоистъ, который не хочетъ быть свидѣтелемъ счастія своихъ друзей! сказала ему принцесса.

Маркизъ вздрогнулъ и поклонился ей, не отвѣчая ни слова.

— Дайте мнѣ руку, продолжала принцесса: будьте еще разъ моимъ шталмейстеромъ, я хочу, чтобы присутствіе ваше при мнѣ было послѣднимъзнакомъ моего величія.

Принцесса Луиза встрѣтила дофина на дворѣ монастыря. Дофинъ, графъ Прованскій и графъ д'Артуа прибыли вмѣстѣ съ Марию Антуанетто. Это было черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи ея въ бракъ, и Франція боготворила въ ней свои надежды, свое будущее благоденствіе. Дофина была такъ прекрасна, такъ добра, такъ благородна и великолушна! кто бы могъ тогда повѣ-

рить, что предсказаниѣ Луизы отцу ея исполнится такъ скоро и падеть на эту драгоцѣнную голову! Увы! кто можетъ предузнать будущее. Какъ часто видимъ мы паденіе престоловъ, которые почитали непоколебимыми. Дивны пути прорицанія!

Обратясь къ царственнымъ племянникамъ своимъ, принцессы Луиза увидѣла посреди ихъ человѣка, котораго неожиданное появленіе едва не лишило ее совершенно присутствія духа. Дофина, примѣтивъ ея смущеніе и принимая его за удивленіе, которое могло причинить ей присутствіе иновѣрца при священномъ обрядѣ, сказала:

— Герцогъ Кумберландъ просилъ у короля позволенія присутствовать при вашемъ постриженіи, любезная тетушка, желая имѣть право сказать брату своему королю, что онъ былъ свидѣтелемъ трогательнаго событія: сказать, что при глазахъ его достойнѣйшая изъ принцессъ отказалась отъ всего, для спасенія души своей.

Мнѣ весьма пріятно прибытие милорда, сказала принцесса, которая успѣла между тѣмъ собраться съ духомъ; и я молю Бога, чтобы обрядъ, котораго онъ будетъ свидѣтелемъ, обратилъ его къ истинной вѣрѣ.

Послѣ этого всѣ отправились въ церковь. — Нунцій въ папскомъ облаченіи, въ сопровожденіи оберъ — церемоніймейстера и собора, архіепископовъ встрѣтилъ королевскую фамилію при входѣ въ церковь со святою водою и проводилъ до приготовленнаго для нея мѣста. Внутри церкви, кругомъ стѣны, стояли тѣлохранители; архіепископы и прочія духовныя особы помышлялись на хорахъ, придворные занимали средину церкви. Архіепископъ взошелъ на каѳедру, среди глубокаго молчанія и благоговѣйнаго ожиданія предстоящихъ. Въ голосѣ его живо изобразились чувства, наполняющія душу и мгновенно проникли въ сердце слушателей. Каждый изъ нихъ отирая слезы, исключая мужественной виновницы всеобщаго умиленія.

По окончаніи проповѣди принцессѣ были сдѣланы требуемые обрядомъ вопросы, на которые она отвѣчала съ твердостію. Постѣ того, она удалилась и, чрезъ нѣсколько минутъ, появилась снова, безъ украшеній, подошла къ дофинѣ, которая набросила на нее монашескую мантію и покрывало, не имѣя силы произнести слова.

Но присутствовавшіе были поражены еще сильнѣе, когда Луиза поверглась на помостъ храма и была покрыта погребальнымъ покровомъ. Это зрѣлище было краснорѣчивѣе произнесенной рѣчи и тронуло всѣ сердца. Ужасный крикъ раздался вдругъ по-

среди безмолвной толпы, и молодого человека вынесли безъ чувствъ изъ церкви. Въ ту минуту горесть такъ сильно овладѣла всѣми, что произшествіе это едва было замѣчено; всѣ взоры устремлены были на замкнувшуюся и рѣшетку кармелитокъ, отворенные для принятія вновь именованной сестры ихъ. Когда же замкнувшаяся снова опустился и затворилась рѣшетка, когда знаменитая отшельница заключилась за живо въ этой гробницѣ, то сердце каждого сжалось невыразимою грустью. Безмолвно выходили всѣ изъ церкви, какъ будто послѣ похоронъ; казалось, что каждый оплакивалъ собственную утрату.

По окончаніи обрида, принцесса Луиза удалилась въ свою келью, желая воздать благодареніе небу; но вопреки всѣмъ усилиямъ ея, бремя тяжкой думы тяготѣло надъ ея сердцемъ.

— Боже мой! воскликнула она, прости меня и помоги мнѣ; я все еще люблю его!

Маркизъ де-Сенсеръ былъ привезенъ въ домъ герцога Ланжевиля въ опасномъ состояніи. Болѣзнь его продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ. Доктора относили ее къ посѣщенію академіи и чрезмѣрному утомленію, происшедшему отъ частаго упражненія въ игрѣ въ мячъ. Маркизъ не опровергалъ этого мнѣнія и, по выздоровленіи своемъ, получилъ наконецъ давножеланное позволеніе короля и отца своего вступить на действительную службу полковникомъ Нормандскаго полка.

Э П И Л О ГЪ.

Новый ангелъ въ небесахъ.

Много прошло важныхъ событий въ теченіе семнацати лѣтъ. Принцесса Луиза, не оставляя своего уединенія, оплакала кончину Людовика XV и видѣла восшествіе новаго государя на престолъ Франціи. Тяжела была для нея невозможность раздѣлить съ сестрами попеченія объ отцѣ въ послѣднія минуты его жизни и горесть эта достигла высшей степени, когда печальный звонъ колоколовъ возвѣстилъ, что останки короля пранесены къ послѣдней обители смертныхъ. Невозможно было предохранить отъ этого удара сердце принцессы, полное дочерней любви. По смерти отца, настало для нея новое испытаніе; опасность, въ которой находилась нѣсколько време-ми жизнь принцессы, заразившихся болѣзни короля. Она по-

что упрекала себя въ томъ, что не подверглась съ иными той же опасности, что не преступила строгий уставъ кармелитского монастыря, и не пришла подать послѣднее утѣшеніе страждущему виновнику днѣй ея. Господь скоро избавилъ ее отъ этой новой боязни, возвративъ здоровье нѣжно любимымъ сестрамъ.

Вскрѣпъ послѣ того лишилась она Маріи. Бѣдная девушка не могла вынести суроваго холода кармелитскихъ зимъ; подкрайляемая самоотверженіемъ, которое всечасно имѣла предъ глазами, она не жаловалась, но силы измѣнили ей и она угасла среди снѣдающаго ее холода, подобно птичкѣ, изогнутої пѣтъ роднаго гнѣзда. Принцесса Луиза горько оплакивала эту новую потерю, послѣ которой, наконецъ, узнала она всю тяжесть совершеннаго одиночества, потому что въ то же время лишилась другаго существа, столь же любезнаго ея сердцу и обстоятельства, сопровождавшія смерть его, должны были удвоить ея горесть.

Маркизъ де-Сенсеръ, пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ полку, возвратился ко двору, но уже совершенно другимъ человѣкомъ. Дѣятельность его замѣнилась важностю; онъ старался дѣлать зло и употреблять ко вреду всѣ благородныя на clinности, которыми одарила его природа; казалось, онъ хотѣлъ отомстить судьбѣ. Несмотря на просьбы своего семейства, онъ никогда неѣздилъ въ С. Дени, и даже не освѣдомлялся о принцессѣ Луизѣ, къ которой прежде казался столь привязаннымъ.

Когда маркизъ де-Лафайетъ отправился въ Америку въ 1775 году, Сенсеръ просилъ у короля позволенія слѣдовать за нимъ. Этотъ поступокъ удивилъ весь дворъ; маркизъ выдавалъ себя всегда за непримиримаго врага демократіи и никто не могъ понять, какъ и для чего рѣшился онъ идти противъ собственнаго мнѣнія.

— Я иду на бой не за мыслями, а за пулями, сказаль онъ одному изъ своихъ друзей, сдѣлавшему ему это замѣчаніе.

Герцогиня де-Ланжевиль, въ отчаяніи, умоляла принцессу Луизу написать къ своему крестнику, чтобы отвратить его отъ гибельнаго намѣренія, но онъ уѣхалъ, не дожидаясь этого письма. По прошествію года, слуга его возвратился одинъ; онъ принесъ несчастной матери письмо, заключавшее послѣднюю

волю сына ея, убитаго въ долинахъ Канады. Къ нему приложено было другое на имя сестры Терезы святаго Августина, прежде бывшей принцессы Луизы французской, съ убѣлительною просьбою не отвергать моленія умирающаго и прочитать до конца позднюю исповѣдь его сердца. Кarmelitka Тереза, болѣе всѣхъ сестеръ своихъ покорная уставамъ монастыря, просила на то позволенія настоятельницы и, получивъ его, распечатала пакетъ въ присутствіи герцога де-Ланжевиля, который привезъ ей самъ это завѣщаніе единственнаго своего сына, погибшаго прежде, нежели исполнилось ему тридцать лѣтъ. Въ письмѣ заключалось слѣдующее :

«Вы думали, ваше высочество, что я не благодаренъ, что «я забылъ всѣ милости ваши къ ребенку, воспитанному при «вашихъ глазахъ, и къ безразсудному молодому человѣку, къ «которому вы были такъ снисходительны. Ахъ! вы не знаете, «чего мнѣ стоило допустить, чтобы вы обвинили мое сердце! Я «искалъ смерти, чтобы избавиться этого мученія, и нѣтъ цѣны, «которую не готовъ бы я былъ купить право открыть предъ вами мою душу и оправдаться. И такъ, выслушайте меня, ваше «высочество, и простите. Я не буду говорить вамъ о прежнемъ «моемъ характерѣ, о моей веселости и беспечности: вы не за- «были ихъ. Вступивъ радостно на поприще жизни, я не чув- «ствовалъ бремени, какъ вдругъ ужаснѣйшее несчастіе обруши- «лось на мою голову: я лишился васъ тогда, какъ менѣе всего «ожидалъ этого удара. Первое слово, произнесенное вами въ «приемной С. Дени, открыло мнѣ гибельную истину, и въ эту «страшную минуту мнѣ казалось, что невыразимое чувство раз- «рушило все мое существованіе. Тогда я понялъ, что люблю «васъ, что вѣчно буду любить васъ одну и слова замерли на «устахъ моихъ. Съ той минуты, я вѣсъ видѣлъ только одинъ «разъ и это было тогда, какъ совершилась ваша жертва, тогда, «какъ волосы ваши падали изъ—подъ ножницъ священника, то- «гда, какъ красота ваша скрывалась подъ грубымъ покрыва- «ломъ монахини, тогда, какъ наконецъ вы поверглись на пепель «и погребальный покровъ, опустился надъ вами. Вы знаете, «что я не снесъ этого испытанія и действительно едва «не умеръ. Когда возвратили мнѣ здоровье, я хотѣлъ забыть «васъ и безумную страсть мою, которая могла вести меня

«лишь къ погибели, потому-что предметъ ея не существовалъ «уже болѣе для міра. Келья не есть ли могила? Я искалъ раз- «влечения во всемъ меня окружавшемъ, искалъ его при дворѣ, «въ службѣ, на шумныхъ праздникахъ и даже въ любви. Я «былъ любимъ, старался самъ любить, но тщетно: я обожаю «одно только существо на землѣ и это были — вы. Ангельская «чистота души вашей и благородство, которое превышало въ «свастъ величие царственного происхожденія, уничило въ гла- «захъ моихъ всѣхъ прочихъ женщинъ: сравнивая ихъ «съ кумиромъ моего сердца, невольно находилъ я въ нихъ «тысячу недостатковъ и пороковъ. Наконецъ уныніе овладѣло «мною; я призывалъ смерть, хотѣлъ найти ее во что бы то «ни стало, летѣлъ туда, где она неразлучна для насъ съ чес- «тію и, благодаря судьбѣ, достигъ паконецъ своей цѣли. Силы «мои истощаются. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ вы получите «алмазный крестъ, подаренный мнѣ вами; на немъ кровь моя, «потому-что я не разставался съ нимъ въ жизни, не разста- «нулся и въ минуту смерти. Теперь вамъ все известно, ваше «высочество. Я не боюсь вашего гнѣва, благоговѣйная любовь «моя къ вамъ такъ чиста! Я постоянно лишалъ себя счастія «счастья видѣть, боясь, чтобъ одинъ взглядъ мой не оскорбилъ «счастья! О, ваше высочество! Крестная мать моя! Не откажите «въ благословеніи вашемъ бѣдному умирающему, помолитесь «за него и почтите слезою сожалѣнія память несчастнаго «страдальца! Простите! Постарайтесь съ вашей твердой душою «пролить утѣшеніе въ сердце матери моей и не открывайте «ей никогда причину моей смерти.. Дѣйствительно къ письму этому, начертанному дрожащею рукою и почеркомъ едва вни- «тнымъ, приложенъ былъ алмазный крестикъ, запятнанный кровью. Луиза поверглась на колѣна и молилась о этой за- «блудшей душѣ. Но въ ту минуту въ сердце ея закралась мысль, служащая доказательствомъ, что вопреки всѣмъ усилиямъ человѣка восторжествовать надъ слабостями его природы, она остается несовершенною. Оплакивая безвременную смерть юно- «ши, которой она была невольною причиной, Луиза, предъ которой ожило вдругъ все минувшее, ощутила сожалѣніе друго- «го рода, изгладившее въ одно мгновеніе всѣ подвиги ся раскаянія.

— Такъ и я могла быть любима!

Раскаявшаяся принцесса никогда не могла простить себѣ этого помысленія, хотя и искушила его продолжительными угрызеніями совѣсти. Участь несчастнаго Сенсера была такъ трогательна, что Луиза, несмотря на всю строгость своихъ правильъ, горько обѣ плакала и поручала его Богу. Чувствительныя души всегда готовы прощать. Прощать такъ сладостно!

Принцесса Луиза, какъ уже сказано, жила въ уединеніи семнадцать лѣтъ, и достигла конца пути своего въ то время, когда политическій горизонтъ помрачался и несчастія вся-
каго рода готовы были поразить Францію и ея семейство. Бѣдствія, которыя она предвидѣла, заговоръ цѣкогда открытый ею, постигли благочестиваго Людовика XVI и благодарную Марію Антуанету, не заслужившихъ этого несчастія. Но Богъ сказалъ во гнѣвѣ своемъ:

«Грѣхи отцовъ падутъ на главу дѣтей ихъ!»

Послѣднія минуты принцессы Луизы соотвѣтствовали всей ея жизни; она закрыла глаза среди иконицъ, въ кельѣ, пред-
пощтенной ею дворцу.

—Боже мой, говорила она, ты не захотѣль принять жертвы моей потому, что она проплекала отъ сердца, несовершенно чуждаго міру. Господи, прими душу мою и спаси Францію.

Въ 1775 году, герцогъ Кумберландъ женился на графинѣ Ирнемъ, и политическіе виды нимало не участвовали въ этомъ союзѣ. Георгъ III далъ герцогу полную свободу въ выборѣ супруги и по всему можно заключить, что онъ далъ бы свое согласие и на неровный союзъ, ибо это не противорѣчило его политикѣ. Графиня де-Молье поняла, но уже поздно, что одно кокетство ея было препятствиемъ къ достижению столь блестящей участіи, и во всю жизнь не могла простить себѣ этой ошибки. Принцесса Луиза знала обѣ этомъ событий, но тогда уже все земное было чуждо ея сердцу, преисполненному благодати. Въ послѣднія минуты жизни, душа ея не была возмущаема никакими призраками; одинъ только страхъ обѣ участіи покидаемыхъ ею, тревожилъ еще духъ ея.

Ангель этотъ отлетѣль на небо 22 декабря 1787 года.

Что жъ раздумье? что за слезы?
 Иль душой учуда я,
 Какъ сирень убоятъ морозы
 И затихнетъ пѣснь моя?

A. Фетъ.

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ,
 Всѣхъ въ немъ цветовъ благовонія слышны,
 Кудри твои такъ обильны и пышны,
 Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ!

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ,
 Яснаго ока губительна сила,
 Нѣть, я не вѣрю, чтобъ ты не любила:
 Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ.

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ,
 Счастью сердце легко предается,
 Миѣ близъ тебя хорошо — и поется:
 Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ.

A. Фетъ.

Замеръ гулъ тревожный свѣта:
 Стогны пусты; все кругомъ
 Въ мракъ таинственный одѣто,
 Гробовымъ объято сномъ.

Ночь глухая ! Безутѣшны мъ
Утѣшенье въ царствѣ грезъ ;
Часъ молитвъ ; надъ міромъ грѣшны мъ
Пиршество святыхъ небесъ . —

Вонъ онъ горятъ !.... Широко
Разодвинулись окрестъ !
Чье сочтеть, обниметъ око
Эту бездну вѣчныхъ звѣздъ —
Царства горняго стяжанье ?
Чѣй постигнуть здѣсь мечтъ
Ихъ мелодію, сверканье
Въ полуночной темнотѣ ?...

Океанъ благословенны !...
Кто міръ дольный не готовъ
Промѣнять на блескъ нетѣшны й
Этихъ дивныхъ острововъ ? —
Какъ душа по нимъ томится,
Рвется къ блеску ихъ огней !
Будто благо тамъ таится,
Здѣсь не вѣдомое ей...

Утомленнымъ дольней мукой ,
Какъ тамъ сладко бѣ отдохнуть ,
И навѣки въ морѣ звуковъ ,
Горнихъ звуковъ утонуть .
Звуки , звуки , сколько жизни .
Здѣсь душа въ нихъ , средь могилъ ,
Что же , тамъ , на ихъ отчинѣ ,
За предѣломъ сихъ свѣтилъ !...

Часъ ударить . Божья искра
Пропалить земной покровъ ,

И душа промчится быстро
 Мимо этихъ острововъ.
 Разлетится, расклубится
 Сокровенного туманъ;
 За предъломъ звѣздъ узрится
 Завѣщанный Ханаанъ! —

П. Гончаровъ.

МНЪ ГРУСТНО.

* * *

Мнъ грустно: я смотрю на васъ,
 Какъ на цветокъ благоуханный,
 Разцвѣтшій въ сторонѣ туманной
 Красою дивною на часъ.

Мнъ грустно, для чего судьбой
 Вамъ не дано здѣсь лучшей доли,
 Зачемъ въ васъ много было воли,
 Чтобъ молча жертвовать собой.

Мнъ грустно, для чего таить
 Вамъ суждено страданья ваши,
 И улыбаясь, полной чашей
 Всю горечь жизни этой пить.

Такъ, средь ликующей толпы,
 Я васъ встрѣчаю здѣсь угрюмый,
 И вопрошаю грустной думой
 Законъ таинственный судьбы:

Зачемъ всѣхъ избранныхъ ведеть
Она тернистою стезею?
За чѣмъ все гибнетъ, что съ душою,
А что бездушно—то живеть?

Н. ГРЕКОВЪ.

О НЕЧУДѢ СНИ

* * *

Въ ощущеніи я: онтѣющій азъ
Плавнѣющійся листъ въ вѣтѣ
Доволенъ и неодѣтъ въ штапахъ
Извѣръ въ монстра сюзѣи

Но съ эго я: онтѣющій азъ
Мокрый юнгъ съ овѣдъ
Чтвѣтъ я: онтѣющій азъ въ китѣахъ
Подъ атлантическимъ аѣтомъ

Съ юности я: онтѣющій азъ
Былъ юношъ, юноша онъ былъ
Съ юностью я: онтѣющій азъ
Юноша юноша онъ былъ

—овъ. Помимо тѣлодвиженія, между новыми видами физической культуры, въведенными въ Европу, — спорта, какъ такого же изысканного, какъ и игръ на мѣхахъ, есть, конечно, спортивное тело, оружейное, какъ въ древности, а также гимнастика, въведенная въ Европу изъ Азии, и тѣло, употребляемое въ военныхъ целяхъ, а также въ медицине и въ здравоохраненіи. Культура тѣла, какъ въ спорте, такъ и въ военныхъ целяхъ, въ гимнастикѣ, въ медицине и въ здравоохраненіи, это здоровье съ максимальной силой и способностью къ движению, что является результатомъ физической культуры.

БІОГРАФІЯ.

ДОНЪ ПЕДРО

КАЛЬДЕРОНЪ ДЕ-ЛА-БАРКА.

(Статья Дама-Гинара.)

Въ наше время, вся образованная Европа признала Кальдерона наиболѣе знаменитымъ и народнымъ изъ всѣхъ писателей, составившихъ славу испанского театра.

Донъ Педро Кальдеронъ де ла Барка родился въ Мадридѣ, въ первыхъ числахъ 1600 года. Отецъ его, донъ Диэго Кальдеронъ де ла Барка Барреда, занимавшій должностіе секретаря въ Финансовомъ Совѣтѣ, былъ послѣднимъ потомкомъ древней благородной фамиліи, которая происходила изъ Валь-де-Карріедо, въ провинціи Горы Бургосъ. Мать его, Марія де-Генао-и-Ріано, принадлежала къ знаменитой фамиліи виженей Фландріи.—Сестра поэта, Доротея Кальдеронъ де-ла-Барка, бывшая въ монастырѣ св. Клары-Толедской, разсказываетъ, что братъ ея три раза простональ, въ разное время, въ утробѣ матери своей, и это чудное событие было принято за

преднаменованіе чрезвычайной славы, пріобрѣтеної, впослѣдствіи, Кальдерономъ.

Проведя дѣтскіе годы въ отцовскомъ домѣ, Кальдеронъ, когда ему исполнилось девять лѣтъ, былъ помѣщенъ въ коллегію, состоявшую надъ управлениемъ іезуитовъ. Тамъ онъ въ скромъ времени превзошелъ всѣхъ своихъ товарищей, и по тринадцатому году, написалъ комедію: *Небесная колесница* (*el Carrjo del cielo*), которая, къ сожалѣнію, не находится въ собраніи его сочиненій. Въ это время, Кальдеронъ былъ отправленъ въ Саламанкскій Университетъ, справедливо называвшійся тогда разсадникомъ науки. Этотъ знаменитый университетъ образовалъ большую часть славныхъ мужей предшествовавшаго поколѣнія, какъ-то: Гуртадо де-Мендоза, Сервантеса и другихъ. Одаренный удивительными способностями, Кальдеронъ, шутя, почти играющи, прошелъ всѣ науки, преподаваемыя въ то время испанской молодежи: математику, географію, хронологію, политическую и священную исторію, права гражданское и церковное, философию, богословіе, и проч. Но занятія не могли изнурить этотъ умъ, гибкій и сильный. Кальдеронъ окончилъ курсъ, будучи только девятнадцати лѣтъ, но онъ уже поставилъ нѣсколько своихъ драматическихъ произведеній на главнѣйшихъ театрахъ Испаніи.

По выходѣ изъ университета, Кальдеронъ отправился въ Мадридъ, къ своему семейству. Не знаемъ, какъ онъ провелъ слѣдующіе за тѣмъ годы; должно полагать, что онъ усердно посещалъ театры, где тогда давали творенія Лопе-де-Веги, и самъ занимался сочиненіемъ комедій, что, вероятно, не нравились его отцу, желавшему опредѣлить его въ Финансовый Советъ.

Увлеченный, подобно Сервантесу и Лопе-де-Вегу, страстью къ войнѣ, Кальдеронъ 25-ти лѣтъ вступилъ въ солдаты (званіе, которымъ не пренебрегали сыновья знатнѣйшихъ фамилій,) и десять лѣтъ провелъ въ Моланѣ и Фланаріи. Сочиненія его доказываютъ, что онъ ревностно изучалъ Италию и ея литературу, а многія изъ нихъ заставляютъ подозрѣвать, что онъ не оставался равнодушнымъ къ прелестямъ миланскихъ и пармскихъ дамъ; не удивительно также, что онъ, полный жизни и желаній, не избѣжалъ тамъ нѣкоторыхъ приключеній, приписанныхъ имъ любовникамъ его комедій. Онъ продолжалъ писать для театра, и Лопе-де-Вега, раздававшій тогда славу въ

Испанії, какъ, въ XVIII столѣтіи, Волтеръ во Франції, въ сочиненіи своемъ *Лавры Аполлона*, изданномъ въ 1680 году, помѣстіль Кальдерона въ ряду первыхъ поэтовъ, и скоро самъ долженъ былъ ему уступить скіпетръ комедіи.

Въ 1636 году, т. е. черезъ годъ по смерти Лопе-де-Веги, Кальдеронъ возвратился въ Испанію, по призыву короля Филиппа IV, который поручилъ ему завѣдывать драматическими увеселеніями двора, и, въ награду за заслуги его, при отправленіи этой должности, пожаловалъ его кавалеромъ ордена св. Іакова. Кальдеронъ доказалъ, что онъ былъ достоинъ этого высокаго отличія. Въ 1640 году, когда рыцарей четырехъ орденовъ призывали въ каталонскую армію, подъ начальство герцога Оливареса, король пожелалъ, чтобы поэтъ его сочинилъ новую комедію, и потому хотѣлъ избавить его отъ похода; но Кальдеронъ, пылая желаніемъ исполнить всѣ свои обязанности, поспѣшно написалъ комедію и поторопился добраться до арміи въ Каталоніи.

По заключеніи мира, онъ возвратился ко двору.—Король назначилъ ему пенсию изъ доходовъ артиллеріи, по 30 піастровъ въ мѣсяцъ, сумму довольно значительную въ то время, особенно если взять въ соображеніе тогдашнее жалкое состояніе финансовъ Испаніи. Милость эту заслужилъ Кальдеронъ новыми твореніями. Нѣсколько лѣтъ спустя, во время свадьбы короля съ племянницею, Марию-Анною австрійскою, великий поэтъ сочинилъ надпись и девизы къ тріумфальнымъ воротамъ, воздвигнутымъ въ честь принцессы.

Въ 1651 году, Кальдеронъ вступилъ въ монахи; началь и кончилъ, какъ Лопе-де-Вега. Причины, побудившія его къ этому вступленію, были, во-первыхъ, его искренняя набожность, потомъ, если не ошибаемся, положеніе, въ которомъ находилась тогда Испанія, столь могущественная при Карлѣ и даже Филиппѣ II, и теперь терявшая свое величіе, свои лучшія и богатѣйшія провинціи и подверженная неслыханнымъ несчастіямъ. Легко понять, что человѣкъ, съ душою гордою и чувствительною, отказался служить униженнымъ знаменамъ и искалъ убѣжища въ религіи и поэзіи, деставлявшихъ ему путь къ одной цѣли — къ славѣ.

По духу и обычаямъ того времени, Кальдеронъ, надѣвъ на себя монашеское платье, могъ, съ большою свободою, заниматься театромъ. Но теперь уже церкви награждали.

Получивъ мѣсто капелана въ церкви новыхъ королей толедскихъ, онъ вскорѣ былъ призванъ королемъ, который сдѣлъ его своимъ духовникомъ, предоставилъ ему капеланскіе доходы, съ прибавленіемъ къ нимъ еще части доходовъ изъ Сициліи. Около 1663 года, Кальдеронъ вступилъ въ братство св. Петра, составленное изъ священниковъ, урожденцевъ Мадрита, и, черезъ три года, былъ избранъ въ санъ первого капелана общества.

Но передъ этимъ, Кальдеронъ удостоился еще большаго почета. Въ то время существовалъ въ Испаніи обычай праздновать большиe церковные праздники представлениемъ аллегорическихъ пьесъ, называвшихся *актами таинствъ* (*autos sacramentales*.) Каждый городъ выбиралъ своего сочинителя, заказъ такого *auto* былъ самымъ лестнымъ отличиемъ для поэта. Кальдеронъ, писавшій нѣсколько лѣтъ сряду эти *autos*, по заказу Мадрита, имѣлъ необычайный успѣхъ. Вследствіе этого, всѣ важнѣйшіе города стали обращаться къ нему, такъ, что онъ, въ продолженіе тридцати-семи лѣтъ, исключительно сочинялъ мистеріи для Толедо, Севильи, Гренады, вообще для всѣхъ примѣчательныхъ городовъ Испаніи.

Такъ протекала его славная старость, до самой смерти поэта, послѣдовавшей 25 мая 1681 года. Это былъ Духовъ день и всѣ города Испаніи торжественно представляли *autos*, сочиненія Кальдерона, а ввечеру, когда представления кончились, скончался и славный пѣвецъ.

Въ старинномъ изданіи Кальдерона находится довольно замѣчательный портретъ этого поэта. Кальдеронъ написанъ въ монашеской одеждѣ, украшенной орденскими знаками св. Якова и Калатравы. Черты лица поэта величественны и прекрасны, лобъ величины необыкновенной. Глубокомысленный и живой взглядъ его исполненъ вдохновенной думы. Правильныя уста приняли строгій видъ. Вся голова дышитъ какою-то воинственную гордостью. Вы сейчасть догадаетесь, что этотъ священнослужитель и поэтъ былъ солдатъ; и действительно, стоять только измѣнить нѣкоторыя подробности въ портретѣ: духовную одеждлу замѣнить кольчугою, бѣлую бороду свободно опустить на грудь и вы увидите рыцаря, героя — Сида въ старости.

Кальдеронъ былъ великодушенъ и благотворителенъ. Современные ему поэты удивлялись не только его генію, но и нравственнымъ качествамъ. Коннетабль Кастильскій,

герцоги Инфантадо, Альба, Медина, Оливаресъ, словомъ, все вельможи того времени усердно искали его общества.

Поэтъ былъ, какъ кажется, довольно близокъ съ королемъ Филиппомъ I, такъ же занимавшимся драматическою поэзиею. Часто король и Кальдеронъ представляли вмѣстѣ импровизированную комедію.

Если Испанія въ XVII вѣкѣ лишилась своего политического могущества, то никакъ не пала въ отношеніи наукъ и искусствъ, и эту эпоху справедливо можно назвать второю половиной ея золотаго вѣка. Развитіе ума и воображенія, начавшееся въ XVI столѣтіи, продолжалось съ болышею силою. Вездѣ, въ Мадрітѣ, Севильѣ, Валенсіи, появлялись великие поэты, славные живописцы, знаменитые музыканты. Эта эпоха была—временемъ Сервантеса, Лопе-де-Веги, Кальдерона; временемъ Веласкеса и Мурильо, великихъ художниковъ. Притомъ и покровительство просвѣщенаго государя, любившаго художества, словесность и театръ, могло еще болѣе одушевить гений поэта, знакомаго со свѣтомъ и стремившагося къ славѣ.

По извѣстіямъ, болѣе или менѣе точнымъ, Кальдеронъ написалъ: сто - двадцать комедій или свѣтскихъ сочиненій, съ благополучною или несчастною развязкою; сто актовъ таинствъ (*autos*), двѣсти хвалебныхъ гимновъ (*loas*); сто интермедій; поэму на вѣздѣ королевы Маріи - Анны австрійской въ Испанію; поэму на всемирный потопъ; поэму въ честь живописи; поэму въ защиту комедіи; и безчисленное множество пѣсенъ, сонетовъ, романсовъ и пр. и пр. Изъ всѣхъ этихъ сочиненій осталось только сто восемь комедій и семьдесятъ-два *autos*, съ ихъ прологами (*loas*).

Изобрѣтательность Кальдерона, хотя не столь плодовитая, какъ у Лопе-де-Веги, весьма замѣчательна. Правда, Лопе-де-Вега написалъ полтараста комедій, но сюжеты у Кальдерона, по моему мнѣнію, гораздо полнѣе. Такъ, напримѣръ, комедія его: *Не шутите съ любовью* (*No ay burlas con el amor*) дала Мольеру мысль и много частныхъ подробностей для комедіи *Les femmes savantes*; то же творение послужило Скрибу сюжетомъ для его двухъ лучшихъ пьесъ, и въ немъ еще найдеть сюжеты для комедіи тотъ, кто умѣеть ихъ находить, какъ Мольеръ и Скрибъ.

Ходъ дѣйствія въ твореніяхъ Кальдерона различный, смотря по тому, шуточная или высокая комедія.

Межу шуточными комедіями Кальдерона есть одна: *Дѣло случая*. Это название авторъ могъ бы дать всѣмъ своимъ легкимъ комедіямъ, потому что во всѣхъ случаѣ управляетъ происшествіемъ, по случаѣ остроумный и часто коварный. — Молодой испанскій кавалеръ, волокита, только-что прѣхавшій изъ Фландріи или изъ Италии, отыскиваетъ ночью квартиру друга, у котораго онъ хотѣлъ остановиться. Вдругъ передъ нимъ является дама и дрожащимъ голосомъ проситъ его защиты; учтивый кавалеръ предлагаетъ свои услуги, и провожаетъ даму до ея дома. Случилось такъ, что дама эта — сестра его друга. Еще случилось, что этотъ другъ влюбленъ въ даму и что она невѣста прѣхавшаго кавалера. Сверхъ того, есть еще третій кавалеръ, влюбленный безнадежно въ даму, бывшую вечеромъ по улицамъ Мадрита, не упомню за какимъ дѣломъ. Изъ этого проис текаютъ всѣ возможные случаи; двухъ дамъ подъ вуалями принимаютъ одну за другую; одинъ изъ волокитъ прячется, услышавъ шумъ, другой находитъ его и заставляетъ обнажить шпагу; къ счастію подоспѣваетъ братъ. Наконецъ, послѣ множества ошибокъ и недоразумѣній, все улаживается двумя или тремя свадьбами, не считая свадьбы лакея съ служанкою. Вотъ драматическое содержаніе легкихъ комедій Кальдерона, который самъ, часто обращаясь къ публикѣ, въ своихъ комедіяхъ, сознавался, что романіческія приключенія — главныя двигатели и стихіи его комедій. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ нихъ, лицо, обязанное спрятаться, говорить публикѣ: «Это походитъ на комедіи дона Педро Кальдерона, и уже въ такомъ случаѣ, конечно, надо кому-нибудь спрятаться.» Или, въ другой. «Неужели» говоритъ слуга, принужденный быть свидѣтелемъ дуэли, «мы за этимъ прѣхали въ Мадритъ?» — «Да», отвѣтъ другой, «это одна изъ сценъ великаго поэта, большаго охотника до шпаги» и пр. Вотъ случаи, наиболѣе встрѣчающіеся въ комедіяхъ Кальдерона.

Впрочемъ, не смотря на всѣ эти приключенія, прятанья, поединки, едвали можно найти комедіи, лучше тѣхъ, какія написалъ Кальдеронъ. Много разъ твердили о трудности слѣдовать за ходомъ испанской комедіи; трудность эта действительно встрѣчается во множествѣ пьесъ, въ которыхъ авторы вставляли безчисленное множество дѣйствующихъ лицъ, проходящихъ мимо публики, не давъ ей раз-

смотрѣть ни своей физиognomіи, ни своихъ отношеній другъ къ другу. Но этого нѣтъ у Кальдерона, и комедіи его, несмотря на богатство и разнообразіе украшеній, похожи на арабскіе замки, архитектуры легкой, воздушной, прозрачной, какіе до сихъ-порѣ еще существуютъ въ Испаніи.

Случай, играющій столь важную роль въ легкихъ комедіяхъ, умѣряетъ свою силу и власть въ комедіяхъ высокихъ. Чѣмъ болѣе твореніе походитъ на драму, тѣмъ болѣе зависятъ случаи и приключенія отъ характера, страстей и взаимнаго столкновенія дѣйствующихъ лицъ. По моему мнѣнію, въ этомъ отражается и глубокое знаніе людей и глубокое изученіе искусства.

Кальдеронъ вообще слѣдовалъ пітицѣ Лопе-де-Веги, но развивалъ идею по своему собственному способу. Обыкновенно Лопе-де-Вега излагаетъ сюжетъ въ двухъ или трехъ сценахъ; Кальдеронъ, напротивъ, выражаетъ его въ разсказѣ, иногда слишкомъ длинномъ. Я предпочитаю методу Кальдерона. Хотя она не такъ жива, не такъ сильно поражаетъ зрителя, но за то даетъ поэту болѣе средствъ соблости прогрессію дѣйствія, которая необходима всякому драматическому творенію.

Наконецъ, говоря о методѣ Кальдерона, слѣдуетъ указать на необыкновенное искусство, съ которымъ онъ приводить дѣйствующихъ лицъ въ какое-нибудь неожиданное положеніе — театральный эффектъ. Современники поэта замѣтили это искусство и удачные эффекты называли Кальдероновскими. Дѣйствительно, смотря на Кальдерона съ этой точки зрѣнія, слѣдуетъ признать его не только первымъ драматическимъ писателемъ Испаніи, но и первымъ драматургомъ всѣхъ временъ и народовъ.

Характеры и страсти, въ большей части комедій Кальдерона, изображены общіе. Мужчины (первые любовники) — всегда волокиты, прѣѣхавшіе изъ Италии или Франціи, горячіе, храбрые, любезные, всегда со шпагою въ руکѣ и любезностями на устахъ; женщины, — остроумныя и страстныя; старики причудливы, легковѣрны, но благородны, великодушны и совершенно — преданы дамамъ; слуга-шутъ (*gracioso*) — обжора, трусь, любопытный и болтунь, и наконецъ, служанка [*criada*] съ удивительной снисходительностью помогаетъ успѣшному ходу любовной интриги своей госпожи. Вотъ дѣйствующія лица, немнogo одностороннія, легкихъ комедій Кальдерона.

Но не думайте, что Кальдеронъ изображалъ только эти общіе характеры; напротивъ, почти во всѣхъ его историческихъ и высокихъ комедіяхъ много прекрасно созданныхъ характеровъ; таковы многія лица въ *Саламейскомъ Акадѣмъ*, маркизъ де-Барласонъ въ *Осадѣ Бреды*, Маріанна въ *Тетрапархѣ Ерусалимскомъ*, и другія. Всѣ эти лица прекрасно очертаны и имѣютъ особенную, только имъ принадлежащую, личность: довольно видѣть ихъ одинъ разъ, они не изгладятся изъ памяти.

Но въ особенности нравились Кальдерону два типа, которые требуютъ особаго описанія.

Первый типъ — женщины *тиу тугер*, какъ говорятъ испанцы, и который, въ нашихъ нравахъ, довольно близко подходитъ къ такъ-называемымъ *Львицамъ*. *тиу тугер* — женщина страстная, пренебрегающая всѣми препятствіями для достиженія своей цѣли. Типъ этотъ, послужившій Корнелью образцомъ для его *«Adorables furies»*, чисто испанскій и принадлежитъ **XVI** вѣку.

Другой типъ Кальдерона, весьма замѣчательный, олицетворенъ въ нѣсколькихъ изъ его высокихъ комедій, основанныхъ на чувствѣ чести (*point d'honneur*); это герой, онъ благодаренъ и великодушенъ, но въ случаѣ нужды хитеръ, скрытенъ, и готовъ безъ сожалѣнія пожертвовать всѣмъ въ мірѣ и самимъ собою, если честь его будетъ оскорблена. Этотъ типъ также принадлежитъ Испаніи **XVI** и **XVII** столѣтій, и, если не ошибаюсь, выражаетъ вліяніе индивидуального характера Филиппа II на характеръ Испаніи. Читая пьесы *Тайное Оскорблѣніе* или *Докторъ своей чести*, и представляя себѣ, мрачнаго и суроваго Кальдероновскаго героя, я невольно вспоминаю Филиппа II-го, сказавшаго, на смертномъ одрѣ, врачамъ, которые боялись пустить ему кровь: «неужели вы боитесь выпустить нѣсколько капель крови у человѣка, такъ много проливавшаго ее изъ-за еретиковъ!»

Отчего же, спросите вы, Кальдеронъ, столь искусный въ изображеніи характеровъ, такъ хорошо изучившій людей, въ продолженіе своей дѣятельной жизни и своихъ путешествій, не очертилъ болѣе рѣзкими особенностями характеры дѣйствующихъ лицъ въ своихъ комедіяхъ? — Отвѣтъ очень простъ: онъ этого не хотѣлъ, — и не хотѣлъ потому, что считалъ это бесполезнымъ. Мы уже сказали, что въ этихъ комедіяхъ, случай, слѣпой случай расположилъ

гаеть вѣмъ, и что актеры не имѣли никакого вліянія на ходъ пьесы. Кчему же послужило бы создавать характеры? Да, наконецъ, станетъ ли зритель, увлеченный разнообразными и непредвидѣнными приключеніями, заботиться о нихъ?

Изъ всѣхъ чувствованій въ твореніяхъ Кольлерона съ особыннымъ искусствомъ развита гордость, въ притомъ, оскорблена гордость. Выпишемъ, для примѣра, отрывокъ изъ пьесы *Орудія красоты*. Сюжетомъ для этой пьесы взятъ Коріоланъ, только съ большими измѣненіями историческихъ фактовъ.

Коріоланъ, молодой волокита, произвелъ возмущеніе въ народѣ, потому-что Сенатъ обнародовалъ законъ, запрещавшій женщинамъ употреблять румяны и драгоцѣнныя украшенія. Такъ-какъ во время бунта одинъ изъ сенаторовъ былъ убитъ, то Коріолана присудили къ изгнанію. Коріолану объявили сентенцію суда, въ то самое время, когда ему на Форумъ торжественно воздавали почести; три сенатора подошли къ нему и сняли съ него лавровый вѣнокъ. Въ продолженіе этого разоблаченія, Коріоланъ хранилъ мрачное безмолвіе. Но когда докладчикъ (*relator*) объявилъ ему, что вооруженный отрядъ немедленно выведетъ его за границу римскихъ владѣній, онъ окнувшись грознымъ взоромъ окружающіе памятники и сказалъ: «И такъ, неблагодарная отчизна, ты изгоняешь меня въ степи, какъ хищнаго звѣря, но трепещи! . . . подобно хищному звѣрю возвращусь я и брошусь на своего владыку!» Но прочтите лучше Кальдерона, и вы тогда убѣдитесь, что испанцы могли обожать поэта, такъ сильно выражавшаго ихъ отличительный характеръ.

Отрывокъ этотъ показываетъ намъ отчасти, какъ Кальдеронъ искажалъ исторические факты. Во всѣхъ пьесахъ, которыхъ сюжеты заимствованы поэтомъ изъ мифологіи и греческой или римской древности, онъ самъ составляетъ мѣстный колоритъ и безъ пощады измѣняетъ факты и нравы. Герои его пьесъ—Ассуръ или Александръ, Сципіонъ или Каріоланъ, всѣ до одного, испанцы, волокиты—всегда въ плащѣ, при шпагѣ, щекотливые въ дѣлахъ чести и поклонники женщинъ.

Эта невѣрность костюма была причиною, что критики

начали кричать, что Кальдеронъ, неизѣжда, что онъ, хотя и знакомъ съ древними языками, но не имѣетъ понятія о народахъ, говорившихъ на этихъ языкахъ. Да развѣ можно изучать древній языкъ, не знакомясь, въ тоже время, съ нравомъ народа; развѣ поэтъ, будучи въ Саламанкѣ, не читалъ тѣхъ же историковъ латинскихъ, какіе и теперь существуютъ; развѣ долгое пребываніе въ Италии, среди образцовыхъ памятниковъ живописи и скульптуры, не могло усовершенствовать классическое образованіе Кальдерона?

Вспомнили бы лучшіе исторію своей литературы французскіе критики, возстававшиѣ такъ сильно противъ неизѣжства и варварства Кальдерона, Лопе-де-Веги и Шекспира. Не говоря уже о среднихъ вѣкахъ, когда французскіе романсты, прославляя подвиги Ахилла и Гектора, давали имъ идеи, нравы и одежду своего времени, — то же дѣлали и живописцы и валтели. Не говоря уже о романахъ, изданныхъ въ первой половинѣ XVII-го вѣка, въ которыхъ, какъ сознается самъ Буало, Катона изображала волокитою, а Брута — дамскимъ угодникомъ; — посмотримъ, сохранили ли знаменитые французскіе писатели и классики историческую вѣрность во времена Людовика XIV, въ самую блистательную эпоху славнаго вѣка? Не забылъ ли Фенелонъ древнія времена, описывая гротъ Калипсы, убранный раковинами и каменями и совершенно похожій на версальскія чудеса? Точно также и Корнель и Расинъ, въ своихъ лучшихъ твореніяхъ отступили — первый — отъ нравовъ римлянъ, такъ славно имъ изученныхъ, а второй — отъ генія Греціи, которымъ онъ былъ совершенно проникнутъ,

Не для того, чтобы нравиться народу, не довольно образованному, но чтобы дѣйствовать на него, поэтъ драматический долженъ быть изображать людей и события красками понятными народу; это особенно необходимо было въ Испаніи во времена Лопе-де-Веги и Кальдерона, когда народъ, не смотря даже на неудачи, которымъ онъ уже часто подвергался, все еще гордился своимъ величіемъ, своею славою, вѣровалъ въ свое назначеніе, въ свою будущность — такъ же чисто-сердечно, какъ вѣровалъ въ Бога. Ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ не видѣлъ онъ ничего достойнаго сравненія съ собою, а потому и не терпѣлъ, чтобы на сценѣ являлись идеи, нравы и костюмы не испанскіе. Вотъ что заставляло драматурговъ того времени, обрабатывая чуже-

сторонные сюжеты, пренебрегать историческою точностью.

Въ отношеніи слога и формы, Кальдеронъ имѣть въ качества искусснаго писателя; слогъ его въ высшей степени изящный, а полетъ мысли высокій; но у него есть также и свои недостатки: привычка запутать интригу, бросить въ глаза ослѣпительный блескъ эффектовъ и подекламировать.

Желаніе поострить было со стороны Кальдерона неизвѣстною уступкою всеобщей модѣ. Онъ послѣдовалъ, въ этомъ случаѣ, примѣру Лопе-де-Веги, который, осмѣявъ дурное направление вкуса, самъ ему покорился.

Сравненія и затѣйливыя метафоры, въ которыхъ очень часто встречаются солнце и звѣзды, почти необходимы для его комедій. Онъ вставлены въ разговоръ любовниковъ, ухаживающихъ за незнакомыми дамами, закрытыми вѣдьмой.

Что же прикажете говорить этимъ волокитамъ въ такомъ затруднительномъ положеніи?

Положеніемъ дѣйствующихъ лицъ объясняется и витѣство Кальдерона. Напр. въ *Alcade de Salamea*, Изабелла, на развѣтѣ, послѣ жестокаго оскорблениія, нанесенного ей въ лѣсу, является на сцену въ изодранной одеждѣ, съ распущенными волосами, и въ отчаяніи говоритъ: «Зачѣмъ увижу я день, который освѣтитъ мое поруганіе!... Звѣзды, не исchezайте! Зачѣмъ смеяетесь вы зарею; улыбка и слезы ея не сравнятся съ вашимъ скромнымъ блескомъ; и если уже необходимо ей показаться, то пусть скроетъ она свою улыбку и покажетъ только свои слезы....» Конечно, монологъ этотъ слабъ, холоденъ для положенія, въ какомъ находится Изабелла; но какъ же разскказать ей тайну стыда своего двумъ тысячамъ зрителей, устремившимъ на нее свои взоры, когда она едва ли смѣеть повѣрить эту тайну даже своей матери, закрывъ себѣ лице руками. И такъ условія сцены и театральныхъ эффектовъ извиняютъ витѣеватость, которая была бы неумѣстною въ сочиненіяхъ, назначенныхъ единственно для чтенія.

Шекспиръ поступаетъ почти такъ же. Всякій разъ, когда надо разскказать публикѣ происшествіе, онъ употребляетъ вычурныя фразы, не смотря на положеніе, въ какое поставленъ въ свѣтъ рассказывающій; такъ, въ *Макбетѣ*,

солдатъ очень высокопарно объявляетъ о побѣдѣ Макбета и Банко надъ норвежскимъ королемъ. Поэтъ опасался, вѣроятно, чтобы событіе не лишилось своей важности, если оно будетъ разсказано языкомъ, свойственнымъ простолюдину.

Въ сочиненіяхъ Кальдерона часто встрѣчаются слова—*рокъ, фортuna, звѣзда*, напоминающія фатализмъ древнихъ и предопределѣніе мусульманъ. Илеи, выраженный этими словами, не принадлежать собственно Кальдерону: соотечественники его часто доказывали своими поступками, что вѣрють въ эти идеи. Но изъ всѣхъ драматическихъ писателей, Кальдеронъ болѣе другихъ вводилъ въ свои творенія идею фатализма.

Въ отношеніи къ версификаціи, Кальдеронъ не такъ разнообразенъ, какъ Лопе-де-Вега, употреблявшій, попеременно, и всегда съ одинаковою легкостью, всѣ размѣры. Но онъ гораздо выше его и всѣхъ испанскихъ поэтовъ въ стихахъ осмыслилочныхъ или романовыхъ (*redondilla*), которыми онъ владѣеть съ удивительнымъ искусствомъ.

Стихи эти, пылкіе и быстрые, льются, какъ звучный потокъ и увлекаютъ чудной гармоніей.

Знаменитый литераторъ, Мартинецъ де-ла-Роза сожалѣлъ, что Кальдеронъ, владѣвшій удивительнымъ искусствомъ подмѣтать и передавать смѣшную сторону людей, не давалъ комедіямъ своимъ нравственной цѣли. Я не раздѣляю этого сожалѣнія. У всякаго народа свой театръ, у всякаго поэта—свой гений. Удѣль Испаніи и Кальдерона—сильные эффекти, сильныя ощущенія, страстная любовь; — изображеніе же пороковъ и общественныхъ недостатковъ было удѣломъ Франціи и Мольера.

Другіе писатели, опираясь на любовныя приключенія, служація основаніемъ комедій Кальдерона, пошли еще дальше въ своихъ странныхъ нападкахъ: они обвинили его въ желаніи развращать нравственность. Разумѣется, критика такимъ образомъ оцѣняющая игру воображенія и до такой степени незнакомая съ привилегіями искусства, не заслуживаетъ возраженія. Кальдеронъ, предчувствуя нападки, опровергъ ихъ самимъ приличнымъ образомъ, заставивъ сказать одно изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, осмѣянное женщиной: «Да будуть прокляты комедіи, научившія этому плутовству; — оно вовсе не существовало бы безъ нихъ!»

Вотъ сужденіе наше о комедіяхъ Кальдерона вообще. Об-

ратимся теперь къ мистеріямъ. Мы уже объяснили, что такое auto: это родъ аллегорической драмы. Обыкновенно, дѣйствующія лица въ нихъ—Вѣра, Милосердіе, Грѣхъ, Природа, Гудейство и Язычество. Въ этихъ сочиненіяхъ, поэтъ старается растолковать тайну судьбы, выставляя безуміе нашихъ страстей, притязанія и ничтожество человѣческаго разума.

Новѣйшіе критики, столь несогласные между собою въ сужденіяхъ о Кальдеронѣ, расходятся въ мнѣніяхъ и о достоинствѣ его autos. Шлегель, обширныя познанія котораго соединены съ умомъ и пылкимъ воображеніемъ, отзываетъся объ autos съ восторгомъ. Сисмонди говорить о нихъ съ холодностью, похожею на пренебреженіе. Мы полагаемъ, что нельзя надивиться величественнымъ красотамъ этихъ твореній, хотя, сознаемся, что встрѣчаемъ въ нихъ много страннаго.

Кальдеронъ былъ послѣднимъ испанскимъ драматургомъ; послѣ него и его учениковъ, испанская комедія исчезла безвозвратно. Догадливые писатели приписывали инквизиціи упадокъ испанскаго театра, блеставшаго цѣлое столѣтіе: мы, ненавидя, можетъ быть, болѣе, чѣмъ кто-либо это гибельное учрежденіе, не считаемъ однако-же его виновнымъ въ этомъ новомъ преступленіи. Когда начались первые опыты испанскаго театра? — въ послѣднихъ годахъ XV-го вѣка, но въ это же время учреждена и инквизиція. Во вторыхъ: когда особенно процвѣтала испанская литература, и преимущественно комедія? — Во второй половинѣ XVI-го и въ первой XVII-го вѣка, именно въ то время, когда инквизиція пользовалась наибольшою властію. Наконецъ, кто самые знаменитые драматические писатели Испаніи? — Лопе-де-Вега, Монтальбанъ, Кальдеронъ, Тирсо де-Молина, Морето и Солисъ. Изъ нихъ, Лопе-де-Вега принадлежалъ инквизиції, Монтальбанъ, самый любимый ученикъ его, былъ секретаремъ инквизиціи, а Кальдеронъ, Тирсо, Морето и Солисъ были духовнаго званія и потому довольно близки къ инквизиції. — Это ясно доказывается, что не инквизиція убила комедію въ Испаніи.

Что же было причиной внезапнаго паденія комедіи въ Испаніи? Ее убило то-же, что убило словесность и искусства другихъ, не менѣе славныхъ, народовъ.—Отчего въ Аѳинахъ, спустя пятьдесятъ лѣтъ по завоеванію ихъ македонянами, не было болѣе ни великихъ философовъ, ни историковъ,

ни поэтовъ, ни знаменитыхъ ораторовъ? Отчего, въ Римѣ, паденіе литературы послѣдовало тотчасъ послѣ Августа? — Отчего въ Италии, гдѣ процвѣтало такъ много школъ живописи, искусство этопало послѣ Сальватора — Розы? — Изъ особенныхъ же причинъ, имѣвшихъ вредное влияние на испанскую комедію, мы укажемъ на двѣ: сильное ханжество короля Карла II-го и, въ особенности, вступленіе Филиппа V-го на испанскій престолъ.

Народность и любовь къ отечеству были главными свойствами испанскихъ поэтовъ. Ни отчизна ихъ, ни они сами не подвергались чужестранному влиянию. Но, со вступлениемъ на престолъ Испаніи внука Людовика XIV-го, утвердились на полуостровѣ французскіе нравы и понятия, и совершенно иная система драмы; съ Пиренеями исчезла испанская комедія.

Замѣчательно, что испанскій театръ, при всей своей оригинальности и народности, оплодотворилъ театры всей Европы и, въ особенности, Кальдеронъ имѣлъ сильное влияние на ея драматическую литературу. Большая часть французскихъ поэтовъ XVII-го столѣтія подражали Кальдерону, или сюжетомъ пьесы или развитиемъ какого-нибудь качества; даже, въ XVIII вѣкѣ, Бомарше заимствовалъ у него эффектныя сцены и положенія. Еще при жизни своей, Кальдеронъ составлялъ пищу англійскаго театра. Въ XVII вѣкѣ, онъ вдохновлялъ итальянскихъ поэтовъ и, въ числѣ прочихъ, знаменитаго Гоцци. Наконецъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, славнѣйшия писатели и поэты Германіи, въ главѣ ихъ Гёте и Шлегель, переводили Кальдерона или подражали ему. Какъ долженъ быть великъ поэтъ, кото-
рого созданія были наслажденіемъ для народовъ столь различныхъ по духу, направленію и характерамъ!..

МУЗЫКАЛЬНАЯ

ЛІТОШІСЬ.

—
ПЕТЕРБУРГСКИЕ КОНЦЕРТЫ.

Когда музы плача и смѣха закрываютъ свой храмъ, или говоря языкомъ современности, свою мелочную лавочку, болѣе дѣвственныя и цѣломудренныя ихъ сестры, музы гармоніи и мелодіи, распахиваютъ двери концертныхъ залъ, для наслажденій болѣе отчетливыхъ и эстетическихъ. Но въ нашъ индустриальный вѣкъ нѣтъ святыни, которой не осквернила бы мелкая промышленность своими корыстными руками. Что, кажется, можетъ быть чище и неприкосновеннѣе этого міра звуковъ, въ который только фантазія и чувство имѣютъ доступъ? Изъ всѣхъ выражений души человѣческой это самое чистѣйшее, самое *платоническое*, если можно такъ выразиться. Ни одинъ изъ грязныхъ помысловъ земли, ни одно изъ низкихъ ощущеній человѣческой природы, кажется не приїдеть себѣ звука въ этомъ источникѣ свѣтлыхъ, чудныхъ вдохновеній, которыя только одна высоко-настроенная душа можетъ вырвать у природы, чтобы снова отдать ихъ небу. Несмотря на то, мелкое торгашничество легкимъ достояніемъ усилиаго навыка, грубое ремесло искусства, (ибо каждое искусство, прежде, чѣмъ достигаетъ до права создавать и увлекать, должно

пройти ремесленную школу, должно искуситься во всѣхъ стеченияхъ своего цѣха,) и такъ, каждое грубое ремесло искусства порождаетъ своихъ недоучекъ—выскочекъ, своихъ шарлатановъ—геніевъ, своихъ торгашей—безъ призвания, которые подъ пышною вывѣскою — *артистовъ, высокаго искусства*, размѣняваютъ на мелкую монету свои издѣлія или жалкія способности! И ни вѣ одномъ искусствѣ это не встрѣчается такъ часто, какъ именно въ самомъ чистѣшемъ изъ нихъ, въ музыку. Всѣ остальные искусства просты, осязательны, недробны: слово и мысль можно понять, картину и статую разсмотрѣть, зданіе соразмѣрить глазомъ, одну музыку нельзя схватить на лету, нельзя удержать въ пространствѣ ни умомъ, ни воображеніемъ, она слишкомъ многосложна и быстра—для минутнаго впечатлѣнія. Трудно свѣрить въ одинъ моментъ всѣ инструменты и голоса съ силою ихъ значенія, при совокупномъ ихъ дѣйствіи на слушателя. Для этого нуженъ большой навыкъ, предварительное изученіе музыкальныхъ правилъ и тонкое эстетическое чувство. Этимъ одаренъ не каждый слушатель; большая ихъ часть довольны уже тѣмъ, что музыка на минуту пріятно щекочетъ ихъ ухо, и они не берутъ труда проникать въ таинственный смыслъ ея значенія. Это-то и съ руки шарлатанъ: ихъ нескоро поймаютъ съ ихъ музыкальной контрабандою, и они всегда составлятъ себѣ родъ авторитета, въ болѣе или менѣе тѣсномъ кружку невѣждъ и легковѣрныхъ. Преслѣдовать этихъ неприванныхъ барышниковъ, гнать торгашей изъ храма искусства, прихлопывать алчныхъ наськомыхъ, которыхъ роятся въ тучи и затемняютъ собою чистое сіяніе вдохновенія, — вотъ истинное призваніе музыкальной критики.

Но что можетъ сдѣлать критика противъ злоупотребленій, которыя закрадываются въ музыку, такъ же, какъ и во всѣ лучшіе учрежденія и замыслы человѣческіе? Она взмахнетъ своимъ карающимъ жезломъ: рой нечистыхъ наськомыхъ разсѣется на минуту и потомъ снова зажужжитъ съ болѣшею силою. И притомъ, въ состояніи ли одно основательное и добросовѣтное сужденіе, подкрепленное всѣми доводами логическими и эстетическими, истребить господствующее зло, когда десятки другихъ критическихъ органовъ, или непосвященныхъ въ таинства настоящаго искусства, или увлекаемыхъ односторонностью и устарѣлостю взгляда, или, наконецъ, подкуп-

ленные ласкательствомъ, лестью и пронырливостю мелкихъ промышленниковъ и шарлатановъ, курятъ имъ оиміамъ и прословляютъ ихъ отрицательныя достоинства? Если нѣтъ основательной и общей опоры мнѣнія, не можетъ быть и единства въ сужденіяхъ, и искусство никогда не получитъ должнаго направлениія. Въ другихъ странахъ, гдѣ мнѣнія объ искусствахъ установились на незыблемомъ основаніи, гдѣ они получили систему науки, все неподходящее къ принятymъ началамъ отвергается всѣми безъ изъятія. У насъ этого пока еще нѣтъ; мы далеко отстали въ образѣ нашего воззрѣнія отъ эстетическихъ французовъ, отъ строгихъ немцевъ, отъ итальянцевъ, урожденныхъ художниковъ. У насъ, въ области искусствъ хаосъ, вѣчное противорѣчіе и нѣтъ точки, на которую могъ бы опереться артистъ или зритель и служитель, для дальнѣйшаго своего развитія. Въ русской критикѣ все перемѣшано въ лирическомъ беспорядкѣ, безъ всякой завѣтной мысли, безъ всякаго благого намѣренія, безъ всякой цѣли; она болѣе всего любить

того-сего, пленительную смѣсь!

и держится мнѣнія, что

Господь, давъ волю процвѣтать
Рѣпью и розѣ, и крапивѣ,
Хотѣль, чтобы на житейской нивѣ
Пришлося намъ поиспытать
того—сего!

Но Господь, въ тоже время, далъ человѣку свѣтъ разума, силу воли и обаяніе чувства, чтобы не смѣшиваться на житейской нивѣ добра со зломъ, розы съ крапивою; онъ научилъ его укрощать заблужденіе страсти—силою закона, заблужденіе искусства—силою эстетическаго чувства.

Отчего Европа произвела такихъ великихъ артистовъ, какъ Моцартъ, Бетховенъ, Майеръ-Бертъ, Галеви, Рубини, Гризи, Лаблашъ, Тамбурини, Зонтагъ, Линдъ, и проч? Оттого, что она прежде всего требовала отъ нихъ способностей, а потомъ строгой подчиненности законамъ искусства. Достигнувъ крайней точки требуемаго, эти великие артисты перешли ее силою

своего генія, могуществомъ своего творчества и, своимъ собственнымъ усовершенствованіемъ, усовершенствовали и науку объ изящномъ, улучшили и самые законы искусства. Но блюстительницею этихъ законовъ всегда была неподкупная, сознательная, безпощадная критика; она пилила и гранила самородки до тѣхъ поръ, пока обратила ихъ въ алмазы.

Таковъ законъ артистического совершенствованія: человѣка должно побуждать къ изслѣдованию всѣхъ его духовныхъ силъ и къ ихъ развитію, а не убаюкивать его самодовольство при первомъ успѣхѣ. Самолюбіе главный рычагъ въ артистѣ; оно побуждаетъ его превзойти другихъ своимъ творчествомъ, но оно не всегда избираетъ должные пути и средства для достижениія цѣли; притомъ самолюбіе скорѣе всего утомляется и готово отдыхать на лаврахъ при первой удачѣ. Дѣло критики—указывать артистическому самолюбію настоящую, законную дорогу и безпрестанно держать его въ напряженіи. Чѣмъ выше способности и дарованія художника, тѣмъ требовательнѣе къ нему должна быть критика. Но критика прежде всего должна заслужить его уваженіе своей основательностію и беспристрастіемъ. Она не должна одинаково выражаться о человѣкѣ, отъ которого искусство можетъ многое выиграть, и о скамарохѣ, который выбралъ артистическое по-прище потому только, что оно показалось ему прибыльнѣе. Жалкую посредственность надо устранить, чтобы она не мѣшала ходу людей съ истиннымъ призваніемъ. Должно всегда передъ лицомъ публики показывать лицевую сторону и оборотъ медали: вотъ какъ должно быть дѣло и вотъ какъ оно есть; вотъ человѣкъ, который душою постигаетъ свое назначение, и вотъ труженикъ, обуреваемый жалкою страстишкой прослыть артистомъ; вотъ произведеніе великое, вѣковое, и вотъ пошлая мелочь, которую не должно даже причислять къ художественнымъ произведеніямъ; вотъ артистъ, который вносить новыя идеи, новыя стихіи въ музыку, а вотъ шарлатанъ, который даже не понимаетъ давно установленныхъ правилъ.

Высказывайте истину — рѣзко, горько; действительный артистъ ею не оскорбится и въ глубинѣ души сознаетъ ваше убѣжденіе; мелочной ремесленникъ искусства — убоится ся и обратится вспять. Въ обоихъ случаяхъ искусство въ чистомъ выигрышѣ.

Но музикальная критика не всегда такъ действуетъ, по крайней-мѣрѣ, у насъ, и потому изъ ея мнѣній нельзя сдѣлать вывода положительного для теоріи искусства, нельзя составить нить, которой должны держаться наши артисты для достижения своей цѣли. Въ сужденіяхъ о талантахъ у насъ сталкиваются иногда имена и заслуги, во всѣхъ отношеніяхъ несходныя и даже противоположныя другъ другу, какъ вода и огонь, звѣзда и минераль, орель и утка. Автора пятишести романтиковъ критика наша надѣляетъ народностю; сочинителя дюжину дюжинныхъ голошовъ и полектъ славою Майера-Бера; плохаго скрипача, умѣющаго выдѣлать кой-какія штучки на одной струнѣ,—ставить на ряду съ Оле-Булемъ и Вьетаномъ; какого-нибудь фортепьяннаго учителя — превозносить, какъ новаго Фильда и Шопена; композитора плохой оперы, не постигающаго даже значенія человѣческаго голоса, — воздвигаетъ наль Моцартомъ и Россини. Какъ въ литературной критикѣ мы не разъ встрѣчали рядомъ имена Тимофеева и Гёте, Кукольника и Шиллера, Ленскаго и Беранже, Караталина 2-го и Скриба, Полеваго и Шекспира, Гоголя и Гомера, такъ и въ музикальной подобныя же крайности сводятся вмѣстѣ, для доставленія славы людямъ, болѣе чѣмъ ничтожнымъ, въ строгомъ эстетическимъ смыслѣ.

Намъ случалось читать въ журналахъ мнѣнія, отъ которыхъ сердце приходило въ содроганіе и невольно обливалось кровью. Одинъ критикъ, на-примѣръ, желая воздвигнуть Вандомскую колонну своему клиенту, автору весьма неудачной оперы, всклепалъ на него, будто онъ изобрѣлъ драматический речитативъ. Бездѣлица! Критикъ не слыхивалъ никогда о Колумбѣ драматического речитатива, о великому Глукѣ, онъ не вникалъ никогда въ речитативы Моцарта, онъ не понялъ даже «Роберта» Майера-Бера, который весь держится на драматическомъ речитативѣ, доведенномъ до pes plus ultra, и обвинилъ въ выдумкѣ бѣднаго композитора, который, въ невинности души своей, ничего въ музыкѣ не выдумалъ. Другой называлъ музыку «Руслана и Людмилы» скучною и ученую, которой нельзя слушать безъ зѣвоты, и въ которой ничего не поймешь. Третій за ученость въ партитурѣ выхвалилъ «Біанку и Гуальтьєро»

и говорилъ, что ее нельзя довольно наслушаться. Четвертый поставилъ г. Рѣзваго, (впрочемъ очень хорошаго знатока генераль – басса,) въ ряду съ Спонтини, какъ музыкального судію и какъ европейскій авторитетъ. Но тотъ – же критикъ писалъ, что г-жа Валькеръ напоминаетъ собою Каталані, Мару и Боргондіо; а у г-жи Зонтагъ діапазонъ голоса простирается на *два такта съ половиной*.

Всѣ эти сужденія, вмѣсто пользы искусству, должны только оскорблять сознательныхъ артистовъ, которымъ непріятно слушать преувеличенныя похвалы, болѣе похожія на горькую иронію, чѣмъ на оцѣнку ихъ таланта. Они скорѣе согласились бы выслушать строгіе упреки и указанія на ихъ промахи, хотя бы эти упреки были и не совсѣмъ лестны для ихъ произведеній; они помнили – бы, что

*Достойной похвалы невѣжда не умалить,
Но то не похвала, когда невѣжда хвалитъ!*

Одни критики, которые не хотятъ, или не могутъ дать себѣ отчета въ своемъ собственномъ возврѣніи на искусство и его современное состояніе, уклоняются, когда надо высказать мнѣніе о новомъ музыкальномъ явленіи; другіе хотятъ пустить пыль въ глаза непосвященныхъ въ дѣло – наборомъ техническихъ терминовъ, которые употребляютъ по большей части невѣдохъ; третыи, наконецъ, при сужденіи о русскомъ произведеніи, всегда увлекаются порывами своего ложно направленного патріотизма. Первые не разбираютъ сочиненія въ томъ видѣ, какъ оно предстало передъ публикою, не судятъ о немъ по впечатлѣнію, производимому имъ на слушателей, а говорятъ, что они сперва должны *изучить партитуру*. Что – жъ такое изучить партитуру? Просмотрѣть, нѣтъ ли въ ней промаховъ противъ контрапункта, хорошо – ли и правильно – ли комбинированы инструменты, и какъ расположены голоса. Это значитъ, иными словами: написана ли пьеса по всѣмъ правиламъ грамматики.

Но развѣ грамматика составляетъ духъ художественного творенія, которое только внутреннимъ своимъ содержаніемъ, своею мыслю, свѣжестью и оригинальностью ея выраженія, можетъ потрясать и увлекать слушателя? Какое дѣло слушателю, что то или другое мѣсто оперы написано не по принятой

формъ музыкальныхъ привычкъ, если оно энергически и приятно дѣйствуетъ на его душу, и на оборотъ, развѣ онъ простить грамматичности композитора, когда тотъ терзаетъ слухъ однообразнымъ безсмыслиемъ звуковъ и производитъ ломоту въ скатахъ отъ зѣвоты. Великие композиторы, какъ Моцартъ и Майеръ – Берь, отыскивали только естественныхъ звуковъ для своихъ вдохновеній, не спрашивая у грамматики позволенія выразиться такъ или иначе, а сами создавали новыя правила. Куда какъ хорошо было бы, еслибы всѣ наши авторы излагали свои мысли по рецепту порядочныхъ и беспорядочныхъ хрий, предписанныхъ риторикою Кошанского! Въ музыкѣ точно-то же. Для дарованія не должно существовать школьніхъ стѣсненій. Произведеніе, которое выставляется на судъ публики, должно дѣйствовать на массу – это цѣль его. Если же оно написано для однихъ контрапунктистовъ, то автора можно упрекнуть въ томъ, что онъ выбралъ неправильную форму для своего творенія: ему следовало бы написать музыкальную школу, а онъ взялся за оперу. Стало быть, отзывъ критика, что онъ не можетъ произнести своего сужденія, не изучивъ партитуры, ничто иное, какъ журнальная тактика, спасающая его отъ выраженія мнѣнія, котораго онъ не имѣетъ, или отъ высказанія истины, посредствомъ которой онъ боится потерять благопріятеля.

Что касается до наполненія статей техническими музыкальными терминами, это другая уловка, не менѣе первой замысловатая. Читатель не понимаетъ критика и подозрѣваетъ въ немъ глубину премудрости недосыпаемой; артистъ понимаетъ его вполнѣ и – въ душѣ надѣлъ смѣется.

На – счетъ критиковъ–патріотовъ надо сказать, что они не совсѣмъ вѣрно постигаютъ патріотизмъ и весьма некстати расточаютъ свои восторги.

Въ чёмъ состоитъ истинный патріотизмъ въ дѣлѣ искусства? Вѣроятно, въ желаніи, чтобы каждое художество процвѣтало въ отечествѣ, чтобы оно шло къ совершенству, чтобы оно стало у насъ выше, нежели у другихъ народовъ. Для этого отнюдь не надо поблажать капризамъ публики и артистовъ, не надо смотрѣть сквозь пальцы на ихъ недостатки и на ложное направлѣніе, которое они принимаютъ въ своемъ творчествѣ; не должно превозносить до небесъ того, что заслуживаетъ по-

рицанія. Напротивъ, надо выставлять имъ великихъ композиторовъ и исполнителей въ образецъ, указывать на ихъ достоинства и недостатки, чтобы они могли подражать первымъ и избѣгать послѣднихъ; надо знакомить ихъ съ современными взглядами и требованиями искусства, и чрезъ то заставить воспользоваться плодами вѣковыхъ, европейскихъ успѣховъ. Мы нисколько не будемъ оттого счастливѣе, искусства наши ничего не выиграютъ, если мы начнемъ увѣрять себя, что Буки-азъ - Ба - русскій Майеръ-Беръ, а Оита-ижица - Моцартъ или Спонтини, напротивъ, эти господа, пожалуй, повѣрятъ намъ на слово и, почтая себя свѣтилами музыкального міра, Гдѣ же тутъ патріотизмъ, когда восторгами, перелитыми черезъ край, можно только убить, а не развить доброе начало въ художникѣ? Къ чему ему трудиться, мыслить, изучать великие образцы, когда онъ, просто, безъ всякаго труда и знанія, можетъ прослыть геніемъ и достать себѣ печатное поклоненіе? Пусть лучше у насъ будутъ талантливые композиторы, за недостаткомъ геніальныхъ, но люди съ признаніемъ и добросовѣстностію, чѣмъ доморощенные Моцарты и Бетховены, жалкія пародіи на великихъ людей, пигмеи, которые таращаась въ великаны, смѣшатъ собою свѣтъ и набрасываютъ на насъ самихъ покровъ какого - то азіатскаго невѣжества. Видѣть успѣхи своего національнаго искусства очень пріятно; но восхищаться и тотчасъ тщеславиться и хвастать всяkimъ вздоромъ, который выливается изъ - подъ пера отечественнаго композитора, смѣшно, легкомысленно и даже вредно. Можно хвалить доброе намѣреніе, оцѣнить усиліе, но въ тоже время указывать на недостатки исполненія.

Такая уклончивость и доброхотность нашей музыкальной критики происходять не столько отъ незнаній, какъ отъ врожденной русскому человѣку лѣни и чистой добропѣтии. Зачастую, чтобы избавить себя отъ труда писать и размышлять, журналъ принимаетъ въ свои столбцы критики, написанныя самими артистами или ихъ пріятелями-граматеями. Эти герои не щадятъ для себя похвалъ и сравненій и поднимаютъ свои или пріятельскія издаѣлія, выше лѣса стоячаго и облака ходячаго. Въ другой разъ, журналистъ, вмѣсто эстетики, кладеть въ основу своего воззрѣнія филантропію: артистъ успѣлъ его разжалобить, какъ же не сказать добра слова, чтобы прима-

нить къ нему публику, «вѣдь у него жена и дѣти», вѣдь онъ только этимъ и живеть», какъ будто семейный бытъ и способъ продовольствования принадлежать къ музыкальной сферѣ, и могутъ служить аргументомъ для критики. По этой добродѣтельной логикѣ не спрашивается, за свое ли дѣло берется артистъ, есть ли у него дарование, можетъ ли онъ создать что-нибудь порядочное? Человѣколюбивая критика все ему прощаетъ, если только видѣть, что у него есть жена, дѣти и добродѣйочный желудокъ.

По этому-то мы часто видимъ объявленія о концертахъ и артистахъ, о которыхъ никому не снилось, и которыхъ знаменитость основана на однихъ фельетонныхъ объявленіяхъ. Къ несчастію, эти объявленія дѣлаются обыкновенно съ экстазомъ, какъ бы дѣло шло о всемирныхъ геніяхъ, украшаются заманчивыми сравненіями, такъ, что публика съ любопытствомъ спѣшить наполнять кассы концертистовъ и концертные залы, и только при выходѣ замѣчаетъ, что она была жертвою филантропического или патріотического увлеченія фельетона. Но публика помнить урокъ и смыкасть про себя: нѣтъ, впередъ меня не подѣнутъ. Изъ этого выходитъ, что концерты истинныхъ, геніальныхъ артистовъ, каковы Дѣлеръ, Блазъ, Эристъ — остаются пустыми, а люди, хоть и геніальные, по оборотливые, умѣющіе обѣльывать свои дѣлишки по части житейской и фельетонной, побрякиваютъ цѣлковиками и славятъ Аллаха и своихъ милостивцевъ.

Если заглянешь въ афиши и въ журналы, то, право, подумаешь не въ шутку, что Петербургъ первый городъ въ мірѣ по своей музыкальности. Гдѣ вы найдете столицу, на цѣломъ земномъ шарѣ, въ которой, въ теченіе пяти недѣль, давалось бы по два и по три концерта каждый день, а иногда и одинъ концертъ по два дня сряду, какимъ недавно угостила насы нѣкто синьюръ Давидъ? Г-жа Европа — вы знаете синьюра Давида? — Нѣтъ; и мы тоже, не смотря на то, мы два вечера глотали пригоршнями бездну музыки, которую онъ угощалъ насы. Такое обиліе концертовъ найдешь только въ Петербургѣ.

И не смотря на то, никогда не услышите вы, чтобы концерты, даже самого посредственнаго музыканта, были ему въ убытокъ. Напротивъ, концерты сдѣлались спекуляціей для

многихъ людейъ, которыхъ артистическая способности и творческія дарованія подлежать большому сомнѣнію. Всякая наставница пѣнія, каждый фортепианный учитель, всякий сочинитель пѣсенокъ и романсиковъ, каждый творецъ полекъ и мазурочекъ, почитаютъ себя въполномъ правѣ угостить публику концертомъ, составленнымъ изъ ихъ издѣлій и ихъ наличныхъ дарованіицъ, которыя такъ же, какъ и казна многихъ подобныхъ артистовъ, бываютъ часто въ значительномъ ущербѣ.

Но гдѣ же берется публика на всѣ эти концерты? Вотъ важный вопросъ, который приведеть въ замѣшательство и недоумѣніе всякаго, кто не посвященъ въ изидины таинства нашей общественной жизни. Что опера, сопряженная съ спектаклемъ, украшенная игрою великихъ артистовъ, великолѣпными декорациями, пышными костюмами, привлекаетъ всегда усердныхъ посѣтителей — это понятно; но какимъ образомъ концерты, обнаженные отъ всякой вѣнчаной приманки и назначенные только для одного чисто-музыкального наслажденія, могутъ привлекать слушателей?

Попытаемся разрѣшить эту загадку....

Межу петербургскою публикою найдется сотни полторы людей, душой и тѣломъ преданныхъ искусству, глубоко понимающихъ музыку; они лорожатъ каждымъ наслажденіемъ, которое она можетъ имъ представить: они готовы бѣжать хоть на край свѣта для одной трудной грудной нотки, которую береть г-жа Віардо или Рубини, въ той или другой аріи; они пойдутъ слушать каждого породочнаго пѣвца, скрипача, віолончелиста, чтобы сравнить ихъ съ Листомъ, Тальбергомъ, Оле-Булемъ, Гауманомъ, Вьетаномъ, Серве и проч. Всякая музыкальная извѣстность, добытая *натурою* или побычными средствами, для нихъ интересна: если она не доставляетъ имъ непосредственного удовольствія, такъ служитъ единицею для измѣренія высоты, на которой стоять представители того или другаго инструмента. Они пойдутъ слушать Гиза и Донлера, чтобы лучше оцѣнить достоинства и заслуги Оле-Буля, Эрнеста и Вьетана; они посѣтятъ концерты Гросса и Герке, чтобы постичь, до чего довели свой инструментъ Серве и Листъ, и т. д. За то этихъ людей вы встрѣтите во всѣхъ концертахъ, сколько-нибудь сносныхъ; лица ихъ до того вамъ при-

мелькаются, что наконецъ покажутся неизбѣжною необходимостию каждого добродорядочнаго концерта, такъ что вы перестаете ихъ напослѣдокъ считать за публику.

Второй классъ посвѣтителей концертовъ, — это такъ-называемые *аматеры*, которые увѣряютъ всѣхъ и каждого, что безъ музыки не могутъ существовать, какъ безъ хлѣба насущнаго, какъ безъ кваса роднаго. Всѣ они, болѣе или менѣе считаютъ себя музыкантами: одинъ поетъ модные романсы Рупини и Варламова, другой играетъ на фортепиано фантазіи Герца, у третьяго лоچъ *выводитъ* *верхнія нотки*, четвертый играетъ вторую скрипку на домашнѣхъ квартеахъ, пятый бралъ уроки у Фильда или Гензельта; шестой, наконецъ, самъ сочинилъ французскій кадриль или полынку, которая отпечатаны съ приличнымъ посвященіемъ и продаются во всѣхъ музыкальныхъ магазинахъ. Само собой разумѣется, что съ такими правами на музыкальность они не могутъ отсутствовать въ концертахъ: ничего-непонимающіе въ музыкѣ, при первомъ слuchaѣ, спросятъ ихъ мнѣнія, какъ у знатоковъ, о томъ или другомъ артистѣ, о той или другой музыкальной пьесѣ. Этотъ классъ гораздо многочисленнѣе въ Петербургѣ, чымъ можно предполагать.

Третій классъ — это *покровители талантовъ*, представители русской образованности, русского радушія и гостепріимства, цѣновщики дарованій — *капитальные*, люди съ высокъ, люди именитые и сановные, къ которымъ каждый прѣѣзжающій артистъ имѣетъ рекомендательныя письма со всѣхъ четырехъ странъ свѣта, и къ которымъ онъ лично развозить билеты за мѣсяцъ до концерта. Они являются въ концерты, чтобы своимъ присутствіемъ и своимъ одобрениемъ поддержать виртуоза. Кромѣ выгодъ существенныхъ, присутствіе такихъ лицъ приноситъ артисту и нравственную пользу. За каждымъ такимъ свѣтыломъ есть спутники, или, вѣрнѣ, *хвостъ*, подобострастующихъ поклонниковъ высокихъ достоинствъ своего представителя. «Смотрите», говорить одинъ, толкая тихо сосѣда: «какъ ихъ сиятельство изволять пріятно улыбаться и качаютъ головою. Видно отлично играетъ. Браво! браво!» — «Что жъ вы», говоритъ другой: «развѣ не видите, что его превосходительство изволять хлопать? Браво! форы! бисъ!» и *хвостъ* хлопаетъ такъ, что аплодисманы покрываютъ оркестръ. Ар-

тистъ почтительно раскланивается. «Я имѣлъ огромный успехъ», говоритъ артистъ послѣ концерта: «у меня была отборнѣйшая публика; хлопали и вызывали безъ умолку! — «Ахъ, душа моя!» говоритъ одинъ изъ хвоста своей сожительницы: «какъ жаль, что тебя не было! Какъ играетъ, разбойникъ, какъ играетъ.... То-есть, я тебѣ скажу.... нашъ совершенно въ восторгѣ.... Вотъ я изорвалъ бѣлыя перчатки.... да ужъ куда ни шло, за то отстоли!» — Такъ возьми меня въ слѣдующій концертъ, отвѣчаетъ супруга музыкального цѣнителя. «Эка ты!... вѣдь за двоихъ-то шесть цѣлковыхъ: шутка! Да еще эти, какъ они тамъ у васъ, что на голову-то накалываютъ.... да карету нанять... Нѣтъ! ужъ лучше посиди дома; я тебѣ все подробно буду разсказывать. Я пристально сижу за музыкой — глазъ не спускаю съ его превосходительства. За то при выходѣ они и говорятъ мнѣ, когда я отыскалъ ихъ лакея: А, Иванъ Карпичъ! ну что? какъ вамъ нравится? — «Оглично, ваше превосходительство!» — Вотъ видите, говоритъ, я не даромъ совѣтывалъ вамъѣхать въ этотъ концертъ.» — За тѣмъ цѣнитель таланта вездѣ только и говорить о разбойнике-артистѣ и въ свою очередь совѣтуетъ своимъ подчиненнымъ послушать его въ слѣдующій разъ.

Прибавьте къ этимъ главнѣйшимъ классамъ еще классъ людей, которые не знаютъ куда дѣваться съ своимъ вечеромъ иѣдутъ въ концертъ, чтобы убить время, — дамъ, которыхъ являются въ концертную залу, чтобы выказать свои наряды, — кавалеровъ, которые прїезжаютъ, чтобы полорнировать дамъ, — и огромное количество людей, обозначаемыхъ концертистами общимъ именемъ *гратисовъ*, т. е. бѣдныхъ музыкантовъ, инструментальщиковъ, музыкальныхъ торговцовъ, приятелей господъ участвующихъ въ концерте, которые все являются съ *даровыми билетами* — и вы получите огромную массу публики, наполняющую залу въ каждомъ концерте.

До-сихъ-поръ говорили мы о хорошихъ концертахъ. Но какъ же наполняются залы у нашихъ доморощеныхъ виртуозовъ, у тружениковъ нашихъ оркестровъ? Откуда набирается посѣтителей безчисленная фаланга учителей и учительницъ шѣнія и фортепьянной игры? Это дѣлается иначе. Положимъ г. NN. даетъ концертъ. Г. NN. учитъ у Марии Сергеевны, у Татьяны Ивановны, у Анны Петровны; онъ иногда аккомпанируетъ Поли-

нѣ Анатольевнѣ, когда она на своихъ вечерахъ угощаетъ аріей «Grace» изъ «Роберта», или итальянской каватиной Пасты; г. NN. играетъ въ квартетахъ аматера Погремушкина и громкимъ тушемъ покрываетъ его пискливыя ноты на скрипкѣ; у господина NN. есть ученики и ученицы во всѣхъ трехъ поколѣніяхъ петербургскихъ жителей, въ отживающемъ, живущемъ и грядущемъ. Г. NN., при усердныхъ поклонахъ и приличныхъ выраженіяхъ глубокагоуваженія къ музыкальнымъ способностямъ помянутыхъ особъ, награждается каждую изъ нихъ пачкой концертныхъ билетовъ. Чувствуя всю справедливость оцѣнки г. NN., помянутыя особы усердно развозятъ его билеты по знакомымъ. Горе вамъ, если въ это время вы встрѣтитесь на улицѣ или въ домѣ съ милой Марьей Сергеевной, съ прелестной Татьяной Ивановной, съ талантливой Полиной Анатольевной, или глубокимъ знатокомъ музыки Погремушкинымъ... Тутъ пѣть спасенія: волей или неволей, но вы завербованы въ концертъ г. NN. Напрасно, вы будете отговариваться дѣлами по службѣ, домашними обстоятельствами, болѣзни, даже вѣроятною смертию прежде концерта; ваше присутствіе совсѣмъ не нужно; необходимо только, чтобы вы взяли билетъ. Вы возмете билетъ—это вѣрнѣе смерти. Но этого мало. Господинъ NN. встрѣчалъ васъ разъ пять тамъ или тутъ, вы обмынялись съ нимъ тремя словами въ театрѣ, вы попросили у него закурить вашу сигарку на пароходѣ между Петербургомъ и Петергофомъ,—этого довольно. Г. NN. человѣкъ, весь пропитанный свѣтскостію, человѣкъ деликатный до высшей степени; онъ дорожитъ честью, которую вы ему оказывали, какъ онъ говоритъ, освѣдомясь о его здоровье, попросивъ у него огня. Передъ концертомъ, онъ находитъ всего приличнѣе отблагодарить васъ визитомъ и изъявить вамъ чувства глубочайшагоуваженія и всесовершенѣйшей преданности. Онъ привозить къ вамъ на домъ билетъ для васъ и десять для вашихъ друзей. Вы платите ему 120 рублей, проклинаете адрес—календари Истрема, гдѣ означены мѣста жительства каждого, и идете съ горя на проспектъ раздаривать его билеты первому встрѣчному шаPOCHному знакомому. Вы знаете напередъ, что каждый вашъ приятель добровольно лишить себя наслажденія слышать въ сто первый разъ плохія сочиненія и весьма посредственную

игру вашего клиента. А между тѣмъ, отъ господь NN. нѣтъ нигдѣ спасенія, и ихъ внимательность въ теченіе пяти велико-постныхъ недель становится вамъ вдесятеро убыточнѣе всѣхъ вашихъ музыкальныхъ наслажденій за весь годъ.

Напрасно думаете вы скрыться отъ нихъ въ гостяхъ, на улицѣ, въ самомъ отдаленномъ покое! Вотъ звѣнить вашъ колокольчикъ: вамъ подаютъ письмо. Вы распечатываете; изъ него сыпаются билеты; вы читаете: «Какъ любитель всего изящ-
«наго, какъ истинный дилетантъ и знатокъ музыки, вы вѣр-
«ко радуетесь каждому музыкальному вечеру, данному искус-
«снѣмъ артистомъ и составленному со вкусомъ. Поэтому я
«взялъ смѣлость препроводить къ вамъ 15 билетовъ на мой
«концертъ, имѣющій быть въ залѣ *такой-то*, марта *такого-*
«*то*. Вашей супругѣ или дочери (или той и другой, смотря по
«обстоятельствамъ) вѣрно будетъ пріятно провести вечеръ на
«музыкальномъ празднике ея бывшаго или *сущаго* наставника.
«Билеты продаются по 3 руб. сереб. Вы вѣрно потрудитесь
«раздать ихъ многочисленнымъ вашимъ почитателямъ и зна-
«комымъ. Что же касается до денегъ, то обѣ этомъ послѣ.
«По окончаніи концерта, не замедлить къ вамъ явиться для
«засвидѣтельствованія *нижайшаго* своего почтенія и совершен-
«ной преданности—вашъ покорнѣйшій слуга—Бекаръ Диссонан-
«ца!»—Вы кидаете билеты подъ столъ, къ другимъ ихъ со-
«браніямъ, (ибо это не первое письмо въ этомъ родѣ, вами по-
«лученное), отсчитываете 160 рублей—и велите отдать послан-
«ному. Съ досады на такое насилиственное возбужденіе въ васъ
любви къ музыкѣ, вы идете на Невскій Проспектъ. Вдругъ
вамъ встрѣчается пріятель, длинный, важный, говорящій гро-
мко и, повидимому, хорошо и рано позавтракавшій. «А, очень
радъ, что тебя встрѣтилъ!» говорить онъ вамъ... «Вотъ тебѣ,
возьми-ка!» Съ этимъ словомъ онъ запускаетъ руку въ кар-
манъ и вытаскиваетъ цѣлый пукъ пестрыхъ лоскутковъ бума-
ги—все билеты на концерты. Онъ отдѣляетъ изъ нихъ нѣ-
сколько и вручаетъ вамъ. Напрасно вы будете отговариваться:
не поможетъ! «Помилуй!» говорить длинный, крѣпко-по-
звавтракавшій пріятель, «какъ тебѣ не стыдно! возьми: отлич-
«ній талантъ: онъ вчера вечеромъ игралъ у меня:—чудо! Мы
вычили полдюжины шампанского отъ восторга! Возьми, бра-
тецъ: всего-то надо заплатить 30 рублей, какъ же не быть въ

этомъ концертъ? Послѣ этого ты вандалъ.» — Чтобы не быть вандаломъ и не обратить всеобщаго вниманія на вашу встрѣчу съ пріятелемъ, очень крѣпко позавтракавши мъ и неразборчивымъ на эпитеты, вы берете его билеты, и платите *les pots cassés*—т. е. за вчерашній его музыкальный вечеръ и шампанское. Но за то у васъ остается надежда поскучать цѣлый вечеръ въ концерте. Чтобы размыкать горе, вы заходите къ знакомымъ. Въ этомъ домѣ вы любите проводить время, почему-бы то ни было: васъ ласкаютъ хозяева или вы ласкаетесь къ хозяевамъ, это все равно... Съ десятаго слова, милая хозяйка вамъ говоритъ: «А мы ёдемъ въ четвергъ въ концертъ къ Пиччикато: вы тамъ будете?» — Нѣтъ. — «Ахъ! напра-сно, прелестнѣйшій концертъ: *tout le beau monde у sera.*» — Онь шутить, *maman!* говорить хорошенъкая блондиночка, устремивъ на васъ пару такихъ виртуозныхъ взглядовъ, которые пробудятъ въ васъ чувство гармоніи, хотя бы его никогда не бывало въ душѣ вашей. — Онь непремѣнно будетъ: онъ нась проводитъ. Неправда ли? — прибавляетъ она, обращаясь къ вамъ съ тою вопросительно-повелительной ужимкою устъ, для которой русскій языкъ еще не придумалъ выраженія, и которую французы обозначаютъ словомъ — *tonie*. — Маменька прочла уже на лицѣ вашемъ согласіе и прибавляетъ только: — «Разумѣется! Вонъ — для васъ и билетъ приготовленъ.» — Вы идете къ столику, берете изъ роскошной бонбоньерки билетъ, замѣняете его 15 рублями — и очень довольны. Къ вечеру, вы возвращаетесь домой съ полнымъ карманомъ билетовъ и безъ гроша денегъ: вы купили себѣ музыкальное наслажденіе — на цѣлую недѣлю! съ чѣмъ васъ и поздравляемъ. Но вы за то заточаетесь въ свой кабинетъ, не велите никого принимать, никуда не выходите, не видаитесь съ знакомыми... и все это отъ любви Петербурга къ музыке! — Между тѣмъ, журналистъ, просунувшись кое-какъ въ дверь залы, гдѣ фортепианный учитель даетъ концертъ, выколачивая на Тишинеровскихъ клавишахъ душу изъ Листа и Тальберга; или съ стѣсненными боками, въ поть лица выслушивая въ сотый разъ варіаціи какого — нибудь изъ геніевъ нашихъ оркестровъ, не можетъ надивиться въ своей статьѣ, отъ чего было у Н. Н.—В. В.—К. К.—такое стеченіе слушателей, что многіе остались даже за дверьми, (ибо билетовъ раздано больше, чѣмъ зала можетъ

вмѣстить посѣтителей,) тогда какъ концерты Пасты, Гейнефтеръ, Блаза; Эриста, Делера оставались пустыми? Онъ готовъ винить публику въ равнодушіи къ музыкѣ, въ безвкусіи, въ незнаніи дѣла, даже, пожалуй — въ скупости... А дѣло совсѣмъ не въ томъ, какъ вы изволили видѣть выше: ларчикъ этого усердія къ однѣмъ и равнодушій къ другимъ открывается очень просто.

За то концерты этихъ домашнихъ геніевъ всегда полны черезъ край, преизобилуютъ дѣтьми: часть посѣтителей слушаетъ ихъ изъ передней, и это едва ли не самая счастливая часть. Публика самая пестрая; пріемы и проводы концертиста бурны до того, что ихъ можно слышать на улицѣ. Маменьки унимаютъ и усаживаютъ своихъ малолѣтнихъ штенцовъ, чтобы они не слишкомъ кричали. Здѣсь мнѣнія не дѣлятся — всѣ одного мнѣнія, что надо хлопать изъ всѣхъ силъ и восхищаться полной грудью. Здѣсь услышите вы самые изумительные разговоры. «Вы вѣрно очень любите музыку?» — Да-съ, очень. — Я вотъ тоже иногда захожу послушать, органъ у Палкина есть славный, а ужъ на Каменномъ-Острову ни разу не пропущу, когда тамъ играетъ полковая музыка и поютъ пѣсениники Жукова. — «Вы сами играете на чёмъ-нибудь?» — Какъ же-съ: я очень изрядно играю — на бильярдѣ; маркеръ у Излера даетъ мнѣ только десять впередъ. (Это, замѣтите, острота!) — «Слышали вы г-жу Джули-Борзі?» — Нѣтъ-съ. Да что-то и охоты нѣтъ. Я, признаюсь сказать, не очень жалую итальянскую музыку: мудрено слишкомъ. По моему, ужъ то ли дѣло, какъ Танюша затянетъ: «ты не повѣришь, ты не повѣришь», а Ильюшка тутъ съ гитарой притопнетъ: «гой! гой! гой! нѣту дѣвки! нѣту красной!» Это, знаете, какъ-то русское, родное, душѣ отрадно! — «А нашъ артистъ вамъ, кажется, очень нравится: вы ему такъ усердно хлопаете?» — Нѣтъ-съ. Но мнѣ билетъ подарили — такъ нельзя же.

Публика, повѣрьте мнѣ, ни въ чёмъ не виновата, если только подъ словомъ *публика* — мы съ вами одинаково разумѣемъ людей со вкусомъ и образованіемъ, а не людей, которыхъ скорѣе можно разутѣшить арабскою полькою, чѣмъ симфоніе Бетговена. Образованная, музыкальная публика состоять изъ небольшаго числа лицъ, такъ что изъ 500,000 жителей Петербурга едва ли наберется четырехсотая доля — музы-

кантовъ, дилетантовъ, любителей и даже людей, выдающихъ себя за таковыхъ. Слѣдовательно, добровольные посѣтители всѣхъ концертовъ одни и тѣ же. Приливъ дѣлается только въ тѣхъ случаяхъ, когда появится какая-нибудь музыкальная диковинка или когда вызовется много охотниковъ раздаванія билетовъ. Концертистъ торжествуетъ: зала полна, карманы тоже, публика самая праздничная, необыкновенная — славы бездна, аплодисменты покрываютъ тромбоны и литавры!

Но главная цѣль концерта достигнута, г. NN. уноситъ полное одобреніе людей, не слишкомъ притязательныхъ, могущихъ доставить ему уроки и ящики съ цѣковыми, который гораздо-полновѣнѣе дѣльной музыкальной оцѣнки.

По-этому, нисколько не удивительно, что возлѣ именъ первыхъ знаменитостей Европы являются на афишахъ объявление о концертахъ, съ именами, которыхъ не перелетали границъ Санктпетербургской Губерніи. Вотъ краткая физиология нашихъ концертовъ.

Но что такое концертъ? Попытаемся решить этотъ вопросъ. По нашему мнѣнію, концертъ есть музыкальный праздникъ, на которомъ значительное твореніе исполняется значительными талантами. Главное дѣло концерта ознакомить слушателя съ созданіемъ какого-нибудь представителя въ музыкальномъ мірѣ и для этого исполнить его съ возможнымъ совершенствомъ. Съ такою цѣллю только должны являться передъ публикою артисты, которые довели свой инструментъ или голосъ, силу труда или таланта, до высокой степени изящества. Къ сожалѣнію, многие артисты для того только усовершенствуютъ свою игру, преодолѣваютъ все трудности на инструментѣ, чтобы сдѣлать изъ этого отдельного голоса въ цѣломъ органъ музыкальныхъ идей — особенную концертную промышленность. Если бы виртуозъ вздумалъ на инструментѣ поражать лаю собаки, пѣнію пѣтуха, скрипку телеги — все это показывало бы въ немъ сильно усовершенствованный механизмъ, но дѣло ли это художника, дѣло ли искусства высокаго и прекраснаго, котораго цѣль упоять, увлекать душу? — Солистъ, по нашему мнѣнію, долженъ являться передъ публикою только тогда, когда внутреннее, артистическое сознаніе говоритъ ему, что онъ въ своемъ искусствесталъ выше другихъ — въ какой-нибудь частности или

во всемъ. Не выходя изъ ряда обыкновенныхъ музыкантовъ, будучи полезнымъ членомъ въ общей массѣ оркестра, онъ и не долженъ являться отдельно, какъ представитель своего инструмента. Мы думаемъ, что съ этой точки зрѣнія глядить на концерты и наша публика, и потому не посѣщаетъ концертовъ, безъ особыхъ на то побужденій. Какое наслажденіе могутъ принести ей артисты, которыхъ она давно знаетъ и которые выше механизма ничего не видятъ въ своемъ признаніи? Инструментъ получаетъ отдельный смыслъ когда черезъ него посредство сообщается слушателю душа необыкновенно — организованная. Безъ этого всякий инструментъ есть простое музыкальное орудіе въ одной большой машинѣ, называемой оркестромъ; колесо изъ часовъ, необходимое для ихъ хода и ви къ чему негодное виѣ своего механизма. — Иностраннымъ артистамъ, прѣезжающимъ къ намъ, много вредятъ возгласы журнальные. Прѣхаль скрипачъ — его ставятъ тотчасъ, смотря по обстоятельствамъ, или выше или на ряду съ Паганини, Оле-Булемъ, Вьетаномъ; прѣхала пѣвица — она, ужъ разумѣется, Малиранъ, Каталани; всякій пьянистъ — Тальбергъ и Листъ. Публика смотритъ и слушаетъ — и все, что видитъ и слышитъ она, ниже посредственности. Она не вѣритъ больше фельетоннымъ зазывамъ и не вѣдетъ въ концертъ даже когда фельетонъ, въ порыадѣ добросовѣтности, скажетъ иногда въ самомъ дѣлѣ правду. Вотъ причина пустоты въ нашихъ концертахъ: какъ угодно — публикѣ тутъ не виновата!

Теперь представимъ вопросъ: должны ли мы тревожить вниманіе нашихъ читателей отчетомъ объ этой вереницѣ концертовъ, въ которыхъ самая музыкальная часть состоитъ въ звонѣ посѣтительскихъ цѣлковыхъ? Думаемъ, что вѣтъ; и потому будемъ говорить только о тѣхъ концертахъ, которые знакомятъ насъ съ замѣчательными музыкальными созданіями, или которыхъ исполнители выходятъ изъ дюжинной чреды артистовъ. И такъ начнемъ.

Къ замѣчательнымъ музыкальнымъ явленіямъ нынѣшняго года безспорно принадлежать:

Концерты Гектора Берліоза.

Имя Берліоза стоитъ на такой высокой степени въ муз-

кальномъ мірѣ, что едва ли оно кому неизвѣстно. Этотъ необыкновенный, гениальный музыкантъ, въ самое короткое время, стяжалъ себѣ тройственную славу: какъ первый музыкальный критикъ въ Европѣ, какъ могучій и гениальный компонистъ и какъ необыкновенный дирижеръ оркестра. Не смотря на злобу, зависть и недоброжелательство, которыя обыкновенно преслѣдуютъ въ художественномъ мірѣ *критика*, съ вѣрнымъ и оригинальнымъ взглѣдомъ, съ душою нецокупною и преданною впомнѣ искусству, съ энергіею неутомимою и убийственною для бездарности и шарлатанства,—всѣ музыкальныя знаменитости всего образованнаго міра признали превосходство и гений Берліоза. Какъ литераторъ и какъ музыкальный авторъ, онъ одинаково поченъ; на томъ и на другомъ поприщѣ произвелъ онъ уже необычайно много великаго и чрезвычайнаго. Независимо отъ безчисленнаго множества музыкальныхъ критикъ, которыя пролили совершенно новый светъ на искусство, въ особенности на часть гармоническую, т. е. на инструментовку, и, такъ сказать, образовали современный взглядъ на музыкальное творчество, онъ — въ музыкальномъ поприщѣ, испыталъ себя во всѣхъ родахъ, начиная отъ легкаго романса до созданной имъ *драматической симфоніи*, и вездѣ и во всемъ явился оригинально высокимъ художникомъ.

Первымъ значительнымъ трудомъ его была опера: «*Беневенто Челлини*», твореніе, изобилующее необыкновенной силой соображенія и неподдѣльными красотами. Оно не имѣло сначала того успѣха, который заслужило впослѣдствіи, когда компонистъ развилъ болѣе свои музыкальныя идеи и свой индивидуальный характеръ. Оперу его упрекали въ холодности, въ однообразіи и въ перевѣсѣ гармонической части надъ мелодическою. Но этотъ упрекъ происходитъ только отъ того, что авторъ отступилъ отъ избитой коленъ французскихъ и итальянскихъ композиторовъ, отъ манеры Боэльдѣ, Обера, Россини и Донизетти съ братіею, манеры, которая воплотилась во вкусѣ французовъ, потому-что была доступнѣе для большинства, ибо щекотала пріятно ухо своими фейерверочными переходами и модуляціями, и невольно укладывалась въ память игривостью своихъ мотивовъ. Берліозъ пренебрѣгъ этою вседневной фактурою, чтобы, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ мелодіи, дать пол-

ный просторъ выраженіямъ души человѣческой, открыть широкую арену для голоса страстей, безпредѣльныхъ, какъ и самая природа. Эта заслуга вноследствія была вполнѣ оценена и даже породила подражателей, болѣе счастливыхъ въ своемъ дебюте, чѣмъ былъ самъ Берліозъ.

Берліозъ образовался въ Римѣ, среди итальянской школы, но, несмотря на первыя впечатлѣнія молодости, усвоивъ себѣ всѣ стихіи итальянской музыки, онъ не поддался ихъ обольстительному обаянію. Его тревожная душа искала болѣе глубокихъ началь, его пламенное воображеніе недовольствовалось тѣми данными, которыми итальянцы такъ легко очаровывали и увлекали своихъ легкихъ и прихотливыхъ слушателей. Ему нужно было потрясти ихъ души до самаго основанія, вырвать все ихъ существо изъ предѣловъ вещественнаго міра и силою музыки увлечь ихъ въ новую сферу, сферу духовнаго преображенія, къ неисчерпаемому источнику наслажденія. Онъ углубился въ изученіе вѣмцевъ и здѣсь похитилъ у Ботховена — его дивную силу очарованія, у Гайдна — его живыя краски, у Глуха и Моцарта — ихъ драматическая страсти. Изъ этихъ элементовъ сильнаго выраженія души, могучей живописи звуковъ, итальянской нѣги и чувственности, итальянского мастерства инструментациіи, онъ создалъ совершенно-новый родъ музыки, известной нынѣ подъ Берліозовскимъ названіемъ *драматической симфоніи*.

Родъ этотъ выше обыкновенной симфоніи, въ которой господствуетъ одна музыкальная живопись, ибо въ немъ есть лирическое и драматическое выраженіе; онъ выше оперы, потому что замѣняетъ костюмы, полотно и театральныя краски своими музыкально-живописными образами.

Тайна, которую Берліозъ открылъ въ инструментальной музыкѣ, конечно, была извѣстна и прежде его. Великіе его предшественники хорошо постигали и доказали своими бессмертными твореніями, что посредствомъ оркестровой живописи можно изображать всѣ чувствованія человѣческаго сердца, его радости, восторги, горе и отчаяніе; всѣ случайности жизни, бурный ее разгаръ въ страстиахъ, мирное ея теченіе въ забавахъ и сладкихъ наслажденіяхъ любви и нѣги; всѣ видимыя выраженія бы-

тия, отъ сельской пляски, до молитвы въ храмахъ, отъ щебетанія птички до могучаго слова Іеговы, и что все это можно изображать въ гораздо живѣйшихъ и трогательнѣйшихъ образахъ, чѣмъ въ формахъ живописи и поэзіи. Музыка эта родъ всесобшаго глагола: его понимаютъ всѣ народы земного шара, безъ помощи словъ. Музыка танца вездѣ возбуждаетъ веселость и рѣзвость; музыка важная, торжественная — всегда рождается возвышенныя и таинственные чувства; нѣжная гармонія — производить ощущенія тихія и пріятныхъ; жалобные звуки — пробуждаютъ мечту и грусть. Эти дѣйствія гармоніи мы лучше всего чувствуемъ и можемъ изучить въ отдельныхъ инструментахъ. Звуки церковнаго органа невольно настроиваютъ душу къ молитвѣ; звукъ трубы возбуждаетъ воинственное чувство; рожокъ — манить въ поле, на луга и горы.

Этой живописью гармоніи владѣли съ непомѣрнымъ искусствомъ Бетховень, Гайднъ, Моцартъ, даже Вебертъ. Съ какой удивительной ясностью переданы, на-примѣръ, ежедневныя сцены полей въ «Пастушеской Симфоніи» Бетховена? Первое явленіе этой музыкальной идилліи рисуетъ вамъ мирную, роскошную деревенскую декорацию, но которая, въ тоже время, одушевлена множествомъ живыхъ существъ. Вы слышите звонъ колокольчиковъ пасущихся стадъ, рожки пастуховъ, пѣсни жнецовъ. Вторая картина переноситъ васъ въ такую рощу, на берега свѣтлого ручья: журчаніе волнъ, шелестъ листьевъ, щебетанье птицъ, однообразныя двѣ ноты кукушки въ трели соловья — все сливается въ одну чудную гармонію, которая совершенно овладѣваетъ вашимъ воображеніемъ! Какой живописецъ, съ своими видимыми образами, въ состояніи произвести такое впечатлѣніе на душу? Но вотъ опять мѣняется декорациѣ; пастухи и поселяне сходятся вмѣстѣ; день вечернѣетъ, работы кончены; слышна сельская музыка, приглашеніе къ танцамъ; игривый лепетъ и смѣхъ крестьянъ. Все это живеть, движется — это чистая натура. Но счастіе сельскихъ жителей разрушено отдаленнымъ перекатомъ грома; молнія сверкнула; гроза разражается со всею силою и дождь льетъ ливня. Это дивное изображеніе битвы стихій воскрешаетъ въ насъ всѣ образы существенности. Душа поражена ужасомъ и изумленіемъ. Никогда и ни въ чемъ четыре главныя принадлежности грозы, молнія и громъ, дождь

и вътеръ не находили болѣе вѣрнаго и эффектнаго подражанія. И съ какимъ мастерствомъ великий художникъ оканчиваетъ свою тему: вы слышите, какъ гроза постепенно утихаетъ, замирая вдали, какъ раскаты грома становятся рѣже, слабѣе, вы почти чувствуете, какъ снова проглянуло солнце и встрепенулись цвѣты, и величественный финалъ кончаетъ эту пастушескую поэмю; крестьяне хоромъ возсыпаютъ свою молитву къ небу. Размѣры, рисунокъ, краски — все величественно и естественно въ этомъ великому твореніи, и послѣ всѣхъ потрясений, которыя вы въ немъ перенесли, конецъ успокоительно и отрадно дѣйствуетъ на вашу душу.

Гайднъ въ своемъ «Сотвореніи Мира» еще болѣе могучій и грандиозный живописецъ. Онъ дѣйствуетъ на воображеніе не простыми изображеніями природы, не одними ландшафтами и сценами изъ вседневной жизни, но картинами отвлеченными, которыя такъ-же сильно поражаютъ душу. Его предвѣчный хаосъ дивное и поразительное смѣщеніе красокъ и звуковъ; низверженіе падшихъ ангеловъ во тьму кромечную потрясаетъ всѣ фибры сердца своей истиной и картищностью: это живое олицетвореніе стиха Мильтонова:

Отчаянья, ужасъ и стыдъ за ними послѣдуютъ въ бездну!

А слово Іеговы, «да будетъ сълѣтъ!» которое яркой молнией струится въ хаосъ звуковъ и разражается творческимъ аккордомъ, наэлектризуетъ своей обаятельной силой даже сердце, черствое, какъ кремень. Великое таинство какъ будто совершается передъ вашими глазами. Разумъ пораженъ; душа замерла и слушатель полонъ благоговѣнія, въ которомъ самъ не можетъ дать себѣ отчета.

Глукъ, въ своей «Ифигеніи въ Агидіи», успѣлъ также выразить гармонію, хотя не столь величественную, но не менѣе рѣзкия картины: любовь матери, любовь сыновнюю, кипашее мужество героя, вопли страждущаго народа; горесть разлуки, предсмертныя мученія и восторги внезапнаго освобожденія. Онъ отыскалъ въ инструментахъ всѣ стихіи этихъ страстей человѣческаго сердца и передалъ съ правдоподобіемъ и увлекательностью.

Моцартъ, въ увертюрѣ къ своему «Донѣ-Жуану» открылъ звуками міръ фантастический. Эта чудная музыкальная мистерія

переносить въсъ къ предвѣрію мрачнаго царства духовъ: передъ вами смутно развиваются его ужасающія тайны, вы какъ будто присутствуете при борбѣ ангеловъ неба съ геніями ада: то слышатся плачъ и воини, заглушаемые адскимъ хохотомъ, то пѣсни славы и вѣги, манящія къ жизни и къ наслажденію; то какъ будто носятся передъ вами обольстительные призраки женщинъ, то стучать сухія кости командора по холодному мрамору. Художникъ играетъ вашими ощущеніями: то разнѣжитъ душу, то обдастъ холодомъ.

Всѣ эти великие композиторы пользовались оркестромъ, чтобы отдельными свойствами его инструментовъ, болѣе или менѣе совершенныхъ въ ихъ время, развивать дивныя и увлекательныя картины изъ области фантазіи и міра вещественнаго. Между ними нѣтъ параллели и каждый своеобразенъ въ своемъ творчествѣ.

Гайднъ береть всечеловѣческое изъ жизни и романтизируетъ его; оттого онъ понятнѣе для большинства.

Моцартъ болѣе обращаетъ вниманія на сверхъестественное, чудесное, фантастическое — и потому онъ такъ глубокъ.

Бетховенъ въ своей музыкѣ трогаетъ всѣ фибрь души: болѣнь, ужасъ, слезы, страданія физическія, горе нравственное, и пробуждается въ слушатель то безпредѣльное чувство томленія, которое составляетъ главную стихію романтизма.

Нельзя не упомянуть и о счастливомъ питомцѣ этихъ геніевъ, объ оригинальномъ Веберѣ, который владѣлъ музыкальною кистью съ особеннымъ успѣхомъ. Довольно указать на одно его твореніе «Приглашеніе къ вальсу», чтобы оцѣнить въ немъ эту рѣдкую способность. Въ этой небольшой пьесѣ выражены всѣ волненія бала: вотъ кавалеръ умоляетъ даму о согласіи танцевать съ нимъ; молодая девушки задумчиво и граціозно подаетъ ему руку; танецъ капитъ, промежутки его наполнены страстными разговорами. Все это чистая натура!

И такъ, вотъ что было совершено по части музыкальной живописи предшественниками Берліоза, (не говоря уже о его современникахъ, о звукахъ ада, возстаніи мертвцевъ и ихъ плясѣ, въ третьемъ актѣ «Роберта-Дьявола,» о Вареоломеевскомъ избеніи, въ пятомъ дѣйствіи «Гугенотовъ» Майера-Бера; объ ин-

тролукцій первого акта «*Нормы*» — Белліни, о большой инструментальной ратурнели къ арии Жида:

Quand du Seigneur la grace titulaire...

въ четвертомъ актѣ «*Жидовки*» — Галеви, даже обѣ интродукціи къ қаватинѣ Ратмира въ «*Русланъ и Людмила*» — М. И. Глинки, потому-что и эта интродукція должна быть причислена къ образцовымъ музыкальнымъ вдохновеніямъ.) Вотъ что долженъ быть изучить, усвоить себѣ и возсоздать Берліозъ, прежде чѣмъ выступилъ, какъ творецъ новой, самобытной школы въ музыкѣ. Можно ли еще усомниться въ гениальности этого маэстро, когда, послѣ такихъ всемирныхъ, колоссальныхъ образцовъ, истощившихъ, кажется, всѣ стихіи музыки, онъ является оригинальнымъ, поразительно-свѣжимъ и увлекательнымъ творцомъ!

Берліозъ отыскалъ новые элементы для своего творчества. Симфонія самый выразительный, самый опредѣленный и полный ролъ музыки и онъ обратилъ на нее преимущественное вниманіе. Но, до сихъ-поръ, симфонія была выраженіемъ человѣческихъ страстей музыкальною пантомимою, это было тоже, въ области музыки, что балетъ въ области драмы: живопись, безъ животворящаго выраженія слова. Какъ-бы вѣрно и поразительно она не передавала душевныя волненія, но безъ участія живаго глагола, она всегда остается, болѣе или менѣе, мертвую. Вотъ недостатокъ, который ощущался въ симфоніи, когда она касалась человѣческаго сердца.

Съ другой стороны, опера, которой по преимуществу предоставлено психическое выраженіе человѣческихъ страстей, является на сценѣ, на аренѣ жизни дѣйствительной, чѣмъ-то неестественнымъ и противнымъ обыкновенному порядку вещей. Можно почувствовать силу музыкального выраженія страсти, когда дѣйствующія лица сходятся и выпѣваютъ другъ другу свои ощущенія, но никакъ нельзя увѣрить себя, чтобы это явленіе, представляющееся передъ глазами въ естественныхъ формахъ, было возможно въ дѣйствительной жизни. Здѣсь жизнь дѣйствительная, которая служитъ основою оперной драмы, находится въ рѣшительномъ противорѣчіи съ формою, въ которой она выражается. Это недостатокъ оперы.

Берліозъ хотѣлъ уничтожить оба недостатка, и симфоніи и

оперы: онъ слилъ ихъ въ одно цѣлое, рисующее гармонію виншнюю природу, выражающее мелодію, внутренній міръ т. е. голосъ человѣческой души. Ужъ одна эта идея, вѣриая и смилая, показываетъ, какъ глубоко композиторъ проникъ въ значеніе музыки, какъ вѣрно постигъ онъ все ея стихіи, какъ ловко умѣль воспользоваться тѣми выгодами, которыя творчество могло еще извлечь изъ нихъ.

Онъ открылъ для симфонії весь обширный міръ явлений, всю безпрелѣльность природы и черпаетъ изъ нея полнью чашей свои вдохновенія. Оставляя за этимъ родомъ музыки безсмертное достояніе, которымъ обогатили его Гайднъ, Моцартъ и Бетховенъ, онъ надѣлилъ его еще лирическимъ богатствомъ, законно и разумно отнятымъ у оперы. Однимъ словомъ, онъ внесъ въ музыкальный эпосъ, музыкальную драму. Заслуга великая и неоцѣнимая для искусства! Балетъ, по безсловестности своей, выходящій изъ сферы естественнаго, требовалъ отъ насъ, для того, чтобы казаться натуральнымъ, чтобы мы вообразили себя глухими и однимъ эрѣніемъ постигали развивающеся передъ нами дѣйствіе. Берліозъ сдѣлалъ наше слѣпымъ, чтобы чрезъ посредство одного слуха дѣйствовать на нашу лушу. Когда нѣтъ видимыхъ образовъ и мы должны составлять себѣ представленіе о предметахъ по ощущеніямъ неосозаемымъ глазомъ, тогда разгорается въ насъ воображеніе, а оно-то и составляетъ эолову арфу, посредствомъ которой музыка своимъ втяніемъ дѣйствуетъ на органы человѣческаго сердца. Музыка, отзвукъ невидимаго міра; для вѣрнаго и рѣшительного вlivia на человѣка, она должна господствовать только въ своей сферѣ — въ области фантазіи, и не должна быть нарушаема явленіями, которые дѣйствуютъ на другіе органы чувствъ, и отвлекаютъ его вниманіе къ предметамъ обыкновенной жизни. Первое прикосновеніе земли разрушаетъ міръ очарованій и гений духа становится опять сыномъ плоти.

Первая драматическая симфонія, съ которойю Берліозъ выступилъ передъ парижскою публикою, была «Ромео и Джульєтта». Она имѣла успѣхъ неимовѣрный. Движеніе драмы, разгаръ страстей, порывы дѣйствія, придали ея музыку особенный колоритъ и жизнь. Здѣсь показалъ онъ, въ первый разъ, до какой степени онъ можетъ быть мелодичнымъ. Мелодія есть вдохновеніе поэзіи и голосъ музыки; она осуществляетъ чувство по-

эта—музыканта и только ею вполнѣ обнаруживается гений композитора. Берліозъ въ «Ромео и Джульеттъ» показалъ, что эта стихія музыкального выраженія доступна ему въ самыхъ высшихъ своихъ формахъ. Послѣ первого исполненія «Ромео и Джульетты», великий Чаганинъ преклонилъ передъ композиторомъ колѣна и призналъ его первымъ музыкальнымъ гениемъ современности. Онъ не ограничился этимъ знакомъ своего удивленія, онъ приспалъ композитору 10,000 франковъ, чтобы доказать свое уваженіе самымъ ощущительнымъ, самымъ полновѣснымъ образомъ. Можно судить, какъ велико должно быть дѣйствіе этой музыки, когда она привела въ восторгъ первого самолюбца музыкального міра, когда въ скрѣпѣ пробудила великодушіе артиста.

Въ двухъ концертахъ, данныхъ Берліозомъ въ Петербургѣ, мы слышали только два отрывка изъ «Ромео и Джульетты», и притомъ отрывки гармонические. Но что это за отрывки! Это два крупные алмаза изъ блестательного вѣнца генія. Первый отрывокъ есть № 2 симфоніи; онъ изображаетъ: — грусть Ромео; *отдаленные звуки бала и концерта, и пиръ у Капулетта.* Выходъ принца предвѣщается трубами и тромbonesами: въ этой пьесѣ господствуетъ какое-то потрясающее величіе. За тѣмъ слѣдуютъ звуки самого праздника: въ мотивѣ много энергіи и пѣнія; смѣлые пассажи духовыхъ инструментовъ придаютъ ему величіе и силу, и сквозь эту торжественную громадность звуковъ, просвѣчиваетъ какой-то грустный, трогательный на пѣвъ, то заглушаемый, то снова слышишій, который превосходно рисуетъ настройство души Ромео.

Второй отрывокъ, есть *скерцо для оркестра*; осуществляется царица сновидѣній, «волшебница Мабъ», легкая и прозрачная, которая по лучамъ луны спускается на землю въ своей колесницѣ изъ ореховой скорлупки; щекочетъ мозгъ пажа разными мечтами; внушиаетъ любовнику страшныя серенады; гремитъ въ уши солдата барабанною дробью воинской трубой; радитъ невѣstu въ легкия ткани и цветы и мчитъ съ собою на балъ; и которая — едва проглянетъ день, едва вскрикнетъ птичка — исчезаетъ въ воздухѣ, незримо, безслѣдно, какъ зарваница. Эта задача выполнена Берліозомъ гениально; никто не въ состояніи лучше постигнуть и передать поэтическую мысль Шекспира, какъ передалъ ее Берліозъ. Это такая богатая, разно-

образная, оригинальная и увлекательная фантазія, что ёе можно выразить только звуками — самого Берліоза, но не словами, потому-что слова передъ этимъ звукомъ становятся слабы и немощны; это совершенно новый міръ, съ роемъ видѣй грациозныхъ, прозрачныхъ и летучихъ, которыхъ вѣсъ услаждаются какою-то неслыханной музыкой, летаютъ около васъ игравыми роями и нѣжать ваши чувства вѣяніемъ своихъ крыльевъ. Въ этой пьесѣ употреблена съ большимъ эффектомъ гармоника стеклянныхъ колокольчиковъ, которая очень влеть къ такому роли фантастическихъ мечтаний. Искусство оркестровки — вотъ великая тайна, которую авторъ вѣсъ такъ очаровываетъ.

Текстъ для «Ромео и Джульетты» написанъ поэтомъ Эмилемъ Дешаномъ. Къ-сожалѣнію, мы немогли насладиться вокальную частію этой симфоніи, за недостаткомъ хорошихъ пѣвцовъ, и можемъ сказать, что потеряли лучшую часть, ибо у Берліоза оркестръ и пѣніе играютъ совершенно различныя роли: одинъ рисуетъ положеніе, другое выражаетъ чувство и настроиство души. Но въ сочетаніи того и другаго — все искусство, вся заслуга композитора.

Во время пребыванія своего въ Германіи, поэтическая душа Берліоза не могла не почерпнуть новыхъ материаловъ для вдохновенія. Воображение его было поражено этой народной легендой о Фаустѣ, которую Гёте облечъ въ такія гигантскія формы — и поэзія слова, въ рукахъ Берліоза, сдѣлалась поэзіею музыки.

Драматическая симфонія «Фаустъ» принадлежитъ къ тѣмъ вѣковымъ созданіямъ, которыя, при первомъ своемъ появлениі, поражаютъ своей оригинальностью, полавляютъ своими колоссальными размѣрами, и той свѣжестью мысли и формы, которыхъ свойственны только человѣку съ глубокимъ и новымъ возврѣніемъ на искусство. Они обыкновенно сперва порождаютъ множество недовольныхъ и порицателей, но оканчиваютъ тѣмъ, что увлекаютъ всѣхъ за собою. Это очень естественно: всякий знаетъ поэта, изучилъ его по-своему, свыкся съ своимъ возврѣніемъ, расцвѣтилъ себѣ его картины красками собственного воображенія; вдругъ является гений, который насильственно заставляетъ его отказатьться отъ его идеаловъ и образовъ и даетъ ему вместо того свои яркія картины, свои думы, свое убѣженіе. Никто

безъ боя не соглашается на обменъ, но, вникнувъ въ дѣло, каждый почиваетъ въ себѣ тайный голосъ, который говоритъ: «ты заблуждался—вотъ настоящая идея, въ ея истинной и гравіозной формѣ.» Такъ дѣйствуетъ подобное явленіе на эстетика, на обыкновенного слушателя, съ душою и вкусомъ. На записныхъ музыкантовъ оно дѣйствуетъ гораздо поразительнѣе. Своимъ смѣлымъ, плодовитымъ воображеніемъ, своей могучей волею композиторъ сразу разрушилъ все зданіе ихъ понятій, знаний и вѣрованій, онъ оставилъ ихъ въ тѣсныхъ узахъ школы, связывавшихъ ихъ по рукамъ, подъ педантическою ферулой принятыхъ правилъ, подъ тяжкою ношею музыкальныхъ преданій, робкихъ, немощныхъ поклонниковъ и жрецовъ существующихъ образцовъ, и, разорвавъ тѣсный мундиръ принятой формы, понралъ его ногами, и однимъ шагомъ перешелъ за рубежъ ихъ сжатой области. Это значитъ—однимъ взмахомъ уничтожить все ихъ прошлое, отнять у нихъ будущее. Вонь въ пониженія несутся на Атласа; но онъ поднялъ на плеча шаръ земной, несмотря на мелкихъ насѣкомыхъ, которыя по немъ ползаютъ; онъ выкупилъ свою отвагу — геніальностію, онъ воздвигъ надъ старымъ хламомъ разрушенныхъ имъ понятій, новый, дивный, величественный храмъ истинному божеству, въ который все идутъ поклоняться,—и пигмеи смиряются предъ титаномъ, раболѣпно спѣша преклонить головы и стараются, если можно, хоть въ чемъ нибудь ему уподобиться. Смѣшно смотрѣть на этихъ маленькихъ человѣчковъ, которые все таращатся въ артисты и геніи, на этихъ сочинителей романсовъ и водевильныхъ куплетовъ, творцовъ полекъ и кадрилей, композиторовъ оперъ, несуществующихъ или торжественно павшихъ, на этихъ виртуозовъ, поденщиковъ оркестровъ, какъ они, чувствуя чудныя вдохновенія Берліоза, корчатся, усыхаютъ, пожимаютъ плечами, съ педантической миной знатоковъ, какъ будто хотятъ сказать:

А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ!

и какъ, подъ конецъ концерта, когда лава энергіи и поэтическаго энтузіазма маэстро воспламенитъ всю залу, когда все увлечено и хлопаетъ, они крадутся робко къ дверямъ, составляютъ, на минуту, у выхода забавныя группы, съ лицами людей,

у которыхъ послѣднія лохмотья сгорѣли вмѣстѣ съ домомъ, гдѣ они жили, и, наконецъ, съ таинственнымъ шепотомъ исчезаютъ, становясь все меныше и меныше, подобно тѣнямъ магического фонаря.

Это явленіе повторялось съ твореніями Берліоза повсюду, въ Германіи, во Франціи и у насъ.

Просматривая критику иностраннѣхъ музикальныхъ обозрѣній и газетъ, невольно дивишься пристрастію, односторонности, мелочности сужденій, упрекающихъ артиста за отступление отъ установленныхъ правилъ, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ поражаетъ слушателя вѣрностію и оригинальностью своего постиженія; за причуды и нововведенія въ тѣхъ пассажахъ, которые наиболѣе пленяютъ душу своею свѣжестью и глубокимъ проникновеніемъ въ поэзію вымысла. Но можетъ ли быть иначе, когда музыкальныя критики иностраннѣхъ журналовъ пишутся не эстетиками, слѣдящими за развитиемъ вкуса, за требованіями искусства, а людьми ремесла, музикантами — литераторами, ограниченными извѣстнымъ кругомъ старыхъ понятій и убѣжденій, муміями контрапункта, окутанными по рукамъ и по ногамъ гіерогlyphами своей музыкальной азбуки, своего музыкального синтаксиса. Спросите о Берліозѣ великихъ художниковъ, Майера-Бера, Мендельсона-Бартольди, Россини, Галеви,— они съ почтѣю преклоняютъ головы передъ одушевляющею его музою, они поймутъ его усилія и намѣренія, почувствуютъ его поэзію и гений; но, къ-нечастію, эти люди не пинутъ критикъ.

Мы помѣстили въ первой книжкѣ «Пантеона», одну изъ критикъ иностраннаго корреспондента, чтобы поскорѣе познакомить читателей съ значительнымъ музикальнымъ явленіемъ; тогда мы еще не имѣли въ виду счастія вскорѣ лично насладиться этимъ мастерскимъ произведеніемъ. Теперь, мы отъ души жалѣемъ о своемъ усердіи, потому — что ясно видимъ, какъ эта критика односторонна и проникнута духомъ музыкального пристрастія. Авторъ критики говоритъ: «Если Берліозъ и увлекаетъ насъ, передавая свою смѣльную мысль въ звукахъ, соединенныхъ своенравно, но всегда поэтически и выраженныхъ оркестромъ стройнымъ и могучимъ, мы, однако жъ, не въ силахъ слѣдить за узловатыми лиціями фантастическоаго узора, по которымъ онъ старается вести человѣческіе голоса. Это на-

рушение естественныхъ законовъ, или, по-крайней-мѣрѣ, требованій, получившихъ законность, невольно возмущаетъ наше чувство.»

Какъ эти слова отзываются педантизмомъ и узкоголовымъ школьствомъ! Какъ въ нихъ ясно высказывается мелочная приличивость этихъ музыкальныхъ улитокъ, которая приросли къ своей раковинѣ и, кроме ее завитушки, не хотятъ признавать величія и простора въ природѣ! Признаваясь, что твореніе его увлекаетъ, что оно полно поэзіи и силы, что оно смѣло и стройно, критикъ не можетъ простить творца за свое нравіе, т. е. оригинальность и свѣжесть, и возмущается темъ, что онъ преступилъ правила устарѣлыхъ, обращенный въ sine qua non холодными математическими умами законодателей музыки. На то даны орую крылья, чтобы онъ леталъ къ солнцу: гений, обнимающій своимъ духомъ всю природу — и музыкально-полицейскій уставъ, именуемый генераль-басомъ и изложеній въ тетрадкѣ, въ полвершка толщиною, — какъ соединить это вмѣстѣ?

Далѣе, критикъ заключаетъ: «Берліозъ не гений, опередившій свою эпоху. Старалась разорвать цѣпи, соединяющія его съ прошедшимъ, онъ все-таки не слишкомъ подвинулъся къ будущему.» — Да, это справедливо: Берліозъ дѣйствительно не опредѣлилъ свою эпоху, иначе онъ не былъ бы такъ понятенъ для современниковъ, не увлекалъ бы ихъ за собою, не заставилъ бы всю Европу трепетать и таять отъ восторга, когда развертывалъ передъ нею свои колоссальные картины. Но если онъ не слишкомъ подвинулъся, потому-что попралъ настоящее своимъ своеобразнымъ и могучимъ творчествомъ, — то не менѣе того, онъ открылъ для будущаго новый источникъ вдохновеній, онъ разширилъ для него кругъ дѣйствій, онъ далъ искусству, дремлющему и дряхляющему надъ старыми формами, благодѣтельный толчекъ.

Вся легенда «Фаустъ» Берліоза состоитъ изъ четырехъ частей. Въ двухъ бывшихъ концертахъ сыграны были только первая и вторая части. Не можемъ произнести приговора о цѣломъ созданіи, но, по этимъ двумъ частямъ можемъ понять все величіе, которое характеризуетъ эту симфонію, обширность ея размѣровъ, смѣлость колорита, и гениально-отважную оркест-

ровку, которая составляет неотъемлемое и отличительное ея достоинство.

Первая часть «Фауста» начинается прекрасной интродукцией. За нею следует игравая пастораль въ шесть—восьмыхъ, въ тонѣ D-dur. Въ поляхъ весна, рѣки журчатъ; Фаустъ выходитъ на лугъ. Рѣчитавъ его дышетъ нѣгою и уныніемъ. Оркестровка партіи превосходна: она чрезвычайно удачно рисуетъ декорацію обновленной природы. Особенно эффектно дѣйствіе альтовъ. Выходитъ толпа крестьянъ съ веселымъ хоромъ, въ G—дурномъ тонѣ, и танцами: это мѣсто живо и поразительно своей вѣрностію; скрипки играютъ въ немъ главную роль. За тѣмъ слѣдуетъ маршъ, который показываетъ, что дѣйствіе происходитъ въ Венгрии. Этотъ маршъ, въ A—мольномъ тонѣ, есть мастерское произведение, по свѣжести мотива, энергіи и чудесному сочетанію духовыхъ инструментовъ съ струнными. Онъ восхитилъ всѣхъ и былъ повторенъ по требованію публики.

Этимъ ограничивается у насъ первая часть симфоніи. Во всемъ этомъ мало связи, потому что это только отрывки, выбранныя мѣста: тутъ недостаетъ доброй половины первого акта.

Вторая часть много выше первой, и по серьезному своему характеру и по глубоко-поэтическимъ образамъ, которые олицетворяетъ звуками. Дѣйствіе происходитъ въ сѣверной Германіи. Фаустъ въ своемъ кабинетѣ: онъ подавленъ отчаяніемъ; разочарованіе истерзало его душу, науки и природа изчерпаны—онъ хочетъ лишить себя жизни... Это мѣсто сопровождается прекрасною фугою инструментовъ, которая удачно рисуетъ возрастающее отчаяніе Фауста. Вдругъ раздается колокольный звонъ и вы слышите гимнъ въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія. Гимнъ этотъ полонъ святой торжественности и, хотя онъ совсѣмъ не подходитъ къ церковному пѣнію, чуждъ всѣхъ формъ католическихъ кантовъ, но проникнутъ наивнымъ выраженіемъ вѣры и упованія. Онъ напоминаетъ Фаусту его дѣтскія лѣта, его свѣтлый убѣжденія, и вопли и слова его, съ удивительнымъ эффектомъ примѣщаются къ пѣнію вѣрующихъ. Хоръ этотъ такъ новъ, такъ поразительно-оригиналенъ, что невольно заставляетъ вспомнить всю бѣдность лучшихъ мѣстъ, въ духовномъ родѣ, помѣщаемыхъ композиторами въ оперы, и которыхъ болѣе или менѣе, почти всѣ вымыты въ одну стереотипную

формулу. Здесь вы, безъ программы и безъ органа, тотчасъ чувствуете, что люди молятся душою и всѣми помыслами. Въ этомъ пѣніи есть какой-то дѣтскій восторгъ, какое-то истинно евангельское чувство. Особливо госсана выражена въ умилительно-возвышенныхъ и торжественныхъ звукахъ. Но демонъ ада не дремлетъ: онъ не даетъ овладѣть чувствами Fausta небесному голосу. Мефистофель уже тутъ. Начинается разговоръ духа соблазна съ умленною душою грѣшника. Записные музыканты называютъ эту дуо-драму, этотъ дуэтъ — речитативъ, экспрессионистъ, потому — что онъ непохожъ ни на что изъ существовавшаго донынѣ въ этомъ родѣ. Я назову это мѣсто — глубокимъ постиженiemъ сердца, мастерскимъ выражениемъ фантастического. Впишите въ оркестръ и въ голоса пѣвцовъ: эти капризные пассажи скрипокъ, эти дикия переклички тромбоновъ рисуютъ съ неподражаемой истиной страхъ и досаду духа тьмы; это змѣи и молніи, которыя рвутся и прыгаютъ, передъ каждою его фазою. Потомъ, звуки взмѣняются: соблазнительно выражаютъ обольщеніе, и наконецъ, цѣлый оркестръ, мрачно-веселымъ мотивомъ сливаются въ дикую радость побѣды демона. Чудесно выражена, между этими фантастическими звуками, борьба слабой и колеблющейся души Fausta; вы какъ будто видите голубицу, которая еще бьется въ когтяхъ коршуна, которая еще издаетъ неясные звуки, и потомъ все замолкаетъ, все исчезаетъ въ пространствѣ воздуха — и образы и звуки! Превосходно! — Сцена перемѣняется. Передъ вами погребъ Ауербаха въ Лейпцигѣ, съ его пьяными студентами и бургерами, съ его разгульными солдатами и пѣнящимися стопами. Хоръ этотъ, полный и нестройный, напоминаетъ студенческія пѣсни и народные мотивы Германіи. Французскимъ критикамъ онъ не нравится: немцы отъ него въ восторгѣ, потому что онъ живо напоминаетъ имъ академическіе годы и многіе образы родины, схваченные композиторомъ на лету и съ большимъ искусствомъ замаскированные его всеобновляющимъ талантомъ.

Но Faусту противны развратъ и шумные оргіи; Мефистофель услужливъ, какъ придворный, въ качествѣ дьявола, онъ предлагаетъ своему другу иное наслажденіе. Они вылетаютъ изъ бочки изъ погреба и несутся по пространству съ быстротою стрѣлы. Возлухъ визжитъ, испуганныя птицы, стадами, съ кри-

комъ, разсыпаются отъ ихъ быстраго полета. И вотъ, друзья на цветущихъ берегахъ Эльбы: рощи лепечутъ листьями, вѣга и благовоніе на лугахъ, хоры птицъ поютъ стройнымъ адажіо свои гимны. Здѣсь живопись и звукоподражаніе доведены до рѣзкаго совершенства. Роскошная, умиляющая картина весны и природы развертывается передъ вами. Чувства Faуста развязжены, Мефистофель пользуется этой минутой, чтобы укрѣпить его успокоительнымъ сномъ, привязать къ жизни соблазномъ сновидѣній. Ария его отзывается мужествомъ и сладострастіемъ: флейты придаютъ ей особенный колоритъ очарованія. Faустъ засыпаетъ подъ концертъ сильфовъ и гномовъ: это вѣнчаніе прохлады, благоуханіе розъ, тайный лепетъ листьевъ, перелитые въ звуки, которые овладѣваютъ всѣмъ существомъ слушателя. Концертъ все затихаетъ, по мѣрѣ того, какъ засыпаетъ Faустъ, и оканчивается тою дивною фантазіей, которую Berliozъ назвалъ *балетомъ сильфовъ*. Этотъ балетъ есть вершина всего, что досель являлось въ поэзіи и музыкѣ, для изображенія стихійнаго міра. Это родъ таинства ночи, где всѣ звезды обратились въ звуки, где всѣ цветы спелись въ хоро-воды. Невидимый міръ представляется тутъ подъ самыми обольстительными красками. Подъ вальсъ, исполняемый *morendo* скрыпками, и иногда пересыпаемый фантастическими нотами пиччикато арфъ и скрипокъ, какъ будто сорванными съ струнъ неварокомъ, кружатся и выются въ воздухѣ сильфы, разво-взмахивая сѣтчатыми крылышками. Эта пьеса такъ призрачна, такъ полна таинственности и граціи, что дыханіе замираетъ въ груди, боится проронить малѣйшій звукъ дивнаго музыкального сна, и когда эти видѣнія исчезаютъ отъ васъ вдали, и только еще слабыми и глухими отзывами барабана и арфы напоминаютъ о себѣ, вамъ не хочется разстаться съ очарованіемъ и руки невольно хлопаютъ, чтобы снова поднять завѣсу съ этого невыразимо—обаятельного міра.

Faустъ, сынъ земли, какъ и всѣ мы грѣшные, чувствуетъ тоже, что и вы; онъ просыпается и простираетъ руки къ дивному видѣнію, онъ жалобно призываетъ снова волшебныя тѣни и звуки. Мефистофель ведетъ его опять съ собою. Дорогою, имъ встрѣчаются солдаты, идущіе въ городъ и студенты, поспѣшающіе на любовныя свиданія и въ погребки. Хоръ солдатъ

живъ и мужественъ. Хоръ студентовъ торжественъ и веселъ. Они поютъ старинную пѣсню буршай:

Jam nox stellata et elatina pandit.

Nunc bibendum et amandum est. Vita brevis.

Fugaxque voluptas. Gaudeamus igitur

Dum juvenes sumus. ()*

Пэдъ-конецъ, оба хора сливаются вмѣстѣ въ великолѣпный финалъ, свѣжий и оригинальный, столь же искусный по роли, которую играетъ оркестръ, какъ и по сочетанію голосовъ и разнородныхъ мелодій въ одно цѣлое.

Вотъ вѣрный перечень того, что намъ удалось слышать изъ «Фауста», но мы не слыхали лучшихъ его частей, третьей и четвертой; передъ нами не являлась еще Гретхенъ, съ ея любовью и страданьями, молитвами и пѣснями. Можно себѣ вообразить, какъ чуденъ долженъ быть этотъ идеалъ любви, невинности и самоотверженія, подъ кистью такого композитора, какъ Берліозъ!

Многіе упрекали маэстро за либретто его фантастической легенды, говоря, что большая часть поэмы Гёте имъ выпущена. Странно и требовать, чтобы композиторъ положилъ на музыку всю эту необъятную эпопею, которая касается всего мира человѣческихъ идей, гдѣ метафизика и философія такъ ярко перемѣшаны съ явленіями жизни дѣйствительной. Берліозъ, почерпнувъ изъ нея одно поэтическое начало и часть драматическую и, въ этомъ случаѣ, поступимъ очень благоразумно. Онъ взялъ зерно, идею цѣлаго—и развилъ ее въ музыку по образцу Гёте.

Какъ Гёте, въ бессмертномъ своемъ твореніи хотѣлъ выставить элементы, составляющіе духовную жизнь цѣлой Германіи, такъ и Берліозъ рисуетъ разнообразныя части Германіи, заимствуя у каждой изъ нихъ ея особенный музыкальный колоритъ, т. е. проявленіе ея духа въ народныхъ звукахъ. Онъ переносить слушателя изъ воинственной Венгрии въ мечтательную Саксо-

(*) Ночь разстилаетъ звѣздный покровъ. Насталь часъ любви и вина. Жизнь коротка, радость мгновенна. Насладимся же, пока мы юны!

нию, отъ береговъ тихой Эльбы къ бурному Дунаю, и вездѣ грунты его картины вѣренъ и опредѣлителенъ. Гѣте написалъ колоссальную фігуру своего Фауста кистью широкою и могу́чую; это какое-то эксцентрическое явленіе: смѣсь германской мечтательности и немецкой дѣятельности; холоднаго скептицизма и пламенныхъ страстей; неудовлетвореннаго рвения и не-постижимой нерѣшительности; духъ ясновидѣнія и духъ сомнѣнія вмѣстъ. Но всю эту живопись можно передать въ четырехъ словахъ: борьба разума съ тайнами природы. Эта идея доступна и для музыки, и Берліозъ, заимствовавъ ее у поэта, остался, въ этомъ отношеніи, вѣренъ своему идеалу. Берліозъ внесъ въ свою музыкальную поэму все, что только Германія представляетъ поэтическаго, начиная отъ студенческихъ оргий до мечтаний о стихійныхъ мірахъ; отъ набожнаго чувства до вѣрованій въ фантастическое віяніе эзотерическихъ силъ; отъ идеалистической жизни полей до глубокихъ думъ ученыхъ кабинетовъ. И въ цѣломъ созданіи его господствуютъ живопись, оригинальность, энергія и стройное величие, достойныя великаго поэта, творца «Фауста».

Въ музыкальномъ отношеніи, онъ сдѣлалъ гораздо болѣе: онъ далъ новыя, то пѣвчительныя, то потрясающія, формы избитой темѣ фантастического изображенія; онъ освободилъ оркестръ отъ рабства въ мѣстахъ, где онъ долженъ сочетаться съ пѣніемъ: у него оркестръ не аккомпанируетъ, а играетъ своеобразную роль, хотя и совпадающую идею съ ролью голоса. Онъ внесъ въ фактуру вокальной части новыя и оригинальныя формулы; паконецъ, извлѣкая изъ каждаго инструмента всѣ тонкости, до которыхъ довело его современное искусство, и не давая ни одному изъ нихъ отдѣльного господства надъ остальными, онъ обратилъ оркестръ въ одинъ стройный, мощный, все-выражающій инструментъ, въ органъ, который, подъ его волшебною рукою, съ одинакимъ совершенствомъ можетъ передать всѣ мелкие оттенки чувства и всѣ, даже самыя мимолетныя, явленія природы.

Этотъ-то оригинальный роль оркестровки и составляетъ камень преткновенія для критиковъ Берліоза. Они хотятъ разбить подробности, дѣйствія и эффектъ каждой музыкальной силы отдельно, а композиторъ подавляетъ ихъ массою и увлекаетъ эффектомъ цѣлаго. Всякий анализъ частностей становится невозможнымъ и музыкантка—рецензенты рвутъ на себѣ волосы,

оттого, что маэстро ускользает отъ нихъ, такой быстрой, блестящей, обольстительной змѣю, которая, свиваясь въ разнообразныя кольца, придастъ изъ рукъ и не оставляетъ слѣдовъ въ точкахъ своею прикосновенія. Не на что упереться, не къ чему придраться въ сужденіяхъ. «Судите меня по впечатлѣнію, говоритъ имъ авторъ «а не по способу, которымъ я его произвелъ!» Въ этомъ отвѣтѣ заключается вся тайна новой стихіи, внесенной Берліозомъ въ музыку, и которую пора бы примѣнить ко всемъ искусствамъ. Цѣль искусствъ — дѣйствовать на душу созерцателя или слушателя; требуйте отъ него, чтобы оно дѣйствовало на вашу душу; но когда оно достигаетъ цѣли, когда вы растроганы и увлечены, какое вами дѣло знать, гдѣ куплены полотно и краски живописца, изъ какого камня или металла статуя, на какой бумагѣ поэтъ писалъ свои мечты, и какие крючки и закавычки композиторъ употребилъ въ партитурѣ? Этотъ повальный обыскъ въ дѣлѣ искусствъ смѣшонъ и нельзя до крайности. Ведь не спрашиваютъ же полководца, одержавшаго победу, не отступилъ ли онъ отъ правилъ, созданныхъ знаменитыми тактиками? Какъ-же требовать отъ искусствъ, которымъ дано пышное название *свободныхъ*, чтобы они подчинялись узамъ, отнимающимъ свободу у порывовъ мысли и воображения, чтобы они не выходили изъ правилъ, начертанныхъ людьми, не могшими никогда измѣрить и предвидѣть всю необытность творческаго духа.

Окрестровка Берліоза всегда представляла два важныхъ затрудненія при исполненіи: не вездѣ можно было найти достаточное число музыкантовъ (*Фаустъ*, напримѣръ, требуетъ 300 музыкантовъ); не все капельмейстеры, привыкшіе слѣдить за мертвую буквою и вести свой оркестръ по предписанію партитуры, проникали въ мысль и намѣренія Берліоза, которыхъ нельзя изобразить знаками. Они видѣли хаосъ тамъ, гдѣ, при проникновеніи въ идею музыкального изображенія, выходитъ ясная, поразительная картина представляемаго предмета. Поэтому, сочиненія Берліоза не могли такъ-же легко проѣжать по оркестрамъ всей Европы, какъ произведениа другихъ компонистовъ, а появляясь въ некоторыхъ изъ нихъ, были представляемы публикѣ не въ настоящемъ своемъ свѣтѣ. Капельмейстеръ, какъ актеръ, какъ переводчикъ, долженъ стоять на высотѣ своего автора. Иначе, не постигая его, онъ не мо-

жеть передать его произведения. Къ-несчастію, большая часть капельмейстеровъ—только хорошие контрапунктисты, люди навыка. Они умѣютъ читать партитуру à livre ouvert и постигаютъ законы звукосочетаній и переходовъ изъ тона въ тонъ, по принятымъ уставамъ музыки—и только. Большое счастіе, если при этомъ они еще сами не кропаютъ музыки, а то бѣда: — умничаньямъ нѣть конца; они, подобно плохимъ режиссерамъ, бѣрутся поправлять и измѣнять чужія творенія и, въ близорукости своей, по большей части, выбрасываютъ изъ нихъ здравый смыслъ. Чего же долженъ ожидать отъ такихъ рыцарей жезла композиторъ, который является съ совершенно-новыми стихіями музыки, съ творчествомъ и возврѣніемъ на искусство, никакъ не похожимъ на всѣ предшествовавшіе образцы?

Берліозъ постигъ опасность, угрожающую его славѣ, его завѣтнымъ идеямъ, и рѣшился самъ лично представить ихъ Европѣ, въ точномъ и надлежащемъ видѣ. Съ этой цѣлію, онъ объѣзжаетъ важнѣйшія столицы образованаго міра и даетъ концерты, въ которыхъ исполняются его геніальные творенія, подъ личнымъ его управлениемъ.

И надо видѣть этого худощаваго человека, съ его вдохновенной физиognоміею, его орлинымъ носомъ и орлиными глазами, когда онъ всходитъ на эстраду, съ которой господствуетъ надъ этими сотнями инструментовъ и пѣвцовъ. Это волшебникъ, котораго жезлу повинуются всѣ духи звуковъ, то ревутъ и грохочутъ по его знаку, то нѣжно замираютъ и ропщутъ по царственному мановенію. Здѣсь онъ въ своей стихіи: взглядомъ, жестомъ, движеніемъ тѣла онъ поднимаетъ вокругъ себя бури, проводить молніи, заставляетъ пѣть и плакать свой оркестръ; то взовьетъ звуки до небесъ, то придавитъ ихъ къ землѣ. Оркестръ, подъ его руками, перестаетъ быть сборищемъ музыкантовъ, съ разнонародными инструментами, разными мыслями и волею, это одинъ послушный инструментъ съ клавишами и педалями, изъ которыхъ творецъ вызываетъ звуки по своей прихоти. Многіе, прочитавъ въ афишѣ, что въ концертахъ будутъ участвовать 300 музыкантовъ, хористы театровъ и полковые пѣвчіе, приходили въ ужасъ, ожидая оглушительной музыки, въ которой ничего не разберешь, и которая разбиваетъ голову своими барабанами и трубами, ожидали нѣчто въ родѣ инвалидныхъ концертовъ, и были чрезвычайно поражены, ког-

да услышали музыку светлую, стройную, въ которой ясно и отчетливо отъдается каждое мѣсто, высказывается каждая фраза, и слушая которую, надо, иногда, притянуть дыханіе, чтобы уловить ея тонкіе и граціозные звуки. Глядя на Берліоза-критика, когда онъ вооруженъ жезломъ музыкального фельдмаршала, обѣ немъ можно сказать почти тоже, что говорили римляне о Юліи Цесарѣ: «своймъ всепобѣждающимъ мечемъ — онъ пишетъ давнымъ слогомъ!»

Во второмъ концертѣ, Берліозъ познакомилъ насъ съ первой своей фантастическою симфоніею, написанною въ 1830 году «Жизнь артиста». Идея этой симфоніи заключается въ томъ, что въ душѣ артиста смѣшиваются, до мономаніи, двѣ страсти — любовь къ музыке и любовь къ девушки. Во всѣхъ музыкальныхъ образахъ онъ встрѣчаетъ ея образъ и тоже дѣлается со всѣмъ, что онъ самъ творитъ. Вся маленькая драма сердца — нѣжность, желаніе, радость сближенія, ревность, сомнѣніе, отчаяніе,—нарисованы въ этой симфоніи съ теплотой, вдохновеніемъ и истинною поразительною. Все глубоко прочувствовано, и не мудрено: эту симфонію композиторъ взялъ прямо изъ своего сердца, она была внушена его собственнюю эксцентрическою любовью къ миссъ Смитсонъ его нынѣшней супругѣ. Вторая часть симфоніи рисуетъ баль; третья, — самая свѣжая и оригинальная, — сельскую картину: пастухи перекликаются на рогахъ, эхо горъ имъ вторитъ; эта перекличка навѣваетъ мечты страстному артисту, онъ теряется въ лабиринтѣ своихъ отрадныхъ фантазій, — но громъ пробуждаетъ его изъ забвенія. Въ четвертой части, — страсть его доходитъ до крайней точки отчаянія. Онъ хочетъ умереть и выпиваетъ опіумъ, но ядъ производить только тревожный сонъ: ему снится измѣна, онъ убиваетъ свою любовницу, онъ осужденъ, его ведутъ на казнь. На эшафотѣ, онъ вспоминаетъ всѣ свои счастливыя минуты, повтореніе начального и главнаго мотива это прекрасно выражаетъ, но все — счастье и горе—прекращается роковымъ ударомъ топора.

Берліозъ разсказываетъ вамъ эту маленькую поэму съ очаровательнымъ музыкальнымъ краснорѣчіемъ и разсказать его такъ и клюкочеть страстью и юношескимъ жаромъ. Въ позднѣйшее время, онъ написалъ, въ Италии, пятую часть къ этой симфоніи, въ которую ввелъ и вокальную музыку. Мы ее не

слишали, но иностранцы ставятъ ее выше первыхъ четырехъ частей. Впрочемъ, это творение далеко уступаетъ въ своей оригинальности «Фаусту» и «Ромео»; оно составлено по образцамъ Глюка и Бетховена, съ строгимъ соблюдениемъ старыхъ музыкальныхъ законовъ. Пьеса эта посвящена Государю Императору.

Объ инструментальномъ исполненіи творений Берліоза нечего и говорить. Мы не узнали нашихъ оркестровъ: въ нихъ явилась жизнь и душа, подъ мановеніемъ мощнаго и гениальнаго жезла. Хоры шли порядочно; для исполненія же главныхъ вокальныхъ партій, Фауста и Мефистофеля, Берліозъ, за отсутствіемъ нашей итальянской оперы, не могъ найти артистовъ болѣе даровитыхъ, чѣмъ г. г. Ричарди (теноръ) и Ферзингъ. Партіи эти состоять преимущественно изъ речитатива, а чтобы передавать речитативъ съ эффектомъ и силою требуется болѣе искусства, чѣмъ голоса.

Честь, которую Берліозъ оказалъ Петербургу своимъ пріездомъ, даетъ нашей столицѣ еще болѣе права гордиться своею музыкальностію. Всѣ друзья искусства, по-крайней-мѣрѣ, благодарны ему отъ глубины души.

Концерты г. Блаза.

Іосифъ Блазъ принадлежитъ нынѣ къ самымъ замѣчательнымъ артистамъ Европы. Онъ сынъ почтеннаго брюссельскаго купца и родился въ столицѣ Бельгіи, въ 1814 году. Съ самаго дѣтскаго возраста открылась въ немъ непреодолимая склонность къ музыкѣ, но, по непонятному самонравию, отецъ его долго противился страсти молодаго Блаза, не смотря на то, что самъ былъ замѣчательный klarinetistъ и основатель знаменитаго общества Великой-Гармоніи (*société de la grande-harmonie*), которымъ и дирижировалъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ. Наконецъ, въ 1827 году, онъ согласился отдать сына въ королевскую брюссельскую Консерваторію. Подъ руководствомъ искуснаго и ревностнаго наставника, Бахмана, Іосифъ Блазъ удивлялъ всѣхъ своими быстрыми успѣхами. Бельгійская революція 1830 года, остановивъ, на время, дѣйствія Консерваторіи, не остановила однакожъ стараний и прилежанія Блаза. Когда это училище снова было открыто въ 1832 году, Блазъ

опять поступилъ въ число его питомцевъ и, по всеобщему, единогласному присуждению, получилъ черезъ два года первую премію за игру на кларнетѣ. Вслѣдъ за этимъ успѣхомъ, онъ былъ назначенъ первымъ солистомъ Общества Гармоніи и первымъ кларнетистомъ королевской оперы. Послѣ этихъ первыхъ успѣховъ, Блазъ отправился въ Парижъ, чтобы тамъ еще болѣе образовать свой талантъ. По возвращеніи оттуда, онъ былъ сдѣланъ профессоромъ брюссельской Консерваторіи и наименованъ первымъ солистомъ короля Бельгійцевъ. На слѣдующій, 1839 годъ, онъ снова поѣхалъ въ Парижъ, но уже съ цѣлю— выступить передъ публикою. 10-го февраля, онъ въ первый разъ игралъ въ концертѣ парижской Консерваторіи! Всѣмъ известно, что такое эти концерты! Это образцовое исполненіе образцовыхъ твореній Моцарта, Бетховена, Гайдна и другихъ классиковъ, первоклассными артистами, первымъ оркестромъ въ мірѣ, передъ публикою, составленною изъ знаменитѣйшихъ имёнъ Европы, артистическихъ, литературныхъ и политическихъ. Здѣсь-то Блазъ выступилъ впервые на строгій музыкальный судъ, увлекъ, восхитилъ своихъ слушателей, и общимъ приговоромъ Керубини, Габенека, Бальо и Тюлу — былъ провозглашенъ *великимъ артистомъ*.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого торжества Общество концертовъ Консерваторіи поднесло Блазу золотую медаль, при самомъ лестномъ письмѣ.

Послѣ этой овациіи, Блазъ предпринялъ путешествіе по Европѣ и давалъ концерты во всѣхъ значительныхъ городахъ, въ Нантѣ, Бордо, Тулузѣ, Марсели, Неаполѣ, Римѣ, Миланѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Варшавѣ и, съ 1842, прогостили у насъ въ Петербургѣ полтора—года, образовалъ двухъ превосходныхъ кларнетистовъ и доставилъ публикѣ случай неоднократно наслаждаться своимъ непостижимымъ талантомъ.

Наконецъ, мы снова слышали этого необыкновенного артиста и до-сихъ-поръ впечатляющаго, имъ произведенное, неизгладимо въ душѣ и слухѣ! Честь и слава Бельгіи, отчизны прекраснѣйшихъ музыкальныхъ дарованій нашего времени! Въ этомъ маленькомъ королевствѣ почти всѣ безъ исключенія занимаются музыкою. Роскошь богача — музыка; утѣшеніе бѣдняка — музыка; нѣтъ такой деревушки, где бы не нашлось маленькаго оркестра, состоящаго изъ струннаго квартета и двухъ или трехъ

духовыхъ инструментовъ. Послѣ дневнаго труда, всякий крестьянинъ отдыхаетъ — упражняясь на своемъ инструментѣ, самочкою доходитъ до всѣхъ его тонкостей. Въ главнѣйшихъ городахъ Бельгіи вкусъ къ музыкѣ развить еще болѣе. Въ Брюсселе, Антверпенѣ, Гентѣ, Брюггѣ и Люттихѣ множество лиллетантовъ, которые съ страстью занимаются музыкой и весь свой досугъ посвящаютъ трудному изученію избраннаго ими инструмента. Музыкальныи консерваторіи Бельгіи превосходно устроены; награды, ими раздаваемыи, почитаются великою честью, потому-что ареопагъ судей составленъ изъ первыхъ музыкальныхъ знаменитостей Европы. Удивительно ли послѣ этого, что Бельгія произвела такое множество превосходныхъ артистовъ! Между ними почетное мѣсто занимаютъ Фетисъ, какъ артистъ и критикъ, Беріо, Гаумавъ, Арто и Гисъ, отличные скрипачи; Батта и Серве превосходные віолончелисты; Меньгаль, первый трубачъ парижской оперы и, наконецъ, Блазъ, неподражаемый кларнетистъ. Кларнетъ инструментъ самый неблагодарный: въ немъ есть крикливыи, шаршавыи звуки, которые, при самой отличной игрѣ, непріятно действуютъ на слухъ. Блазъ довелъ этотъ инструментъ до магического совершенства: его кларнетъ занимаетъ въ оркестрѣ такое-же мѣсто, какъ скрипка и віолончель, если не выше ихъ. Онъ какъ-будто вливаетъ въ него человѣческій голосъ и кларнетъ его поетъ, поетъ упоительно, со всеми оттенками страсти, нѣги, меланхоліи, со всемъ блескомъ радости и роскоши. Нельзя описать наслажденія, которое вы чувствуете при игрѣ его. Вамъ кажется, что душа Малибанъ или Каталаніи заключена въ этотъ стволъ изъ чернаго дерева и поетъ въ немъ, просясь вонъ — въ отчизну гармоніи и звуковъ. Но сколько вкуса, игривости, граціи въ этомъ пѣніи! Для Блаза не существуетъ никакихъ трудностей: послушный инструментъ его готовъ вамъ перелать труднѣйшія скрипичныи вариациіи и простую швейцарскую пѣсню — съ тою же легкостью и непринужденностью. Звукъ его кларнета ростетъ и замираетъ, какъ будто онъ отданъ въ игрушку вѣтру. Всѣ переходы страсти переливаются подъ его клапанами электрической струею, которая потрясаетъ васъ до глубины души, до мозга костей. И все это не стоитъ ни малѣйшаго усиленія артисту: на его спокойномъ фланандскомъ лицѣ вы видите только выраженіе той страсти, которую онъ достаетъ изъ глубины души своей и вли-

ваетъ въ инструментъ, а оттуда прямо въ ваше сердце. Но вотъ онъ заигралъ альпійскую пастораль... Гдѣ вы? Вы въ роскошной долинѣ, на берегу рѣчки: около васъ благоухаютъ луга; вечеръ роскошенъ, воздухъ чистъ... Слышите-ли, какъ замираетъ звукъ рожка... а вотъ ему вторить эхо за ближней горой, вотъ оно отзыается далѣе... еще далѣе... и вотъ вдали чуть слышнымъ, мечтательнымъ звукомъ оно совсѣмъ потухаетъ въ воздухѣ! Вы очарованы, и этимъ очарованіемъ облазны удивительному таланту артиста, который скромно стоитъ передъ вами, какъ бы удивляясь вашему восторгу, вашему аплодисману. Все, что Блазъ дѣлаетъ изъ своего инструмента, принадлежитъ собственно индивидуально ему одному. Не говоря уже о совершенствѣ исполненія, которое на духовомъ инструментѣ гораздо труднѣе, чѣмъ на струнномъ, или на фортепиано, потому-что тутъ, кромѣ гибкости и бѣглости нальцевъ, играетъ важную роль дыханіе. Въ игрѣ Блаза столько мысли, столько живаго сообщительнаго чувства и вкуса, что рѣшиительно не знаешь, чему болѣе удивляться въ этомъ артистѣ, таланту ли экзекютёра, доведенному до апогея, или тому глубокому музыкальному самоощущенію, которымъ проникнута и переполнена его душа. Правда, г. Блазъ извлекъ всѣ выгоды, какія только могъ представить его инструментъ, и пользуется ими съ большимъ успѣхомъ, но онъ не употребляетъ ихъ во зло. Все искусство состоитъ въ приложеніи эффектовъ инструмента къ выражению музыкальной мысли, къ характеристики музыкального созданія. Эту тайну нашъ артистъ постигъ вполнѣ. Большая часть отличныхъ исполнителей, употребляя безпрерывно эффекты своей игры, чтобы придать болѣе вѣса своему искусству, часто, сами того не замѣчая, впадаютъ въ родъ музыкального шарлатанства, которое, наконецъ, становится приторнымъ, потому — что каждая идея музыкальная гибнетъ въ нихъ выкрутасахъ или теряетъ свою простоту и величественность, а потому и прямое вліяніе на слушателей. У Блаза именно все выходить на оборотъ: восхищаешься прекрасной музыкой, которая такъ и проникаетъ въ сердце, и почти не дивишься трудностямъ исполненія, потому-что они не выставлены на показъ исполнителемъ и усилия его незамѣтны. Всякий, кто услышитъ, какъ поетъ, плачетъ, и смѣется klarнетъ Блаза, увлеченъ, тронутъ, проникнутъ его звуками, но не всякий пойметъ,

какъ это трудно, чего стоило артисту дойти до этой естественности и простоты выражения. Кларнетъ Блаза—также скрипка, для него нѣтъ невозможнаго, онъ даже больше, чѣмъ скрипка, ибо не имѣть ея крикливыхъ звуковъ и поеть сопрано, контратно и басомъ, какъ человѣческий голосъ. Въ музыкальныхъ пьесахъ Блаза, написанныхъ имъ для кларнета, чудесно сгруппированы всѣ ощущенія души человѣческой: радость, слезы, любовь, гнѣвъ, ревность и нѣга выражаются такимъ внятнымъ для каждого языкомъ, что въ характерѣ ихъ обознаться невозможно. Импровизаторъ, кажется, подъ любое соло Блаза, подвелъ бы тутъ-же стихи и вышла бы поэма, полная жизни, движенія, энергіи. Но главное достоинство его — это *живопись*: тутъ онъ настоящій Клодъ Лорренъ, Шеруджино или Караваччи. Онъ переноситъ васъ сплошью звуковъ изъ роскошной долины Савои на Альпійскія горы, къ берегу бурнаго моря или тихожурчащаго ручья, съ такою легкостью, съ какой самое пламенное воображеніе не набросило бы вамъ очерка этихъ явлений. Его замирающее эхо, его переливы водъ, его щебетанье птицъ и пѣсни — верхъ искусства инструментальной живописи; такъ ярокъ, свѣжъ и вѣренъ колоритъ. Вотъ почему въ залѣ, наполненной слушателями, такая мертвая тишина, какъ будто въ ней никого нѣтъ, когда онъ играетъ своими звуками; у всѣхъ воображеніе раздражено и душа летаетъ за этими звуками далече. Но чуть они умолкли,—все проснулось, встреснулось, пришло въ себя и тутъ только замѣчаютъ иллюзію и осыпаются высокаго художника криками браво и рукоплесканіями.

Его амбушюръ, клавіатура пальцевъ, метода — истинно-оригинальны и не могутъ быть переяты: пѣніе кларнета умереть вмѣстѣ съ нимъ. Онъ такъ мастерски управляетъ своимъ инструментомъ, что часто нельзя дать себѣ вѣрнаго отчета, на чемъ онъ играетъ: на англійскомъ рожкѣ, на флейтѣ, гобоѣ или на скрипкѣ? Пока не слышали скрипокъ Шагавини, Оле-Буля, Вѣтана и Эриста не знали порядкомъ, что такое скрипка и какія дивныя тайны очарованія заключены между ея досками; до Ромберга и Серве не понимали всей прелести виолончеля; можно рѣшительно прибавить, что до Блаза никто и не воображалъ, что кларнетъ можетъ быть главнымъ, господствующимъ инструментомъ оркестра, ближайшимъ къ голосу человѣческому,

этому совершеннейшему, нерукотворенному инструменту природы. Въ его рукахъ кларнетъ перестаетъ быть чѣмъ-то среднимъ между пилою и лаемъ собаки, онъ дѣлается волшебнымъ жезломъ, который обладаетъ вѣсть мелодіею, нѣговою и невольно увлекаетъ въ міръ фантазіи. Его звуки рисуютъ природу и въ тоже время насылаютъ ее жизнию.

Послушавъ Блаза, легко объяснить себѣ всеобщій восторгъ, который онъ возбуждалъ въ Германіи, Франціи и Англіи и тѣ безчисленные стихи, которыми его засыпали французскіе поэты.

Но Блазъ не только отличный исполнитель, онъ, въ то-же время, прекрасный компонистъ. Піесы его сочиненія, которые онъ игралъ въ своемъ концертѣ, исполнены музыкальныхъ достоинствъ. Онъ и въ творчествѣ своемъ не похожъ на прочихъ артистовъ и, хотя пишетъ для своего инструмента, во не дѣлаетъ его единицею, около которой другіе инструменты могутъ быть только вулами. Правда, его кларнетъ играетъ главную роль въ его созданіи, но не господствуетъ надъ оркестромъ. Концертъ его сочиненія носитъ на себѣ клеймо какой-то средины между чистою, пѣвучею простотою германской и мелодической игривостью итальянской музыки.

На этотъ разъ, г. Блазъ послѣдилъ насъ съ своей супругою, известною уже нашей публикѣ, пѣвицею Мерти. Г-жа Блазъ-Мерти одарена прекраснымъ контрапункто, или, вѣрнѣе сказать, меццо-сопрано; въ пѣніи ея много кокетливой наивности, хотя въ немъ ощущается некоторый недостатокъ драматического эффекта. Низкія ноты ея сильны и довольно густы и притомъ отличаются звукомъ (*timbre*). Она мастерски поетъ романсы и пѣсни Швейцаріи, особенно тѣ, въ которыхъ мужъ ея вторить ей на своемъ волшебномъ кларнетѣ, на-примѣръ, *пастушескую пѣсню* (*ganze de vaches*) Майера-Бера. Съ силою ея голоса и живостью характера, г-жа Мерти была бы очень пріятнымъ явленіемъ въ оперѣ.

Концерты г-жи Кристіани.

Віолончель, инструментъ, болѣе назначенный для верховойезды, чѣмъ для плененія слуха. Надо быть такими наездниками, какъ Серве и Ромбергъ, чтобы заставить его пѣть и

выражать всѣ капризы своенравнаго воображенія и поэтически-настроенной души. Безъ того, онъ ржетъ и фыркаетъ, весьма не очаровательно. Прежде всего онъ требуетъ физической силы, принадлежности мужчины; грубая и шаршавыя струны віолончели покорно сгибаются только подъ мощными пальцами, которые не боятся мозолей, его огромный смычокъ повинуется только крѣпкой, размашистой рукѣ.

Не смотря на то, женщины, стараясь во всемъ стать въ уровень съ мужчиной, въ чемъ и состоитъ главная идея ихъ эмансипаціи, перенимаютъ у него все, отнимаютъ у него господство надъ всѣмъ. Загляните въ цирки: кто лучшіе, смѣлые и искуснѣйшіе наездники? женщины, — Каролина Лойо, Полина Кюзанъ. На театрахъ—молоденькія актрисы отняли у молодыхъ людей роли первыхъ любовниковъ; сестры Миланолло вырвали скрышки у Сивори и Эрнста; г-жа Кристіана присвоила себѣ віолончель.

Мало того, что тутъ много отваги и смѣлости, тутъ еще больше: тутъ есть героическое самоотверженіе, добровольное отступлевіе отъ врожденной женщинѣ робости, которая дѣлаетъ ее плѣнительною въ глазахъ сильнѣйшаго—по названію, но въ сущности, слабѣйшаго пола; отреченіе отъ граціи и кокетства, двухъ всепобѣждающихъ орудій женщины. Не говоримъ уже о верховойъ ѣздѣ; мужское платье отнимаетъ всю прелестъ у формъ, которыя заманчивы только подъ таинственнымъ покровомъ газовъ и дымки, щекочутъ воображеніе, заставляя его угадывать недорисованное костюмомъ, теряющееся въ ревнивыхъ складкахъ, въ сгибахъ нравственнаго корсажа; къ-сожалѣнію этого не хотятъ постигать молодыя вѣтренницы. Скрышка корчитъ станъ въ неестественныхъ угловатости, выгибаєтъ пухлую шейку жчутомъ, морщитъ нѣжный подбородокъ, прижимающій инструментъ къ высокой груди. Какова бы ни была нѣжность и сила звуковъ, прелестъ мелодіи, смѣлость и совершенство исполненія, а все-таки жаль нѣжной шейки, царапаемой инструментомъ; этихъ бѣлыхъ плечъ, искарамыхъ скиманіемъ; тонкихъ пальчиковъ, на которыхъ струны натираютъ мозоли. Удивляясь жертвѣ, принесенной любви къ искусству, нельзя въ то же время не пожалѣть о ней.

Віолончель гораздо скромнѣе въ своихъ требованіяхъ. Онъ оставляетъ туловищу свободу, а физиогноміи всю ея ясность, не

отнимает изящества у шейки и премило обрисовывает пухлые формы руки. Когда женщина играет на виолончели, жалеть не о чём, остается только наслаждаться.

Г-жа Луиза Кристіани, ухватясь за этот инструментъ, по одному изъ тѣхъ странныхъ женскихъ каприсовъ, для которыхъ напрасно станете искать объясненій въ природѣ вещей, не могла господствовать надъ нимъ отличиемъ мужчины—силою, но она отыскала въ немъ элементы, наиболѣе постигаемые и лучше всего выражаемые женщинами—нѣжность, чувство и выразительность. Игра ея подобна ея физиognоміи—она строга, но привлекательна, нѣжна и поразительна. Г-жа Кристіани извлекаетъ изъ виолончели тѣ звуки, которые доступны только скрипкѣ и голосу человѣческому, да развѣ еще klarнету Блаза. Она прекрасно фразируетъ и поетъ мужественнымъ голосомъ своего инструмента съ необыкновеннымъ выраженіемъ и прелестью; въ ней замѣтнъ музыкальный инстинктъ и чувство мелодіи, отличающія итальянцевъ. Въ игрѣ этой артистки вы не найдете трудностей аппликатуры, дерзкихъ выходокъ смычки и той полноты и силы звуковъ, которыми удивляетъ Серве; когда играетъ Серве, вы—такъ сказать—смотрите ухомъ, когда играетъ Кристіани, вы—слушаете сердцемъ. Ея переходы не эффектны, но граціозны; ея пиччикато не поразительны, но кокетливы; смычекъ ея поетъ, но поетъ съ мягкостію и нѣгою, поетъ отъ души и пѣснь его невольно льется въ душу, потому что она насквозь проникнута чувствомъ. Словомъ, талантъ г-жи Кристіани—совершенно женскій талантъ, то есть, талантъ тонкій, обаятельный, полный вдохновенной настроенности, къ которой мужчина неспособенъ. Г-жа Кристіани никогда не можетъ почеститься неподражаемой экзекуторкой, но вы всегдачувствуете въ ней превосходную музыкантшу. Пьесы, выбираемыя ею для исполненія, всегда соответствуютъ роду ея игры и настройству души: это, по большей части, кантабиле—безъ блестящихъ и быстрыхъ пассажей; пьесы, где можно скорѣе выказать душу и мысль, чѣмъ превосходство игры. Г-жа Кристіани настоящая Камила Плейель—виолончеля. За то, послушайте у ея смычка пѣсенъ Шуберта: это пѣніе съ томленіемъ, нѣгою и глубокимъ чувствомъ, какъ его умѣетъ выражать одна Виардо. Превосходно такъ же подражаніе рожку; отвернитесь отъ эстралы и вы подумаете, что артистка перемѣнила свой

инструментъ. Виолончель у Луизы Кристіани — всегда мнѣ кажется лвомъ у ногъ Венеры, или быкомъ подъ вошою Европы. Эта артистка доставила Петербургу большое наслажденіе, т. е. небольшой части Петербурга, да будетъ надъ нею покровъ св. Цециліи.

Слава г-жи Кристіани еще молода, какъ и сама артистка. Ова началась съ ея первого концерта въ Парижъ, данного въ юнѣ прошлаго года. Но съ-тѣхъ-поръ, ова пожала уже много лавровъ въ музыкальной Германіи. Французы были увлечены; немцы не такъ легко увлекаются, но за то приговоръ, произнесенный ими, съ холодной флегмою, гораздо прочнѣе и дѣйствительнѣе французскихъ восторговъ. Немцы причислили г-жу Кристіани къ первокласснымъ артистамъ, и кто ее слышалъ, не вольно съ этамъ согласенъ.

Концерты г. Эриста.

Нѣть инструмента, который былъ бы поставленъ на такую высокую степень совершенства, какъ скрышка. Съ-тѣхъ-поръ, какъ музыкальный Колумбъ — Паганини открылъ для нея новый міръ, съ каждымъ годомъ являются великие скрыпачи, достойные послѣдователи его школы. Стало быть, тайна Паганини не умерла съ нимъ, какъ многие полагали, и Европа теперь считаетъ до десяти представителей этого инструмента — изумительныхъ, знаменитыхъ, болѣе или менѣе подходящихъ къ своему великому образцу. Прослушавъ Оле-Буля, Вьетана, Сивори, Гаумана, Арто, Гиза и Гаузера, мы получили полное и блестящее понятіе объ этой школѣ, которая научила побѣждать всѣ трудности, пѣть на скрыпкѣ человѣческимъ и всѣми птичьими голосами, выражать звуки съ бѣглостью и быстротою, совершать туръ-де-форсы, достойные Пинетти и Боско, щеголять арпеджіями, tremolами и пиччикато. Теперь мы слышали Эриста, и для полнаго комплекта, намъ остается только познакомиться еще съ Беріо, Панофкою и Габенекомъ, и тогда мы вполнѣ освоимся съ этой знаменитой семьею скрыпачей, которые въ десяти личностяхъ своихъ представляютъ одно

бесмертное лицо Паганини. Стало быть, все свойства и превосходства, внесенные въ скрипичную игру Паганини, теперь совершенно известны и оценены по достоинству: пора перестать имъ удивляться, пора взглянуть на нихъ, не какъ на невозможности и затрудненія, но какъ на великія усовершенствованія инструмента въ пользу самого искусства, т. е. какъ на средства исполненія, могущія служить для лучшаго выраженія великихъ и прекрасныхъ чувствъ и музыкальныхъ мыслей.

Скрипка главный инструментъ въ оркестрѣ, ибо она выразительнѣе всѣхъ другихъ и господствуетъ надъ всѣми остальными. Ей композиторы повѣряютъ всегда самыя завѣтныя свои идеи, ея голосомъ передаютъ всѣ нѣжныя и свѣтлые ощущенія своей души. Роль ея значительна и должна заслуживать особенного вниманія. Просмотрите партитуры квартетовъ Моцарта, немногоголосныя сочиненія Бетховена, секстюоръ Майзедера, пьесы Бальо, созданія Мендельсона-Бартольди — и вы увидите, какую прекрасную часть въ нихъ они удѣлили скрипкѣ. Само собою разумется, что усовершенствованіе скрипки даетъ новый блескъ этимъ твореніямъ и открываетъ много новыхъ способовъ будущимъ композиторамъ. Но теперь, когда эти усовершенствованія сдѣлались всеобщимъ достояніемъ, когда они, такъ сказать, принадлежатъ навыку и старанію, подкрепленному страстью и способностію, когда даже деви, подобные Эйхгорнамъ и Дмитріеву, и девочки, подобныя сестрамъ Миланолло, могли изумлять слушателей совершенствомъ и отчетливостію своей игры, побѣженіемъ всѣхъ трудностей, неимовѣрными турь-де-форсами à la Паганини, теперь, говоримъ мы, исполнительная часть не составляетъ болѣе существенной и главной стихіи великаго скрипача. Мы вправѣ нынѣ требовать, чтобы совершенство исполненія было прилагаемо къ совершенству постиженія, къ выраженію глубокаго чувства, къ передачѣ съ ясностію и увлекательностію идей композиторовъ глубокихъ, создавшій музыкально-поэтическихъ.

Мы признаемъ великимъ артистомъ только того скрипача, который самъ въ душѣ музыкантъ и душу свою выливаетъ на струны. Поэтому, главный судъ надъ нимъ можетъ быть произведенъ только по прослушанію его собственныхъ твореній.

Нѣть спора, г. Эристъ великий исполнитель, одинъ изъ пер-

вокласныхъ скрипачей посль Оле-Буля и Вьетана, двухъ свѣтлъ первой величины. Мы ве сравнимъ его ни съ Гауманомъ, ни съ Сивори, вѣ говоря уже о другихъ; но мы не можемъ не сознаться, что вѣ немъ вѣты той геніальности, тѣхъ смѣлыхъ вымысловъ, того блестательного вдохновенія, которые составляютъ отличительный характеръ и твореній и игры Оле-Буля; вѣты той свѣтлой отчетливости и того музыкального проникновенія, которыхъ дѣлаются изъ Вьетана высокаго художника.

Всѣ трудности побѣждаются г. Эрнстомъ съ легкостю изумительною; они доведены въ игрѣ его даже до злоупотребленія; смычокъ его плавенъ, аппликатура вѣрна, могучая, произношеніе отчетливо. Довольно сказать, что Паганини завѣщалъ ему одну изъ лучшихъ своихъ скрипокъ, настоящаго Страдуаріуса; это значитъ, что знаменитый основатель новой скрипичной школы почиталъ его достойнымъ своимъ послѣдователемъ. Но скрипка эта, въ рукахъ Эрнста, слишкомъ чувствуетъ свое преимущество: она иногда криклива и хвастлива; пѣніе ея мужественно, иногда вѣжно, но почти всегда холодно и, по большей части, лишено той свѣтлости чувства, которая одна западаетъ въ душу слушателя. Эрнстъ никогда не произведеть того поразительного и трогательного эффекта, какой производить Вьетанъ, на-примѣръ, въ знаменитомъ тріо «Ломбардовъ», когда своимъ дивнымъ пѣніемъ заставляетъ забыть три поющіе голоса и принять *trio* за четырехголосный квартетъ. Вотъ настоящее торжество скрипки!

Сочиненія г. Эрнста, по большей части, по музыкальному своему содержанію, по вымыслу и по созданію разсчитаны наиболѣе для произведенія эффектовъ, для скрипичныхъ трудностей; это фразы, созданные для декламаціи, а не декламація, существующая для сильного выраженія мыслей; тутъ не музыка играетъ главную роль, а инструментъ. Лучшая пьеса, въ этомъ отношеніи, «Венеціанскій карнаваль», въ которомъ сосредоточено все, что можетъ въ яркомъ свѣтѣ выставить искусство исполнителя, трудности инструмента и способность его къ звукоиздражанію. Довольно бы, гг. экзекютёрамъ, ограничиться этой пьесою для показанія своего совершенства, и, потомъ, удѣлить свое вдохновеніе истинно-музыкальнымъ созданіямъ.

Въ отношеніи къ сочиненіямъ и къ игрѣ, Эрнстъ можетъ быть сравненъ съ Тальбергомъ: онъ блестящъ, но не глубокъ.

Вотъ наше мнѣніе о г. Эриста и вообще о томъ, чѣмъ должны быть, въ настоящее время, великие скрыпачи, потому что недостаточно постигнуть и усвоить себѣ новую школу инструмента, надо прилагать ее къ самому искусству, ибо инструментъ есть только органъ искусства. Партизаны таланта г. Эриста, можетъ быть, возстанутъ на насъ за нашу откровенность; но мы не выдаемъ нашего мнѣнія за безусловное. Не отнимая у артиста великихъ его достоинствъ, мы осмѣливаемся судить о нихъ сравнительно и приложить идею о средствахъ къ идѣи о назначеніи, тѣмъ всегда въ виду главное — *успѣхъ искусства.*

Остальные концерты.

Давъ отчетъ о главныхъ музыкальныхъ явленіяхъ вышняго года, ограничимся нѣсколькими словами объ остальныхъ концертахъ.

Филармоническое Общество дало два концерта, оба блестяще и прекрасные, какъ и всегда. Въ одномъ, мы снова насладились «Сотворениемъ Мира» Гайдна, это бессмертной музыкальной эпopeeю, которая переживетъ вѣка, какъ переживутъ ихъ вѣчныя начала, которая она изображаетъ. Этимъ творенiemъ никогда нельзя насытиться и надо благодарить Ф. Общество за его повтореніе.

Знаменитый виолончелистъ Борерь такъ-же давалъ концертъ. Г. Максимилианъ Борерь принадлежитъ къ старой школѣ, какъ и братъ его Антоній, скрыпачъ. Артистовъ этихъ Россія узнала въ первый разъ въ 1810 году — и была отъ нихъ въ восхищении. Но съ-тѣхъ-поръ утекло многое годы, многое измѣнилось въ судьбахъ музыки; Россія сама подвинулась въ своемъ воззрѣніи и музыкальному чувству; Ромбергъ и потомъ Серве открыли ей новые таинства виолончеля, и вотъ причины, почему г. Борерь, въ нынѣшній прїездъ свой, не встрѣтилъ прежнаго энтузіазма и удивленія. Холодность публики надо скорѣе приписать времени, которое разрушаетъ все, что не хочетъ за нимъ следовать, чѣмъ равнодушію народа. Сочиненія г. Борера правильны, учены, но холодны и не проникнуты искрою вдохновенія, которая одна отличаетъ работу отъ *созданія.*

Въ фортепианистахъ мы, на этотъ разъ, чувствовали утомительное преизобиліе. Но фортепиано можетъ быть концертнымъ инструментомъ только подъ перстами Листа, Дёмера и Тальберга: это дѣло рѣшено; безъ нихъ — это музыкальный ящикъ и ничего больше. Кто винчѣ не играетъ на немъ хорошо, бѣгло и чистенько? Пора-бы оставить его въ удѣль композиторамъ, для музыкальныхъ комбинацій, и дамамъ и романсерамъ, для украшенія салоновъ. Изъ всей фаланги пьянистовъ, дававшихъ концерты, по большей части для себя, своихъ инструментальщиковъ и нотныхъ торговцевъ — за недостаткомъ публики — мы упомянемъ только объ одномъ, г. Оскаръ-Фейферль, молодомъ вѣнскомъ артистѣ, съ душою, сплою и добрымъ направлениемъ. Въ одномъ только можно упрекнуть его, въ подражаніи шарлатанству Дрейшока, въ игрѣ одною лѣвою рукою. Подобные фокусы недостойны истиннаго художника. Впрочемъ, онъ мелодиченъ и грациозенъ; особенно замѣчательна его игра въ октавныхъ пассажахъ, въ выраженіи *diminuendo* и *decrecendo*, въ скерцахъ и адажіяхъ, и это именно обличаетъ въ немъ музыкально настроенную душу. Въ вѣкоторыхъ его сочиненіяхъ видны творческій талантъ и сила воображенія; лучшія изъ нихъ: *Этюда концерта* и *Волшебная сказка*. они принадлежать къ классической школѣ.

Г. Мюллеръ давалъ концертъ на *контрѣ-бассѣ*. Удивительно, но не упомятельно. Инструменту этому не сужено играть отдельной роли въ оркестрѣ, пусть онъ себѣ рычитъ и реветь — на здоровье, въ томъ его назначение. Извлекать изъ него тоны и звуки значитъ тоже, что заставлять быка — улыбаться. Когда подумаешь, сколько усердія г. Мюллеръ долженъ былъ употребить, чтобы довести своего звѣря до такой лѣтистой покорности, невольно пожалѣешь, что онъ не употребилъ своей энергіи на усовершенствованіе болѣе благороднаго и благодарнаго инструмента.

Молодой Арнольдъ давалъ концертъ, въ которомъ игралъ на віолончель сочиненія своего родителя. Отдавая полную справедливость сыновнему чувству, мы жалеемъ только, что сынъ

и родитель избрали весьма невыгодное время для своих концертовъ. Присутствие такого композитора, какъ Берліозъ, и такихъ исполнителей, какъ Борерь и г-жа Кристіаан, — составляя съ ними решительно два разные полюса, — должно было необходимо повредить ихъ концерту.

A. Е. Варламовъ давалъ концертъ, составленный изъ пѣсень и романсовъ его сочиненія и исполненныхъ имъ самимъ и некоторыми любителями. Весьма известны способности и средства г. Варламова, какъ композитора и пѣвца, и потому онъ нашолъ свою публику, которая наполнила всю залу и встрѣчала и провожала артистовъ рукоплесканіями, вполнѣ патріотическими. Мы не станемъ распространяться о самыхъ сочиненіяхъ, спѣвыхъ въ этомъ концерте, потому что они уже много лѣтъ составляютъ печатное достояніе публики и наслажденіе всѣхъ барышень-пѣвицъ! Вотъ самая вѣрная дада нихъ оцѣнка.

Наконецъ, чтобы не забыть, прибавимъ, что и талантливый нашъ декораторъ, *A. Роллеръ* — такъ-же давалъ концертъ. На чьемъ онъ игралъ? спросите вы. — На полотнахъ — кистью и показалъ себя истиннымъ виртуозомъ въ этомъ дѣлѣ. Концертъ его состоялъ изъ живыхъ картинъ, действительно живыхъ и прекрасныхъ, который сопровождала музыка, — отнюдь не сочиненія Бетховена и Моцарта, — музыка, долженствовавшая изображать *усыпленіе*, чтобы зритель думалъ, что видитъ эту живую картинную галлерею во снѣ. Музыка и картины достигли вполнѣ своего назначения. Лучшія пьесы этого концерта были: «Прибытие Ревекки», съ картинами Шопена (не музыканта); «Добрый гений», съ картинами Деверія; «Карлъ IX» т. е. Вареоломеевская ночь, съ картинами Монвуазена; «Пилигримы въ пустынѣ», съ картинами Стильке и «Декамеронъ Боккачіо», съ картинами Винтергальтера. Что-же касается до главной картины концерта, «Послѣдний день Помпеи», съ К. П. Брюлова, то мы скажемъ откровенно, что она не удалась нашему талантливому живописцу живыми красками. Да иначе и быть не могло: самая мысль представить ее въ живомъ подражанія несбыточна. Картина

Брюлова представляетъ не обыкновенное событие изъ жизни, где главныя действующія лица люди, и которое можно передать людьми, по явленію природы; одинъ моментъ изъ войны стихій, который совершился только одинъ разъ. Можно вѣрно и точно скопировать лица этой картины, но трудно дать имъ троекратное и постоянное освѣщеніе, сообщаемое картинѣ Брюлова пылающимъ Везувіемъ съ одной стороны, молніею съ другой, факеломъ съ третьей. Это освѣщеніе можетъ длиться одинъ мигъ, въ другой — оно,измѣнится и вся картина предстанетъ въ иномъ видѣ и необходимо много потеряетъ. Г. Роллеръ понялъ это и старался поддѣлаться подъ освѣщеніе Брюлова — бенгальскимъ огнемъ; отъ этого произошло мерцаніе, уничтожившее иллюзію, и изображеніе его потеряло цѣну картины.

Картины г. Роллера писаны самыми живыми, яркими, цветистыми красками; онъ составилъ ихъ изъ г-жъ: Алланъ, Мейеръ, Ирмы-Обри, Фальковъ, Матильды, Дегранжъ, Пажъ, Вѣры Самойловой, Жюлевой; изъ гг. Мартынова, Карагыгина, Александра, Петрова, Бертона, Готи, Марковецкаго. Можно вообразить себѣ, сколько выраженія, чувства и грации было въ его физіономіяхъ!

О концертахъ, артистовъ нашихъ оркестровъ говорить не будемъ. Кому они неизвестны, кому не прискучили? Это каждый годъ одно и тоже и все на той же точкѣ совершенства. Публика ихъ чрезвычайно любить въ оркестре — и доказывается это, посыпая оперу и оставляя залы ихъ концертовъ пустыми. *Fiat suum cuique!*

О Кони.

иначе таи зѣты да засипоняжадо эн атвѣлетеюси якогод
зѣни опѣхъ водотокъ и чистъ вѣнь вішнуетѣйдъ вѣнчалъ рѣкъ
засипоняжадо эн атвѣхъ гчило засипоняжадо вішнуетѣйдъ онъ инициалъ атвѣхъ
онуко и опѣхъ засипоняжадо. скифъ гчило саъютъ вѣнчилѣдъ вѣнчалъ, и хъ
и засипоняжадо таи атвѣхъ опѣхъ онъ. вѣнчалъ инициалъ итѣ
засипоняжадо вѣнчилѣдъ вѣнчалъ засипоняжадо, засипоняжадо
сиво фольгъ, гчило саъютъ вѣнчалъ. Кондо эн атвѣхъ гчило
атвѣхъ гчило и зѣти атвѣхъ вішнуетѣйдъ отъ. Ізѣтѣйтъ эн атвѣхъ
иа зѣтѣтѣйтѣйдъ вѣнчалъ вѣнчалъ и кѣтѣнамъ оно — итѣтѣдъ га
засипоняжадо. — вѣнчалъ засипоняжадо вѣнчилѣдъ и отъ
засипоняжадо, засипоняжадо саъютъ эн атвѣхъ гчило

ОБОЗРѢНИЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Королева Марго (*La Reine Margot*). Драма, въ пяти актѣ, ствіяхъ и пятнадцати картинахъ. Соч. Александра Дюма. (Исторический-Театръ).

Самою блистательною новостью въ парижскомъ театральномъ мірѣ, въ послѣднее время, было открытие Исторического-Театра. Оно происходило со всею возможной торжественностью. Больше десяти тысячъ человѣкъ толпились у входовъ въ театръ, чтобы только взглянуть на счастливыхъ смертныхъ, которымъ удалось запастись билетами, и стояли на бульварѣ Temple, ровно до трехъ часовъ утра, чтобы видѣть, какъ эта густая толпа блаженныхъ выдетъ изъ храма искусствъ, еще устоявшаго противъ грома рукоплесканій. Нѣкоторые думали, что цѣллю такого многочисленного стечения публики въ Историческомъ-Театрѣ было — испытать прочность зданія. Отчего же неѣть! Вѣдь избранное парижское общество наполняетъ-же собою всѣ вагоны при открытии желѣзныхъ дорогъ. Чтобы вѣрнѣе достичнуть своей испытательной цѣли, Александръ Дюма, какъ человѣкъ дальновидный, разославъ билеты къ особамъ, наиболѣе знаменитымъ въ парижскомъ обществѣ своимъ крѣпкимъ здоровьемъ, словомъ, къ людямъ съ вѣсомъ — отъ ста-

двадцати до трехъ-сотъ фунтовъ. Дамы, которыхъ такъ же принимаютъ дѣятельное участіе во всѣхъ великихъ событіяхъ, удостовѣрили своимъ платьямъ изъ лонскаго бархата, не только въ достаточной ширинѣ коридоровъ, но и въ помѣстительности ложъ и стульевъ.

Я не стану распространяться о самой драмѣ господина Дюма, заимствованной изъ его же романа «Королева Марго». Тутъ неѣтъ никакой драмы: это просто романъ, переложенный въ разговоры и обставленный съ рѣдкимъ великодѣйствиемъ. Декораціи, костюмы превосходятъ всякое желаніе: актеры исполнили свои роли превосходно, и представлѣніе увѣнчалось блестательнымъ успѣхомъ. Передъ драмой, хотѣли прочесть проголъ въ стихахъ, написанный, за нѣсколько часовъ до представлѣнія, мѣрсельскимъ импровизаторомъ, господиномъ Мери; но, въ хлопотахъ, рукопись затерялась, и ее отыскали, когда драма уже началась. Нѣкоторые предложили прочесть этотъ проголъ послѣ эпилога, но Мери рѣшительно воспротивился и публика осталась чрезвычайно довольна: она и безъ того высидѣла въ театрѣ девять часовъ, отъ восьми до трехъ, и такъ проголодалась, что начала грызть корнеты, вѣеры, цѣпочки и перчатки.

Крестникъ всего сольта (*Le Filleul de tout le monde*). Комедія-водевиль въ четырехъ дѣйствіяхъ. Соч. Эмilia Сувестра, (Театръ Variétés.)

Зарильо сынъ — Хитаны, никогда не имѣвшей мужа. Мать оставила ему въ наслѣдство солнце да воду Фонтановъ, и мы видимъ его въ Толедской-Улицѣ, лежащаго на каменной скамье. Это его единственная постель. Но ему все равно: онъ предпочитаетъ небо потолку; его сторожатъ звѣзды, и глядя хорошенъкіе глазки молодой лѣвушки, подъ балкономъ которой онъ учредилъ свою главную квартиру. Изъ Мадрита приѣзжаетъ вельможа, который хочетъ представить Изабеллу къ двору. Зарильо разными поисками узнаетъ, что ее намѣрены являются сдѣлать королевской любовницей. Но ему знакомы всѣ бродяги въ городѣ; онъ набирается изъ нихъ шайку и нападаетъ на поѣздъ, увозящій Изабеллу. Однакожъ, альгавазы

разгоняютъ шайку; Изабеллу увезли снова; Зарильо схваченъ. Какимъ образомъ вырвется бѣдняжка изъ когтей коррехидора? Онъ употребляетъ все — просьбы, лесть, комплименты; но коррехидоръ неподкупенъ. Тогда Зарильо прибѣгаestъ къ силѣ; видя, что дверь сторожатъ только два альгавизла, онъ кидаетъся на нихъ. Въ схваткѣ, ему разодрали куртку, изъ которой выпала бумага. Коррехидоръ поднимаетъ ее и читаетъ. Едва онъ прочелъ нѣсколько строкъ, какъ смущился и поблѣдѣлъ; потомъ вѣльть альгавизамъ выпустить Зарильо и удалиться. Оставшись съ нимъ наединѣ, онъ спрашиваетъ его обѣ имени его матери. Когда Зарильо сказалъ, коррехидоръ бросился къ нему на шею, называя его своимъ крестникомъ. Это письмо писано коррехидоромъ къ Хитанѣ, матери Зарильо. Настоящій, или крестный отецъ — для Зарильо все равно; дѣло въ томъ, что онъ можетъ теперь прилично одѣться и продолжать по-гоню за Изабеллой.

Свиданіе короля съ Изабеллой должно происходить у одной старухи — Долоресъ. Зарильо бродитъ около ея дома, не зная, какимъ образомъ проскользнуть въ него. Услышавъ отъ лакея, что Долоресь должна вручить Изабеллу какому-то Пашехо, котораго она никогда не видала, онъ представляется къ ней подъ именемъ Пашехо. Долоресь, не слишкомъ дальновидная, вручаетъ ему Изабеллу; онъ въ полной радости, какъ вдругъ до-кладываютъ о прибытіи настоящаго Пашехо. Зарильо не робѣеть, и увѣряетъ, что пришедшій — наглый плутъ и обманщикъ. Долоресь колеблется и, въ сомнѣніи, рѣшается не отдавать Изабеллу ни тому, ни другому. Зарильо въ большомъ опасеніи: каждую минуту можетъ войти Оливарезъ. Вотъ онъ входитъ.. становится плохо и игрокъ, менѣе искусный отказался бы отъ партіи. Но Богъ не покидаетъ любящихъ. Оливарезъ съ гнѣвомъ смотритъ на Зарильо. Дорого поплатится ему дерзкій за прежнее нападеніе и за теперешнюю ложь. Но вдругъ взоры его смягчаются, онъ спрашиваетъ Зарильо, какъ зовутъ его мать и бросается къ нему въ объятія, восклицая: «мой крестникъ!» И онъ, подобно коррехидору, любилъ цыганку, которую назвалъ Зарильо. Онъ подарили этой цыганкѣ маленький серебряный крестикъ, висящій теперь на груди Зарильо. Но какъ-же коррехидоръ-то? Стало быть, Зарильо крестили два раза.

Онъ видитъ, что у него два покровителя, и что второй не похожъ на первого, Оливарезъ готовъ предложить крестнику свой кошелекъ; но объ Изабель онъ не говоритъ ему ни слова. У честолюбцевъ почести берутъ верхъ надъ сердцемъ, и Зарильо не можетъ разсчитывать на ministra въ подобномъ дѣлѣ. Но онъ ждетъ всего отъ королевы.

Онъ вложилъ въ книгу, которую несли королевъ, письмо, извѣщающее ее о замыслахъ Оливареза. Къ—несчастію, въ Испаніи пишутъ къ королевѣ не такъ—просто: всякое письмо проходитъ черезъ руки младшей камеристки, которая передаетъ его старшѣй и та можетъ утаить его, если это ей нужно. Старшая камеристка предана королю и вручаетъ письмо ему, а не королевѣ. На этотъ разъ, Зарильо погибъ, и погибъ безвозвратно! Помѣщать королю, донести на него королевѣ — какое наказаніе не будетъ слишкомъ слабо за этотъ поступокъ? Король такъ и думаетъ; но странная вещь; прочтя письмо и увидя подпись, онъ вдругъ смущается, велитъ всѣмъ удалиться и остается одинъ съ Зарильо. Зарильо ждетъ гнѣвнаго выговора; но король обнимаетъ его и говоритъ ему: «ты—мой крестникъ.» Еще крестный отецъ! думаетъ Зарильо. Но этого ужъ онъ не выпустить. Онъ увѣряетъ коррехидора и ministра, что у него были двѣ тетки и что этихъ-то тетокъ они и знали; король, конечно, отказывается отъ Изабельы и отдаетъ ее своему крестнику.

Успѣхъ этой комедіи былъ полныи и заслуженный. Вы можете судить уже по самому содержанію ея, какъ она забавна. Правда, четыре акта довольно много для пьесы, не отличающейся большой оригинальностью; но г. Сувестръ расчитывалъ на Буффе и не ошибся въ расчетѣ. Комедія нисколько не показалась длинною публикѣ.

Старецъ горы (*Le Vieux de la Montagne*). Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Латура де-Сент-Ибара. (Французскій-Театръ.)

Сюжетъ новый и высокій: *Старецъ горы*, но какой именно горы — дѣло неизвѣстное: авторъ опустилъ непроницаемую штору.

Старець горы происходить отъ колѣна, которое поставило себя на благородную ногу и забрало всю власть въ свои руки. Предводители окрестныхъ племенъ пришли бить челомъ къ Старцу горы, но Его Благополучіе махнула повелительной рукою; шейхи убираются гуськомъ изъ залы, надѣваютъ туфли, не понимая, отчего такъ разгневалось Его Благополучіе. Высокій эмиръ сидитъ на полу, поджавъ подъ себя ноги въ видѣ икса, по обычаю правовѣрныхъ. Эмиръ разстроенъ, какъ разбитая гармоника; пролить терпеть, ни кого не пускаеть къ себѣ на глаза, даже свою любимую дочь, Фатиму, съ которой тоже бываютъ, по временамъ, припадки меланхоліи. Эмиръ воображаетъ, что проклятые христіане, нѣкогда похитившіе Фатиму, дали ей немножко по пробывать яду; призываєтъ врачей и велитъ имъ выгнать зловредную улитку изъ раковины сердца Фатимы. Но, къ крайнему сожалѣнію, лейбъ-медики эмира не смыслить ни азъ ни въ аллюпатіи, ни въ гомеопатіи, не учились ни постукиванію, ни прислушиванію, и не могутъ вылечить свѣтлую дщерь Его Благополучія. Эмиръ поклялся своею головою, выбритою какъ зеркало, разразить громы гиѣва надъ всеми народами безъ разбору, и въ особенно помучить гяуровъ, то-есть, френговъ. Въ одной изъ областей эмира, христіане съимпровизировали маленькое возстаніце. Старець горы, прогуливаясь въ ущельи, встречается съ молодымъ шейхомъ, Измаиломъ, повелителемъ сосѣдняго племени, и предлагаетъ ему свою дружбу. — «Хорошо, говорить Измаилъ, покручивая бороду: мы будемъ жить, какъ двойной орѣшекъ подъ одною скорлупою; но сперва отдай мнѣ твою Фатиму: она — роза, я — соловей!» Эмиръ началъ было пѣтушиться, понесъ страшную дичь, но, въ это время, вѣгаєтъ Фатима, блѣдная, въ слезахъ, и умоляетъ отца, чтобы онъ пощадилъ христіанъ, осужденныхъ на смерть. — «Всѣхъ ихъ перевѣшать, собакъ!» зарѣвѣль эмиръ, какъ левъ въ пустынѣ Тедморской: «всѣхъ до одного! Знаю ваше племя, собаки!» — Но въ эту ужасную минуту, Фатима увидѣла, что въ толпѣ несчастныхъ жертвъ находится и графъ Поль де-Сабранъ, который спасъ ее, когда она была въ плену. Правда, что Фатима и теперь еще пленница: она страдаетъ любовью къ своему избавителю, но ей пріятно

носить щъпн изъ гирляндъ, сплетенныхъ розовыми пальчиками любви. Фатима падаетъ къ туфлямъ Старца горы: «Отецъ, я люблю глурал!» Графа сажаютъ въ темницу; онъ лежитъ на соломѣ, и только что сбирается заснуть, какъ явится къ нему Фатима и предложаетъ бѣжать изъ этой темной клѣтки; но, его сіятельство, должно быть, очень глуповать, потому что отказывается отъ такого благопріятнаго случая и хочетъ умереть. Всльдъ за Фатимой, приходитъ Старецъ горы, и тоже начинаетъ умолять христіанина. Его Благополучіе прочиталъ всѣ изрѣченія Корана, которыя только могъ прибрать, чтобы убѣдить узника; напослѣдокъ, предложилъ ему руку Фатимы, сохнувшей отъ любви къ нему, какъ лилия, спаленная зноемъ. Но графъ моталъ головою во все стороны. Эмиръ тоже покачалъ головою, да тутъ же приказалъ повѣсить графа, понимая, что стадо глупцовъ ничего не потеряетъ, если оно уменшится однимъ своимъ членомъ. Между тѣмъ, Фатима осталась увѣщавать прекраснаго пльнника. Слѣствіемъ этого разговора было то, что Поль де-Сабранъ, въ третьемъ дѣйствіи, валяется у ногъ Фатимы и клянется быть ея рыцаремъ. Старецъ горы застаетъ эту сцену и объявляетъ его женихомъ своей лочери.— «Опоздали, Ваше Благополучіе; посмотрите: сюда съ быстротою урагана приближается толпа мятежниковъ; Сабранъ съ горстьюю рыцарей не выдетъ къ нимъ на-встрѣчу.» Эмиръ обратился къ Измаилу и просить его, въ самыхъ сжатыхъ выраженіяхъ, вывести его изъ тѣснаго обстоятельства. Молодой шейхъ соглашается усмирить мятежъ, но, въ награду за свою храбрость, требуетъ руки Фатимы. Эмиръ не соглашается на это требованіе. Измаиль клянется отмстить. Убийцы, состояще изъ жалованыи у отца Фатимы, разказываютъ о своихъ подвигахъ, и о томъ, какъ Его Благополучіе изволилъ приказатьinemожко показнить храмовыхъ рыцарей. Сабранъ, услышавъ это, порядочно погрубилъ Его Благополучію: — «А, такъ собаки еще ѿютъ жаловаться, ѿшовбрить, эмиръ, и венить отрубить голову Сабрану. Пока онъ смотрѣлъ на орудія пытки, Фатима подбѣгасть къ этимъ игрушкамъ, схватываетъ книжалъ и хочетъ... заколоться!» «Нѣть, мои милай! говорить Его Благополучіе: ужъ этой-то штуки не позволю: ты жемчужину на моего благородствія; праностая лампа успокоенія для моего

старого сердца!». Старець горы прощаетъ Сабрана и слагаетъ съ себя званіе эмира, какъ недостойный блюститель заповѣди правовѣрныхъ, запрещающей щадить христіанъ. Эмиръ бросилъ въ уголъ свой повелительный посохъ и спокойно поклоняется шербетъ изъ хрустальной чаши, поджавъ подъ себя ноги, и смотря себѣ на кончикъ носа. Между тѣмъ, сиятельный рыцарь по прежнему лежитъ въ тюрьмѣ, на соломѣ, и даже въ этотъ разъ не соглашается принять предложеніе Фатимы, которая принесла пилу и хочетъ избавить его отъ оковъ. Буря возстанія лежитъ на огненныхъ крыльяхъ по владѣніямъ Старца горы, снова избраннаго въ званіе эмира. Аравитяне и христіане дерутся на-пропалую. Сабранъ раненъ и умираетъ; вмѣсть съ нимъ умираетъ и Фатима.

Конецъ!

Всѣ содержаніе этой жалкой, тщедушной безсмыслицы, какой давно не производилъ самый послѣдній изъ бульварныхъ театровъ. Старець горы — такая цлоскость, какую трудно найти на земномъ шарѣ.

Ландскнехтъ. (Un Coup de Lansquenet). Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. Леона Ладда. (Французскій-Театръ).

Эдгаръ де-Нерваль совершенныи левъ, денди, gentleman-rider: онъ промоталъ все свое состояніе на палевыя перчатки и ужины въ caf  Anglais, разгадалъ всѣ закулисныя тайны парижскихъ театровъ и всю ночь проводить за карточнымъ столомъ, оставляя золотую дань непокорному ландскнехту. Съ этой стороны, Эдгаръ нисколько не похожъ на своего друга, Деруссо, котораго можно назвать типомъ скромности и невинности. Съ некотораго времени, Деруссо рѣшительно потерялъ голову — потеря, правда, не большая, да все таки непріятно. За то Эдгаръ потерялъ гораздо больше: онъ изволилъ спустить сто-тысячу франковъ, своихъ собственныхъ, да еще надѣлалъ долговъ, въ надеждѣ на своего дядюшку, почтеннаго генерала. Узнавъ о проказахъ милаго племянника, генераль покачалъ головою. — «Нѣтъ, пора мнѣ устроить этого,

головорѣза! говорить онъ съ участіемъ, зоветъ къ себѣ племянника и предлагаетъ ему жениться на хорошенкѣй девушки, у которой есть четыреста тысяч франковъ, и, въ прибавку, обещаетъ заплатить всѣ его долги... Кажется, чего бы лучше! Но Эдгаръ еще не решается; у него завязалась маленькая интрижка, такъ что, дни черезъ два, онъ непременно влюбится въ прелестную мадамъ де-Пюзи, жену секретаря какого-то посольства. Но генераль не любитъ медлить; онъ даетъ вѣтренно-му племяннику четверть часа сроку, послѣ котораго онъ долженъ сказать решительно, да или нетъ. Эдгаръ поставлена между двумя крайностями, съ одной стороны его ожидаетъ тюрьма, съ другой — хорошенкѣя жена и золотая будущность. Онъ не зналъ, на что решиться. Вдругъ, свѣтлая молія сверкнула въ головѣ Эдгара. На столѣ лежать карты, приготовленныя для ландскнехта. Въ недоумѣніи, онъ написалъ два письма; въ одномъ согласіе, въ другомъ отказалъ на предложеніе дяди, и поставилъ свою судьбу на карту. Трефовый валетъ выигралъ... и Эдгаръ произносить имя Аны Мареле. Скромный Деруссо въ отчаяніи: представьте себѣ, вѣдь мадемузель Анна Марель — самая особа, отъ которой онъ потерялъ голову. Впрочемъ, робкій Деруссо начинаетъ храбриться и сочиняетъ маленькую хитрость, чтобы увѣрить генерала, будто Эдгаръ отказывается. Но дѣло обошлось и безъ этого. Мадемузель Анна примиряется всѣхъ. Она узнала отъ слуги Эдгара (прислуга очень болтлива), что онъ рѣшился жениться, посовѣтовавшись съ ландскнехтомъ, и отдаетъ свою руку торжествующему Деруссо. Эдгаръ равнодушно разстается съ своимъ счастіемъ иѣдетъ съ дядею въ Африку, оставляя прелестную мадамъ де-Пюзи, которая тоже могла опасаться, что свѣтскій левъ поставитъ и ее когда-нибудь на карту, колеблясь выборомъ между нею и лореткою улицы Бреды.

Успѣхъ.

—

Ирена или Магнетизмъ (*Irène ou le Magnétisme*). Комедіа-водевиль, въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. Скриба и Локруа. (Театръ Gymnase.)

Пьеса Скриба, какъ видно по самому заглавію, основана на магнетизмѣ; но это уже не новость, и если вы видѣли «Сонамбулу» Скриба, и «Экстазъ» г. Лакруа, то вы знаете «Ирену.»

Первый актъ. Ирена проводить, сама не зная того, часть ночи въ комнатѣ молодаго Ганри де-Клермана, куда успѣла привлечь ее магнетическая сила влюбленнаго молодаго человѣка. Это «Сонамбула».

Второй актъ. Обезчещенна, хотя и невинная, она должна сдѣлаться женою друга Клервиля, Аннибала, до котораго не дошли еще слухи о ея позорѣ. Между-тѣмъ, Клервиль, бывшій около года въ отсутствіи, возвращается во Францію и узнавъ, что Ирена выходитъ замужъ, спѣшилъ къ ней и снова прибѣгаестъ къ магнетизму, чтобы узнать ея чувства. Она еще любить его и отдать ему свою руку. Это «Экстазъ.» Не смотря на эти сходныя черты, пьеса имѣла успѣхъ. Она очень умно ведена, и притомъ роль Ирены занимаетъ Роза Шери, отъ которой вся публика въ восхищѣніи.

— Пьеса эта, въ общемъ, интересна, но, къ сожалѣнію, не такъ интересна, какъ пьесы Скриба и Лакруа. Исполненіе пьесы было неудовлетворительное, а актеры — неудовлетворительные. Но, конечно, это не изъ недостатка въ пьесѣ, а изъ недостатка въ исполненіи. Исполненіе пьесы было неудовлетворительное, а актеры — неудовлетворительные. Но, конечно, это не изъ недостатка въ пьесѣ, а изъ недостатка въ исполненіи.

— Пьеса эта, въ общемъ, интересна, но, къ сожалѣнію, не такъ интересна, какъ пьесы Скриба и Лакруа. Исполненіе пьесы было неудовлетворительное, а актеры — неудовлетворительные. Но, конечно, это не изъ недостатка въ пьесѣ, а изъ недостатка въ исполненіи.

таси азанац жаңылар да жыныстарда да көнгөндей болып калады. Кейде табиаттын маданиятта да көнгөндей болып калады. Ошында көнгөндей болып калады да көнгөндей болып калады. Кейде табиаттын маданиятта да көнгөндей болып калады. Ошында көнгөндей болып калады. Кейде табиаттын маданиятта да көнгөндей болып калады. Ошында көнгөндей болып калады. Ошында көнгөндей болып калады. Кейде табиаттын маданиятта да көнгөндей болып калады. Ошында көнгөндей болып калады. Ошында көнгөндей болып калады. Кейде табиаттын маданиятта да көнгөндей болып калады. Ошында көнгөндей болып калады. Ошында көнгөндей болып калады.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ. С. БІРГУН

—Благодаря твоему извещению о кончине Фридриха III я начал писать тебе. Извещение о смерти Фридриха III — это неожиданно и неожиданно для нас. Своеобразный характер этого события вспоминали и говорили о нем. Потом, вспоминая о нем, говорили, что он был добродушным и умным человеком. Он был добр, честен и прямодушен. Он любил народ и был народным героем. Он был великим воином и добрым человеком. Он был добродушным и честным. Он был великим воином и добрым человеком. Он был добродушным и честным.

БЕРЛИНЬ.

Следующий день я поехал к тебе. Ты был рад видеть меня. Я рассказал тебе о том, что я делал в Берлине. Ты был удивлен моим рассказом. Ты спросил меня, как я мог убеждать тебя, чтобы ты вернулся в Берлин. Ты сказал мне, что я должен был убедить тебя, чтобы ты вернулся в Берлин. Ты сказал мне, что я должен был убедить тебя, чтобы ты вернулся в Берлин. Ты сказал мне, что я должен был убедить тебя, чтобы ты вернулся в Берлин. Ты сказал мне, что я должен был убедить тебя, чтобы ты вернулся в Берлин. Ты сказал мне, что я должен был убедить тебя, чтобы ты вернулся в Берлин. Ты сказал мне, что я должен был убедить тебя, чтобы ты вернулся в Берлин. Ты сказал мне, что я должен был убедить тебя, чтобы ты вернулся в Берлин. Ты сказал мне, что я должен был убедить тебя, чтобы ты вернулся в Берлин. Ты сказал мне, что я должен был убедить тебя, чтобы ты вернулся в Берлин. Ты сказал мне, что я должен был убедить тебя, чтобы ты вернулся в Берлин. Ты сказал мне, что я должен был убедить тебя, чтобы ты вернулся в Берлин. Ты сказал мне, что я должен был убедить тебя, чтобы ты вернулся в Берлин. Ты сказал мне, что я должен был убедить тебя, чтобы ты вернулся в Берлин.

Желая видеть «Струэнзе» на Берлинской сцене, король предложил Майеру-Беру написать к нему музыку; драма представлена с новою музыкою, въ Берлинѣ, 19 сентября 1846 г., и, въ продолжение года, будетъ поставлена въ Парижѣ и въ Лон-

день, где, вероятно, будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ и въ Берланѣ.

Трагедія Михаила Бера представлена обширное поприще теніальному композитору, способному воспользоваться вѣкотынми положеніями и обстоятельствами, на которыхъ авторъ только намекаетъ, не развивая ихъ вполнѣ на сцѣнѣ. Майерь-Беръ съ рѣдкою проницательностью уловилъ эти пропуски, предоставленные ему поэтомъ, и, съ величайшимъ искусствомъ, одушевилъ множество побочныхъ эпизодовъ, которые, связываясь съ главнымъ дѣйствіемъ, даютъ новую силу характерамъ лицъ и оживляютъ дѣйствіе.

Изученіе Струэнзе ясно показываетъ, какимъ вѣрнымъ пособіемъ можетъ служить сценическому интересу языкъ музыки. Правда, что изъ всѣхъ современныхъ композиторовъ, ни одинъ не обладаетъ такимъ глубокимъ драматическимъ смысломъ, какъ Майерь-Беръ. Опь умѣетъ сразу уловлять чувствительную струну, и каждый его ударъ производить непреодолимое потрясеніе во всей душѣ. Струэнзе наполненъ мѣстами такого рода. И если огромность эффекта поражаетъ умъ, то простота средства и краткость еще болѣе изумляютъ его. Музыка, сопровождающая слова, не только не мѣшаетъ имъ, но, кажется, родилась изъ одного съ ними источника. Это высшее выраженіе мелодраммы, въ благородномъ, эстетическомъ смыслѣ слова. Впрочемъ, самъ предметъ представляется уже богатую поживу воображенію композитора, сколько разнообразіемъ характеровъ и страстей, сколько и поэтическимъ характеромъ самого исторического события. И дѣйствительно, что можетъ быть поразительнѣе полной противоположности судьбы Фридриха Струэнзе, сына бѣднаго пастора, возвысившагося изъ скромнаго званія врача до высшихъ почестей и сана неограниченного министра? Судьба, кажется, щедрою рукой разсыпала на него всѣ свои блага, власть, почести, дружбу вельможъ, милость короля, любовь юной и прекрасной королевы! И вдругъ, козни озлобленія аристократіи свергаютъ его съ этой высоты въ смрадную темницу, подъ топоръ палача, и впродолженіе трехъ лѣтъ, до 1775 г. голова его выставлена на показъ, подъ висѣлицею.

Вначалѣ трагедіи, авторъ представляя графа Струэнзе на верху счастія и славы; ведетъ его потомъ до самой смерти. Въ перв-

вомъ дѣйствіи, временщикъ, въ сильной вѣрѣ въ непоколебимость своего могущества, и въ увеличениіи своей любви къ королевѣ, рѣшается распустить полкъ, преданный аристократической партии, думая этимъ уничтожить враждебную партію, предводимую Юліаною, матерью короля. Тщетно графъ Рантцау, бывший прежде его покровителемъ, а теперь слѣдавшійся самымъ сильнымъ его противникомъ, полковникъ Коллеръ, и, наконецъ, самъ отецъ его, почтенный пасторъ Адамъ Струэнзе, предвѣщаютъ грозящія ему бѣствія и паденіе. Онъ непоколебимо рѣшился на опасную мѣру, и не слушаетъ отца, уговаривающаго его оставить дворъ и отказаться отъ преступной любви. Но твердости его предстоитъ другое, болѣе опасное искушеніе. Распущенный полкъ возмущается и грозить отважиться на послѣднія крайности. Трепеща за сына и за мужа, мололая королева умоляетъ Струэнзе отвратить покушеніе мятежниковъ на дворецъ. Ея мольба, и отчаяніе побуждаютъ твердость министра; указъ о распущеніи полка отмѣняется. Матильда радуется спасенію, не предвидя, что это временное спокойствіе, купленное цѣною победы. Первый успѣхъ ободряетъ недовольныхъ; Юліана собираетъ ихъ около себя. Послѣ маскарада, даннаго молодою королевою за тѣмъ, чтобы торжествовать возвращеніе мира и усыпить въ удовольствіяхъ строптивые умы аристократовъ, Юліана идетъ вочью къ слабому Христіану, страшаетъ его и вынуждаетъ согласіе его на арестованіе графа. Надъ вѣмъ немедленно наряжается судъ. Никто не смѣеть заступиться за него. Сама Матильда, похищенная изъ королевскаго дворца и заключенная въ Кронсбургскую крѣпость, обманутая вѣроломными обѣщаніями, писменно обвиняетъ его въ покушеніи на личность своего государя. Одной неразборчивой подписи королевы достаточно для кроваваго судилища; оно произносить смертный приговоръ. Когда комиссары прихолятъ въ темницу прочитать несчастному приговоръ, онъ спитъ, и во снѣ еще мечтаетъ о любви и счастіи. Струэнзе спокойно выслушиваетъ приговоръ, съ покорностію принимаетъ благочестивыя утѣшения отца и отправляется въ Копенгагенъ, явить самый разительный примѣръ непостоянства судьбы.

Партитура, въ томъ видѣ, какъ она была представлена на Берлинскомъ театрѣ, (Майеръ-Беръ намѣренъ пополнить ее для парижской сцены), заключается въ длинной увертюрѣ,

четырехъ симфоніахъ, наполняющихъ междудѣйствія, и девяти нумерахъ, вставлennыхъ въ разныя сцены и сопровождающихъ самое дѣйствіе; всего въ ней четырнадцать нумеровъ и все весьма подробно развиты и обработаны. Умное размыщеніе этихъ нумеровъ даетъ имъ особенную драматическую силу; каждый нумеръ есть краснорѣчивое, поэтическое толкованіе, на слова и дѣйствія лицъ, объясненіе событий, совершающихся въ сцены. Страсти, которыя руководятъ главными лицами, составляютъ пружины всей драмы, выражены самыми характерическими мелодіями; вліяніе и участіе этихъ мелодій, ихъ умѣстное и ловкое возвращеніе, показываютъ въ композиторѣ глубокое значеніе сценическаго искусства.

Величественная, тщательно обработанная увертюра представляетъ слушателямъ всю драму, въ главныхъ ея чертахъ. Она начинается въ тихомъ темпѣ, весьма удачно придуманною мелодіею самого оригинального ритма, которая проведена чрезъ всю драму и повторяется нѣсколько разъ, какъ путеводная нить. Эта мелодія напоминаетъ волшебные дчи юности, съ ея жаждою любви и грустною лумою о прошедшихъ лѣтахъ невинности, съ ея отвагою и свѣтыми надеждами. Скоро мы убеждаемся, что находимся не въ сельскомъ уединеніи, а среди блеска и тревоги царскаго двора. Къ прекрасной мелодической фразѣ присоединяется безпокойное, глухое пиччикато контрабасовъ, изобличающее разрушеніе душевнаго спокойствія, высказаннаго въ мелодіи; далѣе, пиччикато смѣняются бурными тріолями, будто совѣсть силится заглушить этотъ внутренній голосъ, въ удовольствіи и наслажденіи; наконецъ, весь оркестръ снова повторяетъ ту же фразу, въ самыхъ яркихъ и блестящихъ краскахъ, и мы видимъ смѣлаго временщика на скользкой высотѣ могущества и славы. Но, въ тоже время, слышится во второмъ музыкальномъ мотивѣ увертюры голосъ зависти, вражды и мщенія. Мрачные, беспокойные аккорды изобличаютъ злобный усилія мощнаго заговора; бѣшеная страсть пышетъ въ быстрыхъ тріоляхъ віолончелей. Тутъ снова повторяется начальная тема, на вальгорнахъ, съ аккомпанементомъ арфъ, которыя еще болѣе выставляютъ на видъ ея свѣтлое спокойствіе; юность съ своими безграницными надеждами хочетъ одна властвовать надъ всѣмъ; но враждебное начало возрастаетъ на нее; злобныя тріоли контрабасовъ сипятся вытеснить на-

чальную тему любви и блаженства; эти два мотива борются другъ съ другомъ, и въ разработкѣ своей, представляютъ столько новыхъ и оригинальныхъ комбинацій, что слушателю становится страшно за композитора, который, кажется, долженъ истощиться, не дописавъ картины... Но композиторъ только тутъ раскрываетъ всю свою силу и все величие, увлекая вниманіе въ блестящемъ финаль всего оркестра, передъ которымъ блѣднѣть весь предшествовавшій рядъ образовъ. Все торжествуетъ счастіемъ, пламенною силою юности, могуществомъ, наслажденіемъ и блаженствомъ уловленнаго честолюбія. Въ такомъ настроѣству духа видимъ мы Струэнзе по поднатіи заняться. Финаль увертюры написанъ не для одного внешняго эффекта, онъ въ то же время, связываетъ ее съ первымъ дѣйствіемъ, и вводитъ насъ въ положеніе лицъ. Трудно найти увертюру, которая бы представляла болѣе точную и обширную картину послѣдующей драмы! Притомъ, композиторъ съ искусствомъ опытнаго художника размѣстилъ свѣтъ и тѣни, и умѣлъ избѣжать однообразія, въ которое такъ легко можетъ вовлечь общій трагическій колоритъ произведенія. Въ особенности замѣчательна новость и оригинальность ритмовъ, употребленныхъ Майеромъ-Беромъ въ этой увертюрѣ. Оркестровка превосходна и производить самые неожиданные эффекты.

Въ продолженіе почти всего первого дѣйствія, музыка молчитъ. Тутъ, какъ мы уже замѣтили, является молодой министръ на вершинѣ славы и могущества. Тайная, но тѣмъ болѣе опасная любовь къ супругѣ короля, воспламеняетъ его къ самимъ смѣлымъ дѣйствіямъ. Чтобы нанести чувствительный ударъ аристократіи, онъ уничтожилъ гвардію, распустилъ офицеровъ, а солдатъ рѣшился размѣстить по другимъ полкамъ. Такимъ образомъ, онъ самъ вызываетъ грозу, которая должна погубить его; ему представляются, какое глубокое впечатлѣніе его смѣлый замыселъ долженъ произвести на враждебныхъ ему вѣльможъ; въ числѣ ихъ находится графъ Рантцау, прежній его покровитель, а, въ настоящее время, сильнейший его противникъ. Но, увѣренный въ своемъ могуществѣ, онъ не слушаетъ ни представлений, ни советовъ, и не хочетъ отмѣнить указа. Въ концѣ дѣйствія, является его отецъ, пасторъ Адамъ Струэнзе; онъ, въ глубокой горести, оставилъ свою мирную родину и пришелъ спасти ослѣпленного сына, и если можно, убѣдить его отка-

заться отъ скользкаго поприща, имъ избраннаго. При входѣ старика, въ первый разъ играетъ музика; это трогательная начальная тема увертюры, исполненная нѣжными духовыми инструментами съ аккомпанементомъ арфы; она вызываетъ грустное воспоминаніе о минувшихъ дняхъ детской невинности. Далѣе, композиторъ разительнымъ образомъ высказываетъ то, что происходитъ въ душѣ огорченного отца. Потрясенный слушатель преугадываетъ грозящія бѣдствія; кажется, хоръ невидимыхъ духовъ подтверждаетъ увѣщанія старца. Но Струэнзе ничего не слушаетъ. Любовь и честолюбіе—два начала его жизни, отъ которыхъ ему невозможно отречься. Занавѣсь опускается, и тотчасъ начинается новая величественная симфонія, соединяющая первое дѣйствіе съ вторымъ. Въ оркестрѣ раздается барабанная дробь, она возвѣщаетъ приближеніе мятежной гвардіи, а съ нею приближается часть исполненія судебъ. Стѣсняющая душу мелодія высказываетъ горесть отца, между-тѣмъ, какъ нѣжные звуки кларнета силятся пролить утѣшеніе въ его сердце. Снова раздаются барабаны, и мятежники поютъ, за опущеннымъ занавѣсомъ, датскую народную пѣсню: «Нашъ Христіанъ богатырь». Размѣръ марша, данный этому напѣву, и сопровождающей его барабанный бой показываютъ, что его воютъ солдаты. Эта пѣснь составляетъ третій мотивъ драмы; въ тоже время, она выражаетъ народное начало,участвующее въ лѣлѣ, враждебную Струэнзе, датскую народность. Пѣніе за занавѣсомъ умолкаетъ и весь оркестръ подхватываетъ мелодію съ военною музыкою. Потомъ, за занавѣсомъ поется второй стихъ народной пѣсни съ аккомпанементомъ всего оркестра, и въ совершенно новомъ колорите, который даютъ ей два гобоя (*obligati*). Тутъ снова возвращается, какъ тоска любви, нѣжная начальная мелодія; мѣстами, присоединяются къ ней отрывки изъ народной пѣсни мятежниковъ, и, наконецъ, оба мотива разрываются въ несколько дикихъ, низкихъ аккордовъ мѣдныхъ инструментовъ, которые превосходно выражаютъ грозный ропотъ мятежной толпы, и своимъ могильнымъ звономъ будто предвѣщаютъ скорую гибель Струэнзе.

Занавѣсь поднимается. Королева Матильда и Струэнзе узнаютъ, что гвардія возмутилась. Струэнзе хочетъ подавить силу силою; королева умоляетъ его о снисхожденіи; онъ не можетъ противиться желанію владычицы своего сердца, соглашается на

требованія матежниковъ, которые за сценою удаляются съ торжествомъ и поютъ свою народную пѣсню съ оркестромъ. Съ особеннымъ искусствомъ употребилъ здѣсь Майеръ-Беръ трубы, которыя такъ весело и гордо вѣсняются съ своею отдельною фразою, что каждый по неволѣ догадается, что здѣсь повинующіеся повелѣваютъ и уверены въ своей силѣ. Вообще, этотъ маршъ обработанъ самымъ искусственнымъ образомъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Мало-по-малу теряется онъ въ отдаленіи.—Струэнзе, видя, что никто не понимаетъ его благородныхъ замысловъ, въ досадѣ хочетъ удалиться отъ лѣла. Но королева останавливаетъ его вопросомъ, можетъ ли вѣрный другъ оставить ее въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, и онъ даетъ слово сохранить корнило правленія. Авторъ обработалъ эту сцену съ величайшею нѣжностью; тайна любви навѣваетъ на нее какуюто волшебную прелесть; зрители предугадываютъ нѣмую, благородную любовь королевы къ министру. Какая противоположность между этой сценою и слѣдующею, въ которой вступаетъ въ дѣйствіе адское начало, въ лице честолюбивой и мстительной матери короля, Юліаны, личной вепріятельницы Струэнзе! Музикальное введеніе приготовляетъ зрителей къ ея появлению. Скрипки, альты и віолончели издаютъ продолжительный, безпрерывный тремоло, между темъ, какъ въ срединныхъ голосахъ контрабасы исполняютъ фразу въ широкихъ, протяжныхъ чертахъ. Къ этимъ мрачнымъ звукамъ, языку злобной власти, примѣшиваются, мѣстами, отрывки изъ народнаго гимна, легко набрасываемые высокими духовыми инструментами. Композиторъ ставитъ другъ противъ друга оба враждебныя начала. Юліана облумываетъ съ заговорщиками гибель Струэнзе; праздникъ во дворцѣ долженъ представить для этого улобный случай. Уже самъ авторъ производитъ глубоко-потрясающій эффектъ, когда королева мать, обдумывая планъ мести, шепчетъ, погруженными въ размышленіе, заговорщикамъ: «а тамъ—тамъ»—и занавѣсь опускается, не давъ ей доказать, и оставляя зрителя въ ожиданіи чего-то невыразимо-ужаснаго. Майеръ-Беръ еще усилилъ этотъ эффектъ своею мастерскою музыкою: опять повторяется тремоло скрипокъ и віолончелей, съ мрачною, злобною фразою контрабасовъ, и среди ихъ опять мелькаютъ метеорами отрывки радостной народной пѣсни, высокіе духовые инструменты, въ томъ числѣ и флейты, свѣтло и нѣжно поютъ ея мелодію. Это

новое преобразование мотивовъ удивительно хорошо; это одна изъ самыхъ гениальныхъ комбинаций. Композиторъ, кажется, хочетъ показать, что хотя заговорщики съзываютъ внушеніемъ личныхъ страстей, словательно неблагородныхъ побужденій, а королева Юлиана повинуется одной жаждѣ мщенія, однако же, болѣе высокая и чистая идея проникаетъ все предпріятіе— любовь къ отечеству.

Третье дѣйствіе открывается великолѣпнымъ праздникомъ и маскарадомъ во дворцѣ. Струэнзе и Матильда еще разъ являются въ полномъ блескѣ славы и счастія; тѣмъ свѣтлѣетеперь ихъ счастіе, что они узнали взаимную тайну своихъ сердецъ. Но эта минута счастія должна быть началомъ ихъ глубокаго паденія. Какая трагическая противоположность, и какъ искусно воспользовался ею композиторъ!—Дѣйствіе начинается величественнымъ, пламеннымъ танцемъ *alla polacca*. Нельзя себѣ представить богаче инструментальнаго танца, мелодіи болѣе увлекательной, болѣе полной веселія и блаженства. Отъ двухъ громкихъ и рѣзкихъ аккордовъ трубы и тромбоновъ, еще болѣе оттѣненная ударомъ литавры, отходитъ необыкновенно грациозная и рѣзкая мелодія въ быстрыхъ трюлахъ, ритмически раздѣленныхъ на два такта; вторая часть начинается оригинальною, очаровательною фразою вальгорна, съ которою переплетается отвѣтъ флейтъ и высокихъ духовыхъ инструментовъ, также въ быстрыхъ и легкихъ трюлахъ, между-тѣмъ, какъ оркестръ идетъ съ прежнимъ величиемъ и богатствомъ. Вдругъ темпъ менится, и передъ слушателемъ раскрыта огромная музыкальная картина. Въ третьемъ дѣйствіи заключается катастрофа,—ее то и должна выразить музыка. Кровожадная месть овладѣла своею жертвою; съ одной стороны, бѣшеный кракъ необузданной страсти, съ другой вѣроломство скрытой ненависти, высказывается въ мрачномъ геворѣ контрабасовъ; потомъ, рядъ самыхъ разнообразныхъ чувствованій, наль которыми, какъ воспоминаніе, носится пѣснь счастливой любви, ваконецъ, остаются одни таинственные козни злобы, въ звездляющемся темпѣ и въ несколькихъ нерѣшительныхъ аккордахъ, ведущихъ къ паузѣ, послѣ которой неожиданно повторяется полакка и заключается самою блестящею кодою.

За тѣмъ, почти во все третье дѣйствіе музыка молчитъ. Овъ оканчивается арестованіемъ Струэнзе. Но только что за-

навсѣ опустился, оркестръ энергическими звуками выражаетъ мгновенное отчаяніе Струэнзе. Глубоко содрогается душа его; но, въ то же время, изжные, утѣшительные звуки вливаютъ налѣжу въ его уязвленное сердце, успокаиваютъ и ободряютъ его. Все это выскаживается въ немногихъ тактахъ, изъ нихъ развивается музыкальный мотивъ, служацій введеніемъ въ четвертое дѣйствіе, которое открывается, послѣ потрясающей катастрофы, истинно по-шекспировки, юмористическою сценою изъ нижней сферы народной жизни. Въ деревенскомъ кабакѣ собралось нѣсколько политическихъ выставщиковъ, бесѣда ихъ даетъ прекрасное понятіе о расположеніе умовъ въ народѣ; отъ нихъ поселяне узнаютъ объ арестованіи Струэнзе и королевы. Слѣдовательно, композитору предстоитъ въ этомъ нумерѣ мгновенно перейти отъ высоко-трагического къ народно-юмористическому, и при этомъ сочетаніи двухъ столь противуположныхъ элементовъ, не уничтожить трагического колорита. Музыка дѣйствуетъ не такъ, какъ слово; забавный, юмористический разговоръ, смѣшная сцена послѣ трогательной или трагической, можетъ быть, пріятна; но вальсъ вслѣдъ за реквиемомъ оскорбить умъ и сердце. Майеръ-Беръ очень искусно нашелъ средство примиренія. На основаніи долго повторяющейся точки, развивается изъ этой высокотрагической среды сельской хороводъ въ %. Только при многократномъ слушаніи этого сочиненія можно постичь, съ какою истиной охарактеризованы датскіе крестьяне, сколько юмору въ бесѣдахъ кабачныхъ разумниковъ; въ первый разъ слушатель слишкомъ потрясенъ катастрофою третьаго дѣйствія, чтобы вникнуть во всѣ тонкости юмористической музыки. Это междуудѣйствіе можно смѣло назвать самою оригиналъю частью всего сочиненія. Особенно удачно приведены въ хороводъ вальдгорны. Мрачныя второстепенные мелодіи и оригинальные эффекты инструментовъ производятъ тѣ тѣни, которыхъ сообщаютъ всему произведению строгій колоритъ трагедіи.

Четвертое дѣйствіе съ пятымъ соединяетъ музыкальное сочиненіе самаго величественнаго и торжественнаго характера. Въ пятомъ дѣйствій, должно совершиться то, что предвѣщала увертюра, поэтому здѣсь повторяются разныя фразы увертюры, съ арфою и вальдгорнами, дающими ей еще болѣе элегическій колоритъ, а потомъ, съ потрясающимъ аккомпаниментомъ тромбоновъ. Уже раздаются печальные звуки, глухо

бъютъ літавры, кажется поѣздъ приближается къ мѣсту казни; мѣстами, вплетается нѣжная тема любви, будто воспоминаніе о пропавшемъ вавѣки счастія. Невыразимая тоска овладѣваетъ душою слушателя. Занавѣсь поднимается въ послѣдній разъ. Королева Юліана снова владычица царства, она торжествуетъ, но совѣсть терзаетъ ее. — Потомъ, является Струэнзе въ темнице. Онъ спитъ и во снѣ проходитъ перѣлъ нимъ, въ различныхъ музыкальныхъ образахъ, все его прошедшее, тревожное tremolo изъ втораго дѣйствія, съ мрачнымъ говоромъ контрабасовъ, отрывки изъ пѣсни матежниковъ «нашъ Христіанъ богатырь» въ элегическомъ колорите, блаженство любви, и, наконецъ, очаровательная основная мелодія всей драмы. Когда онъ просыпается, ужасный крикъ всего оркестра изображаетъ возвращеніе сознанія страшной дѣйствительности. Ему объявляютъ приговоръ; престарѣлому его отцу позволено проститься съ нимъ. Тутъ раздается погребальный маршъ, отличающійся простою, но тѣмъ не менѣе оригинальною и выразительною мелодіею, онъ поражаетъ эффектомъ фаготовъ и літавръ. Отецъ благословляетъ сына; стоны віолончелей сопровождаютъ его слова. Наконецъ, Струэнзе уводятъ; старикъ падаетъ безъ чувствъ; когда онъ приходитъ въ себя, барабанный бой возвѣщаетъ, что сынъ его уже отстрадалъ; онъ съ глубокою, но покорною печалью возводить взоры къ небу, и, въ тоже время, гениально-придуманный, торжествующій возгласъ оркестра славить вознесеніе освобожденной отъ узъ земныхъ, бессмертной души.

(10-го ноября. 1846 г.)

ДАНИЯ.

«Амлетъ», Трагедія Элленшлегера.

Великій датскій поэтъ, и, можетъ быть, величайшій изъ нынѣ живущихъ всемирныхъ поэтовъ, Адамъ Элленшлегеръ, который создалъ столько дивныхъ, истинно шекспировскихъ драмъ, нынѣ написалъ новаго «Гамлета» или «Амлета», трагедію, никакъ не сходную съ твореніемъ Шекспира и основанную на

подлинномъ преданіи о Гамлеть, сохранившемся въ лѣтописяхъ и легендахъ. Въ весьма скромномъ и умномъ предисловіи къ своей трагедіи, Элленшлегеръ показываетъ, что между его пьесою и вѣчнымъ, колоссальнымъ созданіемъ Шекспира, которое выдержало двухвѣковую оцѣвку, нѣтъ ничего общаго, кромъ имени главнаго героя. Ходъ событий вѣрѣнъ съ исторіею, лица всѣ историческія и самъ Гамлеть совсѣмъ иными средствами достигаетъ своей цѣли, чѣмъ лицо Шекспировой трагедіи. Чтобы поближе познакомить читателя съ содержаніемъ и развитіемъ драмы Элленшлегера, мы представляемъ здѣсь древнее преданіе объ Амлете, въ томъ самомъ видѣ, какъ оно отыскано датскимъ поэтомъ.

«Въ царствованіе Лейрскаго (*) короля, Рерика, умеръ Гевендель, подвластный ему король въ Ютландіѣ. Два сына его, Гардендель и Фенге вступили въ управление королевствомъ, на мѣсто своего отца. Гардендель предпринялъ походъ противъ викинговъ, привезъ королю Рерику огромную лобычу и посвятился на его дочери, Гиритѣ. Отецъ выдалъ ее за него и она родила ему асына Амлета. Но Фенге, изъ ненависти, тайно убиль了自己的弟弟并嫁给了他的哥哥。

Амлеть, возмужавъ, боялся убийцы отца своего и, чтобы спасти собственную жизнь, началъ говорить и действовать, какъ помѣщанный. Всѣ вопросы и отвѣты его были смѣшны и безмыслины; всѣ дѣйствія ребячески-глупы. Онъ болѣе походилъ на пугало, чѣмъ на человѣка. Иногда, онъ садился у огня въ золу и раскидывалъ уголья во всѣ стороны, иногда дѣлая деревянные крючки, обжигалъ ихъ на огнѣ и сгибаль какъ удочки, чтобы они крѣпче цѣпались за то, на что были бросаемы. Когда его спрашивали, что онъ дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ: «я острию концы коней, чтобы отмстить за смерть отца!» Нѣкоторые прильвочные, глубже вникавшіе въ его поступки, подозревали, что онъ не такъ безуменъ, какъ кажется, и подъ хитрою личиною скрываєтъ умъ зоркій и обширный. Наконецъ, рѣшились испытать его посредствомъ хорошенъкой

(*) Лейръ бывъ столицею датчанъ во времена языческихъ, какъ Рескильде въ первую и Копенгагенъ во вторую половину христіанскаго периода. Говорятъ, что эти города были такъ же велики, какъ нынѣшній Копенгагенъ. Теперь городокъ Рескильде имѣть только 4,000 жителей, а Лейръ — деревня, въ двухъ миляхъ отъ него. Редак.

женщины, (хорошенькия женщины были вѣчнымъ искушеніемъ мужчинъ, даже и въ древности!). Она должна была пріобрѣсти его любовь и довѣренность. Амлеть хотѣлъ идти прогуляться съ нею въ лѣсу; но одицъ изъ друзей, сѣдившій за нимъ, подалъ ему знакъ, чтобы онъ остерегался. Амлеть замѣтилъ знакъ и когда подвели имъ лошадей, сѣлъ на лошадь лицомъ къ хвосту, прикрѣпивъ къ нему узду. Странно было видѣть, какъ шла лошадь и какъ сѣдокъ управлялъ ею, держа ее за хвостъ. Польхавъ къ лѣсу, они завидѣли волка. Амлеть спросилъ: что это за звѣрь? Ему сказали: «жеребенокъ». Онъ отвѣчалъ: «такихъ жеребятъ много при дворѣ Фенге». Этю шуткою онъ уже обозначалъ наказаніе своего отчима, какъ будто волки и кровожадные звѣри отомстять за смерть отца. Но онъ такъ хитро умѣлъ расподождить слова свои, что, говоря иронически правду, не могъ быть изобличенъ въ дурномъ замыслѣ. — Потомъ, они польхади къ морскому берегу, на которомъ лежалъ руль съ корабля, разбитаго бурею. «Посмотрѣ», сказали придворные: «какой тутъ лежить широкій ножъ». — Этотъ ножъ долженъ прорѣзывать широкій окорокъ! отвѣчалъ Амлеть. Они показали на прибрежный песокъ и сказали: какая прекрасная белая мука. Онъ отвѣчалъ: «она смолота вѣтряными мельницами, да пѣнистыми волнами моря». Въ лѣсу, придворные отѣхали въ сторону, чтобы оставить его наединѣ съ красавицею. Другъ опять подалъ ему знакъ, поймавъ досу и проткнувъ соломенкою. Увидя это, Амлеть догадался, что ему угрожаетъ измѣна; но онъ не показалъ подозрѣнія и, оставшись одинъ, попросилъ у девушки поцѣлуя. Ова знала его съ дѣтства, любила и потому охотно согласилась. — Позже его спрашивали, цѣловалъ ли онъ эту девушку. — «Да» отвѣчалъ онъ: «на соломенкѣ съ крыши, на конскомъ копытѣ и на вѣтчинномъ гребешкѣ». Всѣ эти вещи были у него въ карманѣ и онъ положилъ ихъ подъ ноги, прежде, чѣмъ поцѣловать ее. Эта рѣчь ничего не объяснила лазутчикамъ, а девушка, разумѣется, не вылада его. Одинъ изъ приверженцевъ Фенге совѣтовалъ кородю спрятать кого-нибудь въ комнатѣ, чтобы подслушать Амлета, когда онъ будетъ говорить наединѣ съ матерью. Совѣтникъ даже самъ вызвался быть лазутчикомъ. Амлеть вскорѣ послѣ того пришелъ къ Гирите; онъ замѣтилъ, что его подслушиваютъ, вѣругъ забѣгаль по

комнатъ, захлопалъ въ ладоши, замахалъ руками, какъ крыльями и зачавъ пѣтухомъ. Потомъ вскочилъ на связку соломы, подъ которой спрятался послушавшій и, ощупавъ что-то твердое, прокололъ его мечемъ, вытащилъ изъ-подъ соломы, разсѣкъ на куски и бросилъ синицамъ. Кончивъ это, онъ возвратился къ матери, и сказалъ: «Низкая преступница! ты обнимашь убійцу своего мужа и любишь того, кто сдѣлалъ сиротою твоего единственного сына! Такъ живутъ безсмысленные твари, не понимающія лучшаго. Говорю тебѣ, что не безъ причины надѣлъ личину безумія: кто убилъ роднаго брата, не пощадитъ и племянника. Смерть отца моего не даетъ мнѣ покоя ни днёмъ, ни ночью. Дай только приидти времени и слушаю, я отмщу за него! Но чтобы поймать сильного злодья, надо много хитрости и лукавства. Не плачь о моемъ безуміи, а лучше оплакивай свой позоръ и искорамлевіе нашего дома!» Такими строгими словами онъ обратилъ легкомысліе матери къ раскаянію и исправленію.

У Амлета спросили, куда дѣлся послушившій. Онъ смылся отвѣчаль: «Свинъ его съѣли!» Онъ не хотѣлъ сограть Фенге охотно убить бы Амлета, но боялся его дѣла и Гириты. Поэтому, онъ отиравиль его къ королю бретландскому (britанскому, англійскому). Отѣзжая, Амлетъ просилъ мать свою объявить, черезъ годъ со днемъ, что ее известили о смерти его, и потомъ обить залу коврами, какъ бы для похороннаго торжества. Въ самое это время, онъ хотѣлъ возвратиться. — Съ нимъ поѣхали въ Бретландію два проводника, съ руническими тростями, на которыхъ была изображена просьба, чтобы бретланцкій король велѣлъ убить Амлета. Однажды, ночью, на пути, Амлетъ нашелъ эти трости и перемѣнилъ на нихъ руны такимъ образомъ, какъ будто Фенге просилъ бретландскаго короля повѣстить провожатыхъ пасынка, а за послѣдняго выплатить дочь свою.

Король ласково принялъ Амлета; но онъ не хотѣлъ виѣть, ни пить того, что ему предлагали. Король приказалъ разведѣть причину этого. Амлетъ сказалъ свитѣ: хлѣбъ вашъ имѣтъ вкусъ крови, пиво — желѣза, а окорокъ — трупа; притомъ у короля вашего глаза раба, а королева въ трехъ лѣяхъ поступаетъ какъ служанка. Уѣльшавъ это, король сказалъ: «Этотъ человѣкъ или большой мудрецъ, или очень глупъ!»

Онъ тотчасъ приказалъ позвать своего управляющаго, который рассказалъ, что колосья росли на полѣ битвы. Король спросилъ на счетъ окорока. Онъ былъ взять отъ свиньи, которая нечаянно поѣла отъ трупа казненнаго разбойника. Колодезъ, изъ котораго была почерпнута вода для пива, былъ изслѣдованъ и на днѣ его нашли заржавые мечи.

Король, увидя, что Амлетъ правъ, приказалъ позвать свою мать и спросилъ ее наединѣ, отчего у него глаза раба? Она отвѣчала, что никогда не любила ни одного мужчину, кромъ отца его. Но когда король погрозилъ ей пыткой, она призналась, что онъ сынъ раба. — Когда онъ, потомъ, спросилъ Амлета, отчего онъ порицаетъ поступки королевы, тотъ отвѣчалъ: «Она въ трехъ дѣлахъ подражаетъ служанкѣ: она закрываетъ голову плащемъ (*); когда ходить, то поднимаетъ платье и — ковыряетъ въ зубахъ послѣ обѣда». Король похвалилъ великий разумъ Амлета и выдалъ за него дочь свою. Провожатыхъ, согласно просьбѣ Фенге, приказалъ онъ повѣстить. Амлетъ показалъ видъ, будто разгневался за это и король далъ ему большую сумму денегъ въ выкупъ за убийство. Амлетъ растопилъ это золото и наполнилъ имъ двѣ выдолбленныя палки, которыя взялъ съ собою, когда, годъ спустя, отправился въ Данію. Прибывъ въ Юolandъ, онъ снялъ хорошее платье и надѣлъ лохмотья. При дворѣ Фенге все были веселы и радостны. Онъ вошелъ въ залу, гдѣ, въ это самое время, праздновали по немъ тризну. Его спросили о провожатыхъ. Онъ вытащилъ двѣ палки и сказалъ: вотъ они оба! Потомъ Амлетъ принялъ на себя должность мундштенка, и вызвался разносить гостямъ медъ. Какъ будто не желая, чтобы разодраный плащъ мѣшалъ ему ходить свободно, онъ опоясался мечемъ. Но гости не хотѣли, чтобы онъ такъ часто вынималъ мечъ и пробовалъ остроту его обѣ ногти пальцевъ, и потому пробили мечъ и ножны гвоздемъ. Амлетъ не переставалъ потчивать гостей, пока все они свалились безъ памяти со скамеекъ. Тогда Амлетъ накрылъ ихъ всѣми коврами, которыми была увѣшана зала, и скрѣпилъ ковры крючками, которые надѣлалъ въ дѣствѣ,

(*) Прежде верхнюю частію плаща или воротникъ покрывали голову; теперь, крестьянки замѣнили воротникъ шерстянымъ платкомъ, который такъ же повязывается на голову.

такъ, что ни одинъ изъ при дворныхъ не могъ выпутаться и уйти. Потомъ онъ зажегъ домъ и вскорѣ весь дворецъ былъ объятъ пламенемъ. Амлетъ побѣжалъ въ комнату, куда слуги отнесли сонного Фенге, снялъ со стѣны его мечъ и, на его мѣсто повѣсила свой собственный, разбудилъ короля и сказалъ: «Фенге! твои храбрые товарищи сгорѣли до тла, а передъ тобою стоитъ Амлетъ съ своими крючьями, чтобы мстить за смерть отца!» Фенге вскочилъ; но пока онъ протягивалъ руку къ загвожденному мечу, Амлетъ закололъ его.

Амлетъ позже изобразилъ все свои лѣянія на свое мѣсто. — Шотландская королева прельстила его и онъ обѣщался жениться на ней; на это разгневался его тесть, король бретонскій. Дѣло дошло до войны. Первый день былъ неудаченъ для Амлета и онъ потерялъ бы сраженіе, еслибы его не спасла хитрость. Онъ приказалъ привязать стоймія, тѣла убитыхъ датчанъ, на полѣ сраженія, къ палкамъ и камнямъ. Тогда ужасъ овладѣлъ британцами: они думали, что къ непріятелю подошло свѣжее войско, побѣжали, и Амлетъ съ большою добычею возвратился въ Данію. Но король Рерикъ умеръ въ это время и на престолъ взошелъ Виглетъ, который укорялъ Амлета, что онъ обманомъ пріобрѣлъ королевство и началъ съ нимъ войну. Амлетъ былъ убитъ въ сраженіи, а Виглетъ женился на его вдовѣ, шотландской королевѣ Герметрудѣ. Поле, на которомъ онъ похороненъ, до сихъ-поръ называется Амлетовъ-мѣсто.» (*)

Вотъ материалъ, изъ котораго Эллевшлегерь составилъ свою драматическую хронику. У него Амлетъ, узнавъ обѣ убийства своего отца, притворяется при дворѣ короля Фенго сумашедшимъ, но въ безуміи иногда высказываетъ такія истинны, отъ которыхъ убийца становится страшно. Чтобъ избавиться отъ него, Фенго отсылаетъ Амлета съ письмомъ къ конунгу Гаддигу. Въ письмѣ этомъ онъ просить своего друга велѣть убить подателя. Но Гаддигъ не знаетъ грамоты, Амлетъ берется прочесть письмо и узнаетъ весь умыселъ. Онъ счастливо спасается отъ опасности; но въ пятомъ актѣ, его приносить опять во дворецъ Фенго, въ гробу, и ставить въ фамильный склепъ. Здѣсь онъ встрѣчается съ убийцемъ отца своего, дерется съ нимъ на поединкѣ и убиваетъ его. Вместо Офелии

(*) Село Амледеве, съ небольшимъ въ милѣ отъ Рандерса.

Шекспира, у Элленшлегера действуетъ другое женское лицо, Сагритъ, чудесное созданіе, которое върить въ безуміе Амлета и любить его съ истинно женскимъ самоотверженіемъ.

ТУРЦІЯ.

Письмо отъ 20-го февраля.

Константинополь имѣлъ также свою итальянскую оперу, и притомъ довольно недурную. Оперная труппа давала представліенія въ европейскомъ премѣстіи, въ Перѣ. Театръ былъ деревянный, но довольно красивый, удобный и помѣстительный. Итальянская труппа находилась подъ дирекцію ловкаго антрепренера, Наума, и была очень усердно посещаема турками, армянами, греками и франками всѣхъ націй. Всѣ особы дипломатического сословія имѣли въ немъ абонированыя ложи, которые отдѣльвали и украшали по своему вкусу. Репертуаръ театра состоялъ изъ лучшихъ новѣйшихъ и старинныхъ оперъ Моцарта, Белліни, Россини, Донизетти, Верди и другихъ. Особеннымъ успѣхомъ пользовались: I Due Foscari; — Beatrice di Tenda; — Don Pasquale; — I Puritani; — Don Giovanni; — Belisario. Лучшіе артисты труппы: синьора Гамбарделли и Маріэтта Грести, примадонны, первая отлична въ партіи Антонины, послѣдняя любимица публики; Антоніо Цинги, очень недурной теноръ; Белліни, отличный басъ. Остальные члены османской сцены довольно посредственны. Въ антрактахъ иногда давали что-то въ родѣ дивертисмановъ, отдѣльные танцы въ костюмахъ, исполняемые двумя итальянскими танцовщицами, Розалию Сирнаторою и Августою Цанти-Дорія, женщинами молодыми и довольно хорошенъкими. Лучшіе изъ этихъ танцевъ венгерская полька и испанский болеро. Оба исполнялись ловко, грациозно и живо, и это приводило турокъ и армянъ въ безконечный восторгъ. Что касается, до декорацій, костюмовъ, роскоши обстановки, то здѣшній театръ ни въ чемъ не уступалъ европейскимъ. И не мудрено, обстановка, на-примѣръ «Велисарія» стоила вмиressаріо до 16,000 шиллеровъ. Оркестръ и

хоры, находящиеся подъ управлениемъ опытнаго и страстнаго музыканта, Гуателли, стройны, полны, прекрасны.

Этотъ-то театръ, единственное утѣшеніе европейца, заброшенаго на Востокъ, сгорѣлъ 27-го января. По счастію, пожаръ случился ночью, послѣ представлениія, и потому никто изъ принадлежащихъ къ нему не пострадалъ. Съ некотораго времени, пожары слѣдались чрезвычайно часты въ Перѣ. Почти каждую ночь всѣ пробуждаются отъ сна ужасный *Сенкхинва* (набатъ), возвѣщающій, что какая-нибудь часть предмѣстія горитъ. Въ теченіе трехъ недѣль, Пере лишилась болѣе семидесяти лучшихъ домовъ своихъ; цѣлыя кварталы опустѣли. Нельзя пожаловаться на равнодушіе правительства въ этихъ несчастныхъ случаяхъ; всѣ необходимыя мѣры принимаются съ удивительной быстротою и дѣятельностію; но, къ сожалѣнію, всѣ усиленія, по большой части, остаются безъ уѣзда. Близость моря и почти всегдашніе вѣтры способствуютъ пламени распространять опустошеніе.

Пожаръ театра лишилъ насъ, на время, представлений итальянской оперы; но это продлится не долго. Султанъ далъ Науму привилегію на построеніе каменнаго театра и на исключительное право имѣть въ Пере театръ. Большиня суммы уже собраны по подпискѣ, и немедленно приступятъ къ дѣлу. Султанъ Абдуль-Меджидъ чрезвычайно любить врѣлица и въ особенности музыку. Во дворцѣ его есть придворный театръ; онъ имѣетъ свою капеллу, которою дирижируетъ придворный капельмейстеръ, Донизетти, братъ знаменитаго композитора, очень даровитый и старательный музыкантъ. На придворномъ театрѣ нерѣдко исполняются отдѣльныя сцены изъ разныхъ оперъ. Эти вечера можно скорѣе назвать концертами въ костюмахъ, чѣмъ представленими. Султанъ знаетъ хорошо итальянскій и французскій языки, и поэтому его интересуетъ все, что касается до искусствъ. Государственный секретарь, Сафетъ-Эфенди, бывшій прежде главнымъ драгоманомъ падишаха, страстно любить французскую литературу и занимается переводомъ на турецкій языкъ комедій Мольера. Члены сultанской капеллы недавно разучили переведеніаго имъ «Миметельного болѣаго» и сыграли его, не только удачно, но даже съ неожиданнымъ искусствомъ. Султанъ былъ въ восхищеніи отъ выдумки и приказалъ, на другой же день, повторить пред-

ставленіе въ Сераль, поручивъ лейбъ-медику своему, Исмаиль-Эфенди, пригласить въ этотъ спектакль всѣхъ придворныхъ и серальскихъ врачей. Это была колкая, но замысловатая шутка съ его стороны. Чрезъ нѣсколько дней, представление было повторено въ Мабейнъ-Хумаюнгъ, т. е. во внутреннихъ апартаментахъ Шираганъ-Сарая. На этотъ разъ, музыканты Е. В. показали еще болѣе искусства: передъ комедіею Мольера, они исполнили на турецкомъ языке, и притомъ очень удовлетворительно, двѣ сцены изъ оперъ «Scaramuccia» и «Barbiere de Siviglia», а въ заключеніе спектакля, представили родъ балета, съ атлетическими играми. Нѣть сомнѣнія, что эти опыты послужатъ къ основанію національнаго театра въ Турціи. Объ этомъ уже поговориваются. При впечатлительномъ характерѣ султана, при его страсти къ нововведеніямъ, служащимъ къ образованію народа, это очень возможно. Онъ сдѣлалъ уже очень многое; а то, что теперь творить, останется навсегда на скрижаляхъ исторіи. Близъ главной мечети Ага-Софія воздвигается теперь другой храмъ, храмъ наукъ—Университетъ. Построеніе этого великодушнаго зданія поручено нашему русскому архитектору, Фоссати, и работы полвигаются съ неимовѣрной быстротою. Недавно основано и литературное общество, родъ Академіи; всѣ отличнѣйшіе умы и ученѣйшіе люди избраны въ члены; предсѣдателемъ назначенъ исторіографъ и главный начальникъ всѣхъ эмировъ, Эсадъ-Эфенди. Султанъ самъ задалъ обществу темы для первыхъ трудовъ: составить учебную книгу духа и правилъ турецкаго языка; подробную статистику государства и философический словарь языковъ турецкаго, арабскаго и персидскаго, съ подробною ихъ этимологією. Это труда, достойный даже европейскихъ ученыхъ. Главными редакторами этого словаря назначены: Эмиръ-паша, президентъ военнаго совѣта, *Мютеміз-Мехметъ-паша*, членъ совѣта, *Фуадъ-Эфенди*, ученый драгоманъ Оттоманской Порты, *Ибраимъ-паша*, директоръ училища Мачка-Сарай; *Нешібъ-Эфенди*, членъ духовнаго управлениія. Кромѣ того, на эту восточную академію возложено издавать, въ началѣ каждого турецко-арабскаго года, государственный-календарь (*Сальнаме*), что и началось съ нынѣшняго года. При такихъ быстрыхъ успѣхахъ, нѣть сомнѣнія, что Турція скоро сольется съ просвѣщенnoю Европою.

P. H—и—к...

СМЪСЬ.

АНЕКДОТЪ, РАЗСКАЗАННЫЙ БЕРЛІОЗОМЪ.

Два года тому, парижская публика сходила съ ума отъ карликса, извѣстнаго подъ названіемъ генерала Томъ-Пуса. Мужчины давились нѣжнымъ, миниатюрнымъ его пропорціямъ, дамы ъздили цѣловать его и слушать, какъ онъ своимъ топечкимъ, дѣтскимъ голоскомъ поетъ романсы. Слухъ о немъ разлетѣлся по провинціямъ, по всей Европѣ. Когда Томъ-Пусъ уже окончилъ свои представлениа, одинъ помѣщикъ, изъ дальней провинціи, страстный охотникъ до музыки, который на своемъ вѣку переслушалъ всѣхъ знаменитыхъ виртуозовъ провинціи, прѣѣзжалъ въ Парижъ, именно за тѣмъ, чтобы послушать, какъ поетъ генералъ Томъ-Пусъ. Онъ пораженъ извѣстіемъ, что знаменитый карликъ кончилъ свои дебюты. Въ отчаяніи, онъ бросается къ Берліозу, прося, чтобы онъ ему какъ нибудь помогъ.

— Конечно, говорить маэстро, очень прискорбно проѣхаться такъ далеко, чтобы уѣхать ни-съ-чѣмъ, по я могу помочь вамъ только совсѣмъ. Томъ-Пусъ очень милый, свѣтскій человѣкъ, онъ вѣрно васъ приметъ и удовлетворитъ. Онъ еще не уѣхалъ: ступайте къ нему, онъ живеть въ улицѣ Сен-Лазарь, въ угловомъ домѣ, знаменитомъ потому, что тамъ поперемѣнно жили Тальма, Марсъ, Дюшенуа, Горасъ Верне, Тальбергъ. Томъ-Пусъ и теперь еще имѣетъ общую квартиру съ знаменитымъ пьянистомъ.

Лицо провинціала просвѣтѣло, онъ отвѣсилъ Берліозу почти земной поклонъ и опрометью помчался по данному адресу. Вотъ

онъ входитъ на лѣстницу, вотъ дошелъ до двери, на которой написано «Тальбергъ.» Здѣсь онъ перевѣлъ духъ, отеръ потъ, и паконецъ схватился за звонокъ. Въ это самое время дверь отворилась и вышелъ огромный и претолстый мужчина, настоящій Фальстафъ во фракѣ. Это былъ пѣвецъ Лаблашъ, который былъ въ гостяхъ у своего зятя, Тальберга.

— Кого вамъ надоѣло? — спросилъ онъ провинціала тѣмъ басомъ, отъ котораго дрожать стѣны Итальянской Оперы.

— Я прѣзжай и желалъ бы видѣть господина Томъ-Пуса.

— Это я, проревѣлъ артистъ.

— Но, какъ-же... миѣ сказывали, что генералъ... такой маленький... что онъ не выше моего колѣна и что голосъ его похожъ на голосъ малиновки. По этимъ признакамъ, я никакъ не могу поверить...

— А, вы не вѣрите, что я Томъ-Пусъ? Тѣмъ хуже. Но я, по крайней-мѣрѣ, имѣю честь быть этимъ знаменитымъ артистомъ. Все, что вамъ обо мнѣ говорили, дѣйствительно справедливо; я точно маль ростомъ и пою малиновкою, когда являюсь передъ публикою, но когда я дома, то не женируюсь и позволяю себѣ вытянуться и говорить во весь голосъ.

За тѣмъ Лаблашъ торжественно сошелъ съ лѣстницы и оставилъ любителя музыки въ крайнемъ удивленіи и въ совершенномъ восторгѣ, что онъ видѣлъ великаго карлика, какъ никто его не видалъ, — въ домашнемъ быту и въ полномъ его развитіи.

ВЕЛИКІЙ ПѢВЕЦЪ — ВЪ ЗАРОДЫШѢ.

Тридцать пять лѣтъ назадъ, въ оперномъ театрѣ, въ Бергамо были весьма плохіе пѣвцы, тогда какъ хоры въ тоже-время были отличные. Большая часть этихъ хористовъ, впослѣдствіи, сдѣлались даже знаменитыми пѣвцами, композиторами, превосходными музыкантами. Донизетти, Кривелли, Леодоро Біанки, Мари, Дольчи — всѣ, въ молодости своей, пѣли въ хорѣ бергамскаго театра. Въ томъ-же хорѣ находился, въ то время, бѣдный и чрезвычайно скромный молодой человѣкъ, котораго всѣ товарищи любили за его добродушный и привѣтливый характеръ. Въ Италии хористамъ и музыкантамъ платить такъ мало, что они решительно не могутъ существовать своимъ жалованьемъ и по не-

всъ должны промышлять еще какимъ-нибудь побочнымъ ремесломъ. Утромъ, вы заходите къ сапожнику, а вечеромъ видите его въ оркестрѣ: онъ держитъ первую скрипку; скрипачъ который цѣлый деньковъ на наковальне, вечеромъ бьетъ въ листавры. Всѣ ремесленники днемъ усердно трудятся для пользы общежитія, а вечеромъ, еще усерднѣе, для удовольствія своихъ почетныхъ давальцевъ. Это понятно и возможно только въ Италии, въ странѣ бѣдной, жадной къ удовольствію и, по преимуществу, артистической. Молодой хористъ, о которомъ мы говоримъ, былъ въ тоже время подмастеремъ у портного, и зарабатывалъ жалованье содержалъ мать свою, которую страстью любилъ.

Разъ онъ принесъ первому пѣвцу Назари панталоны, которые тотъ заказалъ его хозяину. Артистъ взглянула на него пристально:

- Мне кажется, что я тебя ужъ где-то видѣла?
- Вѣроятно на сценѣ, синьоръ; я пою въ хорѣ.
- А хороши у тебя голосъ?
- Не слишкомъ; я съ трудомъ беру sol.
- Посмотримъ, — сказалъ Назари, садясь къ фортепиано, — начинай.

Хористъ началъ тянуть салфеджи и действительно, съ большими трудомъ взялъ sol.

— Ну, теперь бери la. — «Не могу, синьоръ.» — Бери la, чортъ возьми! — вскричалъ Назари съ горячностью.

Хористъ повиновался: la вылетѣло робко изъ его груди.

— Ну, теперь si! — «Не могу, ей Богу, не могу!» — Бери si, или я тебя.... Артистъ оглянулся во всѣ углы, ища глазами палки.

— Не гневайтесь, ради Бога, синьоръ, я попробую... sol... la... si...»

— Ага! видишь-ли, негодный! — вскричалъ Назари съ торжествомъ, — у тебя силой надо вырвать кладъ изъ груди... Но теперь послушай, дружекъ, что я тебѣ скажу и послѣдуй моему соvѣту. Упражняйся каждый день, каждый часъ, не робей — и ты будешь первымъ теноромъ въ мірѣ.

Назари не обманулъся. Бѣдный хористъ, который для насущнаго хлѣба долженъ быть шить платье, нынѣ имѣеть состояніе въ четыре миллиона, великолѣпную виллу, живетъ царемъ иувѣнчанъ всемирною славою: это — *Рубини*.

АНГЛІЙСКІЙ ПЛАНЪ ВОСПІТАНІЯ.

Юмористическая газета «Punch», знаменитая по своему рѣзко-му остроумію, смѣется надъ англійскими частными школами. Она говоритъ, что воспитанники этихъ школъ научаются только пить, лгать, ругаться, буйнить и пріобрѣтаются другія, не менѣе похвальныя знанія. Поэтому она советуетъ принять опредѣленную систему въ преподаваніи этихъ общеполезныхъ предметовъ и раздѣлить курсъ ихъ по слѣдующей программѣ: *понедельникъ*: математика, приемы боксированія, гимнастика и употребленіе водки; *вторникъ*: теорія ругательства, греческіе классики, употребленіе трубки; *среда*: правила нахальства, механика, управление лошадьми, методы пьянства, начала дѣланія долговъ; *четвертка*: архитектура, основанія дуэля, теорія бесполезныхъ споровъ, классификація лжи; *пятница*: искусство пить мертвую, тригонометрія, опыты въ воровствѣ; *суббота*: недѣльный экзаменъ во всѣхъ пройденныхъ предметахъ. Пьянство въ запуски старшихъ воспитанниковъ.

Жестокая истина, если это только истина! Невольно вспомнишь Диккенса и его «Оливера Твиста»!

ПЕЧАЛЬНАЯ УЧАСТЬ ВЕЛИКАГО АРТИСТА.

Что можетъ быть печальнѣе взгляда на великое разумѣніе, которое съ каждымъ днемъ угасаетъ, и имѣть еще довольно силы, чтобы сознать ничтожество, къ которому нисходитъ! Глубокое, мучительное чувство овладѣваетъ душою, когда стояши передъ человѣкомъ, котораго разумъ, хотя не совершенно исчезъ, но уже впадаетъ въ состояніе, весьма близкое къ дѣству; котораго способности изсякаютъ и гаснутъ съ каждымъ днемъ, и который, чувствуя еще силу жизни, полной энергіи, подходитъ къ вамъ и говоритъ:

— Я страдаю, потому-что гасну, потому-что разумъ, душа, вдохновеніе меня покидаютъ!

Вотъ что разсказываетъ одинъ молодой французскій литераторъ:

— Случай привелъ меня недавно въ Иври, въ окрестности Парижа: я хотѣлъ повидаться съ приятелемъ, молодымъ пасторомъ. Мы разговорились о поэзіи, о музыкѣ.

— А знаете ли, сказалъ онъ мнѣ, у насъ здѣсь живеть знаменитый музыкантъ. Я съ нимъ познакомился. Мы часто гуляемъ вмѣстѣ. Онъ въ печальномъ положеніи, душа его страдаетъ же-

стоко, разумъ гаснетъ, а плодовитое воображеніе рисуетъ однѣ только горестныя картины. Вы вѣрно не откажетесь посѣтить его. Надо уѣхать несчастливца. Пойдемъ.

Мы пошли. Черезъ нѣсколько минутъ мы были въ его домѣ. Онъ намъ дико поклонился и хотѣлъ уйти. Видя, что мы пришли не во время, и мы собирались уже удалиться. Но вдругъ онъ остановился, взглянувъ на насъ быстро и сказалъ:

—Господа! мнѣ некогда: я весь день посвятилъ другу моему, несчастному Беллини. Однако, — прибавилъ онъ, нѣсколько подумавъ, — если хотите, войдите сюда, только тихонько, чтобы не разбудить его изъ вѣчнаго сна: я сыграю вамъ лучшую его пьесу, пьесу великую, бессмертную, въ которой вышла вся душа его! — Вы слушайте, но тихо, тихо, не шевелясь, не дыша, тѣнъ его будетъ со мною, я буду съ нимъ бесѣдоватъ.

Мы послѣдовали за нимъ въ другую комнату, онъ сѣлъ къ фортепиано. Вся душа сго, казалось, перешла въ пальцы; никогда еще не съыхалъ я исполненій болѣе энергического и страстнаго. Когда онъ кончилъ, крупныя слезы струились у него по щекамъ, руки его опустились, голова поникла.

—Бѣдный Беллини! — твердилъ онъ, — бѣдный Беллини! Написать такое дивное твореніе и умереть! умереть въ молодости! О, это ужасно!

Пьеса, которую артистъ исполнилъ, была финалъ втораго акта «Лючии». Самъ артистъ былъ — Донизетти!

Вотъ участъ прекраснаго на земль!

ПОЖАРЫ ТЕАТРОВЪ.

Особенное несчастіе ниспослано небомъ на театры въ нынѣшнемъ году! Не прошло еще мѣсяца, какъ три значительные театра сдѣлались добычей пламени, одинъ въ Константинополѣ, одинъ въ Лондонѣ и одинъ въ Пестѣ, и вотъ газеты извѣщаютъ насъ уже о новомъ театральномъ пожарѣ въ Карлсруѣ.

1-го марта, передъ представлѣніемъ оперы, публика уже наполнила всѣ мѣста въ велико-герцогскомъ театрѣ въ Карлсруѣ, когда одинъ изъ дворцовыхъ слугъ вошелъ въ герцогскую ложу со свѣчкою, чтобы отвернуть кранъ газового проводника и засвѣтить канделябры. По неосторожности, онъ оставилъ дверь не

затвореною и сквозной вѣтеръ, пахнувъ въ ложу, навѣялъ легкое шелковое драпери ложи на канделябръ, отчего оно тотчасъ-же вспыхнуло. Огонь мгновенно сообщилъ ложамъ и райку, и менѣе, чѣмъ въ десять минутъ, вся внутренность театра пылала и наполнилась густымъ дымомъ.

Можно себѣ представить ужасъ зрителей! Все бросилось бѣжать, но въ коридорахъ представилась бѣда не менѣе той, которая угрожала въ залѣ театра. Машинистъ, присматривающій за газометромъ, услышавъ о пожарѣ, который произошелъ отъ газового рожка, вообразилъ, что вѣрою лопнула одна изъ газопроводныхъ трубокъ, и желая остановить истеченіе газа, бросился къ главному крану и его завернулъ. Въ одинъ мигъ огонь потухъ во всѣхъ коридорахъ. Зрители въ тороцахъ и испугъ не находили выходовъ, давили и поцирали другъ друга ногами, отыскивая дверей и отыскавъ ихъ, отъ напора массы, падали стремглавъ другъ за другомъ съ лѣстницъ. Не смотря на всѣ усиленія, на геройское самоотверженіе самого Великаго Герцога, ни театра, ни большей части зрителей не могли спасти. Погибло до ста сорока человѣкъ; многіе задохлись отъ дыма, большая часть сгорѣли. Когда начали разрывать пепелище, ужасныя сцены представились глазамъ: обезображенныя и обгорѣвшіе трупы лежали вмѣстѣ съ головами строилъ; во многихъ мѣстахъ находили цѣлія семейства, которыхъ, потерявъ надежду на спасеніе, забились въ темные углы, сидѣли обніявшиесъ, матери прижимали къ груди своихъ дѣтей — и все это были трупы: они погибли отъ страха и дыма. 3-го марта, съ большимъ торжествомъ, были совершены панихида и похороны всѣхъ жертвъ этого несчастнаго случая, которыхъ пепель былъ ссыпанъ вмѣстѣ, въ семь огромныхъ гробовъ. — Сульба какъ будто нарочно сыграла эту страшную на-смѣшку. Опера, которую собирались играть, называется «Артезіанскій колодезь!»

Въ Пестѣ театръ сгорѣлъ, какъ увѣряютъ, отъ неосторожности портного, который, работая въ ночи, выбилъ свою трубку на полъ. А Перскій театръ, въ Константинополѣ, сгорѣлъ послѣ представления «Донъ-Жуана» Моцарта. Разумная дирекція, для привлечения толпы и на потѣху невѣжества, придумала въ концѣ оперы произвестіе балаганнаго эффекта, представя на сценѣ картонный адъ, съ чертями, плящущими свой национальный танецъ съ факелами, подъ фейерверочнымъ дождемъ. Такое невѣжественное представление не только оскорбляетъ вкусъ, но и память Моцарта, который въ рукописи своей оперы именно сказалъ: «земля разверзается и Донъ-Жуанъ съ крикомъ проваливается». Его вели-

чественный гений изобразил адъ звуками такъ, какъ ни одна дирекція не въ состояніи его представить, не смотря на чертovskія усиія. — Этотъ ужасный примѣръ наказанія можетъ служить урокомъ для всѣхъ театровъ, которые, въ наше время, прибѣгаютъ еще къ подобнымъ антиэстетическимъ украшеніямъ своихъ великолѣпныхъ спектаклей, къ фейерверочной бомбардировкѣ городовъ, къ бурачнымъ дождямъ и ракетнымъ молниямъ. Пора бы имъ узнать на опыте, что этимъ не придашь блеску плохой оперѣ, не возвысишь достоинства балета, не подожжешь публику, или если подожжешь, такъ развѣ такимъ образомъ, какъ въ Карлсруэ. А хорошия произведенія въ поддержкѣ фейерверка не нуждаются.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРНЫЯ.

Наши драматурги все жалуются на недостатокъ сюжетовъ для драмъ и комедій, (что, мимоходомъ намекнуть, почти все тоже, что сознаніе въ недостаткѣ изобрѣтательности,) и не воображаютъ, что у нихъ подъ руками еженедѣльно накапливается такой запасъ этихъ сюжетовъ, которымъ можно наполнить черезъ край репертуаръ любаго театра на цѣлыхъ десять лѣтъ. Въ Петербургѣ есть благодѣтель, который отпускаетъ эти сюжеты почти что за—даромъ, который продаётъ ихъ по четвертаку па цѣлую дюжицу пьесъ. Этотъ великодушный смертный — г. Плюшарь, издатель «Карманной Библіотеки», этихъ уютныхъ, хорошенъкихъ книжечекъ, въ разноцвѣтныхъ оберткахъ. Посмотрите, сколько онъ вамъ даль уже романовъ, самыхъ пестрыхъ, самыхъ завдекательныхъ и драматическихъ, романовъ А. Дюма, Евгена Сю, Марко-Сент-Илера, Жоржа-Запда, и сколько еще обѣщаетъ. Вотъ вамъ «Монте-Кристо,» «Три мушката,» «Асканію» «Паула—Монти,» «Тереза Дюнойе,» «Наполеонъ на бивуакахъ,» «Двадцать лѣтъ спустя,» Рѣшиительно, двадцать лѣтъ спустя, вы неувѣдите еще истощить всего этого запаса! Разверните любую страницу — и вотъ вамъ драма, прочтите любую книжку — и у васъ три сюжета для комедіи. И все это достается вамъ такъ, ни-по-чемъ, тогда какъ сами французы платятъ большія деньги и дѣлятся своими доходами за право воспользоваться чужими мыслями. Ужели слово *оригинальное сочиненіе*, напечатанное курсивомъ на синей афишѣ такъ лестно

для вашего 'самолюбія, что вы, единственно для него, готовы наполнять пустотою свои пьесы, въ которыхъ ничего нѣть оригинального, кромѣ появленія ихъ на сценѣ? Пріобрѣтайте библіотеку г. Плюшара; не шутя, это истинный кладъ для бенефисныхъ подрядовъ! Мы не пишемъ ни трагедій, ни комедій, ниже водевилей, но читаемъ каждую книжку «Карманной Библіотеки», отъ доски до доски, съ несказаннымъ удовольствіемъ, тѣмъ больше, что всѣ эти романы переведены хорошимъ, яснымъ и правильнымъ языкомъ. Передъ нами разыгрываются драмы и комедіи, какихъ мы давно уже не видимъ на сценѣ, драмы и комедіи, полныя ума, неожиданныхъ положеній, поразительныхъ сценъ, и всегда проникнутыя глубокимъ смысломъ. Мысль г. Плюшара «издавать современные романы» прекрасна; онъ оказываетъ этимъ истинную услугу всѣмъ любителямъ легкаго и пріятнаго чтенія, но еще больше драматургамъ. Но, увы! неблагодарность есть удѣлъ благодѣянія: производители драмъ не хотятъ этого понять. А когда раскупятъ всю «Карманную Библіотеку», которую разбираютъ съ жадностью, они спохватятся, да будетъ поздно. Тогда, господа, пѣшийте на самихъ себя.

Отъ легкаго чтенія перейдемъ къ тяжелому, дѣльному, основательному, къ «Курсу Эстетики или наукѣ изящнаго, Гегеля», переведенной Василемъ Модестовымъ. Эта книга необходима для всѣхъ, кто занимается искусствами, для литератора, драматурга, живописца, актера и проч. Въ ней изложены правила, какъ надо рассматривать и создавать творенія изящнаго; законы вкуса, идеи о высокомъ и прекрасномъ, и современный философскій взглядъ на художественное творчество. Переводъ этой книги на русскій языкъ — явленіе очень утѣшительное: оно свидѣтельствуетъ о развитіи у насъ вкуса и о потребности дѣльного руководства при воззрѣніи на художество. Две изданныя части этой книги составлены изъ курса Эстетики, читанаго Гегелемъ въ Берлинскомъ Университетѣ, и содержать въ себѣ, 1-я Общую теорію искусства, а 2-я Исторію формъ, въ которыхъ оно облекалось у разныхъ народовъ. Стало быть, она знакомить насъ съ значеніемъ искусства и съ лучшими его произведеніями во всѣ времена. Читатели найдутъ въ ней много нового, взглядъ совершенно-оригинальный, тонкія замѣчанія и справедливую оцѣнку, основанную на высшемъ соображеніи. Многихъ пугаетъ имя Гегеля; всѣ болтая темноты его философскихъ терминовъ, Въ этой книгѣ ихъ нѣть.

Она переведена довольно отчетливо и слогъ достаточно ясенъ. Можно отрекомендовать ее во всеобщее употреблениe. (•)

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Журналъ «La Presse» объявляетъ, что нѣкто Латушъ изобрѣль средство давать воздушному шару опредѣленное направлениe посредствомъ Архимедова винта. Въ Парижѣ были дѣланы опыты, которые вполнѣ удались — и доказываются, что теченіе воздуха дѣйствительно можетъ представить точку опоры. Какъ увѣряютъ, по способу Латуша можно, при спокойномъ или не слишкомъ взволнованномъ воздухѣ, двигать шаръ впередъ и давать ему всякое направлениe.

Докторъ Ванъ-Геке, въ Брюсель, изобрѣль такъ же новую систему воздухоплаванія. Изобрѣтеніе его было разсмотрѣно парижскою Академіею Наукъ и признано великимъ и важнымъ открытиемъ. Аппаратъ Ванъ-Геке, своей реакциeю на атмосферу, производитъ силу воздухоплаванія. Посредствомъ этого спаряда, шаръ можно удержать на любой высотѣ, безъ потери балласта и газа. При такихъ важныхъ результатахъ, аeronавтамъ теперь представляются всѣ удобства короче познакомиться со всѣми полетами воздушного океана, изслѣдовать всѣ постоянныя и периодическія течения воздуха, опредѣлить ихъ высоту, широту, быстроту и направлениe, однимъ словомъ, собрать всѣ материалы къ начертанію воздушныхъ картъ, на подобіе земныхъ и морскихъ. Механизмъ Ванъ-Геке простъ, немногосложенъ, не подвергается порчѣ, и неизмѣненъ.

Съ усовершенствованіемъ этого изобрѣтенія, путешествія по воздуху сдѣлаются вещью самою обыкновенною. Такой способъ переноситься съ одного мѣста на другое тѣмъ пріятнѣе, что тутъ не надо будетъ платить на каждомъ шагу шоссейныхъ сборовъ и, въ тоже время, ломать колеса надъ укатываніемъ ще-

(*) Продается у книгопродавца Василья Полякова, въ Гостиномъ Дворѣ, по суконной линїи, подъ № 17. Цѣна 3 руб. сер. съ пересыпкою 3 р. 50 к. с.

бенки, что составляетъ нынѣ одно изъ главныхъ удовольствій путешествія.

Но, что – то скажутъ объ этомъ таможни?

Въ Миссисипи существуетъ довольно замысловатый законъ *на-счетъ поединковъ*. «Кто убьетъ противника своего на дуэли, обязанъ платить всѣ его долги.» Въ Европѣ такое узаконеніе было бы самымъ действительнымъ средствомъ для возбраненія поединковъ, потому что у европейскихъ дуэлистовъ всегда бываетъ гораздо больше долговъ, чѣмъ храбрости и чести.

Въ теченіе прошедшаго ноября мѣсяца, въ Лондонѣ 900 человѣкъ утопились въ Темзѣ и 300 извели себя угаромъ отъ каменного угля. Одинъ изъ послѣднихъ оставилъ въ комнатѣ своей слѣдующую записку: «Безпрерывный туманъ, въ продолженіе послѣднихъ пяти дней, до того мнѣ надоѣль, что я, для разнообразія, прибѣгнуль къ угодному чаду.» — Пріятное развлеченіе!

Вотъ довольно странный, но любопытный исторический фактъ.

Всѣ англійскіе монархи, за исключеніемъ одного Вильгельма IV царствовавшіе въ продолженіе XVIII – го и въ началѣ XIX – го столѣтія, умерли въ субботу. Вильгельмъ II скончался въ субботу, 18-го марта, 1702-го года; королева Анна, въ субботу, 1-го августа, 1704 г., Генрихъ I, въ субботу, 10-го июня, 1727 г.; Георгъ II, въ субботу, 25-го октября, 1760 г.; Георгъ III, въ субботу, 30-го января, 1820; г; и Георгъ IV, въ субботу же, 26-го июня, 1830 года.

Знаменитый ваятель *Марокетти* окончилъ калосальную конную статую Наполеона, которую назначено воздвигнуть на площади, передъ Инвалиднымъ Домомъ, въ Парижѣ. Говорятъ, что это одно

изъ лучшихъ произведений великаго художника и останется въковымъ памятникомъ его артистической славы. На дялхъ ее будуть отливать изъ бронзы.

Изобрѣтатель огнестрѣльной ваты, профессоръ Шёнбейнъ, создавъ новый способъ истребленія рода людскаго, поспѣшилъ очистить свою совѣсть новымъ изобрѣтеніемъ на пользу страждущаго человѣчества. Онъ выдумалъ средство немедленно закрывать каждую рану, безъ вредныхъ послѣдствій для больнаго. Это изобрѣтеніе, вмѣстѣ со выхашеніемъ сѣрнаго эѳира, составитъ два спосѣба, которые избавлять родъ человѣческій отъ многихъ страданій. Больнаго, которому надо сдѣлать операцию, приведутъ въ безчувствіе сѣрнымъ эѳиромъ, вырѣжутъ болѣвую часть или отнимутъ членъ, и тутъ — же залечать рану, по способу Шёнбейна, прежде, чѣмъ онъ очнется, такъ, что больной при пробужденіи не найдетъ и слѣда перенесенныхъ имъ страданій. Изобрѣтательный профессоръ не обнародовалъ еще своего средства, но дѣлалъ нѣсколько опытовъ надъ больными, которые все удались и привели врачей въ совершенное изумленіе.

Новый *Исторический театръ* Александра Дюма обѣщаетъ французской публикѣ большія наслажденія. Онъ принялъ направление классическое, которое должно вскорѣ поставить его выше всѣхъ парижскихъ театровъ. На репертуарѣ его сцены объявлены слѣдующія пьесы: «Гамлетъ» Шекспира, въ подстрочномъ переводе А. Дюма; «Донъ-Карлосъ» Шиллера; «Струэнзе»-Михаила Бера, съ музыкою Майера — Бера; «Афинскія развалины», драма Коцебу съ музыкою Бетховена; «Сонъ въ Иванову ночь» Шекспира и «Гююолья» съ музыкою Мендельсона — Бартольди; Веберова «Прециоза.» Такія творенія поддержать хоть какой театръ и поставить его на высоту образованій, лучшей публики, которая одна въ состояніи развить великия дарования въ артистахъ и привлечь постоянное вниманіе толпы. Вотъ что называется директоръ съ головой и съ попятіемъ о дѣлѣ!

Въ Лондонѣ, въ нынѣшній драматическій сезонѣ, который уже начался, готовятся чудеса! Директоръ *Первой италіанской оперы*, (потому-что въ Лондонѣ ихъ двѣ) *Her Majesty's Theatre*, называемой англичанами «первымъ театромъ въ Европѣ», объявилъ официально, что дирекцію надъ музыкальною частію принялъ на себя Майеръ - Беръ и Мендельсонъ - Бартольди; что послѣдній написалъ для этого театра новую оперу либретто, для которой составлено Скрибомъ изъ Шекспировой «Бури.» Роль *Миранды* назначена Женни Липпъ; *Фернанда* — тенору Гордони; *Калибана* Штаудиглю, а *Просперо* — Лаблашу. Верди такъ же оканчивается для этого театра оперу, сдѣланную изъ Шиллеровыхъ «Разбойниковъ». Кромѣ этихъ двухъ оперъ, будетъ представлена большой юроническій балетъ, сочиненія известнаго пѣмецкаго поэта и сатирика, Гейнриха Гейне, который почерпнулъ сюжетъ для этого созданія изъ одной изъ древнѣйшихъ народныхъ легендъ Германіи. Въ балетѣ примутъ участіе всѣ знаменитѣйшія танцовщицы цѣлой Европы. Чтобы видѣть всѣ эти чудеса, стоитъ парочно сѣзидѣть въ Лондонѣ.

Композиторъ Верди — находится нынѣ во Флоренціи, где ставить на сцену новую оперу «*Макбетъ*», написанную имъ для пѣвца Варези, который вмѣстѣ съ тѣмъ и отличный трагический актеръ. Отъ этой оперы ожидаютъ очень многаго.

Парижъ занятъ теперь тремя вещами: процессомъ Александра Дюма съ тремя большими журналами, за недоставленіе имъ въ срокъ романовъ, на поставку которыхъ въ фельетоны онъ подрадился контрактомъ; — скандаленою статьей, помѣщенною въ журналѣ *Corsaire-Satan*, о женѣ Жюля — Жапена; и смертью знаменитой актрисы Марсъ.

Дюма не имѣть адвоката, онъ защищается самъ, и гдѣ не можетъ убѣдить судей своею справедливостію, увлекаетъ ихъ занимательными рассказами о своемъ путешествіи въ Алжиръ, которая импровизируетъ съ необыкновеннымъ мастерствомъ. Несмотря на то, противники, похваливая его талантъ, не отступаютъ отъ

требованія неустойки, и знаменитому драматургу - романисту, кажется, придется поплатиться.

Жюль - Жаненъ, замысловатый и ъдкій критикъ Журнала Преній, поразилъ не одно мелкое самолюбіе своимъ логическимъ и насмѣшилымъ приговоромъ. Бездарные сочинители водевилей, надъ головами которыхъ онъ переломилъ жезль славы, въ безсильномъ бѣшенствѣ не знали, какъ отмстить ему. Они посыпали къ нему ругательныя письма,—онъ падъ ними смѣялся, показывалъ ихъ пріятелямъ, и, паконецъ, наскучивъ этой забавою, совсѣмъ не сталъ принимать писемъ съ городской почты. Это средство не удавалось: не обижаться же умному и благородному человѣку — ругательствами невѣждъ и глупцовъ, высказанными въ опьяненіи бѣшенства, въ затмѣніи разсудка! Послѣ этого, ему пришло было почитать себя оскорблѣннымъ при встрѣчѣ съ каждымъ пьяницею, съ каждымъ сумасшедшими, съ каждой рыночной торговкой. Осмѣяніи витязи придумали другое средство, болѣе вѣрное — клевету. Извѣстно, что супруга Жюля Жанена, одна изъ самыхъ милыхъ, любезныхъ и вѣтѣ съ тѣмъ, добродѣтельнѣйшихъ женщинъ въ Парижѣ. Чтобы поразить ея мужа, они напечатали о ней самую позорную исторію и впутали тутъ лучшаго, задушевнаго друга Жанена. Молодая женщина приходитъ въ отчаяніе, мужъ бѣсится, другъ его въ самомъ неловкомъ положеніи. Жаненъ и другъ его посыпаютъ вызовы главными редакторамъ журналовъ, въ которыхъ статья была помѣщена. Но все кончается процесомъ. Развязка еще неизвѣстна.

Отецъ актрисы Рашиль, скупой и жадный жидъ, Феликсъ, видя, какую выгодную спекуляцію сдѣлала дочь его, поступивъ на сцену, рѣшился всѣхъ дѣтей своихъ пустить по театральному по-причу, не разбирая, есть ли у нихъ средства и дарованія или нетъ. Вторая дочь его, Ревекка Феликсъ, уже нѣсколько лѣтъ ангажирована въ театръ *Gaité*, но она оказалась неспособною для драмы. Ее употребляютъ только для ролей, въ которыхъ есть пѣніе. Голосъ у нея (контральто) замѣчательный; она поетъ съ большимъ чувствомъ и выражениемъ, но за то въ ней рѣшительно нѣть никакихъ сценическихъ способностей. Теперь, златолобисый папенька хочетъ размѣнить на франки и третью дочь свою, Ліо, которая,

въ непродолжительномъ времени, должна дебютировать на сценѣ Французскаго Театра. Она такъ же посвящаетъ себя трагедіи. Говорить, что она очень хороша собою и потому ей напередъ уже назначаются мѣсто, которое занимала на этой сценѣ г-жа Плесси. Если же талантъ будетъ въ ней соотвѣтствовать наружности, то она, чтобы не вредить старшѣй сестрѣ, памѣрена избрать себѣ исключительно роли въ новѣйшей, романтической драмѣ, а классическую трагедію вполнѣ предоставить Рашили.

Новая опера, сочиненія Луиджи Риччи, молодаго композитора, который уже прославился своими «Кларой Розенбергѣ» (Chiara di Rosemberg,) и «Похождѣніи Скарамуша» (Avventura di Scaramuccia,) недавно съ огромнымъ успѣхомъ была представлена на театрѣ Пергола, во Флоренціи. Опера эта называется, «Престонскій пивоваръ» (Il Birraio di Preston) и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяетъ вкусу самыхъ взыскательныхъ итальянскихъ музыкальныхъ критиковъ. Они хоромъ объявили, что это отличное твореніе непремѣнно, въ самомъ скоромъ времени, займетъ оперные репертуары всѣхъ европейскихъ театровъ. Давай Богъ! за отсутствиемъ Донизетти, пора кого-нибудь на смѣну — шумливому Верди.

Ковентгарденскій театръ, въ Лондонѣ, который недавно пострадалъ отъ пожара, отстронвается съ баснословной быстротою. Пока на улицѣ занимаются вѣнчию его отдѣлкою, впутри стучать уже молотки и ходятъ кисти, трудящіяся надъ украшениемъ залы. Она будетъ великолѣпна. Театръ этотъ исключительно назначается для итальянской оперы и балета. —

ЗАКУЛИСНЫЯ ТАЙНЫ.

Однѣ изъ нашихъ десять разъ поднимавшихъ и падавшихъ журналовъ, вздумалъ, наконѣцъ, хоть разъ выйти въ свѣтъ цѣлкомъ и замѣнить злопамятнымъ подписчикамъ тѣ пумера прошлыхъ годовъ, которые они получили — только въ программѣ журнала. Издатель антрпенеръ, который покусился на этотъ под-

вигъ, въ надеждѣ будущихъ благъ, упросилъ одного изъ дѣятельныхъ и почетныхъ литераторовъ принять участіе въ журналѣ, какъ главный сотрудникъ. Согласись въ цѣлѣ. При выходѣ первой книжки, не было совсѣмъ подписчиковъ, но сотруднику аккуратно выдали условленную сумму. Вышла вторая книжка, подписчиковъ было четверо. «Видите,—сказали сотруднику, подписчиковъ еще пѣть: надо удовольствоваться половиною суммы.» Литераторъ, человѣкъ добросовѣстный и безкорыстный, согласился. Выходитъ, наконецъ, и третья книжка, но подписчиковъ не прибавилось. Литератору вовсе отказываютъ въ уплатѣ, но приглашаютъ продолжать трудиться. «Но, помилуйте, отвѣчаетъ онъ, если такъ пойдетъ, то что же будетъ послѣ четвертой книжки? «—Послѣ четвертой, отвѣчаетъ антрепренеръ,— послѣ четвертой вы памъ приплатите — и дѣло будетъ кончено.

Въ одномъ изъ нашихъ сѣверныхъ губернскихъ городовъ заѣяли составить общественную библіотеку. Для этой цѣли стали собирать подписку и каждый житель давалъ, что могъ, кто половину, кто рубль, кто два рубли. Накопилось уже 15 рублей серебромъ, когда подписной листъ принесли къ богатому купцу Плюснину, чтобы и онъ, какъ другъ просвѣщенія, далъ свою лепту.

«Да что евто за подписка!» — сказалъ онъ, взглянувъ на листъ, «ну много-ли книгъ-отъ вы накупите на 15 рублей? — Ей, Ваня, напиши-касъ, что даю десять тысячъ цѣлковиковъ на библіотеку!» Ваня тотчасъ же исполнилъ приказаніе и подалъ свой листъ собираителю подписки. На немъ было написано:

«Первой гильдіи купецъ, Иванъ Ефремовъ сынъ Плюснинъ, любитель словесности, жертвуетъ на основаніе библіотеки 10,000 рублей серебромъ, въ чемъ, за неумѣніемъ его грамоты, и подписуется старшій прикащикъ — Иванъ Трофимовъ.»

У одного мецената литературы два молодые драматурга разговаривались о Гёте. Вспоминая красоты изъ «Фауста» и «Эг蒙та», они приходили въ восторгъ.

— Какъ вамъ не стыдно, — сказалъ меценатъ, — оба вы люди умные, а восхищаетесь такою дрянью!

— Какъ, вскричали молодые литераторы, «Фаустъ» и «Эгмонтъ» дрянь! Ваше Превосходительство вѣрно не читали сочиненій Гёте?

— Нечиталь, отвѣчалъ самодовольно меценатъ, да и читать не буду, именно потому, что это дрянь!

— Ради Бога, не посыпайте за докторомъ III. говорилъ отставной капитанъ одной дамы, у которой занемогла дочь, — «онъ разъ лечилъ поручика въ нашемъ полку и до того пичкалъ его мицстурами и пильолями, что бѣднякъ былъ отъ нихъ болѣнъ еще двѣ недѣли, послѣ того, какъ выздоровѣлъ.»

— Вотъ идетъ живое опредѣленіе *разбойника*! — сказалъ молодой человѣкъ своему товарищу, указывая на двухъ господъ, которые шли по бульвару и очень дружески разговаривали.

— Почему такъ? — спросилъ его товарищъ.

— Потому, что одинъ стряпчай, а другой докторъ; кошелекъ или жизнъ!

Богатый, но беспечный баринъ, держалъ огромную дворню, которая его преисправно обворовывала. Въ новый годъ, всѣ его люди пришли его поздравить, въ надеждѣ на подарокъ.

— Спасибо, друзья мои, спасибо! — сказалъ имъ помѣщикъ; — дарю вамъ все, что вы у меня украли въ прошломъ году!

По вшествіи союзныхъ войскъ въ Парижъ, въ числѣ молодыхъ прусскихъ офицеровъ былъ и сынъ знаменитаго фельдмаршала Блюхера. Разъ онъ зашелъ въ игорный домъ, чтобы попробывать счастія въ публичномъ банкѣ. Въ самое короткое время передъ нимъ накопилась кучка золота. Банкиръ спросилъ его, угодно ли ему еще разъ рискнуть всѣмъ кущемъ или ретироваться? Молодой Блюхеръ задумался и хотѣль было уже забрать свой выигрышъ въ карманъ, какъ вдругъ мощный кулакъ ударилъ по столу и громовой голосъ произнесъ: «Блюхеры не ретируются, черть возьми! идетъ!» — Это былъ старикъ Блюхеръ, который слѣдилъ за сыномъ и остановилъ его въ минуту трусости. Счастье

повезло и ставка снова выиграла. «Вотъ какъ выигрываются сраженіи, учись и помни!» сказавъ старикъ и торжественно вышелъ изъ залы.

Герцогъ Косьма Медичи занимался живописью и скульптурою. Онъ изваялъ статую Нептуна и приказалъ ее поставить надъ фонтаномъ, на главной площади во Флоренціи. Развъ онъ спросилъ у Микель-Анжело, что онъ думаетъ объ этой статуѣ, «Каждый разъ, какъ я взгляну на этого Нептуна, — отвѣчалъ великий художникъ, — я молю Господа, чтобы онъ простилъ вашу свѣтлость за то, что вы такой прекрасный кусокъ мрамора—испортили.»

Пушкинъ сидѣлъ разъ въ русскомъ театрѣ, когда, по окончаніи пустаго водевиля, молодежъ съ неистовыимъ крикомъ и хлопаньемъ, стала вызывать молоденькую актрису МР., которая отличалась только смазливымъ лицомъ, но рѣшительно не имѣла таланта. Это оскорбляло эстетическое чувство поэта и онъ началъ шикать. Молодой франтъ, сидѣвшій передъ нимъ, обратился къ нему съ наглостію и сказалъ: «Замолчите, сударь, вы глупецъ! — Что я не глупецъ, — отвѣчалъ Пушкинъ хладнокровно, — знаетъ вся Россія, потому что я — Пушкинъ; а пощечины я вамъ не даю потому, чтобы не подумали, что и я аплодирую М. Р.»

Одинъ ех-академикъ, весьма жалкій кропатель книгъ, гулялъ разъ по набережной. За нимъ шелъ одинъ изъ извѣстныхъ литераторовъ и видя, что у него изъ кармана торчитъ огромная рукопись, тихонько ее вынулъ и подалъ ему: «Видите-ли, любезный другъ, — сказалъ онъ ему — еслибы васъ не знали такъ хорошо, васъ могли бы, пожалуй, обокрасть.»

Знаменитый, по исписавшійся драматическій поэтъ недавно издалъ новую историческую драму, которая очень плоха. Встрѣтясь съ пріятелемъ, который пишетъ театральныя критики, онъ его спросилъ: «Ну, что вы думаете о послѣднемъ моемъ произв...
Отд. III. Т. I.

веденіи? — Я думаю, — отвѣчалъ критикъ, — что это послѣднее ваше произведеніе!

Одинъ хвастунъ говорилъ въ обществѣ, что доходы его всегда позволяютъ ему имѣть тысячу рублей для одолженія пріятелей. На другой день явился къ нему пріятель и просилъ одолжить дни на два пятьсотъ рублей.

— Миѣ чрезвычайно жаль, сказаъ хвастунъ, что я не могу служить вамъ этой суммою.

— Но, вѣдь вы сами говорили, что у васъ всегда есть тысяча рублей для пріятелей.

— Совершенная правда! Но видите-ли, если я вамъ теперь дамъ 500 рублей, то у меня останется только пятьсотъ и тогда выйдетъ, что я солгалъ.

Одинъ изъ нашихъ комиковъ, большой охотникъ покушать, былъ разъ приглашенъ къ обѣду. За столомъ хозяйка дома съ ужасомъ замѣтила, что гостей ровно тринацать. «Успокойтесь, сказаъ ей комикъ, — это ничего не значитъ: я ємъ за двоихъ.»

Недавно Левг, со вставленной въ глазъ лорнеткой, сказаъ молодому литератору: «я не понимаю Пантеона!»

— А вы его читаете?

«Нѣтъ!»

— Такъ удивительно, что вы его не понимаете: обыкновенно это съ вами только тогда случается, когда вы читаете книги.

Одинъ изъ претендентовъ на кресло Французской Академіи, надѣялся на поддержку Вильменя, который имѣлъ вѣсъ, какъ министеряльный депутатъ. Но выбрали другаго. Послѣ засѣданія, несчастный кандидатъ подошелъ къ Вильменю съ упрекомъ: «Вы миѣ измѣнили!» — Какимъ образомъ? — отвѣчалъ Вильменъ; — развѣ я какъ-нибудь высказалъ, что думаю о вашихъ сочиненіяхъ?

ПРОГРАММА.

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Пьесы, *игранныя на сценъ*, трагедіи, драмы, комедіи, водевили.
2. Пьесы драматическія, не игранныя, но почему-либо особенно замѣчательныя.

II. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА.

1. Біографіи артистовъ, драматическихъ писателей, композиторовъ, музыкантовъ, великихъ художниковъ и вообще людей, замѣчательныхъ въ области искусства, или имѣющихъ отношеніе къ театру.
2. Записки и мемуары, касающіеся до театра.
3. Драматическая бібліографія.

III. ПОВѢСТИ и РОМАНЫ, русскіе и переводные.

IV. ЮМОРИСТИКА, могущая служить материаломъ для драматическихъ теорій.

V. СМѢСЬ:

1. Анекдоты и мелочи.
2. Театральные слухи и извѣстія.
3. Волевильные куплеты.

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. С. Петербургскіе театры; *русскій, оперный, французский, пьемецкий*.
2. Московскіе театры.
3. Провинціальныя театры.
4. Концерты и свѣдѣнія обо всемъ замѣчательномъ въ области искусствъ.

VII. ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. Музыка водевильныхъ куплетовъ.
2. Портреты артистовъ.

«Репертуаръ и Пантонъ театровъ» выходитъ *аккуратно*

15-го числа каждого мѣсяца.

Цѣна за годовое изданіе «Репертуара и Пантеона», съ приложеніями, состоящее изъ 12 книжекъ,—10 руб. сер.

Съ пересылкою въ города или на дому, 11 руб. 50 коп. сер.

—

Подписка принимается:

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина, на Невскомъ Пролектѣ, противъ Аничкова дворца, въ домѣ Завѣтного.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина, на Тверской, въ домѣ Мятлева.

Въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С.-Петербургскаго и Московскаго Почтамта.

Просятъ покорно всѣхъ, имѣющихъ дѣло до «Репертуара и Пантеона» обращаться къ Редактору, Федору Алексѣевичу Кони, въ Вознесенскомъ переулкѣ, въ домѣ Штакельберга.